

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (157) • 2024

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

Адрес редакции и издателя:

410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Тел.: (8452) 29-90-87

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.

Подписной индекс 46490.

**Размещение в каталоге периодических изданий «Газеты и журналы»,
в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» —
на сайте www.ural-press.ru**

Цена свободная.

**Электронная версия размещена на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
по адресу: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор *В. В. Нырков*
Редактор, корректор *О. В. Мерзлякова*
Верстка *Е. С. Сидоровой*

Подписано в печать 25.04.2024. Дата выхода в свет 16.08.2024. Формат 70 × 108 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 27,2. Уч.-изд. л. 23,25. Тираж 950 экз. Заказ № 311.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, им. Чернышевского Н. Г. ул., зд. 104, стр. 3.

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- В. В. Нырков** кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- С. Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- С. Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М. Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)
- В. М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С. А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И. В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- А. Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д. С. Боклан** доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
- Н. Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Д. Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- А. Н. Варьгин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Н. Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А. Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Н. И. Грачев** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
- А. А. Гришковец** доктор юридических наук, профессор
(Институт государства и права Российской академии наук)
- Р. Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Т. В. Заметина** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова)
- О. В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А. М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н. Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А. И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)
Н. Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Г. Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Н. С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А. В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П. Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина)
Н. А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт – филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России))
Е. В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б. Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М. Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О. С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О. М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
А. Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю. В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В. С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З. И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С. Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л. Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И. В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
Б. С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (157) • 2024

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

The address of the editorial office and publisher
is 410056, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.
The subscription index is 46490.
Placement in the Catalog of periodicals "Newspapers and Magazines",
in the electronic subscription catalog of GC "Ural-Press" —
on the website www.ural-press.ru

The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor *V. V. Nyrkov*
Editor, proofreader *O. V. Merzlyakova*
Layout by *E. S. Sidorova*

Signed in print 25.04.2024. Date of publication 16.08.2024. Format 70 × 108 $\frac{1}{16}$.
Pr. sheet. 27,2. Ed. print. 23,25. The circulation is 950 copies. Order № 311.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy.
410056, Saratov, N. G. Chernyshevsky str., bldg. 104, constr. 3.

© Saratov State Law Academy, 2024

EDITORIAL BOARD

V. V. Nyrkov	Candidate of Law, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S. B. Anikin	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
A. P. Anisimov	Doctor of Law, Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
S. F. Afanasiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. T. Ashirbekova	Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (The Presidential Academy, RANEPА)
V. M. Baranov	Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S. A. Belousov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Bit-Shabo	Doctor of Law, Associate Professor (Russian State University of Justice)
A. L. Blagodir	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
A. G. Blinov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
D. S. Boklan	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
N. L. Bondarenko	Doctor of Law, Professor (International Institute of Labor and Social Relations (MITSO) (Republic of Belarus))
D. K. Valeev	Doctor of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
N. D. Vershilo	Doctor of Law (Russian State University of Justice)
A. Yu. Vinokurov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N. I. Grachev	Doctor of Law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
A. A. Grishkovets	Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)
R. S. Davletgildeev	Doctor of Law, Associate Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T. V. Zametina	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Ivanchin	Doctor of Law, Associate Professor (Yaroslavl State University named after P. G. Demidov)
O. V. Isaenkova	Doctor of Law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A. M. Kaminsky	Doctor of Law, Professor (Udmurt State University)
N. N. Karpov	Doctor of Law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A. I. Klimenko	Doctor of Law, Professor (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot)
N. N. Kovaleva	Doctor of Law, Associate Professor (National Research University "Higher School of Economics")
G. N. Komkova	Doctor of Law, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
N. S. Manova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
A. V. Minbaleev	Doctor of Law, Associate Professor (South Ural State University)
P. E. Morozov	Doctor of Law, Associate Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)

N. A. Podolnyi	Doctor of Law, Associate Professor (Middle Volga Institute — branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice))
E. V. Pokachalova	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
B. T. Razgildiev	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
M. B. Razgildieva	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
O. S. Rogacheva	Doctor of Law, Associate Professor (Voronezh State University)
O. M. Rodionova	Doctor of Law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A. Yu. Sokolov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. Zh. Solovykh	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu. V. Frantsiforov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
V. S. Khizhnyak	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
Z. I. Tsybulenko	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
S. E. Channov	Doctor of Law, Professor (Saratov State Law Academy)
L. G. Shapiro	Doctor of Law, Associate Professor (Saratov State Law Academy)
I. V. Shesteryakova	Doctor of Law, Associate Professor (Deputy Chief Editor) (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
B. S. Ebzeev	Doctor of Law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯКИНА

- 17 **Никитин А. А.**
Дисбаланс права и иных социальных регуляторов
в обеспечении упорядоченности общественных отношений
- 23 **Репьев А. Г.**
Дифференциация как форма специализации в праве
(в память о профессоре И. Н. Сенякине)
- 35 **Туманов С. Н.**
Доктринальное наследие профессора Ивана Николаевича Сенякина:
научная школа, взгляды, понятийные формы и их значение
для общей теории права и государства
- 42 **Лазарева О. В.**
Процедуры в договорном праве: общетеоретический аспект
- 48 **Маркунин Р. С.**
Процедура реализации мер юридической ответственности органов
публичной власти как элемент единой системы ответственности
властных субъектов
- 55 **Осипов Р. А.**
Унификация и специализация российского законодательства: к 75-летию
И. Н. Сенякина
- 61 **Пискунова О. В.**
Регулятивная функция как системообразующая функция правовых норм
- 67 **Клевцова Е. М.**
Влияние дисбаланса в законодательстве на правосознание граждан

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 73 **Васильев А. А., Соловьев В. Ю., протоиерей Кирилл Петрович**
Советская власть и обновленческий раскол в Русской православной церкви:
на архивных материалах Саратовской губернии (часть I)
- 82 **Хижняк В. С., Лядащева-Ильичева М. Н.**
Исторический опыт правового регулирования многоконфессиональных
отношений в XVIII – начале XX века и проблема сохранения и защиты
традиционных ценностей в России на современном этапе
- 94 **Кулапов В. Л.**
Государственно-правовые функции
- 110 **Паршина Н. В.**
Юридическое оформление коммерческой юстиции в Российской империи
в XIX веке: по материалам Торгового словесного суда
Кубанского казачьего войска
- 118 **Тюменева Н. В.**
Правовое воспитание и его роль в механизме правового регулирования

- 127 Терехина Е. А.**
Объекты судебного толкования: теоретические аспекты
- 134 Ярмак М. К.**
История формирования концепта правового государства

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 144 Барахоева А. Р.**
Проблемы правового регулирования административного ареста и практики его применения
- 151 Гусев В. С.**
Единство подходов к языку как принцип обеспечения права на обращение
- 162 Шетогубов П. А.**
К вопросу о понятии экстремистской деятельности

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 168 Шелухин Н. Л., Хараберюш И. Ф.**
Особенности приобретения и прекращения права собственности в ДНР: проблемы правового регулирования
- 176 Андреева М. А.**
Практические аспекты исполнения требований законодательства в отношении жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

- 184 Плотников Д. А.**
Место принципов в системе критериев системообразования гражданского процессуального права
- 192 Ширкова И. В.**
Обеспечение гражданско-правовой защиты патентных прав
- 198 Пастухова С. С.**
Альтернативные способы урегулирования споров между несовершеннолетним истцом и его законными представителями

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 204 Францифоров Ю. В., Царев Ю. Н.**
Задержание лица в качестве подозреваемого: противоречия законодательной регламентации и практики осуществления
- 212 Ежова Е. В., Зимасова А. А.**
Некоторые вопросы возбуждения уголовного дела в отношении судьи
- 219 Завгороднева Е. В.**
Исторические аспекты развития уголовно-процессуального законодательства, регулирующего институт неприкосновенности отдельных категорий лиц

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 227 Савина А. В.**
К вопросу разграничения предметов ведения и полномочий в сфере публичной финансовой деятельности

234 Николаев А. В.
Совместимость principal purpose test пункта 1 статьи 7 многосторонней Конвенции и налоговых соглашений с Конституцией Российской Федерации

241 Козлов И. В.
Правовой статус Банка России: вопросы правовой теории, законодательного регулирования и судебной практики

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

247 Кравцова Е. А.
Основы возмещения правомерного вреда, причиненного окружающей среде хозяйственной деятельностью предприятий

254 Еремина М. А., Сусликов С. А.
Парламентский контроль в практике стран Содружества Независимых Государств в свете современных конституционных реформ: опыт Кыргызской Республики и Республики Таджикистан

261 Иванов А. Г.
Субъективная ошибка в уголовном праве: законодательный опыт стран Азии и России

271 Копьева И. А.
Вопросы квалификации использования несовершеннолетнего в качестве «орудия» изготовления порнографического материала посредством информационно-телекоммуникационных сетей

278 Шувалова И. А.
Особенности рассмотрения и разрешения судами индивидуальных трудовых споров об отказе в приеме на работу, заключении трудового договора

285 Киселев А. А.
Индекс сезонности при криминологической характеристике региона в условиях цифровизации

295 Соболев Ю. М.
Природа принципа самоопределения народов в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: политическая концепция или правовой принцип?

РЕЦЕНЗИИ

303 Якушев П. А.
Рецензия на учебник Понкина И. В., Лаптевой А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб.: в 2 т. Москва: Буки Веди, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ

309 В диссертационных советах

CONTENT

TO THE SEVENTY-FIFTH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IVAN NIKOLAEVICH SENYAKIN

- 17 **Nikitin A. A.**
The Imbalance of Law and Other Social Regulators in Ensuring the Order of Public Relations
- 23 **Repyev A. G.**
Differentiation as a Form of Specialization in Law (in memory of Professor I. N. Senyakin)
- 35 **Tumanov S. N.**
The Doctrinal Heritage of Professor Ivan Nikolayevich Senyakin: Scientific School, Views, Conceptual Forms and Their Significance for the General Theory of Law and State
- 42 **Lazareva O. V.**
Procedures in Contract Law: a General Theoretical Aspect
- 48 **Markunin R. S.**
The Procedure for Implementing Measures of Legal Responsibility of Public Authorities as an Element of a Unified System of Responsibility of Government Entities
- 55 **Osipov R. A.**
Unification and Specialization of Russian Legislation: To the 75th anniversary of I.N.Senyakin
- 61 **Piskunova O. V.**
The Regulatory Function as a System-Forming Function of Legal Norm
- 67 **Klevtsova E. M.**
The Impact of Imbalance in Legislation on the Legal Consciousness of Citizens

THEORY OF STATE AND LAW

- 74 **Vasiliev A. A., Solovyov V.Yu., Priest Kirill Petrovich**
The Soviet Government and the Renovationist Schism in the Russian Orthodox Church: based on the archival Materials of the Saratov province (Part I)
- 83 **Khizhnyak V. S., Lyadashcheva-Ilyicheva M. N.**
Historical Experience of Legal Regulation of Multi-Confessional Relations in the 18th – Early 20th Centuries and the Problem of Preservation and Protection of Traditional Values in Russia at the Present Stage
- 94 **Kulapov V. L.**
State-Legal Functions
- 110 **Parshina N. V.**
Legal Registration of Commercial Justice in the Russian Empire in the XIX Century: based on the materials of the Commercial Verbal Court of the Kuban Cossack Army
- 118 **Tyumeneva N. V.**
Legal Education and Its Role in the Mechanism of Legal Regulation
- 127 **Terekhina E. A.**
Objects of Judicial Interpretation: Theoretical Aspects
- 134 **Yarmak M. K.**
The History of the Formation of the State of Law Concept
- 12

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 145 Barakhoeva A. R.**
Problems of Legal Regulation of Administrative Arrest and the Practice of Its Application
- 151 Gusev V. S.**
Unity of Approaches to Language as a Principle of Ensuring the Right to Recourse
- 162 Shetogubov P. A.**
On the Issue of the Concept of Extremist Activity

CIVIL LAW

- 168 Shelukhin N. L., Kharaberiush I. F.**
Features of Acquisition and Termination of Ownership in the DPR: Problems of Legal Regulation
- 176 Andreeva M. A.**
Practical aspects of compliance with legal requirements in relation to residential premises acquired using maternity (family) capital

CIVIL PROCEDURE

- 184 Plotnikov D. A.**
The Place of Principles in the System of Criteria for the Formation of Civil Procedure Law
- 192 Shirkova I. V.**
Ensuring Civil Legal Protection Patent Rights
- 198 Pastukhova S. S.**
Alternative Methods of Resolving Disputes Between a Minor Plaintiff and His Legal Representatives

CRIMINAL PROCEEDURE

- 205 Franciforov Yu. V., Tsarev Yu. N.**
Detention of a Person as a Suspect: Contradictions in Legislative Regulation and Implementation Practice
- 212 Yezhova E. V., Zimasova A. A.**
Certain Issues of Initiating Criminal Proceedings Against a Judge
- 219 Zavgorodneva E. V.**
Historical Aspects of the Development of Criminal Procedural Legislation Regulating the Inviolability of Certain Categories of Persons

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 228 Savina A. V.**
On the Issue of Delineation of Subjects of Competence and Powers in the Sphere of Public Financial Activity
- 234 Nikolaev A. V.**
Compatibility of the PPT from Art. 7(1) of the Multilateral Convention and from Provisions of Tax Treaties with the Constitution of the Russian Federation
- 241 Kozlov I. V.**
Legal Status of the Bank of Russia: Issues of Legal Theory, Legislative Regulation and Judicial Practice

OTHER BRANCHES OF LAW

- 247 Kravtsova E. A.**
Fundamentals of Compensation for Lawful Damage to the Environment Caused by the Economic Activities of Enterprises
- 254 Eryomina M. A., Suslikov S. A.**
Parliamentary Control in the Practice of the Countries of the Commonwealth of Independent States in the Light of Modern Constitutional Reforms: Experience of the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan
- 261 Ivanov A. G.**
Subjective Error in Criminal Law: Legislative Experience of Asian Countries and Russia
- 271 Kopyova I. A.**
Issues of Qualifying the Use of a Minor as an 'Instrument' for the Production of Pornographic Material Through Information and Telecommunications Networks
- 278 Shuvalova I. A.**
Peculiarities of Consideration and Resolution by the Courts of Individual Labor Disputes Concerning Refusal to Hire and Conclusion of an Employment Contract
- 285 Kiselyov A. A.**
Seasonality Index in the Criminological Characterization of the Region Under Conditions of Digitalization
- 295 Sobolev Yu. M.**
The Nature of the Principle of Self-Determination of Peoples during the Formation of the Versailles-Washington System of International Relations: Political Concept or Legal Principle?

REVIEWS

- 303 Yakushev P. A.**
Review of the textbook by Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of Scientific Research and Applied Analytics: Textbook. 4th Izd., supplement and revision: in 2 vol. Moscow: Buki Vedi, 2023.

INFORMATIONS

- 309 In Dissertation Councils**

**К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯКИНА**

**СЕНЯКИН ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
(1949–2021)**

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

А. А. Никитин

ДИСБАЛАНС ПРАВА И ИНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УПОРЯДОЧЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Введение: законодательный дисбаланс — это собирательное явление правовой действительности, проявляющееся в разнообразных формах, а также имеющее множество видов и содержательных характеристик. Одним из аспектов содержания данного правового феномена является дисбаланс права и других социальных регуляторов, обеспечивающих упорядоченность общественных отношений. В настоящее время наблюдается тенденция к расширению сферы правового регулирования, вовлечению в нее новых групп общественных отношений. Решая определенные проблемы, стоящие перед обществом и государством, такая юридикация новых сфер социальной жизни содержит угрозу наступления негативных последствий. **Цель** — определить возможные негативные последствия усиления дисбаланса права и неправовых социальных регуляторов в процессе упорядочения общественных отношений. **Методологическая основа:** совокупность всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов. В работе используются диалектический, системный, функциональный подходы, а также иные методы научного познания. **Результаты:** приведена авторская позиция относительно нарушения равновесия между правом, моралью и иными социальными регуляторами, обеспечивающими упорядоченность общественных отношений, а также негативных последствий такого дисбаланса. **Выводы:** современный механизм социальной регуляции характеризуется дисбалансом между правом и неправовыми регуляторами. Избыточная юридикация социальной жизни ведет к ослаблению роли морально-нравственных установок, религиозных догм и других социальных норм. В правовой сфере увеличивается объем нормативного материала, что существенно затрудняет его реализацию.

Ключевые слова: право, мораль, законодательный дисбаланс, социальная регуляция, реализация права, юридическая ответственность.

A. A. Nikitin

THE IMBALANCE OF LAW AND OTHER SOCIAL REGULATORS IN ENSURING THE ORDER OF PUBLIC RELATIONS

Background: legislative imbalance is a collective phenomenon of legal reality, manifested in various forms, as well as having many types and meaningful characteristics. One of the aspects of the content of this legal phenomenon is the imbalance of law and other social regulators ensuring the order of public relations. Currently, there is a tendency to expand the sphere of legal regulation, to involve new groups of public relations in it. By solving certain problems facing society and the state, such a legitimization of all new spheres of social life contains the threat of negative consequences. **Objective** — to determine the possible negative consequences of increasing the imbalance of law and non-legal social regulators in the process of streamlining public relations.

© Никитин Александр Александрович, 2024

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru

© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

Methodology: a set of universal, general scientific and private scientific methods. First of all, the study uses dialectical, systemic, functional approaches, as well as other methods of scientific cognition. **Results:** the author's position is given regarding the imbalance between law, morality and other social regulators that ensure the ordering of public relations, as well as the negative consequences of such an imbalance. **Conclusions:** the modern mechanism of social regulation is characterized by an imbalance between law and non-law regulators. Excessive legitimization of social life leads to weakening the role of moral attitudes, religious dogmas and other social norms. In the legal sphere, the volume of normative material is increasing, which significantly complicates its implementation.

Keywords: law, the moral, legislative imbalance, social regulation, realization of law, legal responsibility.

Современным людям свойственно стремление к обретению равновесия в своей деятельности, жизненного баланса. Это касается самых разных аспектов человеческой жизни: служебной (трудовой) сферы, семейных, дружеских отношений и т.д. Стремление к балансу присуще как отдельным индивидам, так и различным социальным общностям, включая социум в целом. На общественном уровне речь идет уже о поиске равновесия в области экологии, экономики, финансов, культуры, политики и в других социально значимых сферах.

Однако общество, так же как и отдельные люди, постоянно испытывает воздействие множества объективных факторов, часто приводящих к утрате равновесия — дисбалансу. Фактически в развитии любой социальной сферы можно наблюдать цикличную смену состояний баланса и дисбаланса. Не является исключением и правовая сфера.

Несогласованность, неуравновешенность в правовой сфере обозначается термином «законодательный дисбаланс». Как комплексное собирательное явление правовой действительности законодательный дисбаланс изучен в юриспруденции недостаточно, хотя в настоящее время научный интерес к данной проблематике возрастает. Весомый вклад в исследование законодательного дисбаланса с позиции теории государства и права внес доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Иван Николаевич Сенякин.

Законодательный дисбаланс обладает различными формами проявления и имеет множество видов. Выделяют внутреннюю и внешнюю формы выражения законодательного дисбаланса, а с учетом существования в России федеративных начал — и вертикальную, и горизонтальную формы. С позиции видовой классификации можно говорить о существовании отраслевого и межотраслевого, федерального и регионального законодательного дисбаланса, дисбаланса законов, подзаконных актов и т.д. [1, с. 14–17]

Весьма многообразны причины законодательного дисбаланса и его содержательные характеристики. В качестве последних называют несогласованность, асимметричность, противоречивость, тавтологичность действующего законодательства, несовершенство юридической техники и др. [2, с. 274]. Представляется, что одним из аспектов законодательного дисбаланса является отсутствие равновесия между правом и другими социальными регуляторами в процессе упорядочения общественных отношений.

Взаимодействие права и других социальных регуляторов — вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение. Реализация отдельных

законодательных актов может наглядно продемонстрировать, что возлагать большие надежды исключительно на правовые нормы в определенном «регулятивном вакууме» без поддержки морально-нравственных установок, религиозных догм, а также иных социальных норм не всегда оправданно. Поэтому совершенствование и развитие законодательства, включая распространение его действия на новые сферы общественных отношений, должно осуществляться параллельно с укреплением иных социальных регуляторов, применимых в соответствующей области социальных отношений. Наиболее универсальным из таких неправовых регуляторов является мораль.

Необходимость взаимодействия права и морали в процессе упорядочения отношений в социуме обусловлена тем, что «продолжительное время правовой и моральный регуляторы существовали в неразделенном виде, поэтому “родственные связи” не могут быть разорваны» [3, с. 103]. Отсечение морали и права друг от друга, их «разведение» может привести к сбою во всем механизме социальной регуляции [4, с. 114]. Следует добавить, что не допустить нарушение баланса права и морали в обществе столь же важно, как и предупредить их «разведение».

В настоящее время сфера действия права стремительно расширяется, так как в нее вовлекаются те области общественных отношений, в которых ранее действовали мораль и другие социальные регуляторы. В теории права выделяется ряд свойств, которыми должны обладать общественные отношения для того, чтобы стать предметом правового регулирования. Наиболее важными представляются: восприимчивость определенных отношений к регулятивному воздействию правовых норм и значимость соответствующих отношений для общества и государства, а также необходимость контроля с их стороны в данной сфере.

Нормы права обладают наивысшим уровнем государственного обеспечения по сравнению со всеми другими разновидностями социальных норм. Правовые нормы устанавливаются или санкционируются государством, охраняются им от нарушений, а их реализация обеспечивается возможностью применения государственного принуждения [5, с. 273]. В связи с этим закономерно, что государство использует правовые нормы для регулирования наиболее значимых для себя или общества в целом отношений. Но означает ли это, что расширение сферы правового регулирования в настоящее время связано с увеличением ценности соответствующих социальных отношений? Полагаем, что нет. В большинстве случаев значимость определенных общественных отношений сохраняется на прежнем уровне, а вовлечение их в сферу правового регулирования обусловлено двумя противоречивыми тенденциями.

Во-первых, укрепление самого института государства, увеличение числа его функций и расширение их содержания. Данную тенденцию можно считать положительной, поскольку современное государство стремится обеспечить развитие общества, социальных групп, отдельных людей в тех сферах, на которые 50–100 лет назад оно не могло обратить внимание из-за нехватки ресурсов. Поэтому в число приоритетных направлений современной государственной правовой политики включаются вопросы экологии, культуры, образования, здоровья населения, поддержки семей и другие вопросы, ранее находившиеся за ее пределами.

Во-вторых, существенное ослабление неправовых социальных регуляторов, таких как религия, мораль и других, которые обеспечивали упорядоченность общественных отношений в обозначенных сферах. Эта тенденция является негативной,

поскольку влечет нарушение порядка, хаотизацию в определенной сфере социальных отношений, что в конечном итоге привлекает внимание государства к ней. Для решения данной проблемы можно разработать систему мер, направленных на усиление соответствующего социального регулятора (морали, религии и т.п.), его роли в обеспечении упорядоченности отношений в определенной сфере. Этот процесс весьма ресурсоемок и длителен. Другой путь, кажущийся более простым и оперативным, — принятие определенного закона или иного нормативного правового акта и вовлечение соответствующих отношений в сферу правового регулирования. Однако при видимой «простоте» описанный путь несет в себе ряд скрытых угроз.

Прежде всего необходимо обратить внимание, что перевод определенных общественных отношений «под крыло» юридических норм влечет еще большее ослабление морали или иного ранее действовавшего социального регулятора. Теперь людям следует соотносить свое поведение с предписаниями правовых норм, а морально-нравственные или религиозные установки, действующие в данной сфере, забываются. Однако юридические нормы не всегда способны адекватно воспроизвести то, что заключено в морально-нравственных установках, религиозных догмах или иных социальных нормах.

Еще одной угрозой является высокая степень формализации права относительно морали и других социальных регуляторов. Реализация правовых норм носит процедурный характер, предполагающий необходимость установления некоторых процедурных положений наряду с основным правилом поведения. Может сложиться впечатление, что сформулированные и закрепленные в юридической норме запреты, обязанности, права будут соблюдены, исполнены или использованы. Между тем соблюдение, исполнение и использование — это беспрепятственные [6, с. 189] или непосредственные [7, с. 117] формы реализации права, рядом с которыми всегда находится правоприменение. В беспрепятственных (непосредственных) формах нормы права реализуются в бесконфликтных условиях, тогда как применение норм необходимо при возникновении конфликтов. В таком случае велика вероятность, что именно возникновение или усиление конфликтов в определенной сфере заставило ввести в ней правовое регулирование. Следовательно, нужно быть изначально готовым к разработке и принятию не только материальных, но и процессуальных норм, регламентирующих правоприменительную деятельность, что приведет к увеличению нормативного материала.

Угрозой еще большего увеличения нормативного материала и, как следствие, усложнения его использования выступает богатство правовой действительности различного рода юридическими конструкциями, такими как технико-юридические и теоретико-юридические конструкции нормативно-правового акта [8, с. 695–696]. В связи с этим принимаемые нормы, регулирующие вновь вовлеченные в правовую сферу общественные отношения, должны быть вписаны в существующую юридическую конструкцию либо специально для них разработанную.

Наглядным примером является дисбаланс позитивной и негативной ответственности. Концепция позитивной ответственности менее разработана в науке и ее противники полагают, что это скорее не юридическая, а общественная моральная категория, связанная с чувством долга, моральной обязанностью, правовым и общественным сознанием и т.д. [9, с. 129–130] Не вдаваясь в существо дискуссии, отметим, что позитивная ответственность тесно связана с морально-нравственными установками индивида и носит менее формализованный характер, чем нега-

тивная. В качестве примера приведем приказы руководителей государственных органов, в которых указывается, на кого возлагается контроль за их исполнением. В частности, в п. 10 приказа Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»¹ устанавливается, что контроль за исполнением данного приказа возлагается на заместителей Генерального прокурора по направлениям деятельности. Они несут позитивную ответственность за надлежащую организацию деятельности органов прокуратуры по обеспечению исполнения законодательства о несовершеннолетних и соблюдения их прав в соответствии с названным приказом. Безусловно, такая ответственность обеспечивается возможностью применения к указанным лицам санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей (носят достаточно общий характер), но в большей мере она связана с чувством служебного долга, осознанием значимости данного направления деятельности. Это положительный пример взаимодействия права и морали.

Однако в последнее время законодатель все чаще идет по пути закрепления правовых запретов или юридических обязанностей и установления негативной юридической ответственности за нарушение соответствующих норм. В этой ситуации, помимо создания запрещающих или обязывающих норм, необходима разработка конструкции конкретного состава правонарушения, а в отдельных случаях — процессуальных норм, определяющих специфику привлечения к ответственности по данному составу.

Еще одним примером является ст. 67.1 Конституции РФ и другие положения, включенные в Основной Закон в 2020 г. и посвященные защите в Российской Федерации традиционных духовно-нравственных ценностей. Необходимость их принятия обусловлена тем, что основные регуляторы данной сферы — религия и мораль перестали справляться с функциями предупреждения и устранения конфликтов, приведения общественных отношений в упорядоченное состояние. Включение соответствующих положений в Конституцию России могло бы дать толчок к разработке и реализации мер по усилению названных регуляторов, однако государство пошло по пути дальнейшей юридизации данных отношений.

Так, для обеспечения реализации данных конституционных положений Патриаршей комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства Русской православной церкви ведется работа над проектом федерального закона «О традиционных духовно-нравственных ценностях»². Представляется, что разработка указанного закона может формализовать данную сферу отношений, например излишне конкретизировав круг традиционных духовно-нравственных ценностей, подлежащих охране. Вполне обоснованными видятся и опасения, что с принятием данного закона мораль и религия еще больше ослабят свои позиции в этой сфере.

Таким образом, избыточное правовое регулирование часто влечет дисбаланс права и иных социальных регуляторов. Наиболее очевидным проявлением такого

¹ См.: Законность. 2022. № 2.

² См.: Донская духовная семинария приняла участие во Всероссийской научно-теоретической конференции «Традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта». URL: <https://rostoveparhia.ru/eparkhija-segodnja/eparkhialnye-otdely/donskaja-duhovnaja-seminarija/aktualno-donskaya-duhovnaya-seminariya-prinyala-uchastie-vo-vserossiyskoj-nauchno-teoreticheskoj-ko/> (дата обращения: 15.03.2024).

дисбаланса является увеличение объема нормативного материала, затрудняющее работу с ним, его применение и реализацию. Вследствие этого возникают и усиливаются другие проявления законодательного дисбаланса: несогласованность положений отдельных правовых норм или нормативных правовых актов, прямые противоречия правовых предписаний, дублирование и др.

При определении необходимости правового регулирования тех или иных общественных отношений следует уделять больше внимания их восприимчивости к воздействию правовых норм. Данная характеристика имеет широкую шкалу измерения, но пределы, в которых правовые нормы будут наиболее эффективны, ограничены.

Библиографический список

1. Законодательный дисбаланс / [И. Н. Сенякин, А. А. Фомин, А. А. Никитин и др.]; под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. 720 с.
2. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности (техничко-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 274–281.
3. Цыбулевская О. И. Правовое пространство в аспекте взаимодействия социальных регуляторов // Правовая культура. 2023. № 1(52). С. 102–104.
4. Цыбулевская О. И. Вектор сближения права и морали в меняющемся мире: философский и правовой аспекты // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 113–118.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2003. 512 с.
6. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 250 с.
7. Белянская О. В. Сущность и основные формы реализации права // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 3. С. 116–122.
8. Сенякин И. Н. Роль юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 693–700.
9. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 127–138.

References

1. Legislative Imbalance / [I. N. Senyakin, A. A. Fomin, A. A. Nikitin, etc.]; edited by I. N. Senyakin; Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2013. 720 p.
2. Senyakin I. N. Imbalance of Legal Responsibility (Technical and Cultural Determination and Causes) // Legal Technique. 2016. No. 10. P. 274–281.
3. Tsybulevskaya O. I. The Legal Space in the Aspect of Interaction of Social Regulators // Legal Culture. 2023. No. 1(52). P. 102–104.
4. Tsybulevskaya O. I. Vector of Convergence of Law and Morality in a Changing World: Philosophical and Legal Aspects // State-legal research. 2020. No. 3. P. 113–118.
5. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: textbook. M.: Jurist, 2003. 512 p.
6. Malko A. V. Incentives and Restrictions in Law. 2nd ed., reprint. and suppl. M.: Jurist, 2003. 250 p.
7. Belyanskaya O. V. The Essence and Main Forms of Realization of Law // Legal Policy and Legal Life. 2008. No. 3. P. 116–122.
8. Senyakin I. N. The Role of Legal Structures in Eliminating the Imbalance of Normative Legal Acts // Legal Technique. 2013. No. 7-2. P. 693–700.
9. Senyakin I. N. Imbalance of Legal Responsibility in the Legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 4. P. 127–138.

А. Г. Репьев

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ФОРМА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ В ПРАВЕ (В ПАМЯТЬ О ПРОФЕССОРЕ И. Н. СЕНЯКИНЕ)

Введение: в свете 75-й годовщины со дня рождения одного из виднейших представителей саратовской школы права профессора Ивана Николаевича Сенякина его учеником предпринята попытка современного осмысления фундаментальных работ учителя, посвященных проблемам специализации и дифференциации в праве. Исследованию подвергается влияние взглядов И. Н. Сенякина на юридическую доктрину построения системы законодательства, отвечающего потребностям упрочения основ правового государства. **Цель** — осмыслить научный вклад И. Н. Сенякина в исследование закономерностей права и государства, обоснование процессов унификации и дифференциации законодательства, аргументацию значения системного построения правовой основы государственности. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, совокупность диалектического и системного методов познания, формально-юридический подход, метод интерпретации. **Результаты:** выдвигается тезис, что И. Н. Сенякин в числе первых привлек внимание научной юридической общественности к проблематике специализации законодательства, конкуренции общих и специальных норм права, аргументировал такие взаимодополняющие друг друга формы специализации, как унификация и дифференциация. **Выводы:** констатируется необходимость активизации исследования проблем дифференциации как формы специализации законодательства в рамках проводимых государственно-правовых преобразований. С опорой на концепцию «специализация права» И. Н. Сенякина автором выдвигается идея о превалировании в настоящее время такого средства дифференциации, как приоритет.

Ключевые слова: И. Н. Сенякин, специализация в праве, дифференциация, субъективные права, юридические обязанности, приоритет, преимущество, ограничение, запрет.

A. G. Repev

DIFFERENTIATION AS A FORM OF SPECIALIZATION IN LAW (IN MEMORY OF PROFESSOR I. N. SENYAKIN)

Background: in the light of the 75th anniversary of the birth of one of the most prominent representatives of the Saratov School of Law, Professor Ivan Nikolaevich Senyakin, his student attempted a modern understanding of the fundamental works of the teacher devoted to the problems of specialization and differentiation in law. The influence of I. N. Senyakin's views on the legal doctrine of building a system of legislation that meets the needs of strengthening the foundations of the rule of law is being investigated. **Objective** — to comprehend the scientific contribution of I. N. Senyakin's contribution to the study of the laws of law and the state, the justification of the processes of unification and differentiation of legislation, the argumentation of the importance of the systematic construction of the legal basis of statehood. **Methodology:** general scientific and private

© Репьев Артем Григорьевич, 2024

Доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Академия управления МВД России); e-mail: rejev-artem@yandex.ru

© Repev Artem Grigoryevich, 2024

Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

research methods, a set of dialectical and systemic methods of cognition, a formal legal approach, a method of interpretation. **Results:** the thesis is put forward that I. N. Senyakin was among the first to draw attention of the scientific legal community to the problems of specialization of legislation, competition of general and special rules of law, argued for such mutually complementary forms of specialization as unification and differentiation. **Conclusions:** it is stated that it is necessary to intensify research on the problems of differentiation as a form of specialization of legislation within the framework of ongoing state-legal transformations. Based on the concept of "specialization of law" by I. N. Senyakin, the idea of the prevalence of such a means of differentiation as priority is put forward today.

Keywords: specialization in law, differentiation, subjective rights, legal obligations, priority, advantage, restriction, prohibition, I. N. Senyakin.

Одному из выдающихся представителей отечественной теоретико-правовой науки Ивану Николаевичу Сенякину 11 сентября 2024 г. могло бы исполниться 75 лет. Уроженец с. Михайловка Волгоградской области всю свою жизнь посвятил служению юридической науке в стенах Саратовской государственной юридической академии, пройдя путь от аспиранта до профессора, главного редактора одного из авторитетнейших и цитируемых научно-практических изданий и председателя диссертационного совета.

В числе наиболее значимых, как научных, так и организационных достижений Ивана Николаевича, по нашему мнению, должно позиционироваться основание школы «Система российского законодательства» [1]. Результатом ее успешного функционирования стала подготовка под чутким и трепетным руководством И. Н. Сенякина более 60 кандидатов юридических наук и шести докторов юридических наук при непосредственном научном консультировании: А. А. Фомин «Юридическая безопасность субъектов российского права (вопросы теории и практики)», 2008 г.; Д. Е. Петров «Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права», 2015 г.; С. А. Белоусов «Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика)», 2016 г.; С. Н. Туманов «Механизм реализации внешних функций Российского государства (вопросы теории и практики)», 2017 г.; А. Г. Репьев «Преимущества в российском праве: теория, методология, техника», 2020 г.; А. А. Никитин «Правовое усмотрение: теория, практика, техника», 2021 г. Сегодня дело Ивана Николаевича не только живет, но и крепнет во многом благодаря заложенным учителем традициям.

Преимущество школы профессора И. Н. Сенякина обусловлена как творческой атмосферой, умело создаваемой мастером при жизни, так и теми фундаментальными, новаторскими для своего времени открытиями, сделанными им в рамках собственных научных изысканий. Весьма неординарным, высоко перспективным исследованием своего времени была попытка Ивана Николаевича осмыслить постсоветские тенденции нормативного понимания права, основывающиеся на классическом учении о юридической норме, но преломляемые временем перестройки. Итогом многолетнего кропотливого труда стало формирование современной концепции построения нового российского законодательства на принципах специализации и унификации [2].

Профессор И. Н. Сенякин не только впервые обратил внимание на общесоциальные, исторические, экономические, политические и иные закономерности специализации законодательства, но и аргументировал три ее формы: диффе-

ренциацию, конкретизацию и детализацию. Если конкретизация и детализация как общеправовые феномены впоследствии получили относительно подробное развитие в трудах соратников [3–6] Ивана Николаевича и его учеников [7–10], то вопросам дифференциации и по сей день уделяется несправедливо, неоправданно мало внимания.

Казалось бы, дифференциация сегодня нередко фигурирует в наименованиях научных исследований [11], однако содержательные работы монографического уровня практически не встречаются. Одной из редких фундаментальных, комплексных общетеоретических работ, посвященных вопросам дифференциации, можно считать исследование ученика И. Н. Сенякина профессора Д. Е. Петрова [12]. Многие авторы, включая в заголовок своей публикации термин «дифференциация», далее по тексту на нем фактически не останавливаются или делают это единожды, а в лучшем случае — фрагментарными мазками [13; 14].

Между тем ответом законодательства на вызовы времени стало постулирование дифференцированности в качестве основы для многих отраслевых правоотношений. Необходимость нахождения различия в ценностях построения правового и социального государства, правовых статусах, в правах и обязанностях субъектов, в мерах государственного принуждения доказала свою состоятельность в рамках конституционного права [15], административного [16], уголовного [17], гражданского [18], налогового [19], трудового [20] и иных отраслей.

Попробуем в свете сказанного, чтя светлую память об учителе, развить идею дифференциации в праве (в рамках публикации — тезисно, а впоследствии на страницах научной монографии — более обстоятельно).

Итак, дифференциация (от франц. *differentiation*, от лат. *differentia* — разность, различие) с общенаучной точки зрения представляет собой расчленение, разделение целого на составные части (ступени) [21, с. 588; 22, с. 184]. Интересную трактовку данному феномену дает толковый словарь под редакцией В. И. Даля: «Дифференцировать значит искать разность величин» [23, с. 450].

Проецируя общенаучное понимание на юридическую плоскость, соотнося значение слова «дифференцировать» с возникновением и последующей динамикой правоотношений, можем заключить, что оно приобретает смысловое понимание в качестве деятельности по установлению различий, нахождению и последующему выделению единичного и особенного из общего. Такая интерпретация имеет место и с точки зрения философии, в рамках которой с точечным различием, но все же присутствует выделение наряду с дифференциацией еще и феномена «дифференцированность». Это явление представляет собой факт наличия в целом совокупности специализированных частей, уровней, подсистем [24].

Принимая во внимание юридическую аксиому, что содержанием отношений в праве выступают субъективные возможности (права) и юридические должностности (обязанности), логичным будет предположить, что юридическая дифференциация осуществляется преимущественно в этой плоскости. Основанием выделения конкретных элементов из общей массы и, как следствие, формированием специальных субъективных прав и юридических обязанностей является, на наш взгляд, установление приоритетов в праве.

Приоритет — это универсальный правовой феномен, позволяющий выделить главное из несущественного, обратить внимание на корень проблемы, не углубляясь в факультативные аспекты. Так, путем обособления, законодательного за-

крепления главенствующих, наиболее значимых направлений правотворчества, правореализации и правоинтерпретации формируются приоритетные права и обязанности субъектов правоотношений.

Дедуцируя сказанное, можно выделить первый (он же основной) срез дифференциации в современном праве — это выделение приоритетных прав и обязанностей.

На возможность разумной и обоснованной дифференциации субъективных прав индивидов, не образующей признаков дискриминации, неоднократно указывали Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ¹. Так, приоритет «предоставления дополнительных мер защиты работникам, имеющим более высокие результаты труда и лучшие профессиональные качества»² позволяет осуществлять объективную, разумную и справедливую дифференциацию специалистов, предусматривая для тех из них, кто имеет «более высокую производительность», приоритетное право сохранения трудоустройства при сокращении штата работников³.

Если приоритетные права — устоявшаяся доктринальная конструкция и легальная законодательная лексема (помимо показанного примера, думается, специалистам хорошо известны приоритетные права приобретения доли имущества, приоритетные права арендатора и пр.), то феномен приоритетных обязанностей лишь с недавнего времени разрабатывается ученым сообществом [25]. Вместе с тем, опираясь на нормы законодательства, ориентируясь на приоритеты государственного развития, органы правоприменения весьма плодотворно осуществляют предметную дифференциацию обязанностей субъектов общественных отношений. Так, в одном из последних решений Верховного Суда РФ орган правосудия сформировал важную правовую позицию относительно дифференциации обязанностей супругов, поскольку они до последнего позиционировались как общие, совместные.

Аргументацию выдвинутого тезиса начнем с того, что имущество супругов презюмируется как совместное в силу системного толкования ст. 33, 34 и 37 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ). Соответственно, юридические обязательства, возникшие, например, в рамках кредитного договора, при бракоразводном процессе делятся поровну. Такой позиции, как правило, придерживались суды первой инстанции. Вместе с тем Верховный Суд РФ в недавнем решении разъяснил, что относительно распределения юридических обязанностей, в том числе кредитных обязательств, по смыслу применима ст. 45 СК РФ. Данная норма ориентирует правоприменителя на дифференцированный подход, исходя из наличия либо отсутствия приоритета общих семейных целей. Иными словами, если финансовые средства были потрачены на общие нужды — применим паритет

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2020 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности частей 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой акционерного общества «РСК» // СЗ РФ. 2020. № 15, ч. 4, ст. 2434; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 8.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2545-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зияля Дениса Станиславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 179 и 195.1 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. ст. 179 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 г.) (СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2024. № 8, ст. 1039).

обязательств, в противном случае — долговое бремя должно быть строго дифференцировано¹.

Показанные примеры дифференциации в правах и обязанностях как основополагающих элементах правового положения личности подталкивают к расширению данной конструкции. Если конкретнее, полагаем, что вторым срезом дифференциации в праве будет выступать переход от приоритетных прав и обязанностей к полноценной специализации юридических статусов. Как следствие, в структуре специального правового статуса на основе дифференциации появляются такие элементы, как правовые преимущества, запреты, ограничения, а также юридическая ответственность (нередко повышенная в силу имеющихся различий в степени общественной вредности). Основанием для обособления данных элементов и позиционирования их в качестве обязательных для конструкции специального правового статуса, мы также видим наличие приоритетов в праве. Остановимся на каждом из выделенных элементов отдельно.

Приоритет поддержки малого и среднего предпринимательства, позволяющий обеспечивать конкурентоспособность уязвимых отраслей экономики, создавать условия развития региональных производств, нацеливает органы власти на установление соответствующих правовых преимуществ отдельным субъектам, например за счет дифференцированной системы налогообложения. Таковой, в частности, выступает патентная модель, позволяющая не уплачивать налог на доходы физических лиц, налог на имущество физических лиц, а также данные субъекты «не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость»².

Вместе с тем дифференциация, как известно, базируется не на одном критерии, тем более та, которая обеспечивает специализацию законодательства на основе различий в правовых статусах. Исходя из этого, отметим, что за правовыми преимуществами почти всегда следуют такие элементы правового положения, как ограничения и запреты.

Так, в отношении указанных субъектов, получающих льготы в рамках патентной системы налогообложения, региональные органы власти устанавливают ограничения. Последние, в свою очередь, также основываются на имеющихся приоритетах в области дифференциации видов предпринимательской деятельности и, если объемы и коммерческие мощности возрастают, послабления в уплате налогов нивелируются. Для этого предусмотрен такой количественный критерий дифференциации, как «общее количество объектов стационарной и нестационарной торговой сети»³.

Близко к ограничениям примыкают и запреты, которые также формируют многоуровневую систему дифференциации на основе установленного приоритета. Так, нацеленность на государственную поддержку и мотивацию малого предпринимательства побудила правотворческие органы к установлению запрета для патентной системы налогообложения в отношении тех лиц, которые

¹ См.: Верховный Суд объяснил, кто должен доказывать семейные траты при дележе долгов // Российская газета. 2024. 9 апреля.

² См. ст. 346.43 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 23 марта 2024 г.) (СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2024. № 10, ст. 1313).

³ См. подп. 2.1 п. 2 ч. 8 ст. 346.43. Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 23 марта 2024 г.) (СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2024. № 10, ст. 1313).

осуществляют розничную торговлю посредством «стационарной торговой сети с площадью торгового зала более 150 квадратных метров»¹.

Наконец, последним из обозначенных ранее элементов специального правового статуса выступает юридическая ответственность. Следует напомнить аксиому правоведения, что претерпевание неблагоприятных последствий в результате совершения правонарушения для позиционирования в качестве справедливого априори должно быть дифференцированным. Устоявшимися критериями нахождения различий в данном случае будет являться степень вины правонарушителя, общественная вредность деяния, размер причиненного ущерба и т.д.²

Однако в силу усложняющихся общественных отношений в той ситуации, когда указанных критериев может оказаться недостаточно для защиты определенных общественных и государственных ценностей, законодатель обязан, «исходя из конституционного принципа приоритета прав и свобод, их непосредственного действия <...> привести уголовно-правовые предписания в соответствие со сложившимися отношениями, в том числе посредством <...> дифференциации мер ответственности»³. В исторической ретроспективе следует признать и констатировать, что дифференциация на основе выделения каких-либо приоритетных ценностей нередко приводила к тому, что иные, где-то более объективные критерии (степень нанесенного ущерба, общественно-вредные последствия и пр.) не принимались во внимание [26]. В этом ракурсе оголяется политический контекст специализации законодательства, влияние на этот процесс государственной идеологии, а чаще всего конъюнктурных интересов.

Между тем политический контекст приоритетов дифференциации юридической ответственности вполне обоснован как с социальной точки зрения, так и юридической. Внесем некоторую ясность. Правильным ли было органам государственной власти не реагировать на осложнение ситуации с использованием средств индивидуальной мобильности (самокатов, гироскутеров и пр.)? Вряд ли, поскольку за последние годы ситуация существенно осложнилась (рост количества происшествий с участием средств индивидуальной мобильности в 2023 г. составил более 215 %) ⁴. Следствием этого стало внесение в парламент проекта поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях с введением мер наказания за управление в состоянии опьянения, оставление места происшествия, передачу права управления лицу, находящемуся в состоянии опьянения, и пр.⁵

¹ См. п. 3 ч. 6 ст. 346.43 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая).

² См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. А. Литвинова» // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 2, ст. 5252; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // СЗ РФ. 2018. № 19, ст. 2812.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 2023 г. № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 222.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вичугского городского суда Ивановской области» // СЗ РФ. 2023. № 48, ст. 8655.

⁴ См.: Номера, реестр, ограничения по возрасту: какие меры могут грозить самокатчикам // Российская газета. 2024. 5 апреля.

⁵ См.: Проект федерального закона № 560503-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Система обеспечения законодательной деятельности. Официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/560503-8> (дата обращения: 10.04.2024).

Или другой пример. В условиях проведения специальной военной операции, недружественных, а порой явно диверсионных действий ряда государств и их граждан, возросла актуальность повышения мер по деидентификации личности. Риски, вызванные использованием информационных технологий в противоправной деятельности (начиная от мошенничества и заканчивая дистанционной вербовкой террористическими и экстремистскими организациями), определяют приоритеты политической деятельности. В рамках этого нижняя палата парламента Российской Федерации одобрила в первом чтении (на момент подготовки материала) предлагаемую глубокую дифференциацию мер административной¹ и уголовной² ответственности за распространение персональных данных. Влияет в данном случае политика на приоритеты дифференциации юридической ответственности? Конечно, да. Уместно ли это, оправданно с социальной и иных точек зрения? Вне всяких сомнений.

Показанную ранее дифференциацию в правоотношениях допустимо считать субъектной, поскольку в основе градации заложена разность правового и социального положения участников правоотношений. Между тем исследуемый нами феномен крайне многогранен и, опираясь на положения современного законодательства и практики его применения, можно отметить наличие еще и предметной дифференциации, реализуемой, например, на федеральном или региональном уровне. По нашему убеждению, ключевым основанием, ориентиром и одновременно средством дифференциации в данном случае выступает наличие приоритетов.

В частности, по итогам 2023 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа зарегистрирован один из самых высоких по стране темпов роста количества совершаемых преступлений (+ 14,9 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года)³. Приоритет обеспечения охраны общественного порядка и безопасности, особенно в местах публичного скопления граждан, побудил органы власти в указанном субъекте пойти на стимулирование добровольной сдачи огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств путем более глубокой дифференциации. В результате изменений, внесенных в постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа⁴, денежное вознаграждение за добровольно сданное боевое оружие возросло с 8 до 30 тысяч рублей. Для населения данного региона Российской Федерации одновременное владение несколькими единицами оружия является исторически сложившимся,

¹ См.: Проект федерального закона № 502104-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных)» // Там же. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8> (дата обращения: 10.04.2024).

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные) // Там же. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 10.04.2024).

³ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 09.04.2024).

⁴ См.: Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 декабря 2021 г. № 1122-П «О финансировании мероприятий по добровольной сдаче населением Ямало-Ненецкого автономного округа огнестрельного оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202112200006?ysclid=lusc7cp7k3433444067> (дата обращения: 09.04.2024).

традиционным, устоявшимся для быта состоянием. Произведенная на региональном уровне специализация в форме дифференциации должна поспособствовать не только упрочению мотивации граждан на отказ от преступной деятельности с использованием оружия, но и изъятием невостребованных единиц вооружения для исключения возможности завладения ими в противоправных целях. Это, несомненно, должно положительным образом сказаться на общем состоянии криминогенной обстановки.

Характерно, что излишняя либо неразумная региональная дифференциация может выступать и в качестве рискогенного фактора для стабилизации общественных отношений на общефедеральном уровне. Такой сценарий прописан в Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года, постулирующей, что «проблема региональной дифференциации доходов населения будет сохраняться», а нивелировать ее, сбалансировать меры правового и иного воздействия предлагается за счет сохранения «приоритета по социальной защите и государственной поддержке отдельных групп населения»¹. Следовательно, упущения, перекосы региональной дифференциации правоотношений сглаживаются воздействием со стороны федерального центра.

Кратко подытоживая показанную проблему дифференциации, вновь подчеркнем актуальность тезиса профессора И. Н. Сенякина, утверждавшего, что специализация пронизывает все сферы общественной, политико-правовой деятельности [2, с. 6]. Дифференциация как форма специализации предопределена неоднородностью отношений в социуме, опирается на эксклюзивность и неординарность каждого жизненного обстоятельства. Помимо этого, показанные примеры предметной дифференциации на федеральном и региональном уровнях демонстрируют особенности сложного административно-территориального устройства нашего государства, широту его географических границ, специфичность этнического состава населения, имеющего самобытные обычаи и традиции.

Отмеченные ситуации дифференциации в правоотношениях на основе существующих приоритетов дают основание позиционировать последние в качестве одного из ключевых средств выделения особенного из общего. Между тем практика показывает, что сами приоритеты общественной и государственной жизни можно дифференцировать. Такое разделение, отделение главного от несущественного, воплощается на легитимной, юридической основах, в том числе в тех сферах, в которых преимущественно превалирует ценностно-аксиологический аспект, духовно-нравственный ракурс. Например, в соответствии с указаниями Минтруда России «дифференциация уровня доступности отдельных приоритетных сфер жизнедеятельности инвалидов должна быть подтверждена соответствующими значениями целевых показателей (индикаторов) <...> во взаимоувязке со значениями аналогичных целевых показателей (индикаторов) в Государственной программе»².

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» (в ред. от 29 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2022. № 45, ст. 7815; 2023. № 49, ч. 4, ст. 8774.

² См.: Приказ Минтруда России от 6 декабря 2012 г. № 575 «Об утверждении примерной программы субъекта Российской Федерации по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения» (в ред. от 25 мая 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Сказанное позволяет утверждать, что дифференциацию нельзя считать следствием проявления дискриминационных начал законодательства либо отсутствия его стабильности. Напротив, постулирование необходимости долгосрочной, продуманной дифференциации в правоотношениях на основе приоритетов общества и государства — часто встречающийся элемент стратегического планирования. Так, злободневность осуществления «дифференциации территории лесного фонда на основе гармонизации зон проведения лесоустройства» подчеркивается в соответствующей государственной стратегии и должна быть реализуема «приоритетно на территориях интенсивного освоения лесов»¹.

Современное законодательство показывает многоуровневый подход к критериям дифференциации, демонстрируя наличие сочетания качественных и количественных показателей, формально-юридических критериев и духовно-нравственных, исторически-сформировавшихся оценок и политических интересов. Прав был И. Н. Сенякин, говоря о том, что «специализация охватывает весь правовой массив» [2, с. 14]. В совокупности это обеспечивает разумный, справедливый и недискриминационный подход в разделении прав и свобод субъектов правоотношений.

Сочетая в своей юридической природе гибкость праворегулятивного подхода и стабильность нормативных предписаний, дифференциация обеспечивает «донастройку» системы законодательства, шлифует его структурные и функциональные связи. Выступая первичным этапом специализации, дифференциация в обязательном порядке предполагает последующую конкретизацию нормативных установлений.

Безусловно, следует отметить тенденциозность дифференциации на основе государственных приоритетов в политике, экономике, существенное влияние на этот процесс геополитического аспекта (глобализации и приходящей сегодня ей на смену деглобализации), а также внутригосударственного идеологического, ментального компонентов.

Многое из обозначенного можно обнаружить на страницах работ профессора И. Н. Сенякина: что-то более явно, что-то — посредством чтения между строк. Потенциал его научных изысканий до сих пор всецело не реализован, имея для этого все предпосылки и основания. Однако 8 октября 2021 г. жизнь Ивана Николаевича оборвалась. Это событие оставило тяжелый след для всех, кто его знал, без исключения, в числе которых его друзья, ученики, научные соратники [27]. Перечислять научные успехи и достижения мэтра отечественной юриспруденции неуместно, отразить же в тексте скромной публикации всю многогранность цельной человеческой натуры Ивана Николаевича невозможно.

Низкий Вам поклон, дорогой учитель, безмерная благодарность и светлая память!

Библиографический список

1. *Петров Д. Е.* Научная школа «Система российского законодательства: состояние и перспективы развития» профессора кафедры теории государства и права Ивана Николаевича Сенякина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4(111). С. 22–24.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 8, ч. 2, ст. 1398.

2. *Сенякин И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.
3. *Баранов В. М.* Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 15–41.
4. *Баранов В. М., Лазарев В. В.* Конкретизация права: понятие и пределы // Техничко-юридический анализ правотворческой реальности современной России: вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999–2019): в 2 т. М.: Проспект, 2020. Т. 1. С. 280–294.
5. *Власенко Н. А.* Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7(211). С. 60–75.
6. *Исаков В. Б.* Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79.
7. *Белоусов С. А.* Система российского законодательства: трехуровневая вертикальная субординация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, № 4. С. 425–431.
8. *Фомин А. А.* Проблемы определенности позитивного правового регулирования в сфере безопасности // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 97–101.
9. *Репьев А. Г.* Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10. С. 20–34.
10. *Переплетчикова А. И.* Конкретизационные нормы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 28 с.
11. *Заславская Н. М.* Дифференциация и интеграция в правовом регулировании государственного экологического управления // Экологическое право. 2023. № 2. С. 5–12.
12. *Петров Д. Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: монография. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 472 с.
13. *Митрофанова А. А.* Значение дифференциации следственных и судебных действий в контексте определения границ криминалистической деятельности // Российский следователь. 2023. № 1. С. 2–6.
14. *Сайфуллин Э. К.* Дифференциация международно-правовых статусов наемника, иностранного добровольца и сотрудника частной военной и охранной компании // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 127–142.
15. *Сайбулаева С. А.* Сущность и дифференциация преемственности в отечественном конституционном праве // Юрист. 2024. № 2. С. 52–56.
16. *Нестеров В. М.* Направления совершенствования подсудности и дифференциации процессуальной формы при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 39–42.
17. *Ткачев С. В.* Дифференциация уголовной ответственности за мошенничество, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ // Российский следователь. 2023. № 11. С. 30–34.
18. *Коцарь Ю. А.* Обязательство с обусловленным исполнением: основные аспекты дифференциации со смежными гражданско-правовыми институтами // Хозяйство и право. 2023. № 9. С. 3–16.
19. *Ефремова Т. А.* Влияние налоговой политики на уровень дифференциации населения по доходам // Налоги. 2023. № 3. С. 15–20.
20. *Тимошенко Р. И.* Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя: некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 49–52.
21. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. Т. 1: Ф–Л. М.: АСТ; Астрель, 2006.
22. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008.

23. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи автора. Т. 1: А–З. М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880.
24. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Совет. энцикл., 1983. С. 170.
25. Хрони Н. Н. Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 220 с.
26. Карabanова Е. Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 72–83.
27. Баранов В. М. Памяти И. Н. Сенякина // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 683–685.

References

1. Petrov D. E. Scientific School “The System of Russian Legislation: the State and Prospects of Development” by Professor of the Department of Theory of State and Law Ivan Nikolaevich Senyakin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4(111). P. 22–24.
2. Senyakin I. N. Specialization and Unification of Russian Legislation (Problems of Theory and Practice): extended abstract of diss. ... Doct. of Law. Saratov, 1993. 34 p.
3. Baranov V. M. Technical and Legal Form of Legal Uncertainty: Essence, Main Types, Value of Functioning // State-Legal Research. 2021. No. 4. P. 15–41.
4. Baranov V. M., Lazarev V. V. Concretization of Law: Concept and Limits // Technical and Legal Analysis of the Law-Making Reality of Modern Russia: Introductory Essays and Reports at the International Forums “Yurtechnetics” in the Format of a Round Table and in the Genre of a Discussion Club (1999–2019): in 2 vol. M.: Prospect LLC, 2020. Vol. 1. P. 280–294.
5. Vlasenko N. A. Concretization in Law: Methodological Foundations of Research // Journal of Russian Law. 2014. No. 7(211). P. 60–75.
6. Isakov V. B. Language of Law // Jurislinguistics. 2000. No 2. P. 64–79.
7. Belousov S. A. The System of Russian Legislation: Three-Level Vertical Subordination // Proceedings of the Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2015. Vol. 15, no. 4. P. 425–431.
8. Fomin A. A. Problems of Certainty of Positive Legal Regulation in the Field of Security // State-Legal Research. 2021. No. 4. P. 97–101.
9. Repyev A. G. Concretization of a Legal Norm by Means of a Technical and Legal Clause (on the example of the phrase “in case”) // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, no. 10. P. 20–34.
10. Perepletchikova A. I. Concretization Norms of Russian Law: extended abstract dis. ... cand. of Law. Saratov, 2020. 28 p.
11. Zaslavskaya N. M. Differentiation and Integration in the Legal Regulation of State Environmental Management // Environmental Law. 2023. No. 2. P. 5–12.
12. Petrov D. E. Differentiation and Integration of Structural Formations of the Russian law System: Monograph. Saratov: Saratov State Law Academy, 2015. 472 p.
13. Mitrofanova A. A. The Importance of Differentiation of Investigative and Judicial Actions in the Context of Defining the Boundaries of Criminalistic Activity // A Russian Investigator. 2023. No. 1. P. 2–6.
14. Sayfullin E. K. Differentiation of the International Legal Statuses of a Mercenary, a Foreign Volunteer and an Employee of a Private Military and Security Company // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. P. 127–142.
15. Saibulaeva S. A. The Essence and Differentiation of Succession in the Domestic Constitutional Law // Jurist. 2024. No. 2. P. 52–56.
16. Nesterov V. M. Directions for Improving the Jurisdiction and Differentiation of the Procedural Form when Considering Cases of Administrative Offenses by Courts // Administrative Law and Process. 2022. No. 6. P. 39–42.

17. *Tkachev S. V.* Differentiation of Criminal Liability for Fraud under Part 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Russian Investigator*. 2023. No. 11. P. 30–34.
18. *Kotsar Yu. A.* Obligation with Conditional Fulfillment: the Main Aspects of Differentiation with Related Civil Law Institutions // *Economy and Law*. 2023. No. 9. P. 3–16.
19. *Efremova T. A.* The Influence of Tax Policy on the Level of Differentiation of the Population by Income // *Taxes*. 2023. No. 3. P. 15–20.
20. *Timoshenko R. I.* Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations Depending on the Characteristics of the Employer: Certain Aspects // *Labor law in Russia and Abroad*. 2021. No. 3. P. 49–52.
21. *Efremova T. F.* *Russian Russian Dictionary: in 3 vol.: approx. 160 000 words*. Vol. 1: F–L. M.: AST; Astrel, 2006.
22. *Ushakova D. N.* *Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. M.: Alta-Print, 2008.
23. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl*. 2nd ed., corr. and greatly multiplied from the author's manuscript. Vol. 1: A–Z. M.: Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf, 1880.
24. *Philosophical Encyclopedic Dictionary* / ch. ed. L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. M.: Soviet Encyclopedia, 1983.
25. *Khroni N. N.* *Priority Duty in the Structure of a Special Legal Status: diss. ... cand. of Law*. M., 2023. 220 p.
26. *Karabanova E. N.* *Axiological Foundations of Criminal Law Prohibitions* // *Journal of Russian Law*. 2023. No. 4. P. 72–83.
27. *Baranov V. M.* *In Memory of I. N. Senyakin* // *Legal Technique*. 2022. No. 16. P. 683–685.

С. Н. Туманов

**ДОКТРИНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА
ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯКИНА: НАУЧНАЯ ШКОЛА,
ВЗГЛЯДЫ, ПОНЯТИЙНЫЕ ФОРМЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

Введение: привлекается внимание к научному наследию профессора И. Н. Сенякина на примере анализа его наиболее значимых работ, а также совместных трудов его учеников. Обосновывается утверждение о создании им самостоятельной научной школы в современном отечественном правоведении. Отмечается преемственность в развитии его концептуальных идей последователями и учениками. **Цель** — обобщить ряд основных доктринальных воззрений И. Н. Сенякина по проблемам общей теории права и государства и продемонстрировать их значение для современной юриспруденции. **Методологическая основа:** исторический и логический методы, сравнительный анализ. **Результаты:** выделены и проанализированы ключевые понятия и идеи, предложенные и разработанные И. Н. Сенякиным в целях развития науки теории права и государства. **Выводы:** доктринальные идеи и взгляды И. Н. Сенякина вывели общее учение о системе законодательства на новый теоретический уровень, заложив основы для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: научная школа профессора И. Н. Сенякина, учение о системе законодательства, законодательный дисбаланс, дисфункция государства.

S. N. Tumanov

**THE DOCTRINAL HERITAGE OF PROFESSOR
IVAN NIKOLAYEVICH SENYAKIN:
SCIENTIFIC SCHOOL, VIEWS, CONCEPTUAL FORMS
AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE GENERAL THEORY OF LAW AND STATE**

Background: attention is drawn to the scientific heritage of Professor I. N. Senyakin on the example of analyzing his most significant works, as well as joint works of his students. The statement about his creation of an independent scientific school in modern Russian jurisprudence is substantiated. The continuity in the development of his conceptual ideas by his followers and students is noted. **Objective** — to summarize a number of the main doctrinal views of I. N. Senyakin on the problems of the general theory of law and state and to demonstrate their significance for modern jurisprudence. **Methodology:** historical and logical methods, comparative analysis. **Results:** the key concepts and ideas proposed and developed by I. N. Senyakin for the development of the science of the theory of law and state were identified and analyzed. **Conclusions:** the doctrinal ideas and views of I. N. Senyakin brought the general doctrine of the system of legislation to a new theoretical level, laying the foundations for its further development.

Keywords: scientific school of Professor I. N. Senyakin, the doctrine of the system of legislation, legislative imbalance, dysfunction of the state.

© Туманов Сергей Николаевич, 2024
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_igr@ssla.ru
© Tumanov Sergey Nikolayevich, 2024
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

Доктор юридических наук, профессор Иван Николаевич Сенякин внес значимый вклад в развитие науки теории государства и права, обогатив целый ряд ее разделов новыми идеями и понятиями. Широта его научных взглядов и выбор новаторского подхода к рассмотрению малоизученных или уже известных проблем правоведения позволили существенным образом расширить общетеоретические представления о системном строении российского законодательства, о противоречиях и перспективах его дальнейшего развития.

В последние годы своей жизни профессор И. Н. Сенякин уделял особое внимание постановке и разрешению проблем законодательного дисбаланса, противоречивости и дисфункции процессов правового регулирования, обхода закона и нейтрализации его действия. Его творческие усилия были сконцентрированы на исследовании системной организации российского законодательства, противоположных тенденций его развития и технико-юридических средств совершенствования. Одной из значимых вех его творческого поиска была инициатива по подготовке и написанию коллективной монографии, посвященной обобщающей и весьма актуальной в современных условиях тематике — законодательному дисбалансу. В данной работе И. Н. Сенякин изложил собственный оригинальный взгляд по вопросам понятия, видов и форм проявления законодательного дисбаланса, приемов и способов его устранения [1]. Следует отметить, что своими идеями он всегда щедро делился со своими учениками, которые стали достойными продолжателями его дела. Плодотворный союз талантливого учителя и плеяды его последователей свидетельствует о формировании единой научной школы профессора Ивана Николаевича Сенякина. Подтверждением служат и иные совместные монографические работы, объединенные единой тематикой и направленные на раскрытие наиболее актуальных вопросов общего учения о системе российского законодательства [2–5].

Целостный характер и новаторский дух научной школы И. Н. Сенякина позволили существенно укрепить и развить научный и педагогический потенциал Саратовской государственной юридической академии, поскольку многие из его учеников продолжают дело своего наставника, работая в различных структурных подразделениях и на кафедрах Академии. В их числе следует упомянуть докторов юридических наук, профессоров С. А. Белоусова, А. А. Никитина, Д. Е. Петрова, С. Н. Туманова, а также кандидатов юридических наук Т. М. Авдониной, Н. А. Грешнову, Е. А. Керимову, И. В. Кушнир, Р. А. Осипова, А. И. Переплетчикову, О. В. Пискунову, О. Г. Строкову, А. В. Шмелева и др.

Имя ведущего теоретика права в России И. Н. Сенякин снискал во многом благодаря выполненной в свое время докторской диссертации по теме «Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики)» и опубликованной на ее основе одноименной монографии, ставшей настоящим событием в мире отечественной юридической науки [6; 7]. Значение данной работы справедливо отмечает В. М. Баранов: «Это монографическое общетеоретическое исследование давно стало классическим и до сих пор является подлинной надежной (а не декларативной) методологической основой для отраслевых юридических наук. Ни один исследователь по фундаментальным традиционным и “молодым” только формирующимся отраслям правовой науки не может, разрабатывая проблематику юридической дифференциации, обойти вниманием докторскую работу Ивана Николаевича» [8, с. 684].

К числу несомненных научных заслуг И. Н. Сенякина следует отнести и его системное видение одного из ведущих принципов российского законодательства — принципа федерализма, которое обстоятельно изложено в единоличной монографии, вышедшей в свет в 2007 г. и по достоинству оцененной научным и профессиональным юридическим сообществом [9]. Принцип федерализма рассматривался автором не только в качестве фундаментального, отправного начала всей системы российского законодательства, но и в виде особого фактора, обуславливающего необходимость сложной и постоянной работы правотворческих органов по проведению унификации нормативного правового материала.

Анализируя работы И. Н. Сенякина и его учеников, можно проследить единый концептуальный замысел, направленный на формирование и дальнейшую конкретизацию основного понятийного ряда общего учения о системе законодательства такими понятиями и категориями, как: «специализация законодательства», «унификация законодательства», «законодательный дисбаланс», «принцип федерализма», «дифференциация структурных образований в системе права», «интеграция структурных образований в системе права», «технология структурирования кодифицированных актов», «конкуренция норм права», «противоречия в законодательстве», «обход закона», «механизм противодействия закону», «реабилитация как институт законодательства», «дисбаланс юридической ответственности», «конкретизационные нормы права», «экспериментальные нормы права», «неисполнимые нормы права», «преимущества в законодательстве» и многие другие [10–20]. В рамках деятельности его научной школы учение о системе законодательства, несомненно, приобрело инновационные понятийные формы своего выражения, которые позволяют отразить новые явления в нормативной правовой действительности современной России, влияющие существенным образом на дальнейшее развитие всей ее правовой системы.

Однако позволим себе заметить, что интересы творческого научного поиска Ивана Николаевича не ограничивались лишь рамками общей теории права и законодательства, а простирались и за ее пределы. Так, доктринальные взгляды именитого правоведа были обращены и в сторону теории государства. По верному замечанию В. М. Баранова, «он одинаково хорошо владел теорией государства и теорией права». В подтверждение своих слов В. М. Баранов ссылается на высокую оценку С. В. Полениной ранее упомянутого фундаментального труда И. Н. Сенякина, выполненного по проблеме принципа федерализма, в котором комплексно и в новом ключе раскрываются общетеоретические вопросы суверенитета государства и реализуемых им функций [8, с. 685].

Дополняя сказанное, считаю своим долгом отметить особую роль доктринальных взглядов Ивана Николаевича по проблеме механизма реализации функций государства и его дисфункций, воспринятых мною с благодарностью и признательностью в ходе работы над моей докторской диссертацией по теме «Механизм реализации внешних функций Российского государства (вопросы теории и практики)», успешно защищенной при непосредственном его научном консультировании, которое не ограничивалось лишь оригинальной формулировкой темы, но и постоянно сопровождалось генерированием отдельных значимых концептуальных идей, гипотез и предложением разработки новых для общей теории государства понятий. В частности, И. Н. Сенякин, подолгу беседуя со мной по тематике диссертации, обратил внимание на недостаточную степень

проработанности в отечественной юридической литературе проблем дефектов механизма реализации государством его внешних функций.

Благодаря его прозорливости и своевременной подсказке, мне удалось убедиться в актуальности и значимости данной тематики для современной юриспруденции, что обусловлено колоссальным ростом негативных тенденций, процессов и явления, сопровождающих функционирование и развитие государственно-правовой надстройки. Отечественная юридическая наука уже просто не в состоянии не замечать кризисные моменты в реализации функций Российским государством, в построении и действии системы отечественного права. При этом масштабность предмета подобных исследований настолько велика, что они требуют существенных усилий со стороны научного юридического сообщества для их полноценного проведения.

Иван Николаевич в беседах со мной по предмету диссертационного исследования не раз указывал мне, что в отношении права и законодательства ранее были рассмотрены правоведами такие вопросы, как: понятие, виды и пути преодоления правовой дисфункции; понятие, формы, уровни законодательного дисбаланса и механизмы его нейтрализации; дефекты в конституционном праве и практике федерального строительства государства; понятие, виды и формы патологии правового поведения; понятие, природа, структура и содержание теневого права; кризисы права и дефекты его содержания и структуры; риск и дефекты правового регулирования; дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти; типичные дефекты дефиниций законодательства; понятие, классификация дефектных юридических фактов и их негативные последствия, а также средства их нейтрализации и исправления.

Еще в 2011 г. Иван Николаевич натолкнул меня на мысль об имеющемся дисбалансе в отношении источников международного права и национальных нормативных правовых актов, что позволяет утверждать о наличии целого ряда противоречий среди основополагающих идей реализации внешних функций государством и выстраивания межгосударственного общения. Нормативное закрепление принципов осуществления внешних функций государства и обеспечивающего этот процесс механизма в источниках международного и национального права и в настоящее время характеризуется определенной степенью дисбаланса. Это состояние вызвано, в частности, тем, что понимание и отражение какого-либо принципа в национальном праве не совпадает с объемом понимания и техникой закрепления в международном праве. Ранее сделанные мною теоретические выводы нашли свое практическое подтверждение, о чем свидетельствует агрессивное санкционное воздействие коллективного Запада в отношении Российской Федерации и проводимой ею государственной политики, призванное создать препятствия и даже вовсе остановить работу всего механизма реализации государством его внешних функций.

В ходе анализа многообразия понятийных форм отражения различного рода отклонений в процессе осуществления внешних функций государства Иван Николаевич Сенякин счел необходимым предложить мне разработать в докторской диссертации и оперировать в ней категориями «дефект», «дисфункция», «дисбаланс». Соотношение дефекта реализации внешней функции государства и его дисфункции в итоге было представлено нами следующим образом. Во-первых, далеко не всякий дефект процесса осуществления внешней функции государства

может быть приравнен или может вызвать соответствующую дисфункцию внешнеполитической деятельности государства. Во многом это зависит от масштаба самого дефекта и объекта поражения, устойчивости его появления в механизме реализации внешних функций государства, длительности протекания, способности продуцировать в дальнейшем новые дефекты государственной деятельности. Во-вторых, дисфункция государства всегда предстает как устойчивое, длящееся и системное нарушение реализации функций государства, затрагивающее ее значительную часть, превращая ее тем самым в собственный антипод и вызывающее целый комплекс негативных последствий в соответствующей сфере государственного управления. Дисфункция государства является более сложным, системным нарушением в механизме реализации внешних функций государства, что порой сопровождается нарушением системных связей между экономическим, политическим и правовым блоком средств данного механизма [21, с. 33–36].

Однако между дефектом и дисфункцией механизма реализации внешних функций государства возможен диалектический переход. Так, накопление дефектов внешнеполитической деятельности государства со временем может привести к качественному скачку и формированию дисфункции государства в определенной сфере управления. Кроме того, как правило, дисфункция государства будучи устойчивым и системным негативным образованием способна в течение длительного времени продуцировать целый комплекс различных дефектов в системе государственного управления. Наличие во внешнеполитической деятельности государства ряда дисфункций способно, в свою очередь, вызвать еще более системное поражение всего механизма государства в виде его системного дисбаланса, что в итоге приводит к «провалу» государства, его разрушению, распаду и неспособности более осуществлять возложенные на него функции [21, с. 404–408].

Подводя итог изложенному, следует констатировать особое фундаментальное значение доктринальных идей, взглядов и действительно новых понятийных конструкций, предложенных профессором Иваном Николаевичем, для современной отечественной теории права, а равно и теории государства. Его богатое творческое научное наследие продолжает жить в том числе и благодаря активным усилиям коллектива его учеников под эгидой созданной им научной школы, получившей признание под наименованием общего направления ее комплексных государственно-правовых исследований — «Система российского законодательства: состояние и перспективы развития» [22]. Отдельные его идеи по вопросам дисбаланса законодательства и дисфункции государства опередили свое время и существенным образом продолжают расширять и дополнять современные доктринальные воззрения и общетеоретическое понимание в отношении многих явлений российской государственно-правовой действительности.

Библиографический список

1. Законодательный дисбаланс / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. 720 с.
2. Климова Г. З., Сенякин И. Н. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. 344 с.
3. Сенякин И. Н., Степин А. Б., Подмоховный В. Д. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. 240 с.

4. *Сенякин И. Н., Никитин А. А.* Проблемы социально-правовой реабилитации маргинальной личности в России: вопросы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2009. 360 с.
5. *Сенякин И. Н., Арзуманян А. Э.* Конкуренция норм российского права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. 220 с.
6. *Сенякин И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.
7. *Сенякин И. Н.* Специализация и унификация Российского законодательства. Проблемы теории и практики / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 194 с.
8. *Баранов В. М.* Памяти И. Н. Сенякина // *Юридическая техника*. 2022. № 16. С. 683–685.
9. *Сенякин И. Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2007. 504 с.
10. *Сенякин И. Н.* Противоречивость российского законодательства в ракурсе преемственности // *Юридическая техника*. 2011. № 5. С. 421–431.
11. *Сенякин И. Н.* Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 4(105). С. 127–138.
12. *Белоусов С. А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 470 с.
13. *Петров Д. Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 472 с.
14. *Сенякин И. Н., Сухова Н. И.* Неисполнимые нормы российского права // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2017. № 1(114). С. 27–36.
15. *Сенякин И. Н., Сухова Н. И.* Юридические коллизии как причина неисполнимости норм права // *Юридическая техника*. 2017. № 11. С. 302–307.
16. *Репьев А. Г.* Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. И. Н. Сенякина. М.: Юрлитинформ, 2020. 392 с.
17. *Репьев А. Г., Сенякин И. Н.* Закономерности и недостатки технико-юридического закрепления правовых преимуществ в современном российском законодательстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10, № 3. С. 428–443.
18. *Сенякин И. Н., Репьев А. Г., Торчилин К. Е.* Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 474. С. 272–284.
19. *Сенякин И. Н.* Роль юридических конструкций в устранении дисбаланса нормативных правовых актов // *Юридическая техника*. 2013. № 7-2. С. 693–700.
20. *Сенякин И. Н.* Новые теоретико-правовые явления в законодательстве Российской Федерации // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2010. № 2(72). С. 8–21.
21. *Туманов С. Н.* Механизм реализации внешних функций Российского государства (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2017. 501 с.
22. *Петров Д. Е.* Научная школа «Система российского законодательства: состояние и перспективы развития» профессора кафедры теории государства и права Ивана Николаевича Сенякина // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016. № 4. С. 22–24.

References

1. *Legislative Imbalance* / ed. by I. N. Senyakin. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2013. 720 p.
2. *Klimova G. Z., Senyakin I. N.* Rehabilitation as a Legal Institute (Issues of Theory and Practice) Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2005. 344 p.

3. *Senyakin I. N., Stepin A. B., Podmoskovny V. D.* Judicial Discretion in Private Law (General Theoretical Analysis) Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2005. 240 p.
4. *Senyakin I. N., Nikitin A. A.* Problems of Social and Legal Rehabilitation of Marginalized Personality in Russia: Issues of Theory and Practice. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2009. 360 p.
5. *Senyakin I. N., Arzumanyan A. E.* Competition of Norms of the Russian Law. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2011. 220 p.
6. *Senyakin I. N.* Specialization and Unification of the Russian Legislation (problems of theory and practice): extended abstract diss. ... cand. of Law / Saratov, 1993. 34 p.
7. *Senyakin I. N.* Specialization and Unification of Russian Legislation. Problems of Theory and Practice / ed. by M. I. Baitin. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1993. 194 p.
8. *Baranov V. M.* In Memory of I. N. Senyakin // Legal Technique. 2022. No. 16. P. 683–685.
9. *Senyakin I. N.* Federalism as a Principle of Russian Legislation. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2007. 504 p.
10. *Senyakin I. N.* Contradictory Russian Legislation in the Perspective of Continuity // Legal Technique. 2011. No. 5. P. 421–431.
11. *Senyakin I. N.* Disbalance of Legal Responsibility in the Legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 4 (105). P. 127–138.
12. *Belousov S. A.* Legislative Imbalance (Doctrine, Theory, Practice) / ed. by I. N. Senyakin. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 2015. 470 p.
13. *Petrov D. E.* Differentiation and Integration of Structural Formations of the Russian Legal System / Edited by I. N. Senyakin. Saratov: Publ. house Saratov State Law Academy, 2015. 472 p.
14. *Senyakin I. N., Sukhova N. I.* Unenforceable Norms of Russian Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 1(114). P. 27–36.
15. *Senyakin I. N., Sukhova N. I.* Legal Collisions as a Cause of Unenforceability of Law Norms // Legal Technique. 2017. No. 11. P. 302–307.
16. *Repyev A. G.* Advantages in Law and Legislation: a monograph / ed. by I. N. Senyakin. M.: Yurlitinform, 2020. 392 c.
17. *Repyev A. G., Senyakin I. N.* Regularities and Shortcomings of Technical-Legal Fixation of Legal Advantages in the Modern Russian Legislation // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2019. V. 10, no. 3. P. 428–443.
18. *Senyakin I. N., Repyev A. G., Torchilin K. E.* Prohibition of Law Circumvention in the Mechanism of Legal Regulation in the Mechanism of Legal Regulation: Historical and Legal Aspect // Bulletin of the Tomsk State University. 2022. No. 474. P. 272–284.
19. *Senyakin I. N.* The Role of Legal Constructions in Eliminating the Imbalance of Normative Legal Acts // Legal Technique. 2013. No. 7-2. P. 693–700.
20. *Senyakin I. N.* New Theoretical and Legal Phenomena in the Legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2010. No. 2(72). P. 8–21.
21. *Tumanov S. N.* Mechanism of Realization of External Functions of the Russian State (Issues of Theory and Practice): diss. ... Doc. of Law. Saratov, 2017. 501 p.
22. *Petrov D. E.* Scientific School The System of Russian Legislation: State and Prospects of Development of Professor of the Department of Theory of State and Law Ivan Nikolaevich Senyakin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4. P. 22–24.

О. В. Лазарева

ПРОЦЕДУРЫ В ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение: российское законодательство предусматривает возможность урегулирования достаточно большой группы общественных отношений с помощью самых разных видов договоров, выступающих одним из средств индивидуального поднормативного правового регулирования. Для достижения поставленных целей субъекты права прилагают все усилия по закреплению своих интересов, осуществляют поиск их баланса и отражения в договоре. **Цель** — исследовать общетеоретический аспект процедур в договорном праве. **Методологическая основа:** диалектический, анализ и синтез, индукция и дедукция, системный и функциональный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** исследованы особенности процедуры заключения договора, процедуры его изменения и расторжения, процедуры согласования и исполнения отдельных видов договоров, проведено разграничение процедур на две группы. Первую группу составили процедуры, предусмотренные в законодательстве, а вторую группу — процедуры, устанавливаемые сторонами договорных отношений. **Выводы:** деятельность, направленная на подготовку, согласование и исполнение договора, невозможна без соблюдения субъектами права соответствующих процедур. Поэтому данная деятельность называется процедурной. Сам договор можно представить в виде процедурной деятельности.

Ключевые слова: процедура, порядок, правила, договор, договорные отношения, существенные условия, соглашение сторон.

O. V. Lazareva

PROCEDURES IN CONTRACT LAW: A GENERAL THEORETICAL ASPECT

Background: Russian legislation provides for the possibility of regulating a fairly large group of public relations through a variety of types of contracts, which act as one of the means of individual regulatory legal regulation. To achieve their goals, legal entities make every effort to consolidate their interests, search for their balance and reflection in the contract. **Objective** — to investigate the general theoretical aspect of procedures in contract law. **Methodology:** dialectical, analysis and synthesis, induction and deduction, systemic and functional, formal legal and comparative legal methods. **Results:** the peculiarities of the procedure for concluding a contract, the procedure for its modification and termination, the procedures are differentiated into two groups. The first group is consisted of procedures stipulated in the legislation, and the second – procedures established by the parties to contractual relations. **Conclusions:** activities aimed at the preparation, conclusion, coordination and execution of the contract are impossible without compliance by legal entities with the relevant procedures. This activity is called procedural. The contract itself can be represented as a procedural activity.

Keywords: procedure, order, rules, contract, contractual relations, essential conditions, agreement of the parties.

© Лазарева Ольга Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mureksin_sar@mail.ru

© Lazareva Olga Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

Общеправовая конструкция договора была известна с древних времен и продолжает оставаться самым востребованным правореализационным актом-документом, определяющим содержание правоотношений, права и обязанности его участников. В российском праве широко применяются отраслевые модели: «горизонтальные» и «диагональные» соглашения субъектов Российской Федерации об осуществлении международных и внешнеэкономических связей (для первых согласие Правительства Российской Федерации не требуется, для вторых — необходимо), гражданско-правовые договоры, брачный и трудовой договоры, мировое соглашение и др.

Российское законодательство предусматривает возможность урегулирования достаточно большой группы общественных отношений с помощью самых разных видов договоров, выступающих одним из средств индивидуального поднормативного правового регулирования. Для достижения поставленных целей субъекты права прилагают все усилия по закреплению своих интересов, осуществляют поиск их баланса и отражения в договоре. Как отмечал И. Н. Сенякин, «важную роль в устранении дисбаланса в структурном содержании правового акта играют его правильно построенные юридические конструкции. Это объясняется их значимостью в механизме правового регулирования, в том числе в процессах правотворчества и реализации права» [1, с. 280].

Особое место занимают процедуры заключения, изменения и расторжения договора, а также процедуры согласования и исполнения отдельных его видов.

Процедура заключения договора предполагает порядок совершения действий физических и юридических лиц, которые свободны в заключении соглашения, за исключением случаев, когда закон предусматривает его заключение или сам субъект добровольно берет на себя такие обязательства.

В Гражданском кодексе РФ императивно закреплена процедура (порядок) заключения договора (гл. 28). От нее зависит момент заключения договора и момент возникновения прав и обязанностей по договору. Договор признается заключенным с момента, когда стороны согласовали его существенные условия и оформили надлежащим образом (ст. 432 ГК РФ).

Процедура заключения договора состоит во взаимодействии сторон, когда одна из них направляет предложение заключить договор (оферту), а другая принимает данное предложение (акцепт). В предложении заключить договор выражается воля оферента, состоящая в намерении заключить договор с адресатом, которым будет принято предложение. В отличие от иных предложений оферта должна быть определенной. Получение адресатом оферты связывает оферента. Акцепт выступает ответом оференту на поступившее предложение заключить договор, состоящее в его принятии. В содержании акцепта должно прослеживаться явное согласие стороны со всеми положениями предложения. К акцепту предъявляются определенные требования: полнота и отсутствие оговорок. Договор считается согласованным с того момента, когда оферент получает акцепт, а заключенным — незамедлительно при условии соблюдения требований законодательства о форме договора.

Необходимо различать предварительный и основной договоры, а также процедуры их заключения. В п. 3 ст. 429 ГК РФ закреплено, что предварительный договор «должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сто-

рон должно быть достигнуто соглашение». Проанализируем текст одного из многих предварительных договоров купли-продажи квартиры. В нем содержатся:

а) условия, описывающие квартиру (адрес, договор передачи жилого помещения в собственность или приватизации жилого помещения (дата и номер договора, реквизиты, свидетельства о государственной регистрации права), общая и жилая площадь квартиры, ее место расположения (этаж многоэтажного жилого дома)), которую продавец обязуется продать, а покупатель — купить;

б) условия, предусматривающие обязанность сторон заключить основной договор в срок до конкретной даты, а в качестве дополнительного условия — возможность пролонгации при необходимости по согласию сторон;

в) условие, описывающее процедуру (порядок) передачи квартиры на момент наступления срока исполнения обязательства и комплектацию жилого помещения (сантехника, газовая плита, металлическая дверь) покупателю жилого помещения через десять дней со дня подписания основного договора;

г) условие о достигнутом соглашении сторон о цене продаваемого помещения и получении от покупателя аванса выражено в конкретной сумме;

д) условие о гарантировании продавцом того, что до заключения данного договора квартира никому не передана, не подарена, не заложена, под запретом и арестом не состоит, судебного спора о ней не имеется.

Исходя из анализа данного предварительного договора, можно сделать вывод о том, что стороны, ориентируясь на общие процедуры, предусмотренные в законодательстве, сами могут устанавливать частные, которые впоследствии им необходимо соблюдать. Отклонение от общих и частных процедур вызывает негативные последствия, ответственность сторон. Работоспособность конструкции любого договора, в том числе предварительного, состоит в том, чтобы она соответствовала предъявляемым требованиям — закрепляла три части (управомочивающую, обязывающую и охранительную). Данные части можно представить с помощью схемы: права — обязанности — гарантии — ответственность. В частности, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем основной договор в указанный в нем срок. Если срок не определен, то основной договор подлежит заключению в течение года с момента заключения предварительного договора. Если одна сторона уклоняется от его заключения, то применяются положения п. 4 ст. 445 ГК РФ. В течение шести месяцев с момента неисполнения обязательства по заключению основного договора может быть заявлено требование о понуждении к его заключению. Отсутствие одной части конструкции оказывает негативное влияние на ее работу и выполнение функций.

Следует отметить особенность процедуры согласования существенных условий любого договора, в рамках которой стороны могут определять существенными все условия договора или их часть, но при этом в законодательстве они не закреплены таковыми. Для этого стороны используют в договоре такие формулировки, как «все перечисленные условия договора являются существенными» или «конкретные пункты договора, в которых закреплены условия, признаются существенными». Если одно из существенных условий не вполне однозначно или корректно согласовано в договоре, то такой договор может быть признан незаключенным.

Не всегда стороны определяют вид договора. В случае возникновения спора по исполнению одной из сторон принятых на себя обязательств, суд первоначаль-

но проводит анализ положений договора и определяет его правовую природу. Это необходимо для того, чтобы понимать, какие правила ГК РФ регламентируют взаимоотношение сторон, и применять их в целях правильного рассмотрения (разрешения) дела.

Так, существенным условием договора поставки является цена товара. Однако в пункте договора стороны согласовали и закрепили, что «цена товара определяется после заключения договора, указывается в счетах на оплату товара, спецификациях, универсальных передаточных документах (УПД)». Отсутствие в договоре существенных условий, предусмотренных гл. 30 ГК РФ, указывает на его рамочный характер и определяет намерение договаривающихся сторон заключить договор поставки.

Отсутствие спецификации к договору в данном случае не может свидетельствовать о несогласовании его существенных условий сторонами, так как условиями договора предусмотрено, что в качестве оплаты товара могут выступать не один, а несколько документов, в том числе УПД, по которым отгружался товар. Следовательно, договором не предусмотрено обязательное составление спецификаций к договору¹.

Стороны могут установить в договоре разработанные ими правила, которые исключают действие диспозитивных норм и регламентируют взаимоотношение.

Для повышения оперативности при согласовании спецификаций стороны могут предусмотреть в договоре применение следующего порядка их согласования: «в случае если покупатель оплачивает продукцию по факту поставки, акцептом оферты является факт получения продукции на складе поставщика»². Одним из вариантов такого порядка является закрепление в договоре обязанности покупателя. Он должен «оплачивать полученный товар в течение 30 календарных дней с момента оформления передаточных документов. Дата оформления передаточных документов является датой оформления товарной накладной, по которой товар передавался поставщиком покупателю. При просрочке оплаты поставленного товара свыше одного месяца покупатель уплачивает пени в размере 0,1 % от стоимости неоплаченного товара за каждый день просрочки платежа от суммы неоплаченной продукции, если срок нарушения обязательства превысил 3 календарных дня, свыше 90 календарных дней — 0,2 %»³.

Особое место занимает процедура исполнения договора, предусматривающая последовательность действий сторон. В качестве примера приведем договор поставки, в котором согласован порядок изготовления продавцом сэндвич-панелей. По условиям договора производство сэндвич-панелей осуществляется на основании схемы раскладки панелей, представленной покупателем, или на основании схемы раскладки панелей, разработанной продавцом по представленной покупателем проектной документации.

В договоре непосредственно зафиксировано, что существенные для сторон условия поставки по договору будут определены сторонами в спецификации.

¹ См.: Решение Арбитражного суда Липецкой области от 4 октября 2023 г. по делу № А36-8249/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4YSK003GLAVx/> (дата обращения: 29.05.2024).

² См.: Решение Ленинского районного суда г. Саранска от 30 июля 2021 г. по делу № 2-1415/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oS7kY2z2mpLu/> (дата обращения: 29.05.2024).

³ См.: Там же.

Стороны приняли обязательства по выполнению предварительной спецификации. Именно в ней стороны согласовали точный порядок и сроки предоставления покупателем продавцу схемы раскладки панелей или проектной документации, необходимой для разработки продавцом схемы раскладки. Согласно предварительной спецификации продавцом составляется уточненная спецификация, которую обязан подписать покупатель в течение нескольких рабочих дней, например трех дней с момента ее получения от продавца. В случае неподписания покупателем уточненной спецификации обязательства поставщика приостанавливаются до момента получения от контрагента подписанного оригинала документа.

Если покупатель необоснованно отказывается от подписания уточненной спецификации либо не подписывает ее в течение, скажем, десяти календарных дней с момента получения, то это означает отказ покупателя от товара. В этом случае покупатель будет обязан уплатить поставщику штраф в соответствии с пунктом договора.

Если покупателем будут нарушены сроки оплаты, сроки предоставления необходимой документации, сроки согласования, то продавец вправе в одностороннем порядке изменить цену товара, сроки его поставки и изготовления, либо поставить товар в соответствии с характеристикой или размерам, указанным в предварительной спецификации.

Общество с ограниченной ответственностью производственно-строительная компания «Ресурсэнергострой» (покупатель) обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просит признать недействительным условие спецификации о длине панелей 4 370 мм и признать договор поставки и спецификацию, заключенными на условиях, указанных в схеме раскладки, а именно длина панелей 4 730 мм. По мнению истца, опечатка в документах является очевидной: в схеме раскладки указана длина панелей 4 730 мм, а в спецификации указана длина панелей 4 370 мм. Истец утверждает, что сотрудником ответчика, готовившим документы, были перепутаны цифры, что привело к поставке товара с иными характеристиками.

Арбитражный суд, установив фактические обстоятельства дела на основании полного и всестороннего исследования представленных доказательств, нашел требования необоснованными и не подлежащими удовлетворению, так как истец не проявил обычной осмотрительности не только на этапе заключения сделки, но и на трех этапах ее исполнения: 1) не проверил уточненную спецификацию; 2) оплатил, не проверив счет, выставленный продавцом; 3) не проверил товар при его приемке¹. Следовательно, истец самостоятельно несет риск последствий подписания спецификации с ошибкой.

Необходимо отметить, что договор может быть изменен или расторгнут. Данная процедура регламентирована императивными нормами. Однако стороны могут выбрать и согласовать способ изменения и прекращения договорных отношений. Сторонам рекомендуется определять:

- 1) порядок изменения и расторжения договора по соглашению сторон;
- 2) порядок изменения и расторжения договора в судебном порядке;

¹ См.: Решение Арбитражного суда Самарской области от 9 октября 2023 г. по делу № А55-9432/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/H3gGjkTTsbQQ/> (дата обращения: 29.05.2024).

- 3) порядок одностороннего отказа от исполнения договора;
- 4) основания и момент изменения и расторжения договора.

Если стороны не согласуют способ изменения и прекращения договорных отношений, то одна сторона может обратиться в суд с соответствующим требованием только при существенном нарушении договора другой стороной или в иных случаях, предусмотренных законом (п. 2 ст. 450 ГК РФ).

Исходя из этого, деятельность, направленная на подготовку, заключение, согласование и исполнение договора, невозможна без соблюдения субъектами права соответствующих процедур. Процедуры заключения договора, процедуры его изменения и расторжения, процедуры согласования и исполнения отдельных видов договоров, можно разделить на две группы. Первую группу составляют процедуры, предусмотренные в законодательстве, а вторую группу — процедуры, устанавливаемые сторонами договорных отношений. В виде процедурной деятельности можно представить сам договор.

Библиографический список

1. *Сенякин И. Н.* Дисбаланс юридической ответственности (техничко-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 274–281.

References

1. *Senyakin I. N.* Imbalance of Legal Responsibility (Technical and Cultural Determination and Causes) // Legal Technique. 2016. No. 10. P. 274–281.

Р. С. Маркунин

**ПРОЦЕДУРА РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ
ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ**

Введение: статья посвящена анализу процедур реализации мер юридической ответственности в отношении различных субъектов государственной власти. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию системы юридической ответственности с учетом правил построения системных явлений. **Цель** — на основе изучения научной литературы и действующего законодательства установить значение процедуры в ходе привлечения властных субъектов к мерам юридической ответственности. **Методологическая основа:** используется совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить формально-юридический, диалектический, системный и иные методы. **Результаты:** сформулированы предложения по совершенствованию законодательного регулирования института юридической ответственности в отношении субъектов государственного механизма. **Выводы:** процедуры реализации мер ответственности в отношении ряда властных субъектов должны включать: 1) возможность отзыва представителя Совета Федерации Федерального Собрания РФ непосредственно законодательным органом субъекта РФ без необходимости одобрения такого решения со стороны верхней палаты парламента; 2) установление механизмов проверки достоверности оснований применения поощрительных мер в процессе вручения властным субъектам почетных грамот и благодарностей Правительства РФ; 3) участие граждан РФ в процессе досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ.

Ключевые слова: утрата доверия, дискреционные полномочия, федерализм, юридическая процедура, юридическая ответственность, отзыв, нормативный правовой акт.

R. S. Markunin

**THE PROCEDURE FOR IMPLEMENTING MEASURES
OF LEGAL RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES
AS AN ELEMENT OF A UNIFIED SYSTEM
OF RESPONSIBILITY OF GOVERNMENT ENTITIES**

Background: the article is devoted to the analysis of procedures for implementing measures of legal liability in relation to various subjects of government. Specific measures are proposed to improve the system of legal liability, taking into account the rules for constructing systemic phenomena. **Objective** — basing the analysis of scientific literature and current legislation, to establish the significance of the procedure in the process of attracting government entities to legal liability measures. **Methodology:** a set of methods of scientific knowledge is used, among which we can

© Маркунин Роман Сергеевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: markunin88@gmail.com

© Markunin Roman Sergeevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

distinguish: formal legal, dialectical method, systemic and others. Results: proposals were formulated to improve the legislative regulation of the institution of legal liability in relation to subjects of the state mechanism. Conclusions: procedures for implementing liability measures in relation to a number of government entities should include: 1) the possibility of recalling a representative of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation directly by the legislative body of the constituent entity of the Russian Federation, without the need for approval of such a decision by the upper house of parliament; 2) establishing mechanisms for verifying the reliability of the grounds for applying incentive measures in the process of awarding certificates of honor and gratitude from the Government of the Russian Federation to government entities; 3) participation of citizens of the Russian Federation in the process of early termination of powers of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation.

Keywords: *loss of trust, discretionary powers, federalism, legal procedure, legal liability, recall, regulatory act.*

В методологии исследования важным вопросом является познание предмета с точки зрения его обыденного смысла или в виде особой гносеологической установки «предмет в виде системы». При первом варианте знания об объекте имеют в большей степени описательный характер. Второй метод связан с особой призмой видения, которая предусматривает: 1) определение количества элементов внутри системы; 2) выявление связей между этими элементами и внешней средой; 3) установление закономерностей соединений в системе и факторов, влияющих на них.

В связи с тем, что системный метод может применяться в исследовании любых областей науки, считаем обоснованным его использование в изучении юридических явлений, например юридической ответственности органов публичной власти. Выбор подобного субъекта ответственности неслучайный. Ввиду с внесенными в Конституцию РФ поправками публичной власти стало часто придаваться свойство системности [1, с. 32]. Она должна функционировать согласованно, что включает в себя целостную систему управления общественными процессами в стране. Вследствие этого вполне обоснованным будет вывод о том, что система публичной власти строится вместе с единой системой юридической ответственности данных субъектов. Рассмотрение столь сложного и комплексного института как юридическая ответственность в виде системы позволит более полно проанализировать структуру и предложить способы повышения эффективности ее действия на практике.

Мы исходим из того, что систему юридической ответственности органов публичной власти составляют такие элементы, как субъект ответственности, меры ответственности, основания их применения и процедура их реализации. Каждый структурный элемент заслуживает отдельного исследования и выявления уникальных связей с другими элементами системы. В силу ограниченного объема статьи в данном исследовании мы постараемся проанализировать процессуальную составляющую применения мер юридической ответственности в отношении субъектов публичной власти и представить ее в виде самостоятельного элемента системы.

Процессуальная составляющая как элемент системы юридической ответственности органов публичной власти направлена на установление и реализацию в последующем охранительного правоотношения. Таким образом, данный эле-

мент всегда связан с участием властного субъекта, высокой степенью правовой регламентации и спецификой мер, которые реализуются [2, с. 34].

Процессуальный элемент имеет своеобразие в случае его реализации при добровольной форме мер позитивной ответственности и в принудительной форме реализации мер ретроспективной ответственности. При добровольной форме ответственности процедура связана с наличием одобряемого акта поведения субъекта, в связи с которым он получает меру поощрительного характера.

Процедура реализации принудительных мер ответственности призвана зафиксировать противоправное поведение или действия, которые не одобряются институтами гражданского общества со стороны органа публичной власти или должностного лица. Далее процедура должна предусматривать полное рассмотрение всех фактических обстоятельств дела с последующим оформлением результата в виде правоприменительного акта и обеспечением его реализации.

В первом и во втором случае важна должная регламентация процедуры реализации мер. Например, в случае позитивной юридической ответственности недостаточная регламентация может приводить к злоупотреблениям мерами поощрительного характера, что в настоящее время можно наблюдать в процедуре награждения почетными грамотами и благодарностями, установленной Постановлением Правительства РФ от 31 января 2009 г. № 73 «О Почетной грамоте Правительства Российской Федерации и благодарности Правительства Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2020 г.)¹. Данный элемент системы ответственности практически полностью отсутствует в названном постановлении. Так, в п. 3 лишь говорится о возбуждении ходатайства о награждении грамотой или объявлении благодарности органами местного самоуправления и о возможности определения порядка возбуждения таких ходатайств в рамках решений различных государственных органов, которые стремятся поощрить своих сотрудников. К представлениям о награждении согласно п. 6 Постановления Правительства РФ «О Почетной грамоте...» должны прилагаться выписки решения публичного органа власти, а также сведения с указанием достижений, в связи с которыми должны быть вручены грамоты и благодарности. Подобные сведения фактически выступают как основания применения мер поощрительного характера. Однако постановление содержит лишь сугубо оценочные категории данных оснований, ограничиваясь формулировками «содействие проведению социальной и экономической политики государства», «развитию местного самоуправления», «реализации внешней политики государства». Помимо подобных оснований отсутствуют их количественно-качественные характеристики, а также не предусмотрено каких-либо проверочных механизмов со стороны Правительства РФ и его членов для подтверждения наличия подобных оснований, содержащихся в представлениях на награждение. Отсутствуют также меры реагирования в случае необоснованного вручения грамот и наград, сведения о которых могут быть получены уже после награждения должностного лица.

Изложенное свидетельствует о наличии пробелов в существующих процедурах награждения и большого количества дискреционных полномочий у вышестоящих должностных лиц. Изначально границы дискреционных полномочий находятся в подвижном состоянии. Имеющийся правовой нигилизм должностных

¹ См.: СЗ РФ. 2009. № 6, ст. 745; 2020. № 30, ст. 4898.

лиц в сочетании с ненадлежащим правовым регулированием, а именно отсутствием должной регламентации процедуры реализации, в данном случае поощрительных мер, приводит к потенциальной опасности проявления произвола и коррупционной составляющей в деятельности властных субъектов.

Начиная рассматривать процессуальную составляющую системы ответственности в отношении реализации негативных мер ответственности субъектов публичной власти, обратимся к последним изменениям законодательства, а именно к возможности отзыва представителя Совета Федерации Федерального Собрания РФ. В ст. 4 п. 3.2 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2023 г.)¹ закреплено право субъекта РФ отозвать сенатора, представляющего интересы данного региона, до истечения срока его полномочий. В п. 7.1 ст. 11 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2023 г.)² также содержится процедура отзыва сенатора.

Проблема отсутствия процедуры отзыва представителя Совета Федерации Федерального Собрания РФ в действующем законодательстве нами поднималась ранее в других работах. Мы указывали на невозможность осуществления контроля и отсутствие рычагов влияния со стороны регионального органа власти на сенатора. Все это не создавало гарантий результативного представления интересов субъекта РФ в представительном органе власти федерального уровня [3, с. 14].

В итоге законодатель усмотрел подобный правовой пробел в системе юридической ответственности представителя высшей палаты парламента и внес необходимые дополнения. Однако новая процедура отзыва сенатора включает обязательное участие самой высшей палаты, поскольку отзыв представителя Совета Федерации оформляется решением данной палаты. До настоящего времени в законодательстве отсутствует перечень конкретных оснований, на который законодательный орган субъекта РФ мог бы сослаться, иницируя процедуру отзыва сенатора. В п. 7.3 ст. 11 Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации...» установлено, что в случае отклонения представления об отзыве сенатора орган государственной власти субъекта РФ, принявший решение о наделении полномочиями сенатора РФ, не может в течение шести месяцев внести повторное представление. В результате возможна ситуация, при которой потерявший доверие своего региона сенатор продолжает представлять интересы этого региона, что не создает основу для результативного диалога этих субъектов. Можно предположить, что в таких условиях эффективность деятельности сенатора будет отсутствовать, поскольку региональный орган публичной власти в его услугах не заинтересован. Более того, сенатор способен полностью игнорировать существующие проблемы региона, которые требуют скорейшего решения на федеральном уровне.

Исходя из сказанного, считаем, что существующая сегодня процедура реализации отзыва сенатора нуждается в изменениях: необходимо закрепить перечень обязательных оснований для отзыва сенатора, которые могут быть изложены

¹ См.: СЗ РФ. 1994. № 2, ст. 74; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6139.

² См.: Там же. 2020. № 52, ч. 1, ст. 8585; 2023. № 23, ч. 1, ст. 4004.

в представлении субъекта РФ при подаче в Совет Федерации Федерального Собрания. Подобные основания должны быть унифицированы и закреплены в федеральном законодательстве. На важность правовой унификации в процессе регулирования спорных общественных отношений, которая позволит устранить различия в регулировании правовых явлений, указывал И. Н. Сенякин [4, с. 16]. Считаем, что такими унифицированными основаниями могут быть: систематическое отсутствие по неуважительной причине на заседаниях Совета Федерации; утрата правовой связи с субъектом РФ, решением которого сенатор наделили соответствующими полномочиями. Подобные основания следует закрепить в качестве обязанностей, тем самым расширив их перечень, имеющийся на данный момент в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания» (в ред. от 28 июля 2023 г.)¹.

Еще одним примером необходимости внесения законодательных поправок в процессуальный элемент системы юридической ответственности властных субъектов может служить существующая процедура досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ в результате утраты доверия главой государства. Ранее мы уже анализировали неопределенность имеющегося основания данной меры ответственности [1, с. 31], однако сама процедура ее реализации также заслуживает отдельного внимания. В ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.)² устанавливается возможность для главы государства отрешить от должности высшее должностное лицо субъекта РФ в связи с утратой доверия. В следующей статье закрепляются основания и процедура вынесения предупреждения высшему должностному лицу со стороны главы государства. Предусмотрены следующие основания для подобной меры ответственности: издание высшим должностным лицом субъекта РФ акта, противоречащего федеральному законодательству, и уклонение высшего должностного лица от издания нормативного акта, отменяющего акт, который нарушает требования федерального законодательства, о чем свидетельствует изданный ранее Указ Президента РФ. Существующая процедура предусматривает наличие месячного срока для устранения оснований, которые послужили причиной вынесения предупреждения высшему должностному лицу субъекта РФ. В случае если нарушения не будут устранены, глава государства отрешает от должности главу субъекта РФ. В статье также предусмотрено еще одно основание отрешения главы субъекта РФ в виде выражения ему недоверия со стороны законодательного органа субъекта РФ. Однако установленная процедура предусматривает участие главы государства, поскольку решения о предупреждении или отрешении главы субъекта РФ принимаются исключительно в форме указа Президента РФ. Тем не менее высшему должностному лицу субъекта РФ предоставлено право обжалования указа главы государства в Верховный Суд РФ в течение десяти дней со дня его официального опубликования³.

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 7, ст. 635; 2023. № 32, ч. 2, ст. 6334.

² См.: Там же. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2024. № 1, ч. 1, ст. 54.

³ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2024. № 1, ч. 1, ст. 54.

При анализе процедуры реализации таких мер ответственности, как предупреждение и отрешение высшего должностного лица субъекта РФ от должности, можно усмотреть характерную особенность, а именно обязательное участие главы государства в реализации любых имеющихся мер юридической ответственности. Подобная процедура отрешения от должности была бы обоснованной в случае назначения высших должностных лиц субъектов РФ в индивидуальном порядке исключительно главой государства, однако действующее законодательство предусматривает лишь подбор кандидатов на эту должность со стороны Президента РФ. Избрание же главы региона происходит депутатами законодательного органа субъекта РФ или непосредственно гражданами. Во втором случае глава государства никаким образом не задействован в избирательном процессе. В связи с чем вызывает множество вопросов существующая процедура досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта РФ, в которой принимает участие фактически один глава государства. Президент РФ может досрочно прекратить полномочия высшего должностного лица в индивидуальном порядке по основанию утраты доверия, не проводя каких-либо консультаций с законодательным органом субъекта РФ. Орган законодательной власти может лишь инициировать процедуру выражения недоверия главе региона, однако даже в этом случае отрешение от должности осуществляет Президент РФ. Граждане РФ не задействованы ни в каких разновидностях существующих процедур реализации мер юридической ответственности в отношении главы субъекта РФ, даже при условии его избрания в результате проведения прямых выборов.

На основании изложенного считаем, что существующая процедура отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ не создает гарантию и защиту прав населения, поскольку граждане не имеют возможностей организовать отзыв высшего должностного лица и каким-либо иным образом принять участие на любой стадии реализации иных мер юридической ответственности, даже при условии избрания данного лица по результатам проведения прямых выборов. Кроме того, в процедуре не предусмотрена возможность досрочного прекращения полномочий главы субъекта РФ непосредственно законодательным органом субъекта РФ, даже в случае избрания высшего должностного лица этим органом. Существующая процедура ставит под сомнение суверенитет региональных законодательных органов власти. Как верно отмечал И. Н. Сенякин, «суверенитет Федерации принадлежит не только федеральному центру, а реализуется и субъектами Федерации...» [5, с. 39]. В результате считаем, что процедуру реализации мер юридической ответственности главы субъекта РФ необходимо усовершенствовать, расширив возможности для законодательного органа субъекта РФ, а именно закрепить право в индивидуальном порядке досрочно прекращать полномочия главы региона при условии его избрания именно этим органом власти. В случае же избрания главы субъекта РФ населением региона, следует предусмотреть возможность инициирования процедуры досрочного прекращения полномочий должностного лица со стороны граждан.

Таким образом, мы обеспечим реализацию принципа федерализма, установленного Конституцией РФ, а также предусмотрим возможность для населения участвовать в процедуре досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации, тем самым развивая идею правовой государственности.

В связи с тем, что современное российское законодательство является сложным образованием, оно не лишено различных разночтений, несогласованностей и повторов [6, с. 421]. Подобных недостатков не лишены и существующие процедуры реализации мер юридической ответственности в отношении описанных нами властных субъектов. Все это вызывает необходимость внесения законодательных поправок, направленных на повышение эффективности работы такого элемента системы юридической ответственности органов публичной власти, как процедуры реализации мер и поощрительного, и карательного характера. Обозначенные нами предложения по совершенствованию действующего законодательства позволят повысить результативность всей системы юридической ответственности властных субъектов, что будет способствовать достижению ее цели в обеспечении должного уровня законности, правопорядка и эффективности в работе органов публичной власти.

Библиографический список

1. *Маркунин Р. С.* Основание утраты доверия как структурный элемент единой системы юридической ответственности органов публичной власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2. С. 31–37.
2. *Протасов В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.
3. *Маркунин Р. С.* Система юридической ответственности членов Федерального Собрания Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2019. № 4. С. 10–15.
4. *Сенякин И. Н.* О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 15–23.
5. *Сенякин И. Н.* Российский федерализм: проблемы и тенденции развития // Правовая культура. 2006. № 1. С. 31–42.
6. *Сенякин И. Н.* Противоречивость российского законодательства в ракурсе правопреемственности // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 421–431.

References

1. *Markunin R. S.* The Basis for Loss of Trust as a Structural Element of a Unified System of Legal Responsibility of Public Authorities // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 2. P. 31–37.
2. *Protasov V. N.* Fundamentals of General Legal Procedural Theory. M.: Legal lit., 1991. 143 p.
3. *Markunin R. S.* The System of Legal Liability of Members of the Federal Assembly of the Russian Federation // Academic Law Journal. 2019. No. 4. P. 10–15.
4. *Senyakin I. N.* On the Role of Unification in the System of Russian Legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 2. P. 15–23.
5. *Senyakin I. N.* Russian Federalism: Problems and Development Trends // Legal Culture. 2006. No. 1. P. 31–42.
6. *Senyakin I. N.* The Inconsistency of Russian Legislation from the Perspective of Legal Succession // Legal Technology. 2011. No. 5. P. 421–431.

Р. А. Осипов

УНИФИКАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
К 75-ЛЕТИЮ И. Н. СЕНЯКИНА

Введение: статья посвящена исследованию одной из актуальных тем теории права — унификации и специализации российского законодательства. Расширяющаяся сфера общественных отношений требует постоянной систематизации и унификации отдельных норм.

Цель — обобщить взгляды отечественных правоведов по проблемам унификации и специализации российского законодательства. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой и формально-юридический методы, диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедуция. **Результаты:** в ходе исследования были обобщены теоретические и практические положения по вопросам унификации и специализации российского законодательства. **Выводы:** обозначены направления развития систематизации и унификации законодательства.

Ключевые слова: систематизация, унификация, специализация, система права, законодательство, отрасли права, право.

R. A. Osipov

UNIFICATION AND SPECIALIZATION OF RUSSIAN LEGISLATION:
TO THE 75TH ANNIVERSARY OF I.N.SENYAKIN

Background: the article is devoted to the study of one of the topical topics of the theory of law: unification and specialization of Russian legislation. The expanding sphere of public relations requires constant systematization and unification of individual norms. **Objective** — to summarize the views of Russian legal scholars on the problems of unification and specialization of Russian legislation. **Methodology:** comparative legal and formal legal methods, dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction. **Results:** in the course of the study, theoretical and practical provisions on the unification and specialization of Russian legislation were summarized. **Conclusions:** the directions of development of systematization and unification of legislation are outlined.

Keywords: systematization, unification, specialization, legal system, legislation, branches of law, law.

Унификацию и специализацию российского законодательства следует считать основными направлениями развития совершенствования правотворческого процесса. Большое внимание вопросам унификации и специализации уделял И. Н. Сенякин [1], разработавший фундаментальную концепцию унификации с многоуровневой структурой.

Специализация — неотъемлемая часть процесса развития общественных отношений и соответствующего механизма правового регулирования в раз-

© Осипов Роман Алексеевич, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: magistr_sar@mail.ru

© Osipov Roman Alekseevich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

личных сферах жизнедеятельности человека (право, экономика, социальная сфера, политика и пр.). Благодаря специализации правовых норм возможно создание специальных юридических правил и предписаний, что способствует более глубокому и точному правовому регулированию. Норма права в частности и российское законодательство в целом являются объектами специализации. Целью специализации выступает максимально полный охват общественных отношений и процессов, что не противоречит целевому назначению права как эффективного социального регулятора.

Выделяют следующие виды специализации: предметная предполагает регулирование определенного направления в правоотношениях (конкретного элемента или этапа); функциональная предназначена для «рассортировки» норм по различным отраслям права. Данный вид специализации в российском праве связан с особенностями структуры правовой системы. Поскольку внутренние связи между элементами правовой системы выполняют важную роль в процессе формирования и поддержания единства системы права выделяются системоопределяющие специализированные нормы, к которым, по мнению А. В. Баранова, относятся декларативные нормы, нормы-принципы, закрепляющие цели и задачи правового регулирования нормы-дефиниции [2, с. 6].

К формам специализации известнейший правовед С. С. Алексеев относит детализацию, конкретизацию и дифференциацию [3, с. 53]. Исследованию форм специализации посвящали научные изыскания такие авторы, как И. А. Глотова [4], М. Ш. Гамидов [5], Э. К. Утяшов [6], М. В. Залоило [7], Н. А. Власенко [8], изучавшие конкретизацию норм права. М. К. Юков и С. С. Алексеев отмечали, что интеграция и дифференциация могут также считаться основными формами специализации в отдельных отраслях права, например в гражданском процессе [9, с. 70; 3, с. 54].

В свою очередь, Г. Г. Егоров и И. Б. Орешкина при исследовании трудов И. Н. Сенякина акцентируют внимание на том, что для успешного осуществления практик договорных отношений между субъектами Федерации необходима нормативно-правовая основа. Без связей юридического характера невозможно реализовать экономические отношения любого вида и уровня [10, с. 28].

Унификация является важным инструментом правовой регламентации, играя существенную роль в систематизации российского законодательства. Посредством унификации обобщаются нормативные предписания по сходным проблемам правового регулирования, проводится технико-формализованная обработка уже принятых унифицированных положений.

Приведем некоторые точки зрения ученых, связанных с дефиницией понятия «унификация», встречающиеся в современной научной литературе. О. Н. Садиков полагает, что «процесс выработки единых (унифицированных) правовых норм для сходных отношений, независимо от того, в каких правовых формах такой процесс осуществляется» [11, с. 95] и является по сути своей унификацией. М. И. Бару отмечает, что унификация есть «устранение различий в регулировании сходных отношений» [12, с. 45]. По мнению Л. Е. Смирновой, унификация не ограничивается пределами законодательства, она должна происходить в праве в целом [13, с. 15]. А И. Н. Сенякин в своих рассуждениях связывал унификацию с законодательством [14, с. 148].

К уровням унификации относят: всеобщую (общефедеральную), республиканскую (субъектов Федерации), местную, ведомственную и локальную.

Общезаконодательная унификация законодательства является высшим уровнем нормативного обобщения, имеет приоритет и выступает ориентиром для других видов унификации, например, отметим, что модельные кодексы и законы в современном мире есть не что иное, как эффективная форма общезаконодательной унификации законодательства [15, с. 18].

Унификация законодательства субъектов Федерации представляет собой следующий по значимости и по юридической силе вид унификации.

Местная унификация законодательства осуществляется на «уровне местного самоуправления и учитывает особенности территориальных образований. Она выражается в единых правилах, постановлениях, решениях и т.д.» [15, с. 19]. Данный вид унификации появился не так давно и достаточно редко применяется.

Ведомственная унификация законодательства направлена на обработку актов министерств, ведомств и различных комитетов, абсолютно в различных сферах деятельности. При этом данный вид может иметь свою специфику в зависимости от правового статуса учреждения/предприятия.

«Локальная унификация — это обработка правовых актов отдельных предприятий, затрагивающая их производственную деятельность. Она осуществляется на уровне отдельных организаций и характеризует специфику их внутрипроизводственной деятельности» [15, с. 19]. Данная унификация может включать в себя разработку внутренних (локальных) нормативных правовых актов (положение о внутреннем трудовом распорядке, коллективный договор, различные положения о материальной помощи, премировании, депремировании и т.д.).

Формами унификации выступают интеграция, универсализация и систематизация.

Терминологическая обработка нормативных правовых актов является важной стороной процесса унификации. Следует отметить, что единая профессиональная юридическая терминология оказывает существенное воздействие на стиль изложения нормативных предписаний, их качественные характеристики и внутреннее содержание.

Идея правовой унификации основывается на наличии множественности элементов в системе права или отдельной сфере правового регулирования общественных отношений и на необходимости единого содержания указанных элементов. Первостепенная функция унификации заключается в упрощении и достижении наибольшей логической последовательности в нормативной общности. Этот подход получил всестороннее развитие в рамках научного направления, основанного И. Н. Сенякиным [10, с. 26].

Унификация может осуществляться различными путями, например посредством выработки общих норм для отдельных отраслей, учета специфики разных общественных отношений и создания институциональных образований, о чем упоминал И. Н. Сенякин [15, с. 17].

По мнению С. Н. Садикова, унификации желательно подвергать наиболее масштабный круг социально-правовых явлений [11, с. 95].

Заметим, что именно с однотипных предписаний начинается этап унификации, суть которого может заключаться в упразднении некоторых актов, правильном расположении и соблюдении последовательности.

Концепция унификации законодательства, разработанная И. Н. Сенякиным, представляет собой многоуровневую структуру, которая содержит сложную идею специализации, унификации и их комбинации с целью достижения гармонии. Эта концепция также включает принципы и технологии обоих процессов, а также практические рекомендации по их реализации. Процессы унификации и специализации являются отражением внутренних и внешних закономерностей развития правовой системы. Результат использования положений данной концепции — более эффективное и гармоничное развитие нормативной базы и обеспечение правовой стабильности.

Отметим, что практика унификации и систематизации законодательства позволяет упростить восприятие и осмысление законов для людей, работающих в правовой сфере, а также достичь ясной и четкой структуры законодательства, которая поможет юристам оперативно находить нужную информацию.

Унифицированное и систематизированное законодательство представляет собой стабильную основу для правовых отношений в обществе. Оно упрощает понимание и применение законов для граждан и юридических лиц, что способствует поддержанию законности и обеспечению правопорядка.

Кроме того, унификация и систематизация законодательства способствуют поддержанию правовой непротиворечивости и согласованности, что важно для предотвращения возможных противоречий между законами и их неправомерных толкований. Это способствует снижению рисков для юридических лиц и граждан, а также укреплению доверия к правовой системе в целом. Представляется, что для качественной работы в сфере унификации и систематизации законодательства следует уделять больше внимания формированию «грамотного» штата сотрудников как по анализу практических проблем в правоприменительной практике, так и тех вопросов, которые возникают в сфере нормативной регламентации отдельных отраслей права. Последующие совершенствования в направлении унификации и систематизации законодательства являются необходимым шагом для обеспечения более эффективного и согласованного правового регулирования, что позволит повысить доступность и понятность законодательства для всех его пользователей, а также улучшить условия для его применения и исполнения. Принятие таких мер поможет достичь более стабильной и справедливой правовой системы, которая будет служить интересам общества.

Библиографический список

1. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 194 с.
2. Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 5–11.
3. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
4. Глотова И. А. Конкретизация норм трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 34 с.
5. Гамидов М. Ш. Конкретизация норм права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 203 с.
6. Утяшов Э. К. О необходимости конкретизации норм правового режима военного положения // Вопросы экономики и права. 2015. № 8. С. 13–16.

7. *Залоило М. В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 196 с.
8. *Власенко Н. А.* Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: матер. междунар. симпоз. (Геленджик, 27—28 сентября 2007 г.) / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2008. С. 57–68.
9. *Юков М. К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: монография / отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Статут, 2019. 318 с.
10. *Егоров Г. Г., Орешкина И. Б.* Развитие идеи унификации законодательства в творчестве Ивана Николаевича Сенякина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2(145). С. 26–33.
11. *Садиков О. Н.* Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 91–102.
12. *Бару М. И.* Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45–50.
13. *Смирнова Л. Е.* Унификация в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 203 с.
14. *Сенякин И. Н.* Унификация как средство совершенствования законодательной терминологии // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. С. 147–158.
15. *Сенякин И. Н.* О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2(127). С. 15–23.

References

1. *Senyakin I. N.* Specialization and Unification of Russian Legislation. Problems of Theory and Practice: a Monograph. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1992. 194 p.
2. *Baranov A. V.* System-Defining Specialized Norms of Law in the Mechanism of Legal Regulation // Bulletin of the Tomsk State University. 2011. No. 2. P. 5–11.
3. *Alekseev S. S.* The Structure of Soviet Law. M.: Legal lit., 1975. 264 p.
4. *Glotova I. A.* Concretization of Labor Law Norms: extended abstract diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 2015. 34 p.
5. *Gamidov M. S.* Concretization of the Norms of Law: diss. ... cand. of Law. N. Novgorod, 2010. 203 p.
6. *Utyashov E. K.* On the Need to Specify the Norms of the legal Regime of Martial law // Economic and Legal Issues. 2015. No. 8. P. 13–16.
7. *Zaloilo M. V.* The Concept and Forms of Concretization of Legal Norms: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 2011. 196 p.
8. *Vlasenko N. A.* Concretization in Law: the Nature and Ways of Research // Concretization of Legislation as a Technical and Legal Method of Normative, Interpretative, Law Enforcement Practice: mater. of international symposium (Gelendzhik, September 27–28, 2007) / ed. by V. M. Baranov. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. P. 57–68.
9. *Yukov M. K.* Theoretical Problems of the System of Civil Procedural Law: monograph / ed. by V. V. Zaitsev. M.: Statute, 2019. 318 p.
10. *Egorov G. G., Oreshkina I. B.* The Development of the Idea of Unification of Legislation in the Work of Ivan Nikolaevich Senyakin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 2(145). P. 26–33.

11. *Sadikov O. N.* Unification as a Means of Improving Civil Legislation // Law Studies. 1972. No. 6. P. 91–102.
12. *Baru M. I.* Unification and Differentiation of Labor Law Norms // The Soviet State and Law. 1971. No. 10. P. 45–50.
13. *Smirnova L. E.* Unification in Criminal Law: diss. ... cand. of Law. Yaroslavl, 2006. 203 p.
14. *Senyakin I. N.* Unification as a Means of Improving Legislative Terminology // Legislative Definition: Logical-Epistemological, Political-Legal, Moral-Psychological and Practical Problems: Mater. International. Round Table (Chernivtsi, September 21–23, 2006) / ed. by V. M. Baranov, P. S. Patsurkivsky, G. O. Matyushkin. N. Novgorod, 2007. P. 147–158.
15. *Senyakin I. N.* On the Role of Unification in the System of Russian Legislation // Bulletin the Saratov State Law Academy. 2019. No. 2(127). P. 15–23.

О. В. Пискунова

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ

Введение: в статье рассмотрены теоретико-правовые и практические аспекты регулятивной функции как системообразующей функции правовых норм, раскрыта ее природа и виды. Анализируются общетеоретические подходы относительно градации специальных функций правовых норм на регулятивные и охранительные. **Цель** — теоретически обосновать системообразующую природу регулятивной функции правовых норм. **Методологическая основа:** общенаучные и специально-юридические методы познания: системный, функциональный, анализ, синтез, формально-юридический, позволившие рассмотреть содержание и виды регулятивной функции как системообразующей функции правовых норм. **Результаты:** аргументирована позиция автора об аккумулирующей роли регулятивной функции в системе функций правовых норм. **Выводы:** установлено, что регулятивная функция — внутренне присущее любой правовой норме свойство, выполняющее правостабилизирующую роль в социальных отношениях, служащее их организованности.

Ключевые слова: функции, норма права, правовое регулирование, охрана, стимулы, ограничения.

O. V. Piskunova

THE REGULATORY FUNCTION AS A SYSTEM-FORMING FUNCTION OF LEGAL NORM

Background: the article examines the theoretical, legal and practical aspects of the regulatory function as a system-forming function of legal norms, reveals its nature and types. On the basis of general theoretical approaches, different points of view are analyzed regarding the gradation of special functions of legal norms into regulatory and protective ones. **Objective** — theoretically substantiate the system-forming nature of the regulatory function of legal norms. **Methodology:** the study used general scientific and special legal methods of cognition: systemic, functional, analysis, synthesis, formal legal, which allowed the author to consider the content and types of regulatory function as a system-forming function of legal norms. **Results:** the author's position on the accumulating role of the regulatory function in the system of functions of legal norms is argued. **Conclusions:** it is established that the regulatory function is an intrinsic property of any legal norm that performs a rightstabilizing role in social relations, serving their organization.

Keywords: functions, rule of law, legal regulation, protection, incentives, restrictions.

Динамика общественных отношений, являющаяся следствием внешнеполитических, социально-экономических преобразований, увеличение числа

© Пискунова Ольга Владимировна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: opickunova@mail.ru
© Piskunova Olga Vladimirovna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

социальных взаимосвязей и социальной активности, предъявляет все более повышенные требования к средствам упорядочения социальных процессов, правовым регуляторам. Правовые нормы — действенный управленческий инструмент, способный реализовывать множество социальных миссий. Воздействие норм на общественные отношения проявляется в функциях, в которых наиболее зримо выражается их сущность, содержание, назначение. Системообразующей функцией, прямо следующей из социального назначения нормы, признается регулятивная функция, обеспечивающая упорядоченность общественных отношений, их стабильность. Ее природа в организующей способности нормы быть центральным звеном всей системы права, отражать внутренние связи норм и обеспечивать ее единство и сбалансированность [1, с. 57–58]. Без ее осуществления, которое возможно как посредством активного, так и пассивного поведения участников правоотношений, правовые нормы теряют свой смысл и назначение, становятся бесполезным инструментом, не способным решать стоящие перед ним задачи и достигать поставленные цели.

Некоторые вопросы функциональной характеристики правовых норм были предметом изучения и нашли отражение в работах таких ученых-правоведов и практиков, как А. И. Абрамов, С. С. Алексеев, М. И. Байтин, Д. А. Керимов, Ю. В. Кудрявцев, В. В. Лазарев, Т. Н. Радько, И. Н. Сенякин, Ю. А. Тихомиров, А. Ф. Черданцев и др. Анализ данных трудов, позволил сформулировать ряд теоретических выводов и предложений относительно природы регулятивной функции правовых норм.

Функциональная специфика, раскрывающая динамическую природу правовых норм, их социальное назначение и качественные характеристики, непосредственно выражает их сущность. Познание функциональных аспектов государственно-правовых явлений не обходит стороной ни один теоретик. Функции правовых норм — основные, обусловленные задачами и целями направления воздействия, устойчивые взаимосвязи норм, в которых раскрывается их юридическая природа.

Все правовые нормы в механизме правового регулирования осуществляют регулятивную функцию в той или иной мере, в частности и принятые в целях охраны общественных отношений. Фактическое регулирование вне механизмов охраны невозможно — это две стороны одной медали. Если государство обращает внимание на определенную сферу социальных отношений, придавая им правовой окрас, то вместе с этим оно и охраняет их. Правовое регулирование будет лишено эффективности, если не будет иметь подкрепления механизмами охраны.

Регламентация общественных отношений и установление мер принуждения в случае нарушения нормы способствует выработке законопослушного поведения. Неразумно отрицать регулятивное значение, например, норм административного или уголовного права. Анализ положений уголовного законодательства демонстрирует, что большинство из них одновременно и регулирует, и охраняет. Соответственно, следование уголовно-правовым установлениям свидетельствует об осуществлении регулятивной функции, а нарушение норм — охранительной. Так, ст. 117 Уголовного кодекса РФ регламентирует ответственность за «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями». Далее в санкции

этой же статьи устанавливается наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет либо принудительных работ на срок до трех лет или лишения свободы на тот же срок¹. Таким образом, субъект, воздержавшись от совершения подобных действий, к ответственности привлекаться не будет.

Подобный подход не является новаторским. В юридической литературе советского периода отмечалось, что «правосознание, правовые нормы и правоотношения служат лишь неким внешним проявлением права, сущность которого состоит в охраняемом государственной властью порядке общественных отношений» [2, с. 52]. В таком контексте можно утверждать, что регулирование общественной жизни неотделимо от ее охраны.

Вопросы самостоятельности охранительной функции правовых норм несколько десятилетий являются предметом научных дискуссий. Не все исследователи причисляют ее к таковым. Так, С. С. Алексеев рассматривает ее как дополнение к статической и динамической, отмечая, что «она проявляется постольку — поскольку нарушается право. Иными словами, она выступает в качестве функции, подкрепляющей и дополняющей действие основных» [3, с. 66].

Ф. Н. Фаткуллин охранительную функцию относит к подвиду регулятивной [4, с. 206]. Схожей точки зрения, придерживался М. И. Байтин, обозначающий ее чаще «регулятивно-охранительной», относя тем самым к подвиду регулятивной функции [5, с. 13].

Л. С. Явич считал, что регулирование при помощи правовых норм «заключается не только в известном направлении развития общественных отношений, но и в охране существующих общественных отношений, в создании условий для возникновения новых отношений, которые соответствуют потребностям существующего способа производства, в установлении преград общественным отношениям, противоречащим экономическому и политическому господству правящего класса народа» [6, с. 27–28].

Т. Н. Радько полагает, что «не стоит смущаться наличием охранительных свойств в регулятивной функции и регулятивных в охранительной (их никто не отрицает, как нельзя отрицать двуединое назначение права в обществе — это регулировать и охранять общественные отношения), а нужно выяснить эти свойства, объяснять их значение, взаимосвязь, отличие, искать пути совершенствования и повышения эффективности» [7, с. 52].

Подобные утверждения о способности нормы регулировать охраняя и охранять регулируя все чаще приводят к встречающейся в общей теории права концепции об условности деления специальных функций правовых норм на регулятивные и охранительные с вычленением главной, системообразующей функции — регулятивной, «срезами» которой является статика, динамика и охрана.

Установив, что каждая правовая норма вне целевой направленности осуществляет регулятивную функцию, следует остановиться на рассмотрении двух ее взаимосвязанных сторон — статической и динамической.

Наличие статической составляющей регулятивной функции норм права обусловлено не только внешними факторами, но и внутренними ресурсами государства. Это свидетельство успешного предшествующего развития. Она

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 15, ст. 1972.

направлена на закрепление в соответствующих нормах того, что реально достигнуто и отвечает политическому, экономическому, нравственно-культурному фундаменту общества и государства. В частности, содержанием данной функции охватывается закрепление основ конституционного строя, народовластия, форм собственности, правового статуса граждан, форм правления, государственного устройства и политического режима [5, с. 13]. Ярко данный срез регулятивной функции правовых норм проявляется в конституционном праве. Постепенно накапливающиеся в социуме изменения в итоге приводят к необходимости внесения корректив в действующие акты, изменения вектора развития действующего законодательства.

Динамическая составляющая регулятивной функции отражает развитие, изменение, совершенствование существующих социальных отношений и появление новых. Сложно определить отрасль права, структурные элементы которой не были бы подвержены изменениям и не отражали динамику правового регулирования. Норма только тогда будет действенной, ориентирующей субъекта на должный вариант поведения и воздерживающей от нежелательных поступков, когда будет отвечать реально сложившимся в социуме отношениям, связям, будет отражением принципов и ценностей.

Процесс движения демонстрирует совершенствование правовых норм, сознательное стремление законодателя наиболее целесообразно преобразить их, приспособить к разрешению проблемных ситуаций динамично развивающегося общества. В этом основное назначение правовых норм, их социальная и инструментальная ценность. По справедливому утверждению И. Л. Петрухина, «ценность нормы есть ее соответствие действительным потребностям общества, способность отражать и развивать прогрессивные общественные тенденции» [8, с. 170]. И. Н. Сенякин отмечал, что «суть социальной ценности любого нормативного предписания проявляется в его способности объективно отражать процессы общественного развития, его классовую направленность» [9, с. 79].

В динамическом аспекте регулирования целесообразно выделить две подфункции — ограничительную и стимулирующую.

Ограничительная подфункция правовых норм проявляется в установке обязанности, адресованной субъектам правоотношений, совершить определенные действия или запрета их совершения в целях недопущения ущемления интересов иных лиц, социальных групп, общества в целом. Это своеобразное сужение объема возможностей субъекта до «предельного» состояния.

Конституция Российской Федерации, гарантируя права и свободы человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права, вместе с тем регламентирует и обязанность их реализации без нарушения прав и свобод других лиц, то есть определяет соответствующие ограничения (ст. 17)¹.

Схожая норма содержится и в ст. 13 Основного Закона, согласно которой разрешается «идеологическое, политическое многообразие, многопартийность», одновременно запрещается «создание общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2024).

безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹.

Таким образом, исследуемая подфункция, несмотря на классически предписываемую ей негативную природу, в результате приводит к положительным последствиям, выступая средством обеспечения стабильности и правопорядка в обществе.

Стимулирующая подфункция правовых норм выражается в воздействии на волю и сознание людей в целях формирования установки правомерного поведения, исключающего всякое нарушение правопорядка. Содержание ее консолидирует в себе как нормы, сдерживающие субъектов от совершения запрещенных деяний, так и нормы, побуждающие к определенной правовой активности посредством предоставления прав на совершение социально полезных действий. Так, налоговым законодательством регламентируются налоговые вычеты с суммы, уплаченной за приобретение недвижимости, за обучение в образовательных учреждениях, за лечение в медицинских учреждениях и т.д., что стимулирует граждан к получению образования, улучшению жилищных условий и т.д.

Регулятивная функция правовых норм — внутренне присущее любой норме свойство. Это стержень, фундамент всех функций, это та основа, вне которой остальные функции норм права лишаются своих качественных черт. С ее помощью происходит упорядочение общественных отношений, укрепление основ теории прав человека, свободы и равенства. По справедливому утверждению А. С. Палазяна, именно регулятивная (упорядочивающая) функция является системообразующей, отражающей главное предназначение правовых норм, независимо от формы, исторической ситуации, культурного своеобразия [10, с. 52].

Библиографический список

1. *Абрамов А. И.* Теоретические и практические проблемы реализации функций права. Самара: Офорт, 2008. 318 с.
2. *Миколенко Я. Ф.* Право и формы его проявления // Советское государство и право. 1965. № 7. С. 47–54.
3. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. 370 с.
4. *Фаткуллин Ф. Н.* Проблемы теории права и государства. Казань, 1987. 336 с.
5. *Байтин М. И.* О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.
6. *Явич Л. С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. 172 с.
7. *Радько Т. Н., Толстик В. А.* Функции права. Н. Новгород: Нижегород. высшая школа МВД России, 1995. 106 с.
8. *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Моршакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 392 с.
9. *Сенякин И. Н.* Ценностная характеристика специальных норм советского права // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы советской юридической науки и практики. Саратов, 1982. 175 с.
10. *Палазян А. С.* Принципы систематизации функций права // Юридический мир. 2009. № 2. С. 51–55.

¹ См.: Конституция Российской Федерации.

References

1. *Abramov A. I.* Theoretical and Practical Problems of the Implementation of the Functions of Law. Samara: Ofort, 2008. 318 p.
2. *Mikolenko Ya. F.* Law and Forms of Its Manifestation // The Soviet State and Law. 1965. No. 7. P. 47–54.
3. *Alekseev S. S.* General Theory of Socialist Law. Issue 1. Sverdlovsk, 1963. 370 p.
4. *Fatkullin F. N.* Problems of the Theory of Law and the State. Kazan, 1987. 336 p.
5. *Baitin M. I.* On the Principles and Functions of Law: New Moments // Law Studies. 2000. No. 3. P. 4–16.
6. *Yavich L. S.* Problems of Legal Regulation of Soviet Public Relations. M., 1961. 172 p.
7. *Radko T. N., Tolstik V. A.* Functions of Law. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. 106 p.
8. *Petrukhin I. L., Baturov G. P., Morshakova T. G.* Theoretical Foundations of the Effectiveness of Justice. M., 1979. 392 p.
9. *Senyakin I. N.* Value Characteristics of Special Norms of Soviet Law // XXVI Congress of the CPSU and Actual Problems of Soviet Legal Science and Practice. Saratov. 1982. 175 p.
10. *Palazyan A. S.* Principles of Systematization of the Functions of Law // Legal World. 2009. No. 2. P. 51–55.

Е. М. Клевцова

ВЛИЯНИЕ ДИСБАЛАНСА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН

Введение: правосознание граждан подвержено постоянным изменениям, которые возникают на фоне политических, экономических и иных кризисных явлений, ключевое место среди которых занимает дисбаланс в законодательстве. **Цель** — определить влияние дисбаланса в законодательстве на правосознание граждан. Обозначить пути преодоления деформации правосознания. **Методологическая основа:** философский анализ категорий «дисбаланс законодательства», «правосознание граждан» и «деформация правосознания», совокупность диалектического и системного методов исследования. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно влияния дисбаланса в законодательстве на деформацию правосознания граждан, выявлены конкретные меры, способствующие преодолению деформации. **Выводы:** преодоление деформации правосознания, вызванного дисбалансом в законодательстве, возможно с помощью усовершенствования механизмов правовоспитательной работы и законотворческой деятельности.

Ключевые слова: правосознание граждан, деформация правосознания, формы деформации, дисбаланс в законодательстве, пути преодоления деформации правосознания.

Е. М. Klevtsova

THE IMPACT OF IMBALANCE IN LEGISLATION ON THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF CITIZENS

Background: the legal consciousness of citizens is subject to constant changes that arise against the background of political, economic and other crisis phenomena, a key place among which is occupied by an imbalance in legislation. **Objective** — determining the impact of imbalances in legislation on the legal consciousness of citizens and finding ways to overcome the deformation of legal consciousness. **Methodology:** philosophical analysis of the categories «imbalance of legislation», «legal consciousness of citizens» and «deformation of legal consciousness», a set of dialectical and systemic research methods. **Results:** the author's position regarding the influence of imbalance in legislation on the deformation of the legal consciousness of citizens is substantiated, specific measures are identified to help overcome the deformation. **Conclusions:** overcoming the deformation of legal consciousness caused by an imbalance in legislation is possible by improving the mechanisms of legal educational work and legislative activity.

Keywords: legal consciousness of citizens, deformation of legal consciousness, forms of deformation, imbalance in legislation, ways to overcome deformation of legal consciousness.

В любой исторический период перед государством стоят серьезные задачи, вызванные политическими, экономическими и социальными факторами, кото-

© Клевцова Екатерина Михайловна, 2024
Преподаватель кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: bob-bils@mail.ru
© Klevtsova Ekaterina Mikhailovna, 2024
Lecturer at the Department of Prosecutor's Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

рые одновременно оказывают непосредственное влияние на жизнь общества. Последнее десятилетие характеризуется важными событиями, которые со временем найдут отражение в мировой истории. К ним можно отнести масштабную судебную реформу, пандемию, вызванную вирусной инфекцией COVID-19, специальную военную операцию, вхождение новых территорий в состав Российской Федерации, введение санкций против России, теракт в «Крокус Сити Холле» и др. В период нестабильного благосостояния граждан духовное равновесие нарушается рядом различных обстоятельств, в том числе и деформацией их правосознания, вызванной, кроме всего прочего, политическим курсом государства. Принятие нормативных правовых актов, направленных на одновременное ограничение в деятельности и дополнительные меры поддержки бизнеса, увеличение пенсионного возраста, улучшение демографических показателей в стране, реализацию государственных программ для многодетных и малоимущих вызвало противоречивую реакцию общества.

Согласно статистике, сформированной информационно-правовым порталом Гарант.ру, за 2022 г. законодательными органами Российской Федерации было принято 653 закона, а уже в 2023 г. одобрено 694 закона, что, по словам председателя Государственной Думы РФ В. В. Володина, является рекордным показателем. Помимо этого Конституционный Суд РФ вынес 60 Постановлений, в 27 из которых установлено несоответствие оспариваемых норм Конституции РФ¹.

Наиболее резонансными с точки зрения влияния на правосознание граждан с учетом текущего положения в стране стоит выделить:

1) увеличение призывного возраста для граждан РФ мужского пола до 30 лет, введение электронных повесток, временные меры для обеспечения явки граждан в военные комиссариаты, ответственность за неисполнения обязанностей по воинскому учету²;

2) активные меры для поддержки участников специальной военной операции и членов их семей — компенсации в случае гибели, бюджетное обучение в вузах, отдельные гарантии трудовых отношений, льготное кредитование, освобождение от уплаты налога на имущество и др.³;

3) введение единого налогового счета⁴, установление налогов разового характера, например налог на сверхприбыль⁵, приостановление действий отдельных положений 38 Международных договоров РФ по вопросам налогообложения, заключенных с рядом недружественных государств⁶;

¹ См.: Правовые итоги 2023 года / А. Стрельцова // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/article/1667613/> (дата обращения: 23.06.2024).

² См.: Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 16, ст. 2764.

³ См.: Специальная военная операция, мобилизация 2022–2024 // Информационно-справочный портал Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/77188369/#block_17 (дата обращения: 23.06.2024).

⁴ См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29, ч. 2, ст. 5230.

⁵ См.: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 270 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32, ч. 1, ст. 6147.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // СЗ РФ. 2023. № 33, ст. 6468; Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 598-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // СЗ РФ. 2023. № 52, ст. 9511.

4) новый закон о занятости¹ предусматривает с 2025 г. возможность приостановки выплаты пособий по безработице;

5) принятие нового закона о гражданстве², внесенный в Государственную Думу Президентом РФ в 2021 г. в целях реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. Данный закон, например, больше не позволяет лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность или являющимся инвесторами, получить гражданство в упрощенном порядке;

6) Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 62-ФЗ³ урегулирован вопрос о прекращении у граждан РФ украинского гражданства.

Изложенное обуславливает положение, согласно которому многим приходится выбирать между собственными убеждениями и реалиями правовой действительности. Поскольку нормы законодателя выступают ограничителями их субъективных прав. В этом вопросе стоит согласиться с мнением С. А. Белоусова, что это может быть вызвано дисбалансом внутри самих норм, а именно несоответствием формы и содержания, провозглашенных прав и их реальной обеспеченности [1, с. 8].

Стоит определить, что необходимо понимать под правосознанием. Так, С. Я. Гусейнова считает, что это особая форма общественного сознания, которая представляет собой комплекс концепций, взглядов, чувств, оценочных суждений граждан по отношению к юридической действительности [2, с. 11]. В. Н. Корнев определяет правосознание как теоретическое и эмоционально-целостное понимание идей о существующем или желаемом государстве, о праве и правосудии, которые господствуют в обществе и выражаются чувствами и переживаниями [3, с. 39]. В свою очередь Е. А. Лукашева говорит о данном понятии как о части общественного сознания, которое включает в себя систему взглядов, оценок, настроений и чувств общества, сложившихся в существующем экономическом состоянии жизни и направленных на установление правового режима, отвечающего его интересам и целям [4, с. 48]. Таким образом, правосознание можно определить как совокупность знаний и эмоций личности по отношению к правовой действительности в определенный период.

Причины и условия деформации правосознания всегда были обусловлены социальными, экономическими, политическими и иными явлениями. Е. В. Гуменюк и А. Б. Адельсеитова к основным причинам и условиям деформации правосознания относят отсутствие надлежащего уровня правового воспитания и образования, несформированность правовой культуры, несогласованные действия органов государственной власти, несовершенство правовой системы и законодательства [5, с. 54].

Считаем, что среди причин, влияющих на деформацию правосознания, необходимо рассмотреть дисбаланс в законодательстве. Так, И. Н. Сенякин считал, что понятие «дисбаланс» включает в себя различные характеристики, в том числе несогласованность, асимметричность, противоречивость, тавтологичность, несовершенство юридической техники и др. [6, с. 128]. В своих трудах С. А. Белоусов

¹ См.: Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51, ст. 9138.

² См.: Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3215.

³ См.: Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 62-ФЗ «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины» // СЗ РФ. 2023. № 12, ст. 1875.

дал наиболее точное определение понятию «дисбаланс законодательства», представив его как объективно обусловленный, определенный уровнем и условиями общественного развития, свойственный законодательству динамичный процесс, выраженный в несогласованности, несоответствии образующих его структуру и содержание элементов, отражающий неравновесие, неравнозначность используемых им средств и диспропорции между тенденциями законодательства к устойчивости и стремлением к стабильности нормативно-правовой материи, создающий препятствия в правовом урегулировании общественных отношений, что существенно снижает потенциал развития всей правовой системы [7, с. 116].

В нашей стране качественному нормативному правовому материалу должно соответствовать развитое правосознание его членов. Стоит отметить мнение В. А. Пчелинцева, рассуждающего о правосознании как о сфере, отражающей правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву, правовых установках, регулирующих деятельность людей в юридически значимых ситуациях [8, с. 19].

А. И. Овчинников подчеркивает, что в обществе каждый сам для себя решает, что нравственно, а что нет [9, с. 7]. В связи с чем деформации правосознания способствует разрыв между правовыми и нравственными нормами. Результатом этого процесса является плавное перетекание одной формы дисбаланса, такой как дисбаланс между правовыми и неправовыми методами регулирования общественных отношений, в другие его возможные формы.

В качестве основных форм деформации правосознания в учебной литературе выделяют правовой нигилизм и правовой идеализм, некоторые авторы выделяют и иные формы деформации. Так, М. С. Десятов среди таковых перечисляет негативно-правовой радикализм, правовой инфантилизм, спекулятивно-правовой популизм, нравственно-правовой конформизм, правовой дилетантизм, правовой эгоцентризм и цинизм [10, с. 106].

Справедливо мнение Н. И. Матузова, который считает, что вакуум в отечественном сознании людей может быть заполнен духовно-нравственными и религиозными ценностями, при этом противоположным наполнением этого вакуума может служить нигилистическое отношение к праву [11, с. 29].

Дисбаланс в законодательстве способен вызвать рост правового нигилизма. Сложности, возникающие в правоприменительной деятельности, подрывают доверие общества к праву. В результате существующей нестабильности нормативно-правовой материи обесценивается основное назначение нормы, состоящее в урегулировании общественных отношений. В правосознании граждан право уже не выступает тем необходимым средством защиты ввиду неоднозначности его понимания и сложности в реализации предписанных норм. В данной ситуации отрицание права наблюдается во всех социальных слоях общества, несмотря на все усилия государства совершенствовать отечественную законодательную базу.

Противоположностью нигилизма выступает правовой идеализм, который тоже существенно отражается на правосознании граждан. Именно он возлагает на государство порой невыполнимые задачи, явно переоценивая действия правовых норм, отражая несбалансированность ожиданий с реальными возможностями права.

Деформированное правосознание является следствием дисбаланса в российском правовом менталитете [12, с. 9]. Несмотря на то, что менталитет русского

человека эволюционирует, нельзя забывать о том, что дисбаланс в нем присутствует за счет постоянного выбора между сохранением исторических традиций и динамическим развитием права. Тем самым можно определить, что дисбаланс в законодательстве порождает дисбаланс в правосознании индивида вне зависимости от его социального положения.

Отмечая влияние дисбаланса законодательства на правосознание граждан, нужно сказать о важности систематического проведения правовоспитательной работы, направления которой необходимо наиболее четко определить. Шаги в эту сторону уже сделаны: проводятся правовые уроки для обучающихся, Ассоциация юристов России ежегодно проводит Всероссийский юридический диктант для граждан, юридические клиники оказывают бесплатные консультации, создаются общественные движения для повышения правовой грамотности и правосознания населения.

Однако для достижения высоких результатов необходимо не только увеличивать количество мероприятий по просвещению граждан, но и совершенствовать существующие механизмы. Тогда при столкновении с неизбежными реалиями жизни, такими как ограничение передвижения, посещения мест массового скопления людей, отмена массовых мероприятий, используемых в качестве необходимых мер реагирования в критические периоды (пандемия, специальная военная операция и др.), общество будет реагировать на установленные запреты не только с позиции гражданина правового государства, требующего не ущемлять его законные права, но и с позиции законодателя, вынужденного прибегнуть к данным мерам для обеспечения безопасности всего общества.

Библиографический список

1. Белоусов С. А. Деформации правосознания как последствия дисбаланса в правовой системе // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 1(18). С. 7–10.
2. Гусейнова С. Я. Кризис современного правосознания // National Science. 2022. № 4. С. 8–13.
3. Корнев В. Н. Проблемы теории правосознания в современной отечественной юриспруденции // История государства и права. 2009. № 20. С. 38–41.
4. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1973. 344 с.
5. Гуменюк Е. В., Адельсеитова А. Б. Проблема деформации правосознания на современном этапе развития общества // Проблемы науки. 2017. № 37(119). С. 53–55.
6. Сенякин И. Н. Дисбаланс юридической ответственности (техничко-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 127–138.
7. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2015. 472 с.
8. Пчелинцев В. А. Трансформация правосознания общества в современной России (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. 173 с.
9. Овчинников А. И. Духовные причины правового нигилизма // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 7–13.
10. Десятков М. С. Деформация профессионального правосознания оперативных сотрудников: причины возникновения и формы проявления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 3(49). С. 104–108.
11. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–15.
12. Белоусов С. А. Дисбаланс в правовой системе сквозь призму конфликта между правом и моралью // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2014. № 3(18). С. 8–10.

References

1. *Belousov S. A.* Deformations of Legal Consciousness as Consequences of Imbalance in the Legal System // *Law. Legislation. Personality.* 2014. No. 1(18). P. 7–10.
2. *Guseinova S. Ya.* The Crisis of Modern Legal Consciousness // *National Science.* 2022. No. 4. P. 8–13.
3. *Kornev V. N.* Problems of the Theory of Legal Consciousness in Modern Domestic Jurisprudence // *History of State and Law.* 2009. No. 20. P. 38–41.
4. *Lukasheva E. A.* Socialist Legal Consciousness and Legality. M.: Legal. lit., 1973. 344 p.
5. *Gumenyuk E. V., Adelseitova A. B.* The Problem of Deformation of Legal Consciousness at the Present Stage of Development of Society // *Problems of Science.* 2017. No. 37(119). P. 53–55.
6. *Senyakin I. N.* Imbalance of Legal Responsibility (Technical-Cultural Determination and Causes) // *Legal Technology.* 2016. No. 10. P. 127–138.
7. *Belousov S. A.* Legislative Imbalance (Doctrine, Theory, Practice) / ed. by I. N. Senyakin. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2015. 472 p.
8. *Pchelintsev V. A.* Transformation of the Legal Consciousness of Society in Modern Russia (Theoretical and Legal Research): diss. ... cand. of Law. Ufa, 2004. 173 p.
9. *Ovchinnikov A. I.* Spiritual Reasons for Legal Nihilism // *North Caucasian Legal Bulletin.* 2013. No. 3. P. 7–13.
10. *Desyatov M. S.* Deformation of the Professional Legal Consciousness of Operational Officers: Causes of Occurrence and Forms of Manifestation // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2020. No. 3(49). P. 104–108.
11. *Matuzov N. I.* Legal Nihilism and Legal Idealism, as Two Sides of the Same Coin // *Jurisprudence.* 1994. No. 2. P. 3–15.
12. *Belousov S. A.* Imbalance in the Legal System Through the Prism of the Conflict Between Law and Morality // *Vector of Science TSU. Series: Legal sciences.* 2014. No. 3(18). P. 8–10.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-73-81
УДК 340; 348.819.3

**А. А. Васильев, В. Ю. Соловьев,
протоиерей Кирилл Петрович**

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЧАСТЬ I)

Введение: в статье рассматривается вопрос о становлении идеи свободы вероисповедания и свободы совести в Советском государстве, о роли борьбы идеологий и обновленческом расколе в 1920-е гг. в Русской православной церкви. Политико-идеологический кризис в России проявил себя в процессе реализации государственной политики в отношении Русской православной церкви, свободы вероисповедания и свободы совести. **Цель** — показать роль советской власти в обновленческом расколе в Русской православной церкви в 1920-е гг. (на архивных материалах Саратовской губернии). **Методологическая основа:** диалектическое понимание соотношения общего и особенного в историческом процессе, принцип историзма, междисциплинарный подход, системный и историко-правовой методы. **Результаты:** в процессе реализации своей церковной политики советская власть опиралась на сторонников обновленчества, деятельность которых спровоцировала церковный раскол. Обновленцы осуществляли деятельность, направленную на дискредитацию духовенства и верующих, разрушение РПЦ изнутри. Обновленцы убеждали представителей советской власти в своей лояльности к ней и враждебности своих оппонентов (духовенства и верующих, не принявших обновленчество). На местах политико-идеологическая деятельность Губисполкомов, в частности в Саратовской губернии, была направлена на «неофициальную поддержку обновленческого движения» в РПЦ. **Выводы:** междисциплинарный подход способ-

© Васильев Андрей Анатольевич, 2024

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey-231@mail.ru

© Соловьев Валерий Юрьевич, 2024

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Soloviev66@mail.ru

© Протоиерей Кирилл Петрович, 2024

Руководитель историко-архивного отдела Саратовской епархии, настоятель храма святого пророка Илии г. Саратова

© Vasiliev Andrey Anatolievich, 2024

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Solovyov Valery Yurievich, 2024

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Priest Kirill Petrovich, 2024

Head of the Historical and Archival Department of the Saratov Diocese, Rector of the Church of the Holy Prophet Elijah in Saratov

стеует историческому и историко-правовому анализу взаимоотношений советской власти, духовенства и верующих; объясняет двойственность политики Советского государства в отношении общества: с одной стороны, юридически оформило свободу вероисповедания и свободу совести, а с другой — целенаправленно проводило политику атеистического воспитания граждан, призванных стать опорой социалистического государства.

Ключевые слова: советская власть, Советское государство, Русская православная церковь, обновленческий раскол, советское государственное законодательство.

A. A. Vasiliev, V.Yu. Solovyov, Priest Kirill Petrovich

THE SOVIET GOVERNMENT AND THE RENOVATIONIST SCHISM
IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH:
BASED ON THE ARCHIVAL MATERIALS OF THE SARATOV PROVINCE
(PART I)

Background: the article examines the question of the formation of the idea of freedom of religion and freedom of conscience in the Soviet state, the role of the struggle of ideologies and the renovationist schism in the 1920s in the Russian Orthodox Church. The political and ideological crisis in Russia manifested itself in the process of implementing state policy in relation to the Russian Orthodox Church, freedom of religion and freedom of conscience. **Objective** — to show the role of the Soviet government in the Renovationist schism in the Russian Orthodox Church in the 1920s. (based on the materials of the Saratov province). **Methodology:** dialectical understanding of the relationship between the general and the particular in the historical process, the principle of historicism, an interdisciplinary approach, systemic and historical-legal methods. **Results:** in the process of implementing its church policy, the Soviet government relied on the supporters of Renovationism, whose activities provoked a church schism. The Renovationists carried out activities aimed at discrediting the clergy and believers, destroying the ROC from within. The Renovationists convinced representatives of the Soviet government of their loyalty to it and the hostility of their opponents (clergy and believers who had not accepted the reformation). On the ground, the political and ideological activities of the Gubernatorial executive Committees and, in particular, in the Saratov province were aimed at “non-official support of the renovationist movement” in the ROC. **Conclusions:** the interdisciplinary approach contributes to the historical and historical-legal analysis of the relationship between the Soviet government, clergy and believers; explains the duality of the policy of the Soviet state in relation to society: on the one hand, it legally formalized freedom of religion and freedom of conscience, and on the other, purposefully pursued a policy of atheistic education of citizens, designed to become a pillar of the socialist state.

Keywords: Soviet power, Soviet state, Russian Orthodox Church, Renovationist schism, Soviet state legislation.

Актуальность вопроса о роли советской власти в обновленческом расколе Русской православной церкви (далее — РПЦ) с учетом регионального аспекта определяется изменениями в церковной политике Советского государства. Духовно-нравственные традиционные ценности исторически охранялись церковью и Российским государством, так как общество являлось многонациональным и многоконфессиональным. В научной литературе сохраняется актуальность проблемы периодизации истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви с 1917 по 1943 г. [1].

Традиционное самосознание и вера для нашего Отечества являются основополагающими, ибо они затрагивают интересы всех этносов, служат базисом

прогрессивного развития Российского государства и общества. Исторически осью нашей государственности до Октябрьской революции 1917 г. была неразрывная связь власти, церкви и народа. Многонациональное и многоконфессиональное общество состояло из сословий и состояний, что требовало от Российского государства решения вопроса защиты свободы вероисповедания и свободы совести подданных и иностранцев, проживающих на его территории.

По мнению авторов, необходимо знать особенности национального сознания народа и помнить, что в нашей национальной культуре помимо общечеловеческих есть ценностные шкалы, определяющие понимание добра и справедливости. Подобные мировоззренческие постулаты предполагают обращение к духовно-нравственным оценкам происходящего [2, с. 8–41].

Именно государство было призвано охранять общество от потрясений, связанных с радикальными вариантами его развития. Для такого особенного конструкта правильным и необходимым признавалось сохранение традиционных ценностей с опорой на исторически сложившиеся формы жизнедеятельности, государственные институты, обязательное обращение к религиозной догматике [3].

Духовно-нравственный кризис в российском обществе начала XX в. предопределил общественно-экономические и политико-идеологические кризисные процессы и явления. Их научное и общественное осмысление возможно только на основе междисциплинарного подхода.

Проблема соотношения свободы личности и государственного принуждения снималась в дореволюционной России не за счет идеи правового государства, как на Западе, а за счет религиозного фактора, охранения и коллективистского сознания в обществе. Высокое понимание сущности «народности» проистекало из религиозного начала и освящалось им, ибо в условиях проникновения либерализма, нужно было оберегать традиционные ценности и поддерживать национальное самосознание [4]. Поэтому конструкты государственного самосознания народа, принявшего на себя церковное послушание «удерживающего», стоящего насмерть на пути рвущегося в мир зла, должны были формироваться в народной среде (почве) и являться плодом подлинно Соборного творения [5]. Критерием благополучия страны стало устройство сильных регионов с обязательной богоугодностью духовного центра провинциальной России, его соотнесенность с тысячелетними святынями веры, сотрудничество духовных и светских властей в деле использования и применения богатейшего опыта русской государственности. В Саратовском крае историко-религиозная практика подтвердила, что Соборное государство есть великая судьба нашего Отечества [6, с. 152–157].

Восстановление института патриаршества, утверждение и признание самостоятельности РПЦ в Российском государстве сохранило духовную целостность народа, вернуло в Церковь, очистило место святое — душу человека. Саратовские духовники и подвижники, государственные люди учили народ всему: от азбуки до новейших технологий обработки земли и содержания скота, подвигали в изучении евангельских заповедей. Православные своей подвижнической жизнью, стремлением к чистоте и целомудрию доказывали свое правильное исповедание веры. Задача православного форпоста состояла и в том, чтобы объяснить раскольникам, иноверцам, еретикам и язычникам, что государственная власть посылается как, своего рода, узда на падшее человечество, дабы в каких-то рамках

сдерживать распространение зла. Неслучайно еретики и враги государства всегда претендовали на ведущее место в иерархии конфессий. Для региона Поволжья это неспроста вопрос [7]. Как говорится в Священном Писании, в любом народе делающий добро угоден Богу (см. Деян. 10, 35), поэтому ни иудей, ни магометанин, ни язычник, если он творит дело милосердия, не лишится своей награды. От Бога он будет награжден за этот поступок, но, как правило, в этой жизни, для того чтобы войти в Царство Небесное, нужно, как считают православные, исповедовать православную веру, которая является основой правильной жизнедеятельности, правильного понимания Евангелия [8].

Духовно-нравственное формирование российского общества традиционно определялось многовековыми хозяйственными и социальными практиками, правовым обычаем и законами веры [9].

Из истории Церкви и Российского государства хорошо известно, что при помощи определенных инструментов либеральной политики можно легко подорвать традиционные ценности, изменить социальные и государственные устои. Либеральные реформы в России традиционно определялись стремлением соответствующих политических сил подменить идеями рационализма и меркантилизма духовно-нравственные традиционные ценности, направленные на защиту человека и его веры, семьи, народа, Церкви и государства.

Прозападные эксперименты и заигрывания с заимствованными, чужеродными технологиями традиционно оборачивались тяжелейшими испытаниями для российского народа. В 1917–1920 гг. в обескровленной, переживающей тяжелейший гражданский конфликт стране раскол затронул и Церковь. В это время Церковь переживала жесткое давление власти и утрату прежней широкой поддержки общества [10, с. 93–95].

Когда в 1917 г., в результате февральского переворота, к власти пришло Временное правительство, оно сразу стало демонстрировать свой либерализм и прозападную толерантность. Его глава, А. Ф. Керенский, лицемерно объявил о равенстве всех религий перед законом. Более того, правительство буржуазии отменило все национальные и религиозные ограничения. Известно, что епархиальное руководство (в том числе и Саратовское) призвало всех православных верующих подчиниться новому Временному правительству.

При советской власти происходит реорганизация Православной российской церкви в соответствии с принципами, которые утвердил Всероссийский поместный собор (1917–1918): 1) Русская православная церковь становится независимой общественной организацией; 2) уважительно относится к власти и не вмешивается в политику [11, с. 204–205]¹.

В свою очередь, СНК декретом от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» запретил местным органам власти издавать законы, предоставляющие какие-либо преимущества вероисповедания или ограничивающие свободу совести (ст. 1, 2), так как каждый гражданин получил право «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ст. 3). «Свободное исповедание религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку

¹ См.: ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-521. Саратовский губернский исполком (1917–1928). Из журнала заседаний малой коллегии исполкома. Оп. 1. Д. 50. Л. 30 об. О разрешении Саратовскому православному Братству Святого Креста ведения народных миссионерских бесед в здании школы при Ново-Покровской церкви. 22.03.1918.

они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской Республики» (ст. 5). «Все церковные и религиозные общества должны были подчиняться общим положениям о частных обществах и союзах и не могли пользоваться никакими ни преимуществами, ни субсидиями от государства и его местных автономных и самоуправленческих установлений» (ст. 10). Церковные и религиозные общества не имели права владеть собственностью в Советском государстве (ст. 12). Все их имущество объявлялось в России народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, отдавались по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ (ст. 13)¹.

24 августа 1918 г. Д. И. Курский подписал Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”». В прилагаемой к Постановлению инструкции центральной и местной власти предписывалось при взаимоотношениях с церковью и частными религиозными обществами особое внимание уделить вопросам принадлежности и пользования имуществом для совершения религиозных обрядов, а также имуществом Церкви, подлежащего изъятию (дома, земля, угодья, фабрики, капиталы и т.д.) (п. 16). Подобные имущественные споры предписывалось рассматривать в общегражданском исковом порядке (п. 25). Особое внимание советская власть уделяла в этом положении защите свободы совести, а также определила предметы, оскорбляющие чувства революционно настроенных народных масс (п. 31–32)².

Таким образом, законодательная деятельность и принятая программа создавали политико-правовые основы для конструктивных отношений Церкви и Советского государства. Однако практическая реализация курса в сфере церковно-государственных отношений оказалась весьма неоднозначной, а порой далекой от утвержденного плана. Советское правительство, контролируя исполнение законов и своих распоряжений, требовало от местных властей соблюдать право свободного вероисповедания, богослужения и совершения религиозных обрядов. Соответственно, требование распространялось в отношении церковного имущества, которым священнослужители и верующие могли беспрепятственно пользоваться.

Переживая потери, разрушения традиционных жизненных устоев, верующие видели возможность превозмочь потрясения войн и революций в объединение вокруг Церкви. Епископы, утратив дореволюционный социальный статус, материальную обеспеченность, переживали те же лишения, что и простой народ. Общая беда сблизила их. По канонам Православной церкви единение верующих, священнослужителей и паствы приближало к истинному Христову служению³ [12]. А партийные и советские работники видели в этом образование оппозиции, контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Подобное восприятие

¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. 26 января 1918 г. № 18, ст. 263. М., 1942.

² См.: Там же. 31 августа 1918 г. № 62, ст. 685. М., 1942.

³ См.: ГАСО. Ф. Р-546. Протоколы заседаний Губернской Комиссии. Переписка коллектива верующих с губотнаробом (губернский отдел народного образования). Оп. 1. Д. 117. Л. 646–648, 656–658. О ходатайстве коллектива верующих Ново-Покровской церкви в губотнароб. 1920–1921.

сплочения верующих вокруг Церкви вызывало грубое нарушение законов о свободе вероисповедания, антирелигиозная пропаганда часто приобретала форму ультиматумов и диктата.

Наряду с ограниченностью понимания, откровенной безграмотностью тех, кто проводил церковную политику, были и те, кто стремился вытеснить христианскую веру из душ верующих, всецело подчинив себе общество. Вполне естественно, что новые условия народовластия и идеи общественного служения Церкви, сближение духовенства с народом, не могли радовать врагов нашего Отечества и Веры. Главный идеолог и разработчик программы уничтожения идеи служения Церкви Л. Д. Троцкий поставил задачу — не дать осуществиться религиозному возрождению в Советской России. Он подготовил план внутрицерковного переворота, который с 1922 г. осуществляло Главное политическое управление с помощью раскольников [13, с. 20].

Непосредственно реализацией плана Троцкого в ВЧК-ГПУ с 1921 г. занималось 6-е отделение секретного отдела [10, с. 217–220]. Основную работу по вербовке будущих «реформаторов», их инструктажу 6-е отделение провело в марте–апреле 1922 г. Вместе с тем были арестованы ближайшие сподвижники патриарха Тихона.

Идеалы Русской Соборности всегда раздражали врагов нашего Отечества и веры [14]. Поэтому заговорщики целенаправленно выбрали Саратовскую епархию, как один из главных оплотов обновленцев. Саратовские священники в Церкви издавна имели исключительно уважительное положение, авторитет, выросший на служении. Если Петербургское духовенство являлось, по меткому выражению митрополита Филарета (Дроздова), гвардией, то Саратовское считалось старой гвардией, оплотом провинциальной России [15, с. 276–277].

В начале XX столетия при произнесении названия города Саратов православные чаще всего вспоминали пронизывающие душу речи и проповеди епископа Саратовского и Царицынского Гермогена. Местные пастыри не были заносчивыми, у них действительно болела душа и сердце о будущем России. Они видели Отечество сильным духовно и крепким в миру — они жили Церковью. Напротив, идеи организаторов переворота были чужды православию и традиционным ценностям. Сущностную оценку «живой церкви» дал профессор С. В. Троицкий, называя поповским бунтом: «Ее создала гордыня петроградского столичного духовенства» [16, с. 99].

Столичные священники являли собой полную противоположность саратовской братии, что очень устраивало и привлекало к ним внимание разработчиков программы уничтожения идеи служения. К тому же в городе Петра Великого всегда витали честолюбивые планы и мечта о власти, там ждали подходящего случая, чтобы достигнуть своих целей.

На Поместном соборе в августе 1917 г., как известно, модернистские идеи по обустройству Церкви были отвергнуты. В отношении организации общества представители Церкви дискутировали с материалистическими идеями, они объясняли неверность с религиозной точки зрения этих идей, осуждая их выводы о религии, Боге и душе [17, с. 22].

Мнимыми реформаторами Церкви особенно болезненно было воспринято восстановление патриаршества. Руководство Союза демократического духовенства даже помышляло о разрыве с официальной Церковью. Но тогда сторонников этой идеи оказалось очень мало. Осознавая, что Церковь видит себя в более широ-

ком смысле, нежели общественная организация, а именно возведение человека до Царствия Небесного, раскольники начали политическую борьбу на стороне власти, постепенно расширяя группу священнослужителей, оппозиционно настроенную церковному руководству, грамотно с методологической точки зрения выделяя и выставляя противоречие между церковным учением и немецкой социалистической философией, отрицающей реальность невидимого духовного мира, а религию низводили до уровня одного из институтов общества, который естественным образом компенсировал несовершенство последнего. Заговорщики хорошо понимали, что лидеры большевиков свою доктрину государственного управления строили именно на данных принципиальных тезисах, несовместимых со свободным существованием Церкви.

Таким образом те, кто готовил внутрицерковный переворот, планировали дискредитировать не только духовенство, но и верующих. Представить их врагами Советского государства и разрушить Церковь изнутри, организовав через лояльное духовенство раскол, впоследствии получивший название обновленческого. Своей деятельностью леворадикальные силы в партии и государственных органах препятствовали проведению последовательной политики в отношении Церкви на этапе становления советской власти (1917–1922).

Большевистское руководство страны изначально демонстрировало лояльность к Церкви и верующим, что получило отражение в основном¹ и других советских законах. Однако в государственной политике в отношении Церкви дихотомия была predeterminedена изначально. Во-первых, в большевистской доктрине в основу марксистско-ленинской идеологии был положен атеизм. Отсюда следует второе. Практическая реализация свободы вероисповедания (правовое обеспечение) неизбежно входит в противоречие с политико-идеологическими программными установками. Очевидно, что вчерашние революционеры (радикальная часть) в выборе приоритетов руководствовались программными целями. Левое крыло в ВКП(б), возглавляемое Л. Троцким, рьяно взялось за дело в стремлении подчинить и поставить Церковь на службу «делу революции».

Библиографический список

1. *Шершнева-Цитульская И. А.* Правовой статус Русской православной церкви в Советском государстве: 1917–1943 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 225 с.
2. *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
3. *Соловьев В. Ю.* Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2008. 296 с.
4. *Васильев А. А., Соловьев В. Ю.* Пути гармонизации государственно-конфессиональных отношений в России. Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2013. 140 с.
5. *Митрополит Иоанн (в миру Снычев И. М.).* Свет пришел в мир // Журнал Московской Патриархии. 1983. № 7. С. 22–23.
6. *Кабытов П. С.* Аграрные отношения в Поволжье периода империализма: дис. ... д-ра истор. наук. Куйбышев, 1982. 442 с.

¹ См. ст. 13 Конституции (Основного закона) РСФСР: принятой V Всероссийским Съездом Советов от 10 июля 1918 г. (URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/1b55d7aed16d41d8f6f6bd1ff00b7bb6/?ysclid=lnbnnnmece94341792>) (дата обращения: 24.01.2024).

7. Священник Петрович К. Утраченные храмы в туристических путеводителях по Саратову // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (9–12 октября 2019 г.). Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 325–328.

8. Митрополит Иоанн (в миру Снычев И. М.). Самодержавие духа: очерки рус. самосознания. СПб.: Царское дело, 1995. 349 с.

9. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. Особенности национального самосознания и русская национальная идея // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 994–998.

10. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / [отв. сост. О. Ю. Васильева]. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 326 с.

11. Выбор судьбы: проблемы современной России глазами русских архиереев: [сб. / сост. К. Душенов]. СПб.: Царское дело, 1996. 290 с.

12. Митрополит Иоанн (в миру Снычев И. М.). Державное строительство // Советская Россия. 1992. 14 ноября.

13. Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь. 1922. № 8–9.

14. Митрополит Иоанн (в миру Снычев И. М.). Тайна беззакония // Советская Россия. 1992. 10 октября.

15. Митрополит Филарет (Дроздов В. М.). Избранные творения. Акафист / [сост. А. Яковлев]. М.: Паломникъ, 2003. 318 с.

16. Троицкий С. В. Что такое «Живая Церковь»? // Обновленческий раскол (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Общество любителей церковной истории. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 1062 с.

17. Собор Саратовских святых: сб. житий / авт.-сост. М. Плякин. Саратов: Изд-во Сарат. митрополии, 2017. 451 с.

References

1. Shershneva-Tsitulskaya I. A. The Legal Status of the Russian Orthodox Church in the Soviet State: 1917–1943: diss. ... cand. of Law, 2006. 225 p.

2. Sukhova O. A. Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and Mentality of the Russian Peasantry (late XIX – early XX century.) based on the materials of the Middle Volga region. M.: ROSSPEN, 2008. 679 p.

3. Soloviev V. Yu. The Russian Peasant Community of the Volga Region in 1861–1900. Saratov: Saratov State Socio-Economic University, 2008. 296 p.

4. Vasiliev A. A., Soloviev V. Yu. Ways of Harmonization of State-Confessional Relations in Russia. Saratov: Saratov State Social and Economic University, 2013. 140 p.

5. Metropolitan John (in the world Snychev I. M.). The Light Has Come into the World // Journal of the Moscow Patriarchate. 1983. No. 7. P. 22–23.

6. Kabytov P. S. Agrarian Relations in the Volga Region of the Period of Imperialism: diss. ... doct. of history. Kuibyshev, 1982. 442 p.

7. Priest Petrovich K. Lost Temples in Tourist Guides to Saratov // Cultural Heritage of Saratov and the Saratov Region: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (October 9–12, 2019). Saratov: Saratov Source, 2019. P. 325–328.

8. Metropolitan John (in the world Snychev I. M.). Autocracy of the Spirit: essays of Russian Self-Consciousness. St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 1995. 349 p.

9. Vasiliev A. A., Soloviev V. Yu. Features of National Self-Consciousness and the Russian National Idea // News of the PGPU. Humanities. 2012. No. 27. P. 994–998.

10. The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941: documents and photographic materials / [rel. comp. O. Y. Vasilyeva]. M.: St. Andrew's Bible and Theological Institute, 1996. 326 p.

11. The Choice of Fate: Problems Russia Through the Eyes of Russian Bishops : [Collection / by K. Dushenov]. St. Petersburg: Tsarskoe delo, 1996. 290 p.
12. *Metropolitan John (in the world Snychev I. M.)*. Sovereign Construction // Soviet Russia. 14.11.1992.
13. Charter of the Group of Orthodox White Clergy "Living Church" // Living Church. 1922. No. 8–9.
14. *Metropolitan John (in the world Snychev I. M.)*. The Mystery of Lawlessness // "Soviet Russia", 10.10.1992.
15. *Metropolitan Filaret (Drozdov V. M.)*. Selected Creations. Akathist / [comp. A. Yakovlev]. M.: Pilgrim, 2003. 318 p.
16. *Troitsky S. V.* What Is a "Living Church"? // The Renovationist Schism (Materials for church-historical and canonical characteristics). The Society of Lovers of Church History. M.: Krutitsky Publishing House, 2002. 1062 p.
17. The Cathedral of the Saratov Saints: collection of Lives / author-compiler M. Plyakin. Saratov: Publishing House of the Saratov Metropolia, 2017. 451 p.

В. С. Хижняк, М. Н. Лядащева-Ильичева

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение: сохранение и защита традиционных ценностей в современной ситуации является залогом укрепления суверенитета государства и обеспечения сохранения многонациональной и многоконфессиональной страны. Россия всегда являлась таковой, поэтому и в предшествующие исторические периоды государственная политика была направлена на достижение этих целей, что обуславливает необходимость обращения к историческому опыту правового регулирования многоконфессиональных отношений.

Цель — на основе анализа особенностей правового регулирования многоконфессиональных отношений Российского государства в сфере межконфессиональных отношений в XVIII – начале XX в. выявить первостепенные его принципы и определить возможность их приемлемости как залога сохранения и защиты традиционных ценностей в России на современном этапе. **Методологическая основа:** комплексное и межотраслевое исследование правовых основ деятельности Российского государства в сфере многоконфессиональных отношений в XVIII – начале XX в. Деятельность Российского государства в области межконфессиональных отношений в XVIII – начале XX в. рассмотрена на основе принципа историзма, межотраслевого и системного подходов, историко-правового и формально-юридического методов. **Результаты:** выявлены характерные черты государственной политики в сфере межконфессиональных отношений, идеологически и юридически оформленных в Российском государстве XVIII – начала XX в., и ее принципы. **Выводы:** выявленные принципы правового регулирования межконфессиональных отношений и государственной политики в этой сфере в XVIII – начале XX в. созвучны современному российскому праву и правовой политике, поэтому их совокупность можно охарактеризовать как традиционную для России ценность и основу их развития в настоящий момент.

Ключевые слова: государственная политика, идеология, свобода вероисповедания и веротерпимость, традиционные ценности, Конституция РФ.

© Хижняк Вероника Сергеевна, 2024

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: veronika_h@mail.ru

© Лядащева-Ильичева Марина Николаевна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Khizhnyak Veronika Sergeevna, 2024

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

© Lyadashcheva-Ilyicheva Marina Nikolaevna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

V. S. Khizhnyak, M. N. Lyadashcheva-Ilyicheva

HISTORICAL EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION
OF MULTI-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE 18TH – EARLY 20TH
CENTURIES AND THE PROBLEM OF PRESERVATION AND PROTECTION
OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Background: preservation and protection of traditional values in the modern situation is the key to strengthening the sovereignty of the state and ensuring the preservation of a multinational and multi-religious country. Russia has always been such, therefore, in previous historical periods, state policy was aimed at achieving these goals, which necessitates the need to turn to the historical experience of legal regulation of multi-confessional relations. **Objective** — basing on the analysis of the features of the legal regulation of multi-confessional relations of the Russian state in the field of interfaith relations (XVIII – early XX centuries) to identify its basic principles and determine the possibility of their acceptability as the basis for the preservation and protection of traditional values in Russia at the present stage. **Methodology:** a comprehensive and intersectoral study of the legal foundations of the activities of the Russian state in the field of multi-confessional relations in the 18th – early 20th centuries. Activities of the Russian state in the field of interfaith relations in the 18th – early 20th centuries. considered on the basis of the principle of historicism, intersectoral and systemic approaches, historical-legal and formal-legal methods. **Results:** the characteristic features of state policy in the field of interfaith relations, ideologically and legally formalized in the Russian state of the 18th – early 20th centuries, were identified. and its principles. **Conclusions:** identified principles of legal regulation of interfaith relations and state policy in this area in the 18th – early 20th centuries. are consonant with modern Russian law and legal policy, therefore their totality can be characterized as a traditional value for Russia and the basis for their development at the moment.

Keywords: state policy, ideology, freedom of religion and religious tolerance, traditional values, Constitution of the Russian Federation.

Свобода вероисповедания, гарантированная в ст. 28 Конституции РФ, неразрывно связана с охраной и защитой прав верующих и религиозных организаций. Следует учитывать, что Россия является одним из самых многонациональных и многоконфессиональных государств мира. В настоящее время в России проживает 196 народностей, которые принадлежат к более, чем шестидесяти различным конфессиям [1, с. 62].

Ввиду развития демократического гражданского общества, к институтам которого относятся и религиозные общественные организации, обеспечение защиты прав человека без какой-либо дискриминации и свободы вероисповедания необходимо совершенствование правового регулирования всей совокупности общественных отношений в этой сфере.

Конституция РФ содержит ряд положений, закрепляющих правовые основы деятельности Российского государства в сфере многоконфессиональных отношений. Так, провозглашается равенство всех общественных объединений, к которым относятся и религиозные (ч. 4 ст. 13). В ст. 14 устанавливается светский характер государства, запрет на установление какой-либо религии в качестве государственной и равенство всех религий перед законом. Провозглашается отделение религиозных объединений от государства¹.

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. на 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2022. 6 октября.

В то же время за государством закреплены полномочия, связанные с осуществлением правового регулирования деятельности любых общественных объединений, включая религиозные. Изменения, внесенные в Конституцию в 2020 г., подчеркивают важную роль религиозных объединений в современном российском обществе. Так, в ч. 2 ст. 67.1 устанавливается, что Россия сохраняет «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». В ч. 4 этой же статьи в качестве одного из важнейших приоритетов государственной политики Российской Федерации закреплено всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей. Безусловно, что духовное и нравственное развитие не ограничивается религиозным воспитанием или образованием, но именно они являются одной из его составляющих. Особое значение положения этой статьи приобретают в контексте того, что в России признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может быть «государственной или обязательной» (ч. 1 и ч. 2 ст. 13). Однако это не значит, что на территории России существует некое «безыдейное пространство». Следует согласиться с председателем Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькиным, что «запрещается любая государственная идеология, но слово “идея”, сознание людей как движущий стимул их развития — нет»¹. Религиозное мировоззрение можно признать одной из таких идей. Тот факт, что его может разделять значительная общность людей придает ему особое значение как для общественной жизни, так и для правовой политики государства, являясь одним из ориентиров развития последней.

Следует отметить и положение ч. 2 ст. 69 Конституции, в которой закреплен, на наш взгляд, еще один приоритет государственной политики России — «защита культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия». Культурная самобытность немислима без сохранения религий, исповедуемых различными народами и этническими общностями, составляющими многонациональный народ Российской Федерации.

Идеологические и духовно-нравственные основания российской государственности в современной юридической литературе вновь привлекают внимание сторонников межотраслевого подхода для более глубокого их анализа в связи с реформой Конституции в 2020 г. Наиболее актуальным становится осмысление правовых основ духовно-нравственного, нравственного и просветительского воспитания в обществе.

Реализация свободы вероисповедания и деятельность религиозных организаций напрямую связаны и с таким приоритетом российской государственной политики, как защита традиционных ценностей. Подобный вывод мы можем сделать на основании анализа Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Среди таковых в названном указе отмечены достоинство личности, высокие нравственные идеалы, крепкая семья. На наш взгляд, защита первой из них невозможна без

¹ См.: Конституция и конституционный контроль: развиваем доктрину и совершенствуем практику: XI Петербургский юридический форум. URL: <https://legalforum/info/programme/constitution-conference/4004/#broadcast> (дата обращения: 12.10.2023).

² См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, к которым относится и свобода вероисповедания. Высокие нравственные идеалы также основываются на религиозной морали. Многие из них разделяются как верующими людьми, так и атеистами. Что же касается крепкой семьи, то она является ценностью во всех мировых религиях. Поэтому, на наш взгляд, духовные религиозные ценности входят в понятие традиционных ценностей. Кроме того, перечисленные традиционные ценности являются общими для различных религиозных конфессий, их реализация и защита не противоречат верованиям. Следовательно, одной из правовых основ деятельности государства в сфере многоконфессиональных отношений следует считать и данный нормативный правовой акт.

Факт отнесения к традиционным ценностям высоких нравственных идеалов, приоритета духовного над материальным, гуманизма и милосердия, а также признание роли в формировании их религий, «являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия», связывает развитие многоконфессиональных отношений с защитой традиционных ценностей. Для выявления традиций Российского государства, определенной преемственности в этих вопросах и возможности применения предшествующего опыта необходимо провести определенный историко-правовой анализ. Рассмотрение законодательства, регулировавшего многоконфессиональные отношения в выбранный нами исторический период, позволит сделать вывод не только об особенностях развития права, но и государственной политики по соответствующему вопросу. Последняя всегда определяет направление развития законодательства и его содержания.

В современной юридической литературе при осмыслении российского законодательства XVIII – начала XX в. исследуются вопросы отправления веры, веротерпимости [2], свободы вероисповедания и свободы совести [3–5], правового статуса религиозных организаций и верующих [6–9] и др. В историко-правовых исследованиях особое внимание уделяется осмыслению традиционных ценностей, свойственных Российскому обществу и государству на разных этапах их исторического развития [10], а также роли религиозного фактора в истории России [11].

В исторической литературе проблема веротерпимости и свободы совести в российском обществе рассматривается в контексте государственной политики и социальной практики [12–13] и др.

Историко-правовой опыт показывает, что именно с 1700 до февраля 1917 г. внутренняя политика Российского государства в области многоконфессиональных отношений определялась духовно-нравственным состоянием общества, сущностью государственной власти, усилением роли законов и государственной власти в вопросах правового регулирования общественных отношений. Петр I и его преемники на российском престоле провозглашали на территории государства принципы господства православной веры, свободы вероисповедания, веротерпимости и свободы совести.

В Российском государстве XVIII – начала XX в. именно глава государства выражал политическую волю по отношению к подданным, иностранцам и инородцам, определял идеологические и организационно-правовые основы регулирования отношений в многонациональном и многоконфессиональном обществе.

В 1702 г. в Манифесте Петр I обещал предоставить иностранцам, прибывавшим в Россию, свободу вероисповедания, так как во время своего правления придерживался идеи всеобщего блага для подданных с целью улучшения их благополучного состояния. Соответственно, с его точки зрения, необходимо было поддерживать «внутреннее спокойствие, защищать государство от внешнего нападения, всячески улучшать и распространять торговлю». Манифест был обращен к чиновникам, отвечавшим за обеспечение безопасности, в том числе приграничных территорий. На основе указов и инструкций им предписывалось не доставлять беспокойств и ограничений офицерам, прибывшим на службу в Россию, а также купцам и художникам. В законе подчеркивалось, что для этого в столице России «уже введено свободное отправление богослужений всех других сект». Свобода публичного и частного богослужения и свобода совести подтверждалась указанным манифестом для каждого христианина с целью их защиты. Если в каком-либо месте Российского государства или в армиях и гарнизонах не будет соответствующего проповедника духовного чина или церкви, то верующие могли собираться по домам для «единогласного восхваления Бога и таким образом отправлять богослужение»¹.

В Манифесте Петра III в 1797 г. подтверждалось «свободное богослужение всем христианским вероисповеданиям в России» и «всем духовным особам» было строго запрещено совращать его подданных в законы своей веры. Данный закон было предписано опубликовать и разместить на дверях всех церквей «Лютеранского, Реформатского и Римского» исповеданий².

Вера в российском обществе традиционно являлась мировоззренческо-идеологическим основанием объединения подданных, ее роль в Российском государстве изменялась в процессе расширения его территории и усложнения ее этнического состава. Законы были призваны стать основанием единства и благополучия в обществе и государстве. Государственное управление было призвано предотвращать и разрешать конфликтные ситуации, возникавшие между представителями различных религий.

Правовое регулирование межконфессиональных отношений в Российской империи активизировалось в эпоху правления Екатерины II. Так, в 1762–1763 гг. императрица подтвердила всем иностранцам, пребывающим на территории Российского государства, «свободное отправление веры по их уставам и обрядам», а колонистам разрешила строить церкви и колокольни, необходимые для богослужений³.

В 1767 г. императрица писала о роли законов веры в установлении «благополучия, славы, блаженства и спокойствия» в России (п. 1). С ее точки зрения, все обязаны были воспитывать своих детей в страхе Божиим (п. 351) и в любви к Отечеству (п. 352)⁴.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. IV. 1700–1712. № 1910. Манифест. О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания. 16 апреля 1702 г. С. 192–195.

² См.: Там же. Т. IX. 1733–1736. № 6693. Манифест. О дозволении свободного богослужения всем христианским вероисповеданиям в России и о возбранении духовным особам иностранных христианских вер обращать в оные русских подданных, какого бы закона они ни были, под опасением суда и наказания по законам. 22 февраля 1735 г. С. 482.

³ См.: Там же. Т. XVI. 28 июня 1762–1764. № 11880. Манифест. О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах. 22 июля 1763 г. С. 313.

⁴ См.: Екатерина II. Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М., 1767.

В 1775 г. губернскому управлению прямо указывалось на необходимость духовно-нравственного воспитания находившихся под опекой малолетних в страхе Божием, в познание той веры, в которой они родились¹.

В 1782 г. иноверцам, проживавшим в городах, не запрещалось «отправление их различных вер»².

В жалованных грамотах³ и указах⁴ также уточнялось, что природным обывателям, инородцам и иностранцам была пожалована свобода вероисповедания, определялось устройство духовного управления и строительство соответствующих церковных строений, а также вечная защита и охрана всего этого со стороны императора. В 1785 г. в грамоте, предоставленной городам, уточнялось, что в память о предках Российских государей «иноверным, иногородним и иностранным» лицам дозволялось свободное отправление веры, так как в законе уже было установлено и подтверждено, что «все народы России, пребывающие, славят Бога Всемогущего различными языками по закону и вероисповеданию праотцов своих»⁵.

В связи с посягательствами инославных на свободу совести и свободу исповедания Павел I предписал всенародно во всех церквях Российского государства объявить о своем долге «обеспечить каждому свободу исповедания веры» и решимости «охранять всеми мерами Святую Грекороссийскую Православную веру», так как она являлась вероисповедной для императора и природных Российских верноподданных⁶.

Александр I подтвердил и объявил всенародно обещанную ранее иностранцам и их потомкам свободу вероисповедания, а также охрану православной веры⁷, защиту верующих, в том числе униатов от католических консисторий. Император уточнял, что правительство и господствующая православная вера в России не вмешивались в убеждения совести и дела веры других конфессий, поэтому терпимые вероисповедания также не должны были вмешиваться в дела веры. Соответственно, губернаторам предписывалось всеми мерами защищать верующих в целом и униатов в частности⁸.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XX. 1775–1780. № 14392. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи, часть первая. 7 ноября 1775 г. С. 229, 249, 263.

² См.: Там же. Т. XXI. 1781–1783. № 15379. Устав благочиния, или Полицейский. 8 апреля 1782 г.

³ См.: Там же. Т. XVIII. 1767–1769. № 13251. Жалованная грамота Санкт-Петербургской Римско-Католической церкви. 12 февраля 1769 г.; Там же. Т. XXV. 1798–1799. № 19168. Жалованная грамота на права, преимущества и вольности обществу армян города Старого Крыма. 28 октября 1799 г.; и др.

⁴ См.: Там же. Т. XXI. 1781–1783. № 15326. Именной, данный Сенату. Об учреждении в г. Могилеве Архиепископства Римско-католического исповедания и о разных распоряжениях относительно устройства Римской Церкви в России. 17 января 1782 г.

⁵ См.: Там же. Т. XX. 1884–1788. № 16187. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г.

⁶ См.: Там же. Т. XXIV. 6 ноября 1796–1797. № 17879. Манифест. О свободном вероисповедании, о непривлечении в присоединенных от Польши губерниях людей Грекороссийской веры в Католическую, и о нестеснении свободы тем, кои сами от других исповеданий в Православной Церкви присоединиться пожелают. 18 марта 1797 г.

⁷ См.: Там же. Т. XXVI. 1800–1801. № 19546. Высочайшая грамота менонитам. О подтверждении обещаний им свободы в отпадении вероисповедания по церковным их установлениям и обычаям. 6 сентября 1800 г.; Там же. Т. XXIX. 1806–1807. № 22410. Высочайшая грамота колонии шотландцев, в Кавказской губернии поселяемой, — на пожалованные ей выгоды и преимущества. 23 декабря 1806 г.

⁸ См.: Там же. Т. XXVI. 1800–1801. № 19263. Сенатский. О невозвращении в Унию людей, присоединившихся к Православной вере, и о непрепятствовании униатам приступать к оной. 1 февраля

В 1822 г. «инородцы, не исповедовавшие христианской веры, имели свободу отправлять Богослужения по их закону и обрядам» (§ 286). На земское начальство возлагалась обязанность «не допускать стеснение инородцев под предлогом обращения в Христианскую веру» (§ 288), но «в принятии христианской веры никому не препятствовать» (§ 290)¹.

В Высочайшем рескрипте Николая I от 1827 г. в процессе обучения каждый учащийся должен был иметь здоровое понятие о вере, законах и нравственности².

Принципы и основные направления государственной политики в межконфессиональных отношениях природных обывателей, инородцев и иностранцев нашли закрепление в различных законодательных актах XVIII – первой трети XIX в. систематизированных в различных томах Свода законов Российской империи 1832 г.³, в том числе в Основных государственных законах, где в качестве мировоззренческо-идеологических и правовых оснований регулирования отношений в многонациональном и многоконфессиональном обществе были взяты: сущность верховной самодержавной власти, а также такие понятия, как вера, законы и власть⁴.

В Основном законе подчеркивалась «первенствующая и господствующая роль в Российской империи» Православной Восточной Грекороссийской веры⁵, позже названной в законе Христианской Православной Кафолической верой Восточного исповедания (ст. 40). Император признавался верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святого благочиния (ст. 41–42).

В законе подтверждалось предоставление «свободного отправления веры и богослужения» всем не принадлежавшим к господствующей церкви подданным Российского государства, иностранцам, состоявшим в российской службе, или временно в России пребывающим (ст. 44)⁶.

Свобода веры признавалась за христианами иностранных вероисповеданий, евреями, магометанами и язычниками. В законе уточнялось: «Да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцов своих, благословляя царствование Российского монарха и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи» (ст. 45).

Вопросы церковного управления иноверных исповеданий управлялись Духовными властями и особенными государственными учреждениями. Правила охранения веротерпимости и ее пределы подробно определялись в 1832 г.

1800 г.; Там же. Т. XXVII. 1802–1803. № 20837. Именной, данный белорусскому военному губернатору Михельсону. О защите униатов от притеснений, чинимых им местными католическими консисториями. 4 июля 1803 г.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. 1822–1823. № 29126. Высочайше утвержденный устав. Об управлении инородцев. 22 июля 1822 г.

² См.: ПСЗ РИ-2. Т. II. 1827. № 1308. Высочайший рескрипт, последовавший на имя Министерства народного просвещения, Шишкова. О допущении в университетах и других высших учебных заведениях к слушанию лекций. 19 августа 1827 г. С. 675–676.

³ См.: Законы о вере и веротерпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям сената / сост. Я. А. Канторович. СПб.: Изд-е Я. А. Канторовича, 1899.

⁴ См.: Свод учреждений государственных и губернских. Т. 1, ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб., 1832; 1842; 1857.

⁵ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Основные государственные законы. СПб., 1832. Ст. 40–42, 44.

⁶ Там же.

в IV части Свода уставов благочиния; в 1842 г. они определялись в уставе о предупреждении преступлений¹, а с 1857 г. в Уставах по принадлежности к вероисповеданиям (ст. 46)².

В пределах Российского государства по-прежнему только Православная Церковь имела право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные и светские лица других христианских исповеданий и иноверцы в подобном случае несли уголовную ответственность. Однако принуждение или препятствие при обращении представителей иных исповеданий и веры в православие запрещалось (ст. 4–5)³.

На всей территории государства Верховной властью запрещалось оскорблять какую-либо веру, осуществлять насилие над иноверцами на основании их вероисповедания. Особое внимание уделялось предупреждению столкновений на почве религиозной розни. Соответственно, на полицию возлагалась обязанность охранять вне зависимости от различий веры «доброе гражданское согласие и тишину» (ст. 92–96).

На основе Правил терпимости, распространявшихся на различные вероисповедания, правительство строго запрещало вмешиваться всем представителям «иностранным Христианского и иноверного исповедания» в дела веры и убеждения совести последователей другой веры, а также любое вмешательство в дела Православной церкви (ст. 104)⁴.

Либеральные реформы Александра II 60-х гг. XIX в. не коснулись идеологических оснований Российского государства и сущности государственной власти. Духовно-нравственным основанием для обучающихся в России оставались законы их веры. В ходе реформ возник вопрос о двойственности воспитания в училищах: религиозно-нравственного и просветительского⁵.

В 1871 г. устав о гимназиях допустил к обучению детей всех состояний без различия вероисповедания и звания. При поступлении в гимназию дети не христианских исповеданий сдавали экзамен на знание законов своей веры⁶.

Основные законы были переизданы в 1886 и 1892 гг., но их идеологические основания оставались неизменными [14, с. 3].

В Манифесте 1903 г. Николай II провозгласил усовершенствование порядка государственного управления с целью борьбы со смутой, враждебно настроенной против государства и русской жизни. Планировалось утвердить в семье и общественной жизни нравственные начала, веротерпимость в отношении инославных и иноверных. Российское государство по-прежнему должно было строиться

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Основные государственные законы. СПб., 1842.

² См.: Там же.

³ См.: Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857.

⁴ См.: Там же. Т. XIV. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1857.

⁵ См.: ПСЗ РИ-2. Т. XXXVIII. 1863. Ч. 1. № 39751. Высочайше утвержденное Учреждение Министерства народного просвещения. 18 июня 1863 г.; Там же. Т. XXXIX. 1864. Ч. 2. № 41472. Высочайше утвержденный устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864 г. С. 167–172.

⁶ См.: Там же. Т. XLVI. 1871. Ч. 2. № 49744. Высочайше утвержденные изменения и дополнения Устава гимназий и прогимназий. 19 июня 1871 г.; Там же. Т. XLVI. 1871. Ч. 2. № 49860. Высочайше утвержденный устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 30 июля 1871 г. § 23. С. 88.

на твердой основе веры, закона и власти¹. Эта триада может рассматриваться в качестве мировоззренческо-идеологического основания Российской империи как единого и неделимого государства.

23 апреля 1906 г. постановления о вере изложенные в ст. 40–46 Основного государственного закона 1892 г. сохранили свою юридическую силу. Империя продолжала управляться на твердых основаниях закона (ст. 42)².

Определяющим фактором в развитии правовых основ деятельности Российского государства в сфере межконфессиональных отношений исторически являлась сущность государственной власти и ее идеологические основания. Государственная власть стремилась объединить народ в XVIII – начале XX в. на основе охранения и защиты веры отцов, законов веры и позитивного законодательства, действовавших на обширных территориях Российского государства.

Подобные нормы государственного права можно отнести не столько к декларативным нормам, сколько к нормам принципам. Об этом свидетельствует исторический очерк о деятельности Министерства внутренних дел в области вероисповеданий [15, с. 87, 153].

Вера отцов выступала морально-нравственным основанием деятельности человека (природного обывателя, инородца и иностранца) на территории государства, а закон — правовым основанием реализации свободы вероисповедания и веротерпимости. Верховная самодержавная власть определяла меры и средства охраны и защиты свободы вероисповеданий, свободы совести и веротерпимости.

Таким образом, междисциплинарный анализ позволил выявить ряд принципов правового регулирования многоконфессиональных отношений и соответствующей государственной политики в досоветский период. К ним следует отнести: веротерпимость, защиту чувств верующих, принадлежащих к любым конфессиям, обеспечение возможности реализации свободы вероисповедания последователям любых конфессий (кроме тех, деятельность которых противоречит государственным устоям), обеспечение духовно-нравственного воспитания молодежи с использованием вероучений, обеспечение равенства конфессий при сохранении приоритета за православием как религией большинства населения. Эти принципы являлись основой для сохранения и защиты духовно-нравственных ценностей в рассматриваемый период.

На наш взгляд, эти принципы не противоречат Конституции РФ и уже отражены в законодательстве. Так, в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» указывается на равенство всех религиозных объединений, а в преамбуле к нему говорится, что государство признает «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»³. Согласно ст. 12 Закона, в России не может быть зарегистрирована религиозная организация, цели и деятельность которой противоречат Конституции и законодательству РФ, а согласно положениям ст. 14 подобная деятельность служит основанием для ликвидации и запрета на деятельность

¹ См.: ПСЗ РИ-3. Т. XXIII. 1903. Ч. 1. № 22581. Манифест. О предначертаниях и усовершенствованию государственного порядка. 26 февраля 1803 г. С. 113–114.

² См.: Там же. Т. XXVI. 1906. № 27805. Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. С. 456–459.

³ См.: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» (в ред. от 2 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465; 2023. № 45, ст. 7997.

подобной организации, если она уже была зарегистрирована. За нарушение права на свободу совести и вероисповедания в России предусмотрена уголовная ответственность (ст. 148 УК РФ). В упоминавшемся ранее Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. подчеркивается влияние различных религий на формирование традиционных ценностей и особая роль православия в этом процессе, а также тот факт, что «государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью»¹.

На основании сказанного мы можем говорить о совпадении особенностей законодательства и направленности государственной политики в области правового регулирования многоконфессиональных отношений в дореволюционный период и в настоящее время. Эти принципы составляют в определенном смысле традиции правового регулирования и содержания государственной правовой политики, подлежащие сохранению и развитию в современном законодательстве, поскольку они показали свою непреходящую природу в качестве основы охраны и защиты традиционных ценностей в России.

Выделенные нами принципы можно назвать как правовыми, так и нравственными основами многоконфессиональных отношений в России, гарантиями соблюдения свободы совести и вероисповедания. В современных условиях, когда речь идет о сохранении и защите традиционных ценностей как основы российского общества, особенно важен факт подобной преемственности государственной политики и правового регулирования. Следование подобным принципам, на наш взгляд, будет способствовать эффективному регулированию многоконфессиональных отношений в России, сохранению духовно-нравственных ценностей, переданных нам предыдущими поколениями, и тем основным направлениям развития правового регулирования в сфере многоконфессиональных отношений, которые в настоящее время являются актуальными для Российского государства.

Основными направлениями развития правового регулирования в сфере многоконфессиональных отношений, на наш взгляд, выступают:

регулирование вопросов создания, осуществления и прекращения деятельности религиозных организаций;

обеспечение равного правового статуса и равенства религиозных организаций перед законом;

сохранение и защита традиционных ценностей, составляющих религиозное мировоззрение различных конфессий, при условии, что они не направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;

развитие межконфессиональных отношений, взаимодействие разных религий для содействия в укреплении конституционного строя и государственного единства Российской Федерации, реализация и защита традиционных ценностей российского общества.

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Библиографический список

1. *Ермолаева Ю. В.* Традиционные российские духовные ценности: современное конституционное понимание // Конституция Российской Федерации как модель конвергенции компонентов отечественной правовой системы. Т. 1: Конституционные приоритеты Российской Федерации: генезис и современная интерпретация (к 30-летию Конституции РФ): монография / под ред. А. В. Колесникова. М., 2023. 385 с.
2. *Лукьянов С. А.* Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 49 с.
3. *Левина А. А.* Институт «свободы совести и вероисповедания»: историко-правовой опыт России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 33 с.
4. *Сафонов А. А.* Свобода совести и вероисповедания в законодательстве Государственной думы III созыва // История государства и права. 2010. № 15. С. 19–24.
5. *Сатушева Л. Х.* Формирование правового режима включения мусульман в состав Российской империи (по нормативным актам XVIII в.) // История государства и права. 2012. № 2. С. 8–16.
6. *Сафонов А. А.* Правовое регулирование функционирования религиозных организаций в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 46 с.
7. *Дорская А. А.* Проблема законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 20 с.
8. *Дорская А. А.* Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность: монография. СПб., 2012. 222 с.
9. *Андрощук В. В.* Формирование правовых основ системы управления инославными конфессиями в Российской империи XVIII – начала XX в. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 27–38.
10. *Чирюкин В. А.* Духовные ценности государственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4(57). С. 39–43.
11. *Поленина С. В.* История России: право и религия. Социальный аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 2(71). С. 14–20.
12. *Гавриленков А. Ф.* Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: сущность, принципы, эволюция: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2010. 790 с.
13. *Шершнева Е. А.* Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. ... канд. истор. наук. Барнаул, 2013. 23 с.
14. *Владимирова Г. Е.* Основные государственные законы Российской империи 1832–1892 гг. в определении основ государственного строя России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 26 с.
15. Министерство внутренних дел (1802–1902). Исторический очерк. СПб.: Тип. МВД, 1901. 248 с.

References

1. *Ermolaeva Yu. V.* Traditional Russian Spiritual Values: Modern Constitutional Understanding // The Constitution of the Russian Federation as a Model of Convergence of Components of the Domestic Legal System. Vol. 1: Constitutional Priorities of the Russian Federation: Genesis and Modern Interpretation (to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): monograph / ed. by A. V. Kolesnikov. M., 2023. 385 p.
2. *Lukyanov S. A.* The Principle of Religious Tolerance in the Domestic Policy of Pre-Revolutionary Russia and the Role of the Ministry of Internal Affairs in Ensuring the State-Legal Foundations of Its Activities extended abstract of diss. ... Dr. of Law. M., 2009. 49 p.

3. *Levina A. A.* Institute of Freedom of Conscience and Religion: the Historical and Legal Experience of Russia: extended abstract diss. ... cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2003. 33 p.
4. *Safonov A. A.* Freedom of Conscience and Religion in the Legislation of the State Duma of the III Convocation // *The History of State and Law.* 2010. No. 15. P. 19–24.
5. *Satushieva L. H.* Formation of the Legal Regime for the Inclusion of Muslims in the Russian Empire (according to the normative acts of the XVIII century.) // *History of the State and Law.* 2012. No. 2. P. 8–16.
6. *Safonov A. A.* Legal Regulation of the Functioning of Religious Organizations in Russia at the Beginning of the XX Century: extended abstract of diss. ... Dr. of Law. M., 2008. 46 p.
7. *Dorskaya A. A.* The Problem Of Legislative Consolidation of Freedom of Conscience in Russia at the Beginning of the XX Century. extended abstract diss. ... cand. of Law. St. Petersburg, 2001. 20 p.
8. *Dorskaya A. A.* The Legal Regime of Religious Property in Russia: History and Modernity: monograph. St. Petersburg, 2012. 222 p.
9. *Androshchuk V. V.* Formation of the Legal Foundations of the System of Governance of Non-Orthodox Denominations in the Russian Empire of the XVIII – Early XX centuries // *Historical and Legal Problems: a New Perspective.* 2020. No. 1. P. 27–38.
10. *Chirikin V. A.* Spiritual Values of Statehood // *Legal Policy and Legal Life.* 2014. No. 4(57). P. 39–43.
11. *Polenina S. V.* History of Russia: Law and Religion. The Social Aspect // *Legal Policy and Legal Life.* 2018. No. 2(71). P. 14–20.
12. *Gavrilentov A. F.* The Policy of the State Power of the Russian Empire in Relation to the Orthodox Church, Non-Orthodox Denominations and Abrahamic (non-Christian) Faiths in 1721–1917: Essence, Principles, Evolution: diss. ... Doc. of History. M., 2010. 790 p.
13. *Shershneva E. A.* The Situation of the Muslim Communities of Tomsk Province in the Context of the State and Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the XIX – early XX century. extended abstract diss. ... cand. of History. Barnaul, 2013. 23 p.
14. *Vladimirova G. E.* The Basic State Laws of the Russian Empire of 1832-1892 in Determining the Foundations of the Russian State System: extended abstract diss. ... cand. of Law. Vladimir, 2009. 26 p.
15. *The Ministry of Internal Affairs (1802–1902).* Historical Essay. St. Petersburg: type. Ministry of Internal Affairs, 1901. 248 p.

В. Л. Кулапов

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ФУНКЦИИ

Введение: в настоящее время отмечается наличие проблемы комплексной характеристики государственно-правового воздействия и выделения видовой характеристики государственно-правовых функций. **Цель** — на основе системного подхода доказать существование государственно-правовых функций. **Методологическая основа:** обоснование специфики государственно-правовых функций на основе системного и иных философских подходов государственно-правовой деятельности. **Результаты:** дана краткая характеристика понятию «государственно-правовые функции» и их видовой специфики. **Выводы:** обосновано существование государственно-правовых функций, что позволяет более эффективно влиять на насущные потребности повседневной жизни.

Ключевые слова: функции государства, функции права, цели государства, цели права, задачи государства, задачи права, государственно-правовое воздействие, социальное назначение государства.

V. L. Kulapov

STATE-LEGAL FUNCTIONS

Background: currently, there is a problem of a comprehensive description of state-legal influence and highlighting the specific characteristics of state-legal functions. **Objective** — to prove the existence of state legal functions based on a systematic approach. **Methodology:** justification of the specifics of state legal functions on the basis of systemic and other philosophical approaches to state legal activity. **Results:** brief description of the concept and specifics of state legal functions is suggested. **Conclusions:** justification for the existence of state legal functions makes it possible to more effectively influence the pressing needs of everyday life is substantiated.

Keywords: functions of the state, functions of law, goals of the state, goals of law, tasks of the state, tasks of law, state legal influence, social purpose of the state.

Характеристика понятия государственно-правовых функций в современном российском обществе предполагает формулирование определения, указание и раскрытие основных признаков. Государство и право всегда находились и находятся по сей день в тесной взаимосвязи, которая имеет диалектический характер и наиболее полно проявляется в действии, функционировании и развитии указанных элементов. Данный вывод чрезвычайно важен для направления исследования, которое может развиваться как минимум по двум векторам. Первый вектор является преобладающим в современной правовой науке. Его в значительной степени составляют обособленные функциональные исследования государства и права как самостоятельных институтов. Несмотря на важность таких исследо-

© Кулапов Виктор Лаврентьевич, 2024

Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Kulapov Viktor Lavrentievich, 2024

Candidate of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

ваний, их несомненную теоретическую и практическую значимость, они не могут ответить на ряд концептуальных вопросов, касающихся детерминации функций государства и права, механизма их формирования и реализации, многосторонности государственно-правового воздействия на элементы современного российского общества и общественную систему в целом. На наш взгляд, с точки зрения взаимообусловленности и взаимосвязи государство и право при таком подходе рассматриваются в большей степени метафизически. В этом проявляется несовершенство методологии таких исследований, призванных выявить только собственно правовое или собственно государственное воздействие на общественные отношения. Указанные «дефекты» методологии отчетливо проявляются в узости полученных результатов, ограниченности их практического приложения.

Второй вектор функциональных исследований связан с выяснением взаимосвязи государства и права. Недостаток таких исследований на современном этапе науки заключается прежде всего в их немногочисленности. Кроме того, данные исследования были в значительной степени ограничены результатами исследований первой группы и авторитетом их авторов. В связи с этим выводы исследований второй группы ограничились только указанием и характеристикой видов взаимосвязей государства и права, в том числе рассмотрением связи функциональной. При установлении особенностей взаимодействия государства и права выделяются как теории, идеализирующие роль права в таком взаимодействии, так и «этатистские» теории, провозглашающие приоритет государства [1, с. 6–8].

При исследовании функционального назначения государства и права последнему, как правило, отводится второстепенная функция опосредования. Это отчетливо проявляется в вопросе форм реализации функций государства. Н. В. Черноголовкин указывал, что «концепция правовых форм осуществления функций социалистического государства представляется весьма плодотворной: она содействует совершенствованию права как регулятора общественных отношений, роль которого в строительстве социализма и коммунизма объективно неуклонно возрастает» [2, с. 191]. Однако, как справедливо отмечает М. А. Аржанов, право является не только средством воздействия государства на общество, но и средством воздействия общества на государство [1, с. 6–8].

Рассмотрению права как средства воздействия на общество способствует получившая развитие инструментальная концепция права, при которой последнее рассматривается в качестве инструмента воздействия на общество. Однако сама инструментальная концепция права в полной мере оформилась и получила теоретическое обоснование позже выводов об опосредовании правом государственных функций. Это привело к тому, что право как инструмент с точки зрения юридического позитивизма всецело зависит от государства, создается им и оформляет его деятельность. Последний вывод является явно ошибочным, поскольку, во-первых, право можно рассматривать с различных сторон. Сами разработчики инструментального подхода указывают на многогранность и богатство содержания права [3, с. 29]. Соответственно, инструментальный подход рассматривает право только с одной стороны. Во-вторых, инструментальный подход применим и к исследованию государства, которое с данной точки зрения является таким же средством социального управления, как и право. Р. О. Халфина отмечает, что «государство и право — различные социальные явления. Вместе с тем они едины в своей основе, подчиняются единым объективным законам

развития. И государство, и право относятся к надстройке. Они обусловлены экономическим базисом и вместе с тем оказывают на него обратное воздействие» [4, с. 48]. Получается, что, как государство, так и право представляют собой элементы управления обществом, в некотором роде инструменты. Поэтому применение инструментального подхода к праву (рассмотрение его лишь с одной стороны) должно привести к применению этого же подхода к государству. Только при условии применения единообразного подхода к указанным элементам возможно рассмотрение взаимодействия государства и права как элементов социального управления. При таком рассмотрении оказывается, что государство и право являются взаимосвязанными и равными элементами управления обществом, а приоритет одного или другого установить невозможно.

На основании изложенного мы предлагаем сформулировать третий вектор функциональных исследований государства и права, в основе которого лежит гипотеза о едином государственно-правовом воздействии на общественную систему. Данный вектор не призван нивелировать результаты предшествующих направлений исследований, но должен в значительной степени обогатить их.

Одним из признаков государства и права выступает их полифункциональность. Государство и право выполняют собственно государственные и собственно правовые функции. Хотя даже на этом уровне очевидно, что формирование и реализация таких функций невозможна без взаимодействия государства и права. «Сохраняя свою незыблемую основу и характерные признаки, свое социальное назначение и социальную ценность, государство и право на протяжении тысячелетий выступает перед учеными во всем многообразии политических, структурных, территориальных устройств, способов осуществления власти, во всей многовариантности взаимодействия с личностью, коллективами, обществом» [5, с. 5–6].

Вместе с тем диалектическая взаимосвязь государства и права, невозможность их существования по отдельности позволяет сделать вывод о существовании интегративных государственно-правовых функций. Эти функции не могут быть отнесены лишь к функциям государства или лишь к функциям права — они общие. Государственно-правовые функции есть результат функционального единства государства и права, которое в современном российском обществе проявляется в совместном воздействии государства и права на общественные отношения и свидетельствует о наличии единых функций.

Наличие интегративных государственно-правовых функций обосновывается еще одним обстоятельством. Сам по себе вывод, основанный на существовании общих государственно-правовых функций, не новый ни для правоведения, ни для современной науки в целом. В гуманитарной плоскости такая полифункциональность связана со сложностью современных социальных компонентов, множественностью целевых установок. Так, Г. А. Жилин, исследуя цели гражданского судопроизводства, выделяет частные промежуточные цели (задачи) и цели гражданского судопроизводства. Промежуточная цель при этом выступает средством достижения цели высшего порядка [6, с. 6–7]. Государство и право также имеют общие целевые установки высшего порядка, достижение которых возможно только лишь посредством интегративного воздействия.

В основе категории «государственно-правовая функция» лежит категория государственно-правового воздействия, которая для современного правоведения не является новой. Любое воздействие представляет собой определенное влияние

одного объекта на другой. В теории права правильно и последовательно проводят различия между правовым воздействием и правовым регулированием. Если правовое воздействие есть процесс влияния права на общественные отношения, то правовое регулирование — это категория более узкая, выступающая одним из элементов правового воздействия. Подобные утверждения общепризнанны и не вызывают серьезных дискуссий в правовой науке. В значительной степени очевидным является также вывод о том, что действие права не исчерпывается правовым регулированием, но имеет информационное, ценностно-ориентационное и иные направления влияния права на общественные отношения.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в современном обществе право действует не только посредством реализации его норм, но и имеет иные формы влияния на общественные отношения. Однако, как нам представляется, действие права в целом на современном этапе невозможно без участия государства. Поэтому правовое воздействие практически всегда осуществляется при активном участии последнего. Неслучайно в современной юридической литературе встречаются работы, посвященные государственно-правовому воздействию на общественные отношения [7]. Между тем подобные работы в целом основываются на эмпирической базе, свидетельствующей о неразрывности государственного и правового воздействия. Данный вывод отчетливо прослеживается при изучении трудов, целью которых выступает не обоснование единства государственного и правового воздействия, а оценка его результатов на конкретную сферу правоотношений [8; 9, с. 260–264]. В таких работах вывод о единстве государственного и правового воздействия делается во многом интуитивно на основе наблюдения процесса влияния государства и права на определенную сферу правоотношений.

К сожалению, вопрос единства государственного и правового воздействия не получил в современной юридической литературе должного внимания и обоснования. В связи с этим представляется необходимым дать определение понятию «государственно-правовое воздействие» как родовой категории. Итак, под государственно-правовым воздействием предлагается понимать функционально взаимосвязанное интегративное влияние государства и права на наиболее социально значимые общественные отношения для достижения единых социальных целевых установок, предопределяемых закономерностями развития российского общества. Опираясь на данное определение и основы системного исследования, попробуем обозначить признаки основных направлений такого воздействия:

государственно-правовые функции представляют собой основные направления интегративного государственно-правового воздействия. Причем в данном случае следует говорить именно об интегративном воздействии, а не об отдельном воздействии государства посредством права;

государственно-правовые функции по отношению к функциям права и функциям государства выступают как функции общие, которые предполагают в качестве специальных направлений реализацию государством и правом своих функций;

государственно-правовые функции порождены наличием единых государственно-правовых целевых установок (внешний фактор), так как право и государство являются основными элементами системы управления обществом. В этом смысле цели, стоящие отдельно перед государством и отдельно перед правом, являются промежуточными, а единые цели государства и права — общими;

государственно-правовые функции основаны на целостности государства и права. В данном случае речь идет о функциональной целостности, которая является не институциональной (статической), а диалектической. Вывод о функциональной целостности государства и права следует уже из анализа механизма правового воздействия, в котором государство и право переплетены множеством функциональных связей. При отсутствии государства или права механизм правового воздействия распадается на отдельные части. Н. Н. Вопленко абсолютно справедливо в качестве одной из глобальных государственно-правовых закономерностей указывает на неразрывность государства и права в своем существовании [10, с. 233–234].

Названные признаки основаны на общих положениях системного исследования. Однако, как было указано ранее, механическое использование положений общей теории систем не может привести к значительному приросту знаний. Вследствие чего представляется необходимым более детально раскрыть два основных признака государственно-правовых функций, являющихся одновременно их детерминирующими факторами: единые целевые установки государства и права, функциональная целостность государства и права. Как справедливо отмечают А. В. Оболонский и В. Д. Рудашевский, «практическое применение функционально-целевого подхода включает две основные стадии: стадию определения целей системы и стадию анализа ее функционирования с точки зрения соответствия этим целям» [11, с. 105].

В дореволюционной России теория социального назначения государства и права испытывала значительное влияние течений демократизма, естественного права и правового государства. Право в данный период по своему функциональному назначению превращается из средства оформления и реализации государственной воли в самостоятельный элемент управления и защиты общества, в значительной степени ограничивающий и направляющий такую волю.

В советский период под влиянием официальной идеологии правоведение обратилось к юридическому позитивизму. Праву отдавалась вполне утилитарная роль оформления и проведения господствующей идеологии. Развитие юридического позитивизма обуславливалось централизацией власти, жестким государственным руководством не только права, но и экономической основы посредством установления так называемых народнохозяйственных планов [12]. В связи с чем концепция позитивизма, как ни одна другая, соответствовала господствующей идеологии государства, которое и по сей день считается исследователями «эталонным централистическим государством» [13, с. 254].

В постсоветский период современная наука видоизменила советское понимание права и государства и их роли в современном обществе. Но это изменение было и остается лишь частичным.

В общем виде теперь под государством понимается организация политической власти, общества, призванная обеспечить баланс частных и коллективных интересов. Понимание права также осталось в рамках юридического позитивизма¹ [14], но в отличие от советского подхода право теперь выражает консолидированную волю всех членов общества (а не господствующего класса) и защищает интересы также всех членов общества.

¹ В основу современного правопонимания положено «чистое учение о праве» Ганса Кельзена.

Цели права и государства на современном этапе существования постоянно обобщаются и освещаются в учебной литературе. Следует отметить, что сама категория цели в современной политологии и правоведении используется нечасто. Как правило, при характеристике государства и права используется категория «социальное назначение», которое часто выводят из сущности государства и права, их понимания. С одной стороны, использование категории социального назначения несколько упрощает для исследователя характеристику государства и права, так как вместо совершенно конкретных целей авторы оперируют «размытыми» конструкциями сущности и назначения. С другой стороны, использование данной категории является отчасти оправданным, потому что «разнообразие целей соответствует и великое разнообразие форм человеческого общества. Так как различные человеческие общества отличаются друг от друга прежде всего своими целями, то, казалось бы, что для определения государства от других форм человеческого общества надо было рассмотреть отличие цели государства от целей других общественных союзов. Попытки эти, однако, должны были окончиться полнейшей неудачей: прийти к какому-нибудь соглашению относительно цели государства представляется невозможным, так как не только само понимание государства в различные эпохи различно, но в действительности государство в различные эпохи преследует различные цели: отсюда — разногласия между мыслителями, исходившими при определении государства из изучения его цели» [15, с. 168]. То есть при исследовании социального назначения выявляется роль государства, права в обществе, которая является относительно неизменной. Категория «цель» призвана охарактеризовать более динамические свойства необходимого функционального воздействия государства и права. С этой точки зрения «социальное назначение» — более широкая категория, тогда как цели всегда конкретны и исходят из потребности общественного развития в конкретно-исторический период. Однако анализ специальной литературы показывает, что категории социального назначения и цели используются как синонимичные при характеристике роли конкретного государства в конкретно-исторический период его существования, то есть когда исследуется, например, роль и социальное назначение современного Российского государства, то речь идет о социальном назначении в узком смысле, совпадающем с целью.

Исходя из описанных особенностей, кратко изложим основное социальное назначение права и государства на современном этапе, выявим их целевые установки с учетом использования термина «социальное назначение» как синонима цели или как более широкую категорию, пределы которой «размыты» до необъятных масштабов.

Общее социальное назначение государства наиболее детально исследовано в политологии и философии. Известно несколько общих концепций, объясняющих социальное назначение и роль государства: консервативная, либеральная, социал-демократическая и коммунистическая. Они отличаются по степени вмешательства государства в жизнь общества и расположены в определенном порядке — по мере возрастания роли государства от минимальной до максимальной. Консервативная концепция исходит из того, что вмешательство государства в жизнь общества должно быть минимальным. Главными задачами государства выступают обеспечение сохранения устоев, ценностей общества, общественных отношений, защита общества от посягательств и катаклизмов. Консервативные

идеи были четко выражены Н. М. Карамзиным в книге «Записки о древней и новой России» (1811), в которой он отрицал необходимость реформ по европейскому образцу, хотя и не отвергал при этом ценность постепенной европеизации общества, а авторитаризм, по его мнению, незыблемая основа всего государственного и общественного порядка в России. В дальнейшем российский консерватизм наиболее ярко представляли К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров и В. В. Розанов, которые также ставили под сомнение ценность реформ, но, в отличие от Н. М. Карамзина, полностью отрицали необходимость европеизации России. В период царствования Александра III консервативную идеологию представляли М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. Классическим образцом консервативной критики является книга Н. А. Бердяева «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (1923). Наиболее основательно политическая философия была разработана С. Л. Франком в книге «Духовные основы общества» (1929)¹. В настоящее время в России идеологию консерватизма воплощает партия «Единая Россия»². Не отрицает этого и президент РФ В. В. Путин: «Здоровый консерватизм предполагает использование всего лучшего, нового, перспективного для обеспечения поступательного развития. Для того чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные вещи, которые человечеством выработаны в течение столетий: это бережное отношение к материнству и детству, бережное отношение к своей собственной истории, к ее достижениям, бережное отношение к нашим традициям и традиционным религиям»³.

Либеральная концепция исходит из того, что главная задача государства — обеспечение прав и свобод граждан, провозглашение их высшей ценностью. Проводится идея о минимуме вмешательства в жизнь людей, влияние государства ограничивается Конституцией, главное обеспечение не публичных, а личных интересов человека, ответственности правительства и прозрачности государственной власти. Государство проявляет активность в социальной сфере (образование, здравоохранение). Важнейшими свободами в современном либерализме признаются: свобода публично высказываться и свобода выбора религии, неприкосновенность частной собственности, свобода торговли и предпринимательства⁴. Принципами либерализма являются верховенство закона над волей правителей и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от их богатства, положения и влияния, предпочтение отдается открытому обществу, основанному на плюрализме и демократическом управлении государством, при условии соблюдения прав меньшинств и отдельных граждан, путем выплаты

¹ См.: Поляков Л. В. Консерватизм // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1483.html> (дата обращения: 17.04.2016).

² См.: Единая Россия // Кругосвет: онлайн-энциклопедия URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/edinaya-grossiya> (дата обращения: 17.04.2015); Президент взял курс на консерватизм // Независимая газета. Политика. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-12-30/3_conservative.html (дата обращения: 18.04.2015).

³ См.: ТАСС: Политика — Путин: Россия не собирается себя «законсервировать». URL: <http://tass.ru/politika/1531106> (дата обращения: 18.04.2016).

⁴ См.: Kathleen G. Donohue. Freedom from Want: American Liberalism and the Idea of the Consumer (New Studies in American Intellectual and Cultural History). Johns Hopkins University Press. 2005. P. 344; The Economist, vol. 341, iss. 7995–7997. The Economist, 1996; Sheldon S. Wolin. Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought. Princeton University Press, 2004; Edwin Brown Firmage, Bernard G. Weiss, John Woodland Welch. Religion and Law: Biblical-Judaic and Islamic Perspectives. Eisenbrauns, 1990. P. 401; John Joseph Lalor. Cyclopedia of Political Science, Political Economy, and of the Political History of the United States. NabuPress, 1883.

государственного пособия по безработице, создания приютов для бездомных, бесплатного здравоохранения.

Существенно отличается от либеральной социал-демократической концепция, при которой усиливается вмешательство государства в жизнь общества. Задачи государства заключаются в обеспечении определенного уровня равенства в обществе, достойных условий существования каждому члену общества при наличии контроля со стороны власти доходов населения (необходим государственный аппарат).

При коммунистической концепции роль государства в обществе максимальна. Государство — главное орудие социальных преобразований, его задача — довести общество к светлому будущему, что ведет к тоталитарному государству. Коммунизм провозглашал своей целью отмену частной собственности и освобождение человека и общества от экономического и социального гнета. Такая идеология предполагала наличие высокоразвитых производительных сил, отсутствие деления на социальные классы, постепенное отмирание государства, изменение функций и постепенное отмирание денег [16, с. 607]. Коммунистические воззрения опирались на требование социального равенства на основе общности имущества.

Названные модели свидетельствуют о том, что приоритетные цели государства зависят от особенностей применяемой концепции. Однако они также позволяют сделать вывод, что современная действительность гораздо богаче и многообразнее и вложить в одну из указанных концепций социальное назначение современного Российского государства является проблематичным. Для настоящего исследования также важен вывод, что цели, стоящие перед государством той или иной рассмотренной модели, настолько глобальны и сложны, что государство в одиночку не в силах их достичь.

Более конкретные исследования целей проводятся в рамках теории социального, в том числе государственного, управления. Данная теория в большей степени соответствует кибернетической модели. В основу теории государственного управления положен принцип целеполагания. Формирование организационно-функциональной структуры институтов государственного управления начинается с определения целей. Основная цель государственного управления заключается в создании оптимальных условий достижения определенного уровня состояния общества и государства в соответствии с намеченными перспективами их развития. Цели различных государств отличаются большим разнообразием. В связи с этим в теории государственного управления формируется так называемое древо целей, включающее различные виды целей: цели-задания, цели-ориентации, цели самосохранения [17, с. 49–53].

В правоведении под социальным назначением государства понимается организация общественной жизни, обеспечение ее стабильности посредством консолидации общественных интересов. Назначение и сущность государства состоит в том, что оно призвано осуществлять управление обществом на основе демократических принципов правления в интересах защиты основных прав и свобод личности [18, с. 31]. Указанное понимание социального назначения государства совпадает с общефилософским видением его цели. Так, Лев Толстой в труде «Суеверие государства» указывал, что «цель государства в том, чтобы установить порядок, такой же, какой бы был среди людей, если бы все люди

были руководимы справедливостью. Но если бы государства и достигли своей цели, то все-таки была бы не только разница, но полная противоположность между внешней справедливостью, достигнутой государством, и тем состоянием, в котором были бы люди, руководимые желанием справедливости...» [19, с. 15].

Социальное назначение права в юридической литературе обычно раскрывается через его регулятивные способности. Право рассматривается как регулятор общественных отношений. Основное назначение права заключается в том, чтобы быть мощным социально-нормативным регулятором. Причем обязательность права обеспечивается возможностью государственного принуждения. Эти основные характеристики права и составляют сущность права, его устойчивое ядро, какими бы ни были эти правила у тех или иных народов, в те или иные времена [5, с. 201]. Как отмечается в литературе, «общеправовая цель занимает в “древе” юридических ориентиров особое место. Она объясняет социально-политическое значение существования всех правовых установлений и тем самым придает праву единство, логичность и устойчивость. Данная цель является больше политическим, нежели собственно правовым ориентиром. Ее специфика состоит в том, что в отличие от остальных правовых целей она более объективна в своем содержании, более жестко детерминирована реальной действительностью» [3, с. 54]. Таким образом, исследователи отмечают политический характер общей правовой цели, которая направляет регулирующее воздействие права. Последнее же, как и государство, преследует цель упорядочения общественных отношений на основе согласования общественных интересов.

К сожалению, социальное назначение права часто игнорируется при его функциональных исследованиях. Отдается предпочтение отдельным направлениям воздействия права. Право наделяется карательными, компенсирующими и иными подобными функциями. Хотя названные функции права являются надуманными, их детальный анализ позволяет выявить тесную связь права и государства при воздействии на общественные отношения. Точнее, беспомощность государства без права.

Подчеркивая обусловленность функций права его социальным назначением, А. И. Абрамов справедливо указывает, что «под функцией права следует понимать внутренне присущее праву явление, определяемое ролью (назначением) права в обществе...» [20, с. 7–8]. Социальная обусловленность (внешний фактор) функций права выступает принципом его системного и функционального исследования. Такая обусловленность часто показывается при анализе так называемых социальных функций права (экономическая, социальная, информационная, воспитательная и т.д.), но, к сожалению, теряется при исследовании специально-юридических функций (регулятивная, охранительная). Между тем данные функции следует рассматривать как взаимопроникающие, например в экономической функции права проявляются как регулятивные, так и охранительные способности последнего.

Таким образом, изложенное о социальном назначении и целях государства и права позволяет сделать несколько промежуточных выводов:

общей целью государства и права является организация и упорядочение общественной жизни. Данная цель свойственна для различных моделей государства, отличия которых, как правило, выражены в особенностях достижения данной цели, используемых методах и средствах (тотальный контроль государства

за общественными отношениями либо использование государством законов общественной самоорганизации и саморазвития);

в современном отечественном правоведении доминирует точка зрения, согласно которой право, являясь регулятором общественных отношений, выступает лишь средством достижения общей цели государства;

указанный подход сложился в период существования советской модели отечественного государства, которая предполагала монополию руководящей роли государств в организации общественной жизни.

Данные тезисы позволяют установить, что доминирующий в отечественной юриспруденции подход архаичен. Несмотря на то, что современное Российское государство перестало быть социалистически ориентированным, а современное российское общество имеет смешанный характер, включающий индивидуалистические и коллективные начала, современное правоведение продолжает оперировать устаревшим пониманием утилитарной роли права в регулировании общественных отношений, сугубо его производным от государственной воли характером. Алогичность такого подхода проявляется в двух аспектах: несоответствие современным представлениям об источниках права, а также Конституции РФ и концепциям правового и социального государства, которые активно разрабатываются российскими учеными.

Говоря об источниках права, следует отметить, что государственная воля не является единственным его источником. «Правовая система как по происхождению, так по способу образования и по характеру родства бесспорно обладает общественным характером; право проистекает из недр общества, из его чаяний и потребностей; право “изготавливается” обществом, непосредственно или посредством специальных органов; цель права — организация общественных отношений» [21, с. 285–286]. Некоторые современные исследователи справедливо замечают, что отрицательное влияние на правильную оценку права оказывает и то, что в отечественной науке, начиная с 30–40 гг. XX в., сложилось нормативистское понимание права. Оно рассматривается как орудие государства, как средство управления, как нечто, находящееся в руках государства и направленное против населения. Главное назначение права в том, что оно должно служить человеку, который обладает неотъемлемыми правами и свободами [18, с. 165]. В настоящее время происходит модернизация правопонимания, источников формирования права. Эта модернизация проявляется в разработке концепции «умеренного» позитивизма, включающего, помимо властно-волевого, естественно-правовые компоненты, возникающие в силу углубления взаимосвязи и взаимодействия позитивного и естественного права [22, с. 7].

Согласно ст. 7 Конституции РФ современное Российское государство есть социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. А в ст. 2 Основного Закона закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Указанные и иные положения Конституции РФ стали движущей силой разработки в отечественной юридической науке концепций правового и социального государства, а сама Конституция РФ должна выступать эффективным и надежным фундаментом правового государства и его основного принципа — верховенства права [23].

Понятие «социальное государство» было введено в научный оборот Лоренцом фон Штайном в 1850 г. и наиболее полно вместило в себя все составляющие, присущие этому явлению. Поддержание равенства в правах для всех граждан вне зависимости от социальной группы; обеспечение прогресса в социальной и экономической сферах посредством своих властных функций — вот основное содержание деятельности социального государства. В концепции социального государства на первое место выходят взаимоотношения личности и государства, а не общества и государства, как было раньше. Государственная поддержка полноценного развития человека становится обязательной. По мере развития идеи социального государства была выявлена и его правовая природа, появилось понятие «социальное правовое государство». Впервые в научный оборот оно было введено Г. Геллером. В качестве основы социального государства он выделил гарантии социальных прав граждан. Таким образом, социальные права закрепились за государством как его неотъемлемая функция. Они стали ведущими для всей правовой базы государства и преобразовали ее, сделав краеугольным камнем личные права человека [24]. «Только в рамках правового государства становится возможным наиболее полное удовлетворение потребностей гражданина, как материальных, так и иных, то есть, по сути, осуществление цели государства» [25].

Концепции правового и социального государства важны для настоящего исследования постольку, поскольку позволяют сделать вывод о единстве целевых установок государства и права, исходя из которых формируется функциональное единство и интегративное государственно-правовое воздействие на современное российское общество. Данный подход соответствует Конституции России, современным разработкам отечественной юриспруденции и задается потребностями самого гражданского общества [26, с. 9–10]. При сугубо позитивистском понимании права, рассмотрении его лишь в качестве средства реализации государственной воли концепции правового и социального государства становятся бесполезными. Поскольку субъективные права и юридические обязанности являются частью права объективного, которое с точки зрения юридического позитивизма формируется только государственной волей, то при таком подходе задачей социального государства выступает обеспечение функционирования результатов своей воли, которые могут быть в любой момент изменены. Право же не может ограничивать волю государства, поскольку выступает ее результатом.

Безусловно, в истинно социально-правовом государстве государственная воля, беря начало от общественных потребностей, может быть приравнена к общественной воле, однако нельзя согласиться с утверждением о том, что в праве социально-правового государства, в первую очередь, выражается именно государственная воля, поскольку одним из главных отличий такого типа государства выступает именно «вторичный» характер воли государства, основной источник которой — воля общества. Такая воля становится государственной волей, только если государственно-правовые институты настроены «на волну» нужд народа, способны эти нужды услышать, своевременно выявить и удовлетворить.

Однако следует отметить, что некоторый «идеализм» права, свойственный крайним течениям концепции правового государства, убеждение в его неограниченных регулятивных способностях оказывает не меньший вред развитию юридической науки и практики [27, с. 66–67]. Право, как и любой иной социальный

регулятор, ограничено в своих возможностях. Поэтому решение общих социальных целей и задач возможно только при взаимодействии государства и права.

Изложенное о социальном назначении права и государства, их роли в современном российском обществе позволяет сделать вывод о единстве социальных целевых установок права и государства, предопределяемых закономерностями развития современного общества.

Следующим признаком государственно-правовых функций, нуждающимся в дополнительной характеристике, выступает функциональное единство государства и права. В силу сложности общественной жизни такое единство нельзя рассматривать как всеобъемлющее, охватывающее абсолютно все формы функционирования государства и права. В противном случае государство не имело бы любых иных форм своей деятельности, кроме правовых, а право не имело бы любых иных форм реализации, кроме государственных (правоприменение). В связи с этим функциональное единство носит усеченный характер и не охватывает все возможные формы функционирования государства и права. Именно поэтому, составляя функциональное единство в одной части, государство и право, являясь относительно самостоятельными системами, осуществляют свои специальные функции как отдельные направления воздействия на общество.

Исследуя функциональное единство государства и права как признак государственно-правовых функций, следует также отметить его зависимость от единства целевых установок. То есть потребность в функциональной целостности государства и права была определена внешним фактором как структура системы первоначально определяется внешними условиями ее существования, ее целевым предназначением. Стоит отметить, что такое взаимодействие может быть внутрисистемным — определяющим воздействие государства и права на другие элементы политико-правового механизма (субъекты, принципы, способы и средства воздействия); внешним — определяющим государственно-правовое воздействие на внешнюю среду, которое, в свою очередь, может быть национальным (воздействие на российское гражданское общество) и международным (воздействие на мировую общественную систему в целом). Соотношение национального и международного государственно-правового воздействия позволяет сделать вывод о том, что на национальном уровне влияние государства и права на общественные отношения осуществляется, как правило, непосредственно через наделенные публичными функциями органы и организации. На международном уровне в силу множественности государственных образований согласование их интересов осуществляется с применением международных политико-правовых институтов (наднациональные организации, конференции, дипломатические сообщества и т.д.). Поэтому при международном уровне государственно-правовые функции реализуются опосредованно через воздействие в рамках международных институтов.

В силу комплексности государственно-правовых функций уровни их осуществления переплетены множественными связями, вследствие чего в каждой из функций можно выделить внутренний и внешний (национальный, международный) аспекты. Это обосновывается самой комплексностью общественного развития, при котором различные сферы воздействуют друг на друга, постоянно находясь во взаимном влиянии.

Тема настоящего исследования предполагает анализ государственно-правовых функций одного уровня — национальных государственно-правовых функ-

ций. Объектом воздействия в данном случае является российская общественная система. Однако в силу условности данного деления не учитывать внутрисистемный и международный аспекты реализации государственно-правовых функций нельзя. В противном случае это приведет к искусственному вычленению российского гражданского общества из системы международного мироустройства.

Сказанное позволяет определить государственно-правовые функции как основные направления интегративного воздействия государства и права на наиболее социально значимые общественные отношения для достижения единых социальных целевых установок, предопределяемых закономерностями развития современного гражданского общества.

При определении видов государственно-правовых функций следует отметить, что виды функций представляют собой не просто отдельные направления воздействия, а тесную взаимосвязь, сложную многоуровневую систему функций.

Анализ направлений государственно-правового воздействия позволяет выделить два основных вектора такого воздействия: выявление потребностей государственно-правового воздействия (сигнально-аналитический блок); организационно-стабилизирующее государственно-правовое воздействие (блок активного организационного воздействия). Указанные направления формируются под воздействием объективных потребностей общества и составляют две основных группы государственно-правовых функций.

Таким образом, к основным группам (блокам) государственно-правовых функций следует отнести организационные и познавательно-аналитические функции.

Группа организационных функций раскрывает активное государственно-правовое воздействие, с одной стороны, на сами государственно-правовые институты, с другой стороны — на современное российское общество с целью организации общественной жизни, консолидации интересов отдельных индивидов и их групп, направления общественного развития, защиты установленных правил общежития. В рамках активного организационно-стабилизирующего воздействия предлагается выделить управленческо-регулятивную; организационно-направляющую, организационно-обеспечительную; консолидирующую и охранно-защитную функции. Общей задачей указанной группы выступает упорядочивание управляемой общественной системы.

Группа организационных государственно-правовых функций, безусловно, имеет некоторые точки соприкосновения с функциями политики, к которым обычно относят: управленческую — управление социальными процессами общества; обеспечения целостности и стабильности общества — формирование общественных целей, ориентиров; политической социализации — формирование политического сознания индивидуума; мобилизации — стимулирование общественного взаимодействия, а также гуманитарную функцию — гарантия прав и свобод личности, обеспечение мира и солидарности [28, с. 78]. Однако организационные государственно-правовые функции функциями политики не исчерпываются, так как имеют политико-правовой характер. Логическое разграничение данных функций можно провести по самим субъектам их реализации: государство является центральным, но не единственным субъектом политической системы. Политику творят не только государственные органы, но и политические партии, в то время как организационные государственно-правовые функции представляют собой интегративное воздействие государства и права, и, несмотря на схожие названия, действуют данные функции в совершенно разных плоскостях. Так, политические

программы партий, имеющие целью приход к власти, не носят правового характера и предназначены главным образом для информирования населения и его политической социализации, ориентированы прежде всего на убеждение народа страны в правильности политического курса (агитация, пропаганда)¹. Государственно-правовые функции имеют исключительно правовую форму реализации, структурируют государственно-правовой механизм, а также определяют порядок, направление государственно-правового воздействия на общество.

Если исходить из объекта направленности данных функций, то политика ориентирована только вовне — на общество, на международные отношения, в то время как государственно-правовые функции имеют и внутренний вектор. Так, государственно-правовая функция управления шире управленческой функции политики, поскольку включает в себя не только внешний фактор (воздействие на общество), но и внутренний (оптимизация структуры управления на уровне государственных органов). Сама политика, заключенная в утвержденных государством программах, то есть государственная политика, закреплённая посредством правовых норм, воплощается в государственно-правовой функции программно-направляющего воздействия.

Группа познавательного-аналитического государственно-правовых функций содержит следующие направления (функции): сигнальную, обобщающую и прогностическую. Сигнальная функция призвана своевременно выявить изменения общественной системы, являющиеся социально значимыми, влекущие необходимость корректировки государственно-правового воздействия.

Все указанные функции имеют обобщенный характер, поскольку речь идет об интегративном государственно-правовом воздействии. Сказанное подтверждает вывод о том, что функции государства и функции права — это специальные функции, направленные на решение конкретных задач современного общества при помощи ограниченных средств, имеющихся в распоряжении только у государства либо только у права. При реализации таких функций государство и право может действовать в связке только в отношениях субординации, когда государство использует право в качестве средства (или наоборот). При интегративном государственно-правовом воздействии функциональное единство строится на связях координации, призванных обеспечить совместное воздействие государства и права на общественную систему.

Библиографический список

1. Аржанов М. А. Государство и право в их соотношении. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 287 с.
2. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М.: Юрид. лит., 1970. 215 с.
3. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 296 с.
4. Халфина Р. О. Право как средство социального управления / отв. ред. М. И. Пискотин. М.: Наука, 1988. 256 с.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Омега-Л, 2002. 608 с.

¹ См., например: Предвыборная программа партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва. URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 18.09.2016).

6. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 72 с.
7. Государственно-правовое воздействие на общественные отношения: теория, методология, техника: сб. науч. ст. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011. 207 с.
8. Дементьев Е. А. Средства государственно-правового воздействия на отношения в сфере спорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 32 с.
9. Шматкова Е. М. Государственно-правовое воздействие на экономику в РФ // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5-6(27-28). С. 260–264.
10. Вопленко Н. Н. О понятии государственно-правовых закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 г.): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2013. Т. 1. С. 233–234.
11. Оболонский А. В., Рудашевский В. Д. Методология системного исследования проблем государственного управления. М.: Наука, 1978. 192 с.
12. Социально-экономическая роль социалистического государства / Ш. Б. Алдашева, А. А. Алиева, О. В. Берендеев и др. М.: Мысль, 1978. 172 с.
13. Иванов В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. 272 с.
14. Кельзен Г. Чистое учение о праве: сб. переводов. Вып. 1. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. 106 с.
15. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб.: Лунь, 1998. 224 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М. Гос. изд-во полит. лит., 1955. 616 с.
17. Голощапов Р. В., Пятков А. Г. Государственное управление: учеб. пособие. Хабаровск: ДВАГС, 2005. 183 с.
18. Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. 410 с.
19. Толстой Л. Н. Суеверие государства. М.: Посредник, 1917. 31 с.
20. Абрамов А. И. Проблемы реализации регулятивной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.
21. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В. И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. 576 с.
22. Марченко М. Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4. С. 5–10.
23. Хажипов Р. Х. Конституционное и правовое государство: диалектика взаимосвязи // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4(26). С. 24–28.
24. Теория государства и права: учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юристъ, 2004. 245 с.
25. Правовая ментальность эффективного государства: кол. монография / отв. ред. В. Ю. Колмаков. Красноярск: Литера-принт, 2010. 200 с.
26. Соколов А. Н., Сердобинцев К. С. Доминанта правового государства — развитие гражданского общества // Правовое государство: теория и практика. 2011. № 4(26). С. 7–16.
27. Матузов Н. И. В плену правового идеализма // История. Право. Политика. 2011. № 2. С. 66–70.
28. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс. 2005. 477 с.

References

1. Arzhanov M. A. The State and Law in Their Relationship. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 287 p.
2. Chernogolovkin N. V. Theory of Functions of the Socialist State. M.: Legal Literature, 1970. 215 p.
3. Malko A. V., Shundikov K. V. Goals and Means in Law and Legal Policy. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2003. 296 p.

4. *Khalfina R. O.* Law as a Means of Social Management / ed. M. I. Piskotin. M.: Nauka, 1988. 256 p.
5. *Vengerov A. B.* Theory of State and Law: textbook for law schools. 3rd ed. M.: Omega-L, 2002. 608 p.
6. *Zhilin G. A.* The Goals of Civil Proceedings and Their Implementation in the Court of First Instance: extended abstract dis. ... cand. of Law. M., 2000. 72 p.
7. State-Legal Impact on Public Relations: Theory, Methodology, Technique: Collection of Scientific Articles / Federal Penitentiary Service, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. Vladimir: VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. 207 p.
8. *Dementiev E. A.* Means of State-Legal Influence on Relations in the Field of Sports: extended abstract diss. ... cand. of Law. N. Novgorod, 2009. 32 p.
9. *Shmatkova E. M.* State-Legal Impact on the Economy in the Russian Federation / Socio-economic Phenomena and Processes. 2011. No. 5-6(27-28). P. 260–264.
10. *Voplenko N. N.* On the Concept of State-Legal Patterns // State-Legal Patterns: Theory, Practice, Technique: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical Conference (Nizhny Novgorod, May 23-24, 2013): in 2 volumes / under the general editorship of V. A. Tolstik. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. Vol. 1. P. 233–234.
11. *Obolonsky A. V., Rudashevsky V. D.* Methodology of System Research of Problems of Public Administration. M.: Nauka, 1978. 192 p.
12. Socio-Economic Role of the Socialist State / Sh. B. Aldasheva, A. A. Aliyeva, O. V. Berendeev and others M.: Mysl, 1978. 172 p.
13. *Ivanov V.* Theory of the State. M.: Territory of the Future, 2010. 272 p.
14. *Kelsen G.* Pure Doctrine of Law. Collection of translations. Issue 1 M.: USSR Academy of Sciences INION, 1987. 106 p.
15. *Trubetskoy E. N.* Encyclopedia of Law. St. Petersburg: Lun, 1998. 224 p.
16. *Marx K., Engels F.* The Manifesto of the Communist Party. Works. Ed. 2. Vol. 4. M., 1955. 616 p.
17. *Goloshchapov R. V., Pyatkov A. G.* Public Administration: textbook. Khabarovsk: DVAGS, 2005. 183 p.
18. *Abdulaev M. I.* Theory of State and Law: textbook for higher educational institutions. M.: Financial Control, 2004. 410 p.
19. *Tolstoy L. N.* Superstition of the State. M.: Intermediary, 1917. 31 p.
20. *Abramov A. I.* Problems of Realization of the Regulatory Function of Law: extended abstract diss. ... cand. of Law. N. Novgorod, 2005. 26 p.
21. *Bergel J.-L.* General Theory of Law / under the General editorship of V. I. Danilenko. M.: NOTA BENE, 2000. 576 p.
22. *Marchenko M. N.* “Moderate” Positivism and the Rule of Law in a Legal State // State and Law. 2012. No. 4. P. 5–10.
23. *Khazhipov R. H.* Constitutional and Legal State: Dialectics of Interrelation // The Rule of Law: Theory and Practice. 2011. No. 4(26). P. 24–28.
24. Theory of State and Law: textbook / edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko. M.: Jurist, 2004. 245 p.
25. The Legal Mentality of an Effective State: collective monograph / ed. by V. Y. Kolmakov. Krasnoyarsk: Litera-print, 2010. 200 p.
26. *Sokolov A. N., Serdobintsev K. S.* The Dominant of the Rule of Law — a Developed Civil Society // The Rule of Law: Theory and Practice. 2011. No. 4(26). P. 7–16.
27. *Matuzov N. I.* In Captivity of Legal Idealism // History. Law. Politics. 2011. No. 2. P. 66–67.
28. *Pugachev V. P., Solovyov A. I.* Introduction to Political Science. 4th ed., reprint. and additional. M., 2005. 477 p.

Н. В. Паршина

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ЮСТИЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ТОРГОВОГО СЛОВЕСНОГО
СУДА КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА**

Введение: историко-правовое исследование становления коммерческого правосудия на Кубани в XIX в. базируется на анализе нормативных правовых актов Российской империи рассматриваемого периода и архивных материалах судебной практики Торгового словесного суда. **Цель** — изучить законодательное оформление торгового судоустройства и судопроизводства на Кубани в XIX в. **Методологическая основа:** цели исследования достигнуты с помощью историко-правового, сравнительно-правового и хронологического методов научного познания. **Результаты:** проанализирована судебная практика Торгового словесного суда Кубанского казачьего войска, отражающая специфику и существенные недостатки правовой регламентации дореформенной юстиции. **Выводы:** несмотря на попытку законодателя урегулировать порядок разрешения торговых споров на Кубани в XIX в., коммерческое судоустройство и судопроизводство не отличалось эффективностью. Торговый словесный суд нередко принимал к производству дела, не отвечающие законодательно установленным правилам подсудности. Отсутствие квалифицированных кадров в судебной системе дореформенного периода препятствовало законному порядку разрешения торговых споров. Эта проблема была успешно решена судебной реформой Александра II, в рамках которой такие дела стали передаваться в юрисдикцию мировых судов.

Ключевые слова: торговый словесный суд, торговое общество казаков, Черноморское казачье войско, Кубанское казачье войско, судебная реформа 1864 г.

N. V. Parshina

**LEGAL REGISTRATION OF COMMERCIAL JUSTICE
IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY:
BASED ON THE MATERIALS OF THE COMMERCIAL
VERBAL COURT OF THE KUBAN COSSACK ARMY**

Background: the historical and legal study of the formation of commercial justice in the Kuban in the XIX century is based on the analysis of the normative legal acts of the Russian Empire of the period under review and archival materials of the judicial practice of the Commercial Verbal Court. **Objective** — to study the legislative formalization of the commercial court system and judicial proceedings in the Kuban in the XIX century. **Methodology:** the research objectives were achieved using historical-legal, comparative-legal and chronological methods of scientific cognition. **Results:** the judicial practice of the Commercial Verbal Court of the Kuban Cossack Army is analyzed, reflecting the specifics and significant shortcomings of the legal regulation of pre-reform justice. **Conclusions:**

© Паршина Наталья Викторовна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права (Кубанский государственный университет); e-mail: natalya.v.parshina2012@yandex.ru

© Parshina Natalia Viktorovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law (Kuban State University)

despite the legislator's attempt to regulate the procedure for resolving trade disputes in the Kuban in the XIX century, the commercial judicial system and judicial proceedings were not effective. The commercial verbal court often accepted cases that did not meet the legally established rules of jurisdiction; the lack of qualified personnel in the judicial system of the pre-reform period hindered the legal procedure for resolving trade disputes. This problem was successfully solved by the judicial reform of Alexander II, in which such cases were transferred to the jurisdiction of magistrates' courts.

Keywords: commercial verbal court, trade society of Cossacks, Black Sea Cossack army, Kuban Cossack army, judicial reform of 1864.

В преддверии 160-летнего юбилея отечественной судебной реформы вновь актуализируется научный интерес к органам имперской юстиции. Это объясняется тем, что, несмотря на значительный корпус академических трудов, посвященных исследованию правового регулирования функционирования судебных учреждений во второй половине XIX в., анализ их практической деятельности нередко остается за скобками. Это относится и к изучению работы Торгового словесного суда Кубанского казачьего войска, которое к настоящему времени не нашло в историко-юридической литературе подробного освещения.

Истоки возникновения коммерческого судопроизводства в России относятся к X в. [1, с. 1019]. Дальнейшее развитие данного процесса происходило в период политической раздробленности, который ознаменовался подъемом внешней и внутренней торговли в Новгороде [2, с. 96] и Пскове [3].

Предметная регламентация этой сферы общественных отношений в нормативных правовых актах перманентно осуществлялась и в последующие эпохи российской истории, среди которых стоит отметить Новоторговый устав 1667 г. [4, с. 12], разработанный по приказу Алексея Михайловича, петровское¹ и екатерининское законодательство².

Первый коммерческий суд был открыт в Одессе в 1808 г.³, а затем и «в других крупных торговых центрах: Таганроге, Феодосии, Архангельске, Измаиле» [5, с. 69]. В целом можно констатировать, что к началу XIX в. в России были заложены предпосылки для создания экономического правосудия.

Что касается становления органов коммерческой юстиции на Кубани, то здесь их развитие было тесно связано с особенностями правового статуса служилого населения региона. После присоединения Кубани к России в 1783 г.⁴ эта территория в конце XVIII в.⁵ была пожалована в «вечное владение» Екатериной Великой Черноморскому казачьему войску. Их основная функция заключалась в охране и защите южных рубежей Российской империи.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. VII. 1723–1727. № 5145. Сенатский указ. Об отпуске содержащихся в Москве и у города Архангельского чужестранных купцов для их выправок в Санкт-Петербурге в Доимочную Канцелярию, о взыскании с просрочки по векселям по шести процентов на год, и о таможенном суде по словесным прошениям, а не челобитным. 26 августа 1727 г. С. 842–858.

² См.: Там же. Т. XVII. 1765–1766. № 12721. Указ из Главного Магистрата с приложением инструкции Словесным Судам. 10 августа 1766 г. С. 930–936.

³ См.: Там же. Т. XXX. 1808–1809. № 22886. Устав Коммерческого Суда для Одессы. 10 марта 1808 г. С. 115–125.

⁴ См.: Там же. Т. XXI. 1781–1783. № 15708. Манифест. О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу. 8 апреля 1783 г. С. 897–898.

⁵ См.: Там же. Т. XXIII. 1789 – 6 ноября 1796. № 17056. Именной, данный Сенату. О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями, между Кубанью и Азовским морем лежащими. 30 июня 1792 г. С. 343–344.

Начиная с первой четверти XIX в. законодатель ограничивал постоянное проживание на территории войска представителей других сословий¹, в том числе купечества, которое активно занималось торговлей, например в центральных губерниях Российской империи [6; 7].

Ввиду особенностей казачьей ментальности и их обязанностей по несению военной службы торговые отношения на Кубани были слабо развиты. Н. Л. Янчевский по этому поводу справедливо отмечал, что «казак... не земледелец, а в отличие от “тяглового” крестьянства — землевладелец, несущий службу с земли» [8, с. 19].

Впервые специальное юридическое оформление порядка разрешения торговых споров среди казачества Кубани нашло закрепление в правотворчестве императора Николая I². Надо сказать, что этому событию предшествовало общероссийское реформирование коммерческого правосудия под руководством М. М. Сперанского [9, с. 25], которое завершилось принятием в 1832 г. специального законодательства о порядке разрешения торговых споров³.

По замыслу законодателя, для развития коммерции в Черномории в первой половине XIX в. предусматривалось создание общества торговых казаков⁴. В его состав могло входить не более двухсот членов от общей численности войска, каждый из которых должен был уплачивать денежный взнос в войсковую казну. Для разрешения коммерческих споров между торговыми казаками предполагалось учредить Торговый словесный суд, который рассматривал бы указанные дела путем устного судопроизводства. Однако число желающих вступить в Торговое общество казаков, за счет которого и должно было осуществляться содержание Торгового словесного суда, являлось малочисленным. Так, в 1844 г. в нем состояло 47 казаков, в 1852 г. — 45 [10, с. 41]. В итоге казачье правительство в первой половине XIX в. сочло открытие данного учреждения нецелесообразным.

В 1860 г. Черноморское казачье войско вошло в состав Кубанского⁵. В тот же период товарооборот в области получил новый виток развития. Это объяснялось несколькими причинами. Во-первых, в рассматриваемый период Кубань активно заселялась иногородним населением⁶, которое имело право не только приобретать в собственность земельные наделы в пределах указанной территории, но и заниматься развитием коммерческих отношений. Такое решение государственных властей было связано с завершением Кавказской войны (1817–1864) и необходимостью освоения новых территорий, вошедших по ее итогу в состав Российской империи. Во-вторых, численность Торгового общества казаков

¹ См.: ПСЗ РИ-2. Т. II. 1827. № 908. Положение Кабинета Министров. О людях, находящихся в Черноморском казачьем войске с давняго времени, к сословию онаго не принадлежащих. 15 февраля 1827 г. С. 185–187.

² См.: Там же. Т. XVII. Ч. I. 1842. № 15809. Высочайше утвержденное положение. О Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. С. 708–742.

³ См.: Там же. Т. XVII. 1832. № 5360. Высочайше утвержденное учреждение Коммерческих Судов, и Устав их судопроизводства. 14 мая 1832 г. С. 268–298.

⁴ См.: Там же. Т. XVII. Ч. I. 1842. № 15809. Высочайше утвержденное положение. О Черноморском казачьем войске. 1 июля 1842 г. С. 708–742.

⁵ См.: Там же. Т. XXXV. Ч. II. 1860. № 36327. Именной, объявленный Сенату. О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска. 19 ноября 1860 г. С. 391–393.

⁶ См.: Там же. Т. XXXVII. Ч. II. 1862. № 38256. Высочайше утвержденное положение. О заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. 10 мая 1862 г. С. 406–425.

в 1860 г., по сравнению с 1842 г., была заметно увеличена и составляла 112 членов¹. К 1862 г. их количество насчитывало уже 550 человек [11, с. 44].

Поэтому теперь, по мнению местных властей, образование Торгового словесного суда стало необходимым. Открытие этого учреждения состоялось 25 марта 1860 г. в Екатеринодаре². Состав Торгового словесного суда ежегодно избирался из числа торговых казаков Кубанского казачьего войска в количестве двух членов. Затем эти кандидатуры утверждались в должности атаманом Кубанского казачьего войска.

Вместе с тем развитие торговли и промышленности на Кубани сосредотачивалось преимущественно в руках иногородних. Для казачества эти виды экономической деятельности стали востребованы только к концу XIX в. [12, с. 13–14]. Ввиду чего число обращений в Торговый словесный суд было немногочисленным.

Так, в 1860 г. этим органом было рассмотрено единственное дело — спор между войсковым старшиной А. Посполитакой и нахичеванским горцем, мещанином Е. Черкесовым³. Интересы истца А. Посполитаки в данном деле представлял коллежский асессор Д. Александров. Суть конфликта заключалась в том, что в июне 1849 г. А. Посполитака взял в восьмилетнее откупное содержание все меновые дворы и лавки в Черноморском войске. Между истцом и ответчиком в том же году было заключено соглашение, по которому четвертый участок меновых дворов и пунктов был отдан в ведение Е. Черкесова. От каждого из участков войсковым старшиной мещанину были выданы товары для продажи: соль, частокол, дрова и чугун.

Между тем из-за обострившейся военно-политической ситуации на Кавказе в 1850 г. торговля казаков с горцам была приостановлена, а в 1851 г. прекращена [13, с. 764]. Однако, как следует из искового заявления, деньги за полученные товары Е. Черкесовым так и не были возвращены А. Посполитаке. В связи с этим последний требовал у суда взыскать с ответчика не только долг 5 234 руб. 10 коп. серебром, но и штраф за просрочку платежа 168 149 руб. 50 коп. серебром⁴.

Суд принял к производству указанный иск и вызвал Е. Черкесова на заседание. Явившись в суд, ответчик предъявленные истцом претензии признал частично: на сумму 542 руб. 36 коп. серебром⁵. Свою позицию мещанин аргументировал тем, что шнуровые книги, в которых он вел учет переданных ему истцом товаров, после приостановления торговли с казаками в 1850 г. были изъяты у него «в контору» (Хозяйственную экспедицию Войскового правления) для проверки и учета, поэтому нет письменных доказательств, подтверждающих сумму долга, указанную в исковом требовании А. Посполитаки. Торговый словесный суд, рассмотрев дело, ссылаясь на ст. 1801 и 1826 Свода законов гражданских (Т. XI изд. 1857 г.), определил разрешить спор между истцом и ответчиком через посредников.

Д. Александров был не удовлетворен решением суда, поэтому обжаловал его в апелляционную инстанцию — Войсковое правление, изучив дело и руководствуясь ст. 1794, 1796, 1800 Свода законов гражданских (Т. XI изд. 1857 г.), пришло к вводу, что Торговым словесным судом были нарушены правила подсудности,

¹ См.: ГАКК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

² См.: Там же. Л. 1.

³ См.: Там же. Л. 1–2.

⁴ См.: Там же. Л. 3 об.

⁵ См.: Там же. Л. 8 об., 9.

поскольку данный орган не имел право принимать дело к производству, так как ни истец, ни ответчик не являлись членами Торгового общества казаков. Согласно закону, Торговый словесный суд рассматривал дела только в отношении тех субъектов, которые являлись его членами. Или в том случае, когда участник Торгового общества казаков предъявлял иск к постороннему лицу, с которым он состоял в коммерческих отношениях. Поэтому Войсковое правление, ссылаясь на нормы ст. 155 т. X ч. II Свода законов Российской империи, постановило, что дело должно быть разрешено путем искового судопроизводства. Для чего, по правилам ст. 1667 т. X ч. II Свода законов Российской империи, Д. Александрову в интересах своего доверителя было необходимо направить исковое заявление в суд первой инстанции, «ведомству коего подлежит... Черкесов»¹.

В соответствии с законом в данном деле иск должен был предъявляться в суд по месту жительства ответчика (общая территориальная подсудность). Кроме того, Войсковым правлением было объявлено замечание Торговому словесному суду, в котором предписывалось «подобных дел, ведомству его не подлежащих, отнюдь не принимать к своему разбирательству»².

Анализ судебного разбирательства по делу А. Посполитаки и Е. Черкесова демонстрирует наиболее существенные недостатки общероссийской, дореформенной юстиции: отсутствие отделения суда от администрации (апелляция на действия Торгового словесного суда подавалась в Войсковое правление — исполнительный орган власти Кубанского казачьего войска); ненадлежащая квалификация судей, которые приняли к рассмотрению дело, неподведомственное Торговому словесному суду.

Надо сказать, в практике Торгового словесного суда Кубани встречались дела и вовсе не связанные с разрешением коммерческих споров. Например, в 1870 г. Торговый словесный суд Кубанского казачьего войска выдал торговому казаку Семену Бондаренко свидетельство о том, что он холост, и препятствий для его вступления в брак не имеется [14, с. 71].

Неслучайно дореформенное правосудие уже тогда получало отрицательную оценку в работах современников. Так, правовед Г. А. Джаншиев отмечал, что до 1864 г. «велика была приниженность суда пред администрацию; ...суд беспрекословно подчинялся... давлению со стороны высших губернских властей» [15, с. 18].

В 1889 г. юрист В. Я. Фукс в обоснование медленного развития судебного законодательства в России в первой половине XIX в. писал: «Что же удивительного, если у нас, в прежних судах, встречались законники, но не было законоведов, а еще менее правоведов? ... применение подходящего закона к... судебному казусу оставалось фактически и всецело в руках канцелярий, а на судей выпадала лишь пассивная роль — подписывать доклады опытных секретарей» [16, с. 25–26]. Дело осложнялось и тем, что в торговых словесных судах заседали чиновники, не имеющие представления не только об юридических нормах, но и «о правилах, традициях, обычаях ведения торговли» [17, с. 24].

Неудивительно, что в имеющихся условиях, эффективность работы Торгового словесного суда в Кубанской области являлась крайне неудовлетворительной.

¹ См.: ГАКК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 3. Л. 17 об., 18.

² Там же. Л. 17 об.

Судебной реформой 1864 г. торговые словесные суды в России были упразднены [18, с. 120]. В Кубанской области Торговый словесный суд сохранялся до введения здесь Судебных уставов – 30 декабря 1869 г.¹ Фактически учреждение проработало до 1871 г.² Теперь коммерческие споры на Кубани стали подсудны внесловным учреждениям — мировым судам³.

Несмотря на ликвидацию торговых словесных судов в пореформенный период, следует подчеркнуть, что именно тогда были устранены существенные изъяны в правовом обеспечении судоустройства и судопроизводства, которые позволили существенно повысить эффективность разрешения торговых споров, а именно отстранение администрации от участия в судопроизводстве, установление обязательных требований к профессиональной квалификации судей, закрепление правового статуса мирового суда⁴.

Вполне закономерно, что судебная реформа 1864 г. была признана учеными второй половины XIX в. одним из наиболее прогрессивных и фундаментальных нововведений в юридической науке и практике [19; 20]. В последующем такая точка зрения невзирая на места встречающуюся критику в исследованиях первых лет послереволюционного периода [21, с. 76–77; 22, с. 44–45] была поддержана многими советскими [23, с. 151; 24, с. 50–51] и российскими [25, с. 116; 26, с. 233] юристами.

В заключение следует подчеркнуть, что принципы судопроизводства, сформулированные в период «великих реформ» Александра II, и в современной России продолжают оставаться залогом эффективного отправления правосудия, юридическим камертоном разрешения экономических споров в арбитражном процессе⁵.

Библиографический список

1. Пахольчик Е. Д. Возникновение и развитие принципов и институтов торгового (коммерческого) права в России XI–XVIII вв. // *Lex Russica (Русский закон)*. 2008. № 5. С. 1019–1035.
2. Ольшанская Л. В. История возникновения и развития коммерческих судов в России // *Известия Московского государственного технического университета МАМИ*. 2014. № 1(19). С. 96–102.
3. Лагунин И. И. Псков Ганзейский // *Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал*. 2019. № 50. С. 79–98.
4. Свободная торговля и покровительственная система в России. М.: Универ. тип., 1891. 80 с.
5. Захаров В. В., Глазов Ю. В. Формирование торговой юстиции в России в XVIII – первой трети XIX века // *История, теория, практика российского права*. 2013. № 9. С. 55–71.
6. Судовиков М. С. Торговля регионального купечества России в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 2. С. 12–16.
7. Ляпанов А. В. Развитие городской и крестьянской торговли в России в конце XVIII в. (на примере Владимирского наместничества) // *Историко-экономические исследования*. 2023. № 2. С. 209–226.

¹ См.: ПСЗ РИ-2. Т. XLIV. Ч. II. 1869. № 47848. Именной, данный Сенату. О введении Судебных Уставов от 20 ноября 1864 года в Кубанской и Терской области и в Черноморском округе. 30 декабря 1869 г. С. 415–416.

² См.: ГАКК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 26. Л. 53.

³ См.: Там же. Ф. 746. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

⁴ См.: ПСЗ РИ-2. Т. XXXIX. Ч. II. 1864. № 41475. Высочайше утвержденное. Учреждение судебных установлений. 20 ноября 1864 г. С. 180–215.

⁵ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 18 марта 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219> (дата обращения: 27.10.2023).

8. Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-н/Д: Севкавказ, 1927. Т. 1. 204 с.
9. Пахольчик Е. Д. Становление и развитие коммерческих судов в России в первой половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 22–44.
10. Золотарева И. Д. Роль Торгового словесного суда в становлении правового сознания казачьего и иногороднего населения Черноморского (Кубанского) казачьего войска (1842–1870 гг.) // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: сб. ст. II Междунар. электрон. науч. конф. (26–27 февраля 2014 г.) / под ред. С. М. Сивкова. Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2014. С. 40–47.
11. Шкарлупина Г. Д. Капиталистическая модернизация на Северном Кавказе в пореформенный период (1861–1917). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 248 с.
12. Багаева Е. М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России: 1861–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. 27 с.
13. Сухомлинова К. Ю. Регулирование торговых отношений между казаками и горцами в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. История России. 2018. № 4. С. 752–768.
14. Собрание А. С. Торговое общество казаков в Черноморском (Кубанском) казачьем войске. Екатеринодар: Типолитография А. П. Сташевского, 1897. 146 с.
15. Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). М.: Тип. М. П. Щепкина, 1891. 364 с.
16. Фукс В. Я. Суд и полиция: в 2 ч. М.: Универ. тип., 1889. 522 с.
17. Захаров В. В. Словесные суды в системе отечественной гражданской юрисдикции первой половины XIX в. // История государства и права. 2008. № 15. С. 22–24.
18. Захарова П. В. Коммерческие суды в России второй половины XIX – начала XX века: общие подходы и частные особенности формирования // Актуальные проблемы государства и права. 2018. № 8. С. 119–129.
19. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. 296 с.
20. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905. 267 с.
21. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века. Л.; М.: Издат. товар-во «Книга», 1925. 406 с.
22. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Пб.: Гос. изд-во, 1922. 50 с.
23. Тютрюмов И. М. Гражданский процесс. Юрьев: Изд. кн. магазина Я. Раудсеп, 1925. 695 с.
24. Краковский К. П. Советская историография судебной реформы 1864 года и истории пореформенного суда в России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 43–67.
25. Агапова А. Р. Судебная реформа 1864 г. и ее влияние на развитие современной судебной власти // Вестник науки. 2021. № 1(34). С. 114–116.
26. Шутило О. В., Грачева О. А. Концепция мировой юстиции в проектах Судебных уставов 1864 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 2(151). С. 227–234.

References

1. Pakholchik E. D. The Emergence and Development of Principles and Institutions of Trade (Commercial) Law in Russia of the XI–XVIII Centuries. // Lex Russica (Russian Law). 2008. No. 5. P. 1019–1035.
2. Olshanskaya L. V. The History of the Emergence and Development of Commercial Vessels in Russia // Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI. 2014. No. 1(19). P. 96–102.
3. Lagunin I. I. Pskov Hanseatic // Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Journal. 2019. No. 50. P. 79–98.

4. Free Trade and the Patronage System in Russia. M.: Univ. tip., 1891. 80 p.
5. *Zakharov V. V., Glazov Yu. V.* The Formation of Commercial Justice in Russia in the XVIII – First Third of the XIX Century // *History, Theory, and Practice of Russian Law*. 2013. No. 9. P. 55–71.
6. *Sudovikov M. S.* Trade of Regional Merchants of Russia at the End of the XVIII – First Half of the XIX Century. // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2011. No. 2. P. 12–16.
7. *Lyapanov A. V.* Development of Urban and Peasant Trade in Russia at the End of the XVIII Century. (on the example of the Vladimir viceroyalty) // *Historical and Economic Research*. 2023. No. 2. P. 209–226.
8. *Yanchevsky N. L.* Civil Struggle in the North Caucasus. Rostov-on-Don: Sevkvkniga, 1927. Vol. 1. 204 p.
9. *Pakholchik E. D.* Formation and Development of Commercial Vessels in Russia in the First Half of the XIX Century // *Historical and Legal Problems: a New Perspective*. 2017. No. 3. P. 22–44.
10. *Zolotareva I. D.* The Role of the Commercial Verbal Court in the Formation of the Legal Consciousness of the Cossack and Nonresident Population of the Black Sea (Kuban) Cossack Army (1842–1870) // *Cossack statehood: historical, legal and cultural aspects: collection of articles of the 2nd International Electronic Scientific Conference. (February 26–27, 2014) / Edited by S. M. Sivkov*. Krasnodar: YUIM Publishing House, 2014. P. 40–47.
11. *Shkarlupina G. D.* Capitalist Modernization in the North Caucasus in the Post-Reform Period (1861–1917). M.; Berlin: Direct-Media, 2014. 248 p.
12. *Bagaeva E. M.* Commercial and Industrial Activity in the Kuban in the Era of Market Transformations in Russia: 1861–1914: extended abstract diss. ... cand. of Historical Sciences. Stavropol, 2005. 27 p.
13. *Sukhomlinova K. Yu.* Regulation of Trade Relations Between Cossacks and Mountaineers in the First Half of the XIX Century. // *Bulletin of the RUDN. The History of Russia*. 2018. No. 4. P. 752–768.
14. *Sobrievsky A. S.* Trade Society of Cossacks in the Black Sea (Kuban) Cossack Army. Ekaterinodar: typo-lithography by A. P. Stashevsky, 1897. 146 p.
15. *Dzhanshiev G. A.* Fundamentals of Judicial Reform: (To the 25th anniversary of the new court). M.: M. P. Shchepkin type, 1891. 364 p.
16. *Fuks V. Ya.* The Court and the Police: in two parts. M.: Univ. tip., 1889. 522 p.
17. *Zakharov V. V.* Verbal Courts in the System of Domestic Civil Jurisdiction of the First Half of the XIX Century. // *History of the State and Law*. 2008. No. 15. P. 22–24.
18. *Zakharova P. V.* Commercial Courts in Russia of the Second Half of the XIX – Early XX Century: General Approaches and Particular Features of the Formation // *Actual problems of the state and law*. 2018. No. 8. P. 119–129.
19. *Koni A. F.* Fathers and Children of Judicial Reform. Moscow: I. D. Sytin Publishing House, 1914. 296 p.
20. *Hessen I. V.* Judicial Reform. St. Petersburg: Publishing house of P. P. Gershunin, 1905. 267 p.
21. *Rozhkov N. A.* Russian History in Comparative Historical Coverage (Fundamentals of social Dynamics). Vol. 11: Industrial Capitalism and the Revolutionary Movement in Russia of the Second Half of the XIX and the Beginning of the XX Century. Leningrad; M.: Publishing Partnership "Book". 1925. 406 p.
22. *Portugalov G. M.* Revolutionary Conscience and Socialist Legal Consciousness. Petersburg: State Publishing House, 1922. 50 p.
23. *Tyutryumov I. M.* Civil Process. Yuryev: Publishing house of the Ya store. Raudsep, 1925. 695 p.
24. *Krakovsky K. P.* Soviet Historiography of the Judicial Reform of 1864 and the History of the Post-Reform Court in Russia // *Historical and Legal Problems: a New Perspective*. 2014. No. 9-2. P. 43–67.
25. *Agapova A. R.* Judicial Reform of 1864 and Its Impact on the Development of Modern Judicial Power // *Bulletin of Science*. 2021. No. 1(34). P. 114–116.
26. *Shutilo O. V., Gracheva O. A.* The Concept of World Justice in the Draft Judicial Statutes of 1864 // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2023. No. 2(151). P. 227–234.

Н. В. Тюменева

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: воспитание является социальным регулятором поведения человека, потенциал которого необходимо использовать в правовой сфере. **Цель** — выявить специфику правового воспитания и обозначить его роль в механизме правового регулирования. **Методологическая основа:** содержание правового воспитания раскрывается на основе диалектического, системного и телеологического подходов. Для выявления тождества и различий между видами правового воспитания был использован сравнительно-правовой метод. Для определения места и роли правового воспитания в механизме правового регулирования был использован системно-структурный и функциональный методы научного познания. **Результаты:** обоснована необходимость использования правового воспитания в условиях идеологического многообразия. Определена роль правового воспитания в механизме правового регулирования. **Выводы:** правовое воспитание играет важную роль в правовой социализации человека, выступает не только способом повышения правовой культуры и правосознания, но и действенным вспомогательным элементом механизма правового регулирования, поскольку создает необходимую мировоззренческую основу для функционирования права. **Ключевые слова:** правовое воспитание, механизм правового регулирования, социальное регулирование, правовое воздействие, правовые ценности, правовая культура, правосознание, субъект права.

N. V. Tyumeneva

LEGAL EDUCATION AND ITS ROLE IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Background: education is a social regulator of human behavior, the potential of which must be used in the legal sphere. **Objective** — to identify the specifics of legal education and its role in the mechanism of legal regulation. **Methodology:** the content of legal education is revealed on the basis of dialectical, systemic and teleological approaches. A comparative legal method was used to identify the identity and differences between the types of legal education. To determine the place and role of legal education in the mechanism of legal regulation, the system-structural and functional methods of scientific cognition were used. **Results:** the necessity of using legal education in the context of ideological diversity is substantiated. The role of legal education in the mechanism of legal regulation is determined. **Conclusions:** legal education plays an important role in the legal socialization of a person, is not only a way to enhance legal culture and legal awareness, but also an effective auxiliary element of the mechanism of legal regulation, since it creates the necessary ideological basis for the functioning of law. **Keywords:** legal education, mechanism of legal regulation, social regulation, legal impact, legal values, legal culture, legal awareness, subject of law.

© Тюменева Наталия Владимировна, 2024

Заведующий кафедрой теории государства и права, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского); e-mail: tumeneva82@mail.ru

© Tyumeneva Natalia Vladimirovna, 2024

Head of the Department of Theory of State and Law, Candidate of Law, Associate Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)

В современных условиях наблюдается возрождение интереса к правовому воспитанию не только как к правовой категории, «привязанной» к правосознанию и к правовой культуре, но и как к многофункциональному средству правовой социализации. Это обуславливает необходимость обновления теории правового воспитания в связи с уточнением его роли в механизме правового регулирования общественных отношений в условиях идеологического многообразия, запрета цензуры, приоритета традиционных ценностей в российском обществе.

Несмотря на то, что воспитание является центральной категорией педагогики и объектом ее изучения, правоведы давно уже обратили внимание на его потенциал и перспективы в правовой сфере. В советское время были заложены теоретические основы изучения правового воспитания и его возможностей по повышению правосознания и правовой культуры. Авторитетный профессор права С. С. Алексеев определял правовое воспитание как систему организационно-идеологического воздействия, направленную на обеспечение высокой юридической культуры, развитие правосознания, подготовку кадров юристов, правовую пропаганду [1, с. 181].

Труды И. Е. Фарбера стали классическими в обосновании главенствующей роли воспитательной функции права и правового воспитания как формы ее реализации, цель которого — «формирование определенной политической, нравственной, юридической структуры личности» [2, с. 243]. Теоретик права И. Ф. Рябко указывал на необходимость правового воспитания народных масс посредством популяризации правового образования и правового просвещения [3, с. 161–180]. Таким образом, в Советском государстве правовое воспитание широко использовалось для укоренения в самом массовом правосознании (обыденном) правовой ментальности советского народа, партийной идеологии и ценностей коллективизма.

В конце XX в. в связи со сменой векторов и ориентиров конституционного развития России правовое воспитание ушло в тень научного познания, потеряв практическую востребованность в свете конституционного запрета государственной идеологии. Установленный в ст. 13 Конституции РФ¹ запрет буквально трактовался как полная идеологическая свобода каждого, прежде всего от партократии и необходимости формирования монистического общества на основе единых идеологических и политико-партийных установок. Вместе с сужением пределов государственной власти за счет выведения из-под ее контроля идеологической сферы [4, с. 249] правовое воспитание стало ограничено использоваться в качестве средства, обеспечивающего повышение правовой культуры и правосознания и ресурса власти в целом. Его место заняли более «мягкие», нейтральные средства идеологического воздействия, такие как правовое просвещение и информирование, правовое обучение и образование, ставшие приоритетными в социально-правовом регулировании.

Казалось бы, в условиях провозглашения широкой свободы слова, мнений, убеждений, с одной стороны, и установления конституционного «вето» на государственную идеологию — с другой, организационно-идеологическое воспитательное воздействие на сознание личности должно было бы окончательно

¹ См.: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с поправками от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2020. 4 июля.

потерять свою актуальность. Однако уже в начале 2000-х гг. стало понятно, что фактический отказ от механизмов воспитательного воздействия был преждевременным и неоправданным. Показателен в этом смысле высокий уровень нигилистического правосознания, который сохраняется многие десятилетия в России. Усугубила ситуацию глобализация, которая создала риски трансформации и изменения духовно-нравственной основы российского общества, утраты традиционных ценностей.

В таких условиях возрождения воспитательного воздействия и совершенствование его методов и способов стало насущной проблемой, о которой часто говорит руководство страны. Так, в Послании Президента РФ от 2016 г. В. В. Путин подчеркнул, что школьное образование должно «давать знания и воспитывать нравственного человека», «историческая миссия отечественной системы образования всегда состояла в воспитании гражданственности и патриотизма и ответственности за свою страну»¹, а также «уважения к действующему праву»².

Позиция Президента РФ о роли воспитания усилила его практическую востребованность в текущий момент. Однако в Конституции РФ воспитание было закреплено с момента принятия Основного Закона в различных контекстах. Во второй главе воспитание в качестве важнейшего фактора социализации личности выступает равным правом и обязанностью родителей (ч. 2 ст. 38). По смыслу конституционных норм, воспитание в семье должно осуществляться непрерывно, даже тогда, когда человек попал в тяжелую жизненную ситуацию (речь идет, например, о болезни, потере кормильца, инвалидности и пр.). Чтобы кризисные финансовые условия не помешали воспитывать детей, государство создает различные социальные гарантии, оказывает социальную поддержку и защиту гражданам (ч. 1 ст. 39 Конституции РФ).

В соответствии с поправками, внесенными в Конституцию РФ в 2020 г., воспитание приобрело политико-правовое значение и стало популяризоваться в качестве способа передачи ценностей и идеалов от поколения к поколению, необходимых для сохранения национальной идентичности (ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ). На публичную власть и институты гражданского общества теперь возлагается обязанность создавать условия для развития и воспитания детей в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67 Конституции РФ).

Осуществление задач государства по воспитанию и образованию обеспечивается различными организационными и правовыми гарантиями на федеральном и региональном уровнях власти. Так, в исключительном ведении России находится установление единых правовых основ системы воспитания и образования (п. «е» ст. 71). Общие вопросы воспитания (п. «е» ч. 1 ст. 72), а также связанные с созданием условий для достойного воспитания детей в семье (п. «ж». 1 ч. 1 ст. 72), решаются совместно федеральными органами и органами государственной власти субъектов РФ. На правительственном уровне решаются задачи по созданию условий для воспитания экологической культуры (п. «е» 6 ч. 1 ст. 114).

Анализ конституционных норм свидетельствует о том, что воспитание, являясь ресурсом политической власти, используется в современной России для

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. // Российская газета. 2016. 2 декабря.

² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря.

формирования мировоззренческих установок и духовно-нравственного развития и совершенствования личности на основе провозглашенных в Конституции РФ традиционных ценностей (патриотизма, гражданственности, защиты Отечества и пр.). Следовательно, современное государство заинтересовано в том, чтобы социализация человека осуществлялась непрерывно, комплексно, последовательно путем воспитательного воздействия, задача которого — выработка устойчивого стереотипа законопослушного, правомерного поведения и формирование определенного образа жизни и деятельности каждого.

В публично-правовой сфере воспитание востребовано в качестве всеобщего, распространенного, часто используемого метода воздействия на личность. Это подтверждается тем, что в 2015 г. был принят документ стратегического значения, посвященный воспитанию, — Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года¹ (далее — Стратегия), а в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»² (далее — Закон) было включено понятие «воспитание».

Согласно п. 2 ст. 2 Закона, под воспитанием понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, к природе и окружающей среде. Единство обучения, образования и воспитания провозглашено принципом государственной политики и правового регулирования образовательных правоотношений (п. 3 ч. 1 ст. 3 ст. Закона), что подчеркивает равнозначность и неразрывность методов обучения, образования и воспитания в воздействии на личность и ее социализацию.

Примечательно, что возвращение воспитания в арсенал политико-правовых методов совпало с исключением понятия «образовательная услуга» из текста Закона, которое долгое время блокировало фактическую возможность использования педагогами методов воспитательного воздействия на школьников и студенческую молодежь, что вызывало критику и недовольство со стороны педагогического сообщества. Не вдаваясь в анализ положительных и отрицательных сторон названных изменений, отметим лишь, что законодательная новелла о легализации воспитания должна толковаться не иначе как усиление морально-нравственной и идеологической составляющей в содержании образовательных отношений и отказ от потребительского контекста, в котором последнее двадцатилетие они существовали и развивались.

Таким образом, воспитание в качестве универсального социального регулятора общественных отношений, наряду с моралью, этикой, религией, правом, используется в различных социальных сферах, приобретая соответствующее

¹ См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р // Российская газета. 2015. 8 июня.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Российская газета. 2012. 31 декабря; 2023. 29 декабря.

видовое и методическое разнообразие. Неслучайно существуют различные виды воспитания: гражданское, патриотическое, экологическое, трудовое, особое место среди которых занимает правовое воспитание.

Несмотря на то, что в Стратегии правовое воспитание не выделено в самостоятельный вид, его роль в социально-правовой сфере огромна, поскольку от него во многом зависит общественная безопасность и правопорядок в стране. В приведенном ранее определении подчеркивается, что «воспитание ... направлено на социализацию обучающихся ... на основе общепринятых правил и норм... используется для создания условий ... уважение к закону и правопорядку» (п. 2 ст. 2 Закона). Это означает, что законодатель ключевые параметры права включил в содержание воспитания. Следствием этого стало то, что правовая составляющая (правовой аспект) имеется во всех названных видах воспитания и сформулированных ориентиров воспитательного процесса.

Так, в соответствии с Законом механизмы гражданского воспитания направлены на создание условий для формирования у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, уважительного отношения к национальному достоинству людей, их чувствам, религиозным убеждениям; развитие правовой и политической культуры детей, расширение конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы; развитие в детской среде ответственности, формирование стабильной системы нравственных и смысловых установок личности, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам и другим негативным социальным явлениям.

Правовое содержание патриотического воспитания и формирование российской идентичности Закон связывает с развитием у подрастающего поколения уважения к таким символам государства, как герб, флаг, гимн Российской Федерации, к историческим символам и памятникам Отечества.

Духовное и нравственное воспитание детей осуществляется, по убеждению законодателя, за счет расширения сотрудничества между государством и обществом, общественными организациями и институтами в сфере духовно-нравственного воспитания детей.

Приобщение детей к культурному наследию предполагает создание равных для всех детей возможностей доступа к культурным ценностям, что представляет прямую отсылку к ч. 2 ст. 44 Конституции РФ.

Трудовое воспитание и профессиональное самоопределение реализуется посредством воспитания у детей уважения к труду и людям труда, трудовым достижениям; формирования у детей потребности трудиться, добросовестного, ответственного и творческого отношения к разным видам трудовой деятельности, включая обучение и выполнение домашних обязанностей.

Экологическое воспитание ориентировано на развитие у детей и их родителей экологической культуры, бережного отношения к природе; воспитание чувства ответственности за состояние природных ресурсов, умений и навыков разумного природопользования, нетерпимого отношения к действиям, приносящим вред экологии.

С одной стороны, в Стратегии сформирован целостный механизм, включающий различные виды воспитательного воздействия на человека, в том числе и правовое воспитание, связанное с соблюдением прав и свобод человека и гражда-

нина, правил социального общежития, с уважением к государству, с выработкой механизмов ответственности за себя и свои поступки, нетерпимого отношения к любым правонарушениям и пр. С другой стороны, правовое воспитание имеет свою специфику и значительный правовой потенциал: в сочетании с элементами механизма правового регулирования правовое воспитание способно усиливать положительный эффект правового воздействия на личность.

Неслучайно, в педагогике правовое воспитание не только выделено в самостоятельный вид, но и отмечается специфика его цели, задач, методов, форм и видов. Правовое воспитание рассматривается как целостный педагогический процесс, основанный на специально организованной, систематической, взаимосвязанной деятельности субъектов воспитания (государственных органов, общественных организаций, педагогов, родителей, учащихся) по трансляции правовой культуры и правового опыта [5, с. 10–11]. Ключевым аспектом в характеристике правового воспитания является его цель — передача правовых ценностей и правового опыта, а также целостность, системность, длительность, процессуальный характер. Результатом такого воспитательного воздействия было и остается превращение уважения к праву и закону в личное убеждение каждого человека, что способствует не только росту правосознания и правовой культуры, но и повышает эффективность правового регулирования в целом.

В специальной юридической литературе механизм правового регулирования выступает одной из центральных научных категорий правоведения, которая «собирает» воедино и позволяет сформировать представление о целостной «работе» всех звеньев правовой системы в динамике [1, с. 153]. Правовое регулирование, включающее в себя различные элементы (норму права, принципы права, правоотношения, правовые акты и пр.), не совпадает с идеологическим воздействием права, его воспитательной ролью. Более того, воспитание приобретает правовую специфику и становится правовым только тогда, когда оно проходит через механизм правового регулирования, а до этого по своему характеру оно в принципе не отличается от влияния на общественные отношения других идеологических средств (агитации, пропаганды, морального воздействия и пр.). Следовательно, идеологическое воспитательное воздействие не является специфическим только для права и не охватывается правовым регулированием [1, с. 155]. Наоборот, воспитание — это самостоятельный социальный регулятор [6, с. 23] наряду с правом, которое также представляет собой особый вид социального регулирования.

Полагаем, что, взаимодействуя, оба этих социальных регулятора дополняют друг друга, усиливая эффект воздействия на личность. В правовой сфере методы воспитания приобретают правовое качество, правовой характер, а само воспитание становится правовым. Вспомогательная роль правового воспитания в праворегулятивном процессе выражается в том, что его воздействие направлено на выработку осознанной привычки к правомерному поведению и формированию стереотипа такого поведения в общественном сознании.

Известно, что человек, приученный с детства соблюдать элементарные правовые запреты, во взрослом возрасте соблюдает их уже автоматически, естественным образом, даже не задумываясь об этом. Именно поэтому реализация права в форме соблюдения создает естественную основу для его исполнения, использования, применения. Правовое воспитание формирует специальный инструментарий по донесению до разума и чувств каждого человека правовых цен-

ностей, превращение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения, действуя в форме правового просвещения, правового образования и обучения.

Воспитательное воздействие осуществляется с помощью таких социальных норм, как мораль, этика, религия, а правовое регулирование — на основе правовых норм. Правовое воспитание усиливает действие норм права, сочетая их с такими неформальными регуляторами, как мораль, этика, религия, обычаи, традиции, привычки, ритуалы, придавая праву общесоциальный ценностный смысл. Это позволяет говорить о социальном механизме действия права, включающего данные аспекты, правовые установки и ориентации субъектов, правовую информацию, социальные последствия действия права, социально-правовой контроль, уровень и характер правовой информации и др.

Кроме того, воспитательное воздействие права в процессе правового регулирования общественных отношений формирует так называемый психологический механизм, направленный на формирование мотивов поведения, предписывающего, запрещающего, дозволяющего юридическими нормами, приводя к активной деятельности субъекта, выражающейся в моделировании собственного поведения в соответствии с полученной правовой информацией [7, с. 88].

Психологическое правовое воздействие связано не только и даже не столько с восприятием правовой информации, сколько с отношением субъекта к ней. Под воздействием механизмов правового воспитания субъект не просто воспринимает правовую информацию, она аккумулируется его сознанием, обретает определенную направленность его собственного поведения в социально-правовой сфере [7, с. 95–96]. По сути, правовое воспитание «запускает» механизмы саморегуляции и упорядочивания собственного социального поведения субъекта в соответствии с выбранной им стратегией, когда правовые требования превращаются во внутренние побуждения личности, в ее собственные предписания, мотивирующие начало поступка [8, с. 122].

Следовательно, имея психологическую компоненту в содержании, правовое воспитание связано со всеми формами реализации права, соответственно, и со всеми видами правомерного поведения. Правовое воспитание имеет значение в контексте и правонарушений, и юридической ответственности. В частности, перевоспитание правонарушителей является одной из целей уголовного наказания, а также выступает основным средством профилактики правонарушений независимо от их отраслевой специфики. В связи с этим можно с уверенностью констатировать, что целенаправленное и систематическое правовое воспитание — это прямая предпосылка установления законности и правопорядка.

Проведенный анализ показал, что правовое воспитание — это планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию субъекта, соприкасающийся со всеми звеньями механизма правового регулирования, способствующий принятию права, его норм, усвоение его ценностей и принципов субъектом.

В общей теории традиционно выделяют общее и специальное правовое воспитание. Разница между названными видами состоит в субъекте, на которого правовое воспитание направлено, и в применяемых методах воспитательного воздействия.

Так, общему правовому воспитанию подвергаются все категории граждан; оно ориентировано прежде всего на повышение обыденного правосознания,

групповой правовой культуры. Для этого используются разнообразные методы воспитательного воздействия: правовое просвещение граждан, консультирование по правовым вопросам, пропаганда уважения к праву и закону, проведение массовых мероприятий в форме открытых лекций, форумов, бесед и прочего по проблемным социально-правовым вопросам (противодействие коррупции, терроризму, экстремизму и др.).

Специальное правовое воспитание ориентировано на субъектов, обладающих профессиональным правосознанием, то есть на государственных служащих, должностных лиц, представителей публичной власти в целом, практических работников, преподавателей юридических вузов, студентов-юристов и пр. Специальное правовое воспитание часто отождествляют с правовым образованием. Хотя такое отождествление допустимо и в нем нет ошибки (поскольку и правовое воспитание, и правовое образование являются схожими однородными правовыми явлениями, используемыми для повышения профессиональной правовой культуры), но не всегда оправданно, потому что правовое воспитание и правовое образование не одно и то же.

Правовое образование направлено на получение и передачу знаний о праве, правовых явлениях, процессах, институтах, выработку навыков их применения на практике. Тогда как правовое воспитание воздействует не только на мышление, но и на сознание человека; оно связано не столько с передачей правовых знаний, сколько с формированием ценностных правовых и мировоззренческих установок, стереотипов правомерного поведения. Следовательно, понятие «правовое воспитание» по объему шире, чем понятие «правовое образование», соответственно, правовое воспитание может осуществляться как в процессе правового обучения и образования, так и вне их, с применением широкого круга методов.

Специальное правовое воспитание осуществляется на основе этических норм, содержащихся в кодексах этики судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов и пр. В последнее время на государственной службе правовой опыт передается в рамках института наставничества¹, который становится все более востребованным и эффективным средством правового воспитания.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в современной правовой доктрине заложены правовые предпосылки для обновления теории правового воспитания, которое объективно необходимо в условиях современного идеологического многообразия. Во-вторых, правовое воспитание следует рассматривать не только как способ повышения правовой культуры и правосознания, но и как действенный вспомогательный элемент механизма правового регулирования. В-третьих, правовое воспитание обуславливает социальный и психологический механизмы действия права: под воздействием правового воспитания у субъекта вырабатывается привычка соблюдать право и закон, вырабатывается стереотип правомерного поведения на основе усвоенных им правовых ценностей. Таким образом, правовое воспитание выступает эффективным идеологическим регулятором, создающим необходимую мировоззренческую основу для функционирования права.

¹ См.: Положение о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ от 7 октября 2019 г. // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5727.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. 395 с.
2. *Фарбер И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 206 с.
3. *Рябко И. Ф.* Правосознание и правовое воспитание масс в советском обществе / отв. ред. М. Н. Кулажников. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1969. 191 с.
4. *Эбзеев Б. С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
5. *Хасанова С. А.* Правовое воспитание старших подростков в средней общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. Surgut, 2007. С. 10–11.
6. *Славова Н. А.* Правовое воспитание как основной элемент механизма правовой социализации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 3. С. 24–28.
7. *Берг Л. Н.* Психологический аспект правового воздействия // Lex Russica. 2023. № 8(201). Т. 76. С. 88–95.
8. *Гусейнов О. М., Гусейнов Г. О.* Правовое воспитание как фактор формирования позитивного правосознания личности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 114–126.

References

1. *Alekseev S. S.* Problems of the Theory of Law: a course of lectures in two volumes. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. Vol. 1: Basic Questions of the General Theory of Socialist Law. 395 p.
2. *Farber I. E.* Legal Awareness as a Form of Public Consciousness. M.: Legal Literature, 1963. 206 p.
3. *Ryabko I. F.* Legal Awareness and Legal Education of the Masses in Soviet Society / ed. by M. N. Kulazhnikov. Rostov n/D.: Publishing House of Rostov University of 1969. 191 p.
4. *Ebzeev B. S.* Constitutional Law of Russia: textbook. M.: Prospekt, 2019. 768 p.
5. *Hasanova S. A.* Legal Education of Older Adolescents in Secondary School: diss. ... cand. of Pedagogical Sciences. Surgut, 2007. P. 10–11.
6. *Slavova N. A.* Legal Education as the Main Element of the Mechanism of Legal Socialization // Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University. 2021. Vol. 1, no. 3. P. 24–28.
7. *Berg L. N.* The Psychological Aspect of Legal Impact // Lex Russica. 2023. No. 8(201). Vol. 76. P. 88–95.
8. *Gusejnov O. M., Gusejnov G. O.* Legal Education as a Factor in the Formation of a Positive Legal Awareness of the Individual // Social and Humanitarian Knowledge. 2021. No. 3. P. 114–126.

Е. А. Терехина

ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Введение: в юридической науке наблюдается тенденция к возрастанию роли судебного толкования. В связи с чем актуальность приобретает изучение отдельных элементов технологии судебного толкования, в том числе ее объекта. **Цель** — рассмотреть подходы к пониманию объекта судебного толкования в научной литературе; определить объекты судебного толкования. **Методологическая основа:** диалектический метод, анализ, системный, формально-юридический методы. **Результаты:** определен круг вопросов в исследовании объектов судебного толкования; выявлены подходы к определению объекта судебного толкования; дано авторское понимание исследуемой категории; раскрыты объекты судебного толкования. **Выводы:** монистический подход определяет в качестве объекта толкования норму права или нормативный акт. Согласно другому подходу, объекты судебного толкования разнообразны и требуют более точного исследования для совершенствования интерпретационной и правоприменительной деятельности. Суд как основной субъект толкования должен четко определять объект толкования при разрешении споров.

Ключевые слова: судебное толкование, объекты толкования, субъект судебного толкования, судебная конкретизация, правоприменение, технология судебного толкования.

Е. А. Terekhina

OBJECTS OF JUDICIAL INTERPRETATION: THEORETICAL ASPECTS

Background: in legal science, there is a tendency to increase the role of judicial interpretation. In this connection, the study of individual elements of the technology of judicial interpretation, including its object, becomes relevant. **Objective** — to study of approaches to understanding the object of judicial interpretation in the scientific literature; definition of objects of judicial interpretation. **Methodology:** dialectical method, analysis, system, formal legal methods. **Results:** the range of issues in the study of objects of judicial interpretation is determined; approaches to the definition of the object of judicial interpretation are identified; the author's understanding of the category under study is given; the objects of judicial interpretation are disclosed. **Conclusions:** the monistic approach defines a rule of law or a normative act as an object of interpretation. According to the pluralistic approach, the objects of judicial interpretation are diverse and require more precise research to improve interpretative and law enforcement judicial practice. The court, as the main subject of interpretation of the norms of law, must clearly define the object of interpretation.

Keywords: judicial interpretation, objects of interpretation, subject of judicial interpretation, judicial specification, law enforcement, technology of judicial interpretation.

В общей теории юридического толкования некоторыми авторами затрагивается технология толкования. Одним из ее обязательных компонентов является объект. Объекты юридического толкования были предметом исследования

в диссертации Я. С. Вольфовской. Автор отмечает, что в качестве основных элементов содержания интерпретационной практики выступают ее объекты (предметы) — правовые акты, правовые явления, состояния и процессы. Нельзя не согласиться с ученым, что ценность изучения разнообразных объектов интерпретации состоит в установлении их роли и места в юридическом толковании для достижения «четкости, ясности и доступности праворазъяснительных решений» [1, с. 36, 44, 52].

Судебному толкованию как разновидности юридического толкования в науке отведено немаловажное место. Вопросы судебного толкования находятся в сфере постоянного внимания отечественных и зарубежных правоведов. Основным предметом таких исследований являются понятие, виды, способы, объем, легальность судебного толкования. Объекты судебного толкования ранее подробно и системно не рассматривались. Результаты исследования теоретико-практических вопросов объектов судебного толкования помогут повысить эффективность и качество процесса судебного толкования, совершенствовать правоприменительную деятельность судов, определить пределы судебного толкования путем четкого уяснения судом объектов, которые он может толковать и применять соответствующие способы толкования.

Понимание объекта судебного толкования не так однозначно. Воля закона, воля законодателя, правовой акт или текст закона: что из этого является объектом судебного толкования? Как объект соотносится с предметом толкования, с источником права? Каковы особенности и пределы толкования объектов Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и судами нижестоящих инстанций?

Судебное толкование — «мыслительный процесс судьи (судей) по выявлению, раскрытию воли законодателя в принятом им законе, норме права и формулировке наиболее точного их смысла с закреплением результата толкования в судебном акте» [2, с. 72].

В теории судебного толкования традиционно и бесспорно выделяют уяснение и разъяснение — то, с помощью чего раскрывается воля законодателя. Анализ актов судебного толкования приводит нас к выводу, что судебное толкование не всегда, но при необходимости, продолжается уточнением и детализацией, то есть конкретизацией правового предписания без изменения содержания толкуемой нормы [3, с. 15–16].

Объект неразрывно связан с субъектом. Субъектами судебного толкования являются суды в лице судей. Для судов всех инстанций толкование предполагает индивидуализацию правовой нормы на рассматриваемый случай и фиксацию в судебном акте. Официальное нормативное судебное толкование осуществляется Верховным Судом РФ, результаты которого закрепляются в разъяснительных судебных актах, и Конституционным Судом РФ при рассмотрении дел о соответствии Конституции РФ законов, подзаконных актов Федерации и ее субъектов.

В. Н. Карташов отмечает, что объекты и предметы юридического толкования — это «обрабатываемые продукты», «это то, на что направлены интерпретационные действия и операции субъектов и участников технологии официального юридического толкования» [4, с. 7, 9]. Я. С. Вольфовская определяет объект юридического толкования как «правовые явления, процессы и состояния, на которые направлена деятельность субъекта» [1, с. 10].

Как правило, в науке объект толкования определяют одним наименованием. Например, одни ученые называют объектом толкования федеральный закон [5, с. 12]. В советский период известные правоведы говорили о толковании нормативных юридических актов [6, с. 546–582]. П. Е. Недбайло не возражал против использования терминологии «толкование правовых норм» «в целях экономии изложения», «для практической цели». Однако он размышлял, что задача толкования — выяснить то, что содержится в законах и других нормативных актах, какие нормы в них воплощены и о чем они говорят [7, с. 325]. Позиция называть объектом толкования норму права является, пожалуй, самой распространенной [8, с. 21–22; 9, с. 34; 10, с. 20]. В исследованиях о судебном толковании авторы под объектом судебного толкования понимают любое текстуально выраженное правовое предписание [11, с. 300; 12, с. 34; 13, с. 188]. Наиболее активные рассуждения ведутся о правовых категориях «воля закона» и «воля законодателя» как об объекте толкования [14, с. 10; 15, с. 66; 16, с. 29; 17; 18], также предлагается называть объектом толкования дух закона и заложенные в нем ценности права [19, с. 256].

Приведенные позиции являются верными. Однако в целях более основательно-го исследования объектов судебного толкования не стоит ограничиваться обобщением, выделяя только норму права, или закон, или нормативный правовой акт. В связи с поиском новых механизмов регулирования общественных отношений, развитием судебной практики, необходимостью совершенствования технологии судебного толкования выделение разнообразных объектов толкования является актуальным и имеет преимущества.

В связи с этим обоснована позиция А. Ф. Черданцева, который называл норму права основным объектом, но не ограничивал объекты толкования, указывая, что это «многочисленные юридические документы, обслуживающие правовое регулирование: индивидуальные правоприменительные акты (судебные решения, приговоры, определения), договоры, доверенности, завещания и т.д.» [20, с. 6].

Наиболее очевидным объектом судебного толкования является нормативный правовой акт (далее — НПА). Официально определение НПА не закреплено в законодательстве. Однако неоднократно на рассмотрении парламента находился Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанный на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации еще с 1996 г. НПА — официальный письменный документ, изданный в определенной форме компетентным субъектом правотворчества и устанавливающий, изменяющий, вводящий в действие или отменяющий правовые нормы [21, с. 21–22].

НПА в Российской Федерации формируются в единую иерархическую систему в зависимости от их юридической силы. На территорию Российской Федерации распространяют свое действие Конституция РФ, нормы международного права и международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы (включая кодексы), федеральные подзаконные правовые акты (указы и распоряжения Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти). На территории субъектов Российской Федерации действуют Конституции (уставы) субъектов РФ, законы субъектов РФ, подзаконные правовые акты субъектов РФ (ст. 15, 76, 125 Конституции РФ).

Для конституционного судебного толкования объекты толкования определены в ст. 125 Конституции РФ.

В гл. 21 КАС РФ установлено право определенного круга лиц предъявления административного искового заявления о признании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, недействующими. В ст. 20 и 21 КАС РФ определены, какие именно нормативные правовые акты и акты, обладающие нормативными свойствами, являются объектами толкования Верховным Судом РФ и Верховным Судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа.

Так, к актам, обладающим нормативными свойствами (ст. 217.1 КАС РФ), которые могут выступать в качестве объекта толкования Верховным Судом РФ, относятся акты федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, Банка России, государственных внебюджетных фондов, в том числе Фонда пенсионного и социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

На практике в большинстве случаев суд толкует не весь НПА или акт, обладающий нормативными свойствами, а его часть (раздел, статью, отдельный пункт или подпункт), то есть норму права.

В рамках гл. 24 АПК РФ, гл. 22 КАС РФ судья может уяснять и разъяснять положения ненормативных правовых актов, решений государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц.

Согласно ст. 83 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ официально разъясняет свои Постановления, заключения по ходатайству стороны дела, по которому вынесено постановление, а также по ходатайству Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, других органов и лиц, которым направлено постановление или заключение. Определение Конституционного Суда РФ разъяснению не подлежит.

Объектом судебного толкования может быть принятое решение суда. В случае неясности решения суда суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя, других исполняющих решение суда органа, организации вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено (ст. 202 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ, ст. 185 КАС РФ).

При рассмотрении конкретных дел судьи при необходимости толкуют условия договоров (соглашений). В ст. 431 ГК РФ законодатель установил для суда право и порядок толкования договоров. Аналогично судья может разъяснять положения учредительных документов (устав, учредительный договор), локальных актов (инструкции, положения, регламенты и подобные документы), а также иных ненормативных документов, которые содержат предписания для определенного круга лиц.

Объектами судебного толкования могут быть интерпретационные акты, правовой обычай, общепризнанные принципы права, правовая доктрина [22, с. 174; 23, с. 118], правовые дефиниции, правовые презумпции и иные правовые

явления, содержание и смысл которых суд уясняет и разъясняет, принимая решения по делу или осуществляя официальное судебное толкование.

Предлагаем выделить следующие объекты судебного толкования: 1) нормативные правовые акты; 2) международные нормы права и международные договоры; 3) правовой обычай; 4) акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами; 5) нормативный договор; 6) акты ненормативного характера, решения государственных органов, иных органов и организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц; 7) акты ненормативного характера, решения органов местного самоуправления, должностных лиц; 8) судебные акты (судебные решения, разъяснения высших судебных органов); 9) документы, регулирующие индивидуально-правовые отношения граждан и организаций (договоры, локальные акты и т.п.); 10) правовая доктрина; 11) правовые явления (категории, состояния, процессы).

Таким образом, объект судебного толкования — это явление правовой действительности, которое имеет письменную форму предписания, направленное на регулирование общественных отношений, содержащее волю лица, уполномоченного на его создание, исследуемое судом в судебном производстве. Рассмотрение в настоящей статье объектов судебного толкования подтверждает вывод об их разнообразии, не ограничиваясь лишь законом, нормативным правовым актом или нормой права. Изучение видов объектов судебного толкования позволяет совершенствовать технологию судебного толкования. Суд как основной субъект толкования должен четко определять и понимать объект толкования.

Библиографический список

1. *Вольфовская Я. С.* Объекты юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2007. 187 с.
2. *Гук П. А.* Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 72–78.
3. *Терехина Е. А.* Понятие конкретизации принципов и норм права судебными органами // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 11–20.
4. *Карташов В. Н.* Технология официального юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2016. № 15. С. 3–27.
5. *Теребков А. В.* Юридическая и логическая природа разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 170 с.
6. *Алексеев С. С.* Толкование нормативных юридических актов / С. С. Алексеев. Собр. соч.: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. 781 с.
7. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.
8. *Торопцева А. А.* Объекты правоприменительного толкования // Журнал научных и прикладных исследований. 2018. № 7. С. 21–22.
9. *Румянцева Ю. Е.* Официальное толкование норм уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 238 с.
10. *Соколов Т. В.* Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. 30 с.
11. *Минникес И. А., Пирмаев Е. В.* Конституционное судебное толкование // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 4. С. 297–306.
12. *Пирмаев Е. В.* Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2019. 194 с.

13. *Викторова Э. Ю.* Теория выявления намерения законодателя в толковании права в Англии и США // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 186–206.
14. *Васьковский Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов. М.: Городец, 1997. 128 с.
15. Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. 283 с.
16. *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с.
17. *Беляева О. М.* Объект толкования права: воля закона («буква» закона) или воля законодателя («дух» закона)? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 11. С. 104–109.
18. *Лазутин А. А.* Воля и волеизъявление законодателя в процессе толкования норм права // Право и современные государства. 2018. № 6. С. 28–34.
19. *Лузина Н. Н.* Аксиологические подходы к объекту толкования права // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 10. С. 252–257.
20. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.
21. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. колл. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2021. 96 с.
22. *Ибрагимова Ю. Э.* Роль судебных доктрин в практике арбитражных судов // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 172–185.
23. *Богданов Д. Е.* Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica. 2021. № 11. С. 102–123.

References

1. *Volfovskaya Ya. S.* Objects of Legal Interpretation: diss. ... cand. of Law. Yaroslavl, 2007. 187 p.
2. *Guk P. A.* Judicial Interpretation of the Norms of Law // Journal of Russian Law. 2016. No. 8. P. 72–78.
3. *Terekhina E. A.* The Concept of Concretization of Principles and Norms of Law by Judicial Authorities // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 4. P. 11–20.
4. *Kartashov V. N.* Technology of Official Legal Interpretation // Actual Problems of the Theory and History of the Legal System of Society. 2016. No. 15. P. 3–27.
5. *Terebkov A. V.* The Legal and Logical Nature of the Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: diss. ... cand. of Law. M., 2006. 170 p.
6. *Alekseev S. S.* Interpretation of Normative Legal Acts / S. S. Alekseev. Collected Works in 10 vols. M.: Statute, 2010. Vol. 3: Problems of the Theory of Law: course of lectures. 781 p.
7. *Nedbaylo P. E.* Application of Soviet Legal Norms. M.: Gosyurizdat, 1960. 511 p.
8. *Toroptseva A. A.* Objects of Law Enforcement Interpretation // Journal of Scientific and Applied Research. 2018. No. 7. P. 21–22.
9. *Rumyantseva Yu. E.* Official Interpretation of the Norms of Criminal Procedural Law: diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 2008. 238 p.
10. *Sokolov T. V.* Forms of Interrelation of Constitutional and Criminal Proceedings in the Context of the Doctrine of Judicial Law: extended abstract diss. ... cand. of Law. St. Petersburg, 2014. 30 p.
11. *Minnikes I. A., Pirmaev E. V.* Constitutional Judicial Interpretation // Academic Law Journal. 2021. Vol. 22, no. 4. P. 297–306.
12. *Pirmaev E. V.* Judicial Interpretation (Theoretical and Legal Research): diss. ... cand. of Law. Irkutsk, 2019. 194 p.
13. *Viktorova E. Yu.* Theory of Revealing the Intention of the Legislator in the Interpretation of Law in England and the USA // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 2. P. 186–206.
14. *Vaskovsky E. V.* Guide to the Interpretation and Application of Laws. M.: Gorodets, 1997. 128 p.

15. The Law: Creation and interpretation / ed. by A. S. Pigolkin. M.: Spark, 1998. 283 p.
16. *Alekseev S. S.* General Theory of Law: in two volumes. Vol. II. M.: Legal lit., 1982. 360 p.
17. *Belyaeva O. M.* The Object of Interpretation of Law: the Will of the Law (the “Letter” of the Law) or the Will of the Legislator (the “Spirit” of the Law)? // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice.* 2010. No. 11. P. 104–109.
18. *Lazutin A. A.* The Will and Will of the Legislator in the Process of Interpreting the Norms of Law // *Law and Modern States.* 2018. No. 6. P. 28–34.
19. *Luzina N. N.* Axiological Approaches to the Object of Interpretation of Law // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University.* 2012. No. 10. P. 252–257.
20. *Cherdantsev A. F.* Interpretation of Law and Contract. Textbook. M.: Unity-Dana, 2003. 381 p.
21. On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation (draft federal law). 6th ed., reprint and add. / author of the collective T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2021. 96 p.
22. *Ibragimova Yu. E.* The Role of Judicial Doctrines in the Practice of Arbitration Courts // *Journal of Russian Law.* 2020. No. 4. P. 172–185.
23. *Bogdanov D. E.* Postmodern in Russian Private Law: Interaction of Legal and Judicial Doctrine // *Lex russica.* 2021. No. 11. P. 102–123.

М. К. Ярмак

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: концепт правового государства прошел долгий путь развития, а идеи, лежащие в его основе, выражаются в работах еще античных мыслителей. Для анализа современного состояния концепта правового государства необходимо проследить его генезис. **Цель** — выделить наиболее важные этапы в развитии концепта правового государства, повлиявшие на его современное состояние, а также через призму классовой борьбы рассмотреть противоречия, которые необходимо преодолеть в рамках развития концепта правового государства. **Методологическая основа:** в качестве основополагающего метода и философской основы использована материалистическая диалектика, применялись общенаучные и частнонаучные методы познания (историко-генетический и историко-правовой методы, логический, социоаксиологический подходы к праву, системно-структурный, сравнительно-правовой). **Результаты:** сформирована авторская позиция относительно современного состояния концепта правового государства как логического продолжения его генезиса в контексте классовой борьбы. **Выводы:** современное правовое государство соответствует статусу переходного. Этот переход будет являться логическим продолжением развития формата правового государства и его социализации. Это приведет к развитию концепции правового государства.

Ключевые слова: концепция правового государства, верховенство права, социалистическое государство, социализация.

М. К. Yarmak

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE STATE OF LAW CONCEPT

Background: concept of the state of law gone through long path of growth and the underlying principles of it are expressed in the works of ancient thinkers. For analysis of modern status of concept of the state of law it's necessary to trace its genesis. **Objective** — to highlight the most important stages in the development of the concept of the rule of law, which influenced its current state and also to consider through the prism of the class struggle the contradictions that must be overcome within the framework of the development of the concept of the rule of law. **Methodology:** materialistic dialectics was used as the fundamental method and philosophical basis, as well as general scientific and private scientific methods of cognition (historical-genetic and historical-legal method, logical, socio-axiological approach to law, system-structural, comparative-legal) were used. **Results:** the author's position on the current state of the concept of the rule of law as a logical continuation of its genesis in the context of class struggle has been formed. **Conclusions:** the modern state of law correspond to status of transitional state. This transition will be a logical continuation of the development of the format of the state of law and its socialization. This will lead to the development of the concept of the state of law.

Keywords: concept of the state of law, rule of law, socialist state, socialization.

© Ярмак Матвей Кириллович, 2024

Адъюнкт кафедры теории государства и права (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);
e-mail: mat-yarmak@mail.ru

© Yarmak Matvey Kirillovich, 2024

Adjunct of the Department of State and Law (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot)

Говоря о правовом государстве, необходимо отметить концепцию 1813–1832 гг., сформировавшуюся среди правоведов Германии того времени, *Rechtsstaat*. Концепт правового государства именно как государства переходного типа на данный момент находится в самом начале своего становления. Тем не менее идеи, лежащие в основе концепции правового государства, прошли долгий путь развития. Некоторые из них прослеживались в философско-правовом направлении — легизме. Эта философская школа зародилась в Древнем Китае около IV в. до н.э., в период, более известный как период Боевых царств, время значительных социальных и политических потрясений и постоянных военных столкновений. Основные политические структуры и институты были подвергнуты давлению, а общество было глубоко нестабильным.

Легизм возник как реакция на социальный хаос и нестабильность, предлагая строгую правовую систему и модель авторитарного правления для поддержания правопорядка. Легисты считали, что законы должны быть четкими и суровыми, чтобы люди знали, какое поведение допустимо, а какое наказуемо. Авторитарная власть, по их мнению, в условиях хаоса была необходимым инструментом, способным обеспечить порядок и предотвратить распад общества [1, с. 61–65, 1002–1006].

Следует отметить, что и легизм, и современная концепция правового государства отводят центральную роль закону в управлении обществом. Однако ключевое различие между ними заключается в отношении взаимозависимости закона и власти. Так, в легизме закон выступает инструментом авторитарной власти, используемым для подавления и контроля общества. Законы создаются и применяются для поддержания порядка, даже если требуется существенное ограничение свободы людей. Политическая власть стоит над законом и может произвольно его менять, что, с одной стороны, позволяет быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства, а с другой — создает риск злоупотреблений властью.

В концепции правового государства, напротив, закон служит для защиты прав и свобод граждан. Законы призваны обеспечить справедливость и равенство, и их обязаны соблюдать все, включая представителей власти. Власть в правовом государстве ограничена законом и не может действовать произвольно, что защищает от злоупотреблений властью и укрепляет доверие граждан к государственным институтам.

Таким образом, легизм и концепция правового государства рассматривают закон как центральный элемент управления, но преследуют разные цели, что приводит к различным последствиям и результатам.

Идеи, лежащие в основе концепции правового государства можно встретить и в работах античных мыслителей. Идея верховенства права, являющаяся важнейшим аспектом правового государства, красной нитью проходит в работах древнегреческих философов.

Так, Платон в трактате «Государство» описал идеальное государство, которое является наилучшим в «конечном счете» или «абсолютно». Любое фактическое государство выступает лишь «вторым лучшим» по сравнению с конечным или абсолютным идеалом. Среди реальных государств «второе лучшее» — это лучшее. И, без сомнения, наилучшим фактическим государством всегда и обязательно будет правовое государство. Описать его как «второе лучшее» — значит просто

утверждать, что оно несовершенно. Но, будучи далеко не противоположным идеальному государству, «второе лучшее» больше, чем любое другое фактическое государство, приближается к идеалу. Ибо разум не противостоит здравому позитивному закону; напротив, такой закон воплощает разум, хотя и делает это несовершенно. Платон вполне последовательно в «Законах» утверждает, что верховенство закона — это лучшее средство для достижения, а точнее, необходимое условие для актуализации ценностей [2, с. 181, 192].

В работах Аристотеля прослеживается идея о том, что государство и право неразрывно связаны. Афинский мыслитель считал, что законы должны быть высшим авторитетом в государстве. В «Политике» он утверждает, что «закон должен править» и «государство, управляемое законом, лучше, чем управляемое человеком» [3, с. 376–644]. Однако Аристотель не считал, что законы должны исходить из воли народа, он полагал, что они должны быть поддерживаемы им.

Еще один древнегреческий мыслитель, Полибий, основываясь на работах Платона, указывал, что наилучшей политической формой, которая способна обеспечить свободу и благосостояние граждан, считается такая, где при разграничении полномочий власти между консулом, сенатом и народным собранием в их взаимоотношениях будет установлено динамическое равновесие и все эти органы будут оказывать взаимное влияние друг на друга, взаимную поддержку и содействие либо, наоборот, сдерживать власть другого [4, с. 136].

Идеи Платона, Аристотеля и Полибия повлияли на иные аспекты формирования концепта правового государства. Это видно в концепциях социального контракта или общественного договора, разделения властей и защиты основных прав и свобод граждан, которые стали ключевыми элементами современной концепции правового государства.

Говоря об общественном договоре нельзя не упомянуть Томаса Гоббса, Джона Локка и Жан-Жака Руссо. Теория общественного договора в XVIII в. являлась одной из основополагающих теорий в политико-правовой мысли того времени. Представитель данной концепции Гуго Гроций утверждал, что государство создается людьми как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [5, с. 74].

Томас Гоббс и Джон Локк — наиболее известные представители теории общественного договора. Гоббс утверждал, что абсолютная монархия, основанная на общественном договоре, выступает гарантом мира и согласия в обществе. Локк допускал ограничение на лишение жизни себя и существ своего вида в естественном состоянии и рассматривал изначальную абсолютную свободу людей не как источник борьбы, а как выражение их природного равенства и готовности следовать разумным естественным законам. Локк также поддерживал разделение государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и федеративную [6, с. 311–313].

Согласно теории общественного договора, предложенной Жан-Жаком Руссо, люди, изначально равные по своей природе, добровольно объединяются в общество, подчиняясь верховенству общей воли. В результате этого процесса индивид утрачивает свою естественную свободу и право на неограниченные желания, но взамен обретает гражданскую свободу и право собственности на свои владения. Руссо подчеркивал, что суверенные права народа, включая право на представительство, не могут быть переданы никакой власти. Правители, по его мнению,

являются лишь уполномоченными, действующими от имени народа. Как суверен, народ обладает властью изменять форму правления, отменять существующие законы и принимать новые [7, с. 15].

Таким образом, в отличие от Руссо, Гоббс и Локк рассматривают государство как необходимое условие культуры и полагают, что люди должны объединиться в общество и создать государство, которое обеспечивает мир и безопасность для всех его членов.

Еще одной важной теоретической основой концепции правового государства является доктрина разделения властей. В современном виде впервые она сформулирована Шарлем Луи Монтескье в работе «О духе законов». Он утверждал, что для обеспечения свободы граждан необходимо разделить власть на законодательную, исполнительную и судебную. Это должно предотвратить возможность злоупотребления властью и обеспечить сбалансированное отношение между различными ветвями власти. «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем» [8, с. 146].

Концепция разделения властей была воспринята, развита и критически осмыслена такими мыслителями, как, например, Жан-Жак Руссо [7, с. 135] и Иммануил Кант.

Кант не использовал слово «*Rechtsstaat*», которое обозначает правовое государство. Однако современные правоведы, изучающие работы Иммануила Канта, сошлись во мнении, что «*rechtliche Zustand*» — верховенство права косвенно обозначает именно правовое государство. Немецкий мыслитель пишет: «Правовое государство есть такое отношение людей друг к другу, которое содержит условия, при которых только каждый может стать причастным к своему праву» [9, § 41]. В этом и заключается весь смысл правового государства: каждый может стать причастным к своему праву. Это означает: каждый человек не только номинально наделен теми (субъективными) правами, которые у него есть («на бумаге»), но и может эти права реализовать [10, с. 17]. Вслед за этим определением он формулирует необходимое условие, которое должно быть выполнено для формирования правового государства «которое называется публичной справедливостью, разделяющейся на защитную справедливость (*iustitia tutatrix*), взаимную справедливость (*iustitia commutativa*) и распределительную справедливость (*iustitia distributiva*)» [9, § 41].

Защитная справедливость (*iustitia tutatrix*) аллегоризирует идею всеобщей законодательной воли. Законодательство защищает наши права, «определяя» их [10, с. 30–32]. Мы можем назвать это принципом верховенства права. Под распределительной справедливостью (*iustitia distributiva*) Кант подразумевает то, что мы сейчас называем публичным отправлением правосудия [10, с. 30–32]. Взаимная справедливость (*iustitia commutativa*) — свободный рынок [10, с. 30–32]. К слову, Кант не забывает о полиции, которая означает общее внутреннее

управление государством. Термин имеет положительную коннотацию. Задача полиции — устанавливать и поддерживать «хороший» порядок [10, с. 30–32].

Таким образом, Иммануил Кант сформулировал принципы, которые в последствии легли в основу правового государства: верховенства права, законодательной воли (предтечи гражданского общества), равенства перед законом, свободного рынка (и частной собственности); а также принцип разделения властей на законодательную (*iustitia tutatrix*), судебную (*iustitia distributiva*) и исполнительную (*iustitia commutativa*).

Само понятие «Rechtsstaat» как правового государства впервые встречается более 200 лет назад, в 1798 г. в работе малоизвестного немецкого юриста Иоганна Вильгельма Плацидуса «*Litteratur der Staatlehre. Ein Versuch*» [11, с. 130]. Понятие «правовое государство» также было использовано в работах К. Т. Велькера в 1813 г., а в широкий научно-правовой дискурс его ввел Роберт Фон Моля в 1833 г.

Карл Т. Велькер опубликовал работу «Основы учения о праве, государстве и наказании», где уже в начале исследования проявляется его связь с учением Канта о категорическом императиве. «Но может ли этот внутренний закон совести, нравственный закон, являющийся по своему источнику законом субъективным, стать обязательным для всех внешним законом государства» [12, с. 26]? Велькер отвечает на свой вопрос положительно: в таком государстве правительство действует на основе законов (объективного права) и в строгом с ними соответствии. Государство оказывается связанным (самоограниченным), собственным правом и только благодаря этому способно осуществлять стоящие перед ним задачи. Спустя почти двадцать лет эти идеи получили свое развитие у Роберта фон Моля.

Согласно работе Моля «Полицейская наука в соответствии с принципами правового государства», правовое государство как тип государства присуще лишь новому времени. Задачей правового государства является «с помощью разумной организации общей власти сделать возможным, чтобы каждый отдельный индивид, каждая фактически существующая область и вся их совокупность могли бы развивать все свои силы и преследовать разумные цели; для этого государство должно защищать и поддерживать их» [13, с. 14]. Однако правовое государство, согласно Молю, не только создает равные для всех юридические условия деятельности, оно должно осуществлять социальную политику; максимально уважать граждан, их честь и достоинство; все чиновники должны избираться «нацией и ее представителями». Наконец, среди обязательных добродетелей государства Моля указывает на чувство долга, верность и истинность его деятельности, то есть на соответствие законов и основанных на них действий реальным условиям, существующим в государстве. Объективное право не должно приходиться в противоречие с интересами общества и его членов. В правовом государстве «определенное лицо становится гражданином только для достижения своих человеческих целей» [14, с. 77].

Сейчас, исходя из логики сказанного, можно обратить внимание на основные признаки правового государства, концептуализированные к тому времени: верховенство права, разделение властей (наличие трех ветвей власти), народный суверенитет (демократический режим), уважение прав человека первого поколения, особое отношение к праву собственности.

Совершенно справедливо следующие утверждение: «Как мы видим, Кант и рассматриваемые немецкие юристы видели сущность правового государства

в единстве права и нравственности, которым подчинена деятельность и государства, и граждан. Различая их, они были вместе с тем убеждены, что оба коренных явления человеческой жизни не могут существовать друг без друга» [15, с. 61–66].

Существенный вклад в концепцию правового государства внесли работы дореволюционных правоведов. В частности, еще в 1906 г., отмечая, что правовое государство служит в первую очередь привилегированным слоям общества, Богдан Александрович Кистяковский писал: «Когда правовое государство называют буржуазным, то этим наименованием определяют социальную и экономическую структуру правового государства. Напротив, термин “правовое государство” служит для определения юридического характера государства этого типа» [16, с. 44].

Кистяковский утверждал, что правовое государство является необходимым плацдармом для перехода к социалистическому государству. Он считал, что правовое государство может служить прообразом для социалистического государства в устранении анархии из хозяйственной жизни: «Правильно понятое и разумно использованное правовое государство гораздо ближе к социалистическому, чем это может с первого взгляда казаться. Правовое государство является школой и лабораторией, в которой вырабатываются учреждения будущего социального строя» [16, с. 44].

Интересным видятся размышления Владимира Сергеевича Соловьева о правовом государстве. Государство и церковь выступают у Соловьева в качестве начал общественной жизни. Вместе с тем единство, которое задается обществу правовым государством имеет общий внешний характер, то есть лица объединяются не в своем глубинном естестве, а во внешнем взаимодействии. Как отмечал Соловьев: «Право и на праве основанное государство рассматривает человека в его собственном элементе как существо разумно-свободное. Правовой порядок по собственному чисто формальному характеру именно почти соответствует свойствам свободы и разумности, которые составляют формальное определение человека» [17, с. 153]. На этом основании философ делает вывод о религии как необходимом элементе правового государства.

Однако после образования СССР идеи правового государства теряют актуальность. Как писал Владик Сумбатович Нерсисянц, выделяя особые условия формирования советской государственности, которые обуславливали недостаточное внимание к праву как фактору социальной жизни, «право, с его лишь формальным равенством и отрицанием фактического равенства, во многом воспринималось как нечто по сути своей буржуазное, не социалистическое, тормозящее движение к коммунизму» [18, с. 26].

Диктатура пролетариата, военный коммунизм, командно-административная система и элементы плановой экономики — характерные черты Советского государства, которые позволяли на определенных этапах его развития эффективно решать стоящие перед ним задачи. Так, Советский союз достиг выдающихся результатов в экономической сфере, стремительно сокращая экономическое отставание от мировых государств-лидеров, победил в Великой Отечественной войне и так далее. Тем не менее наличие обозначенных характеристик, согласно классической концепции правового государства, не позволяет назвать СССР государством правовым.

Прежде чем оспаривать суждение о несоответствии модели Советского государства правовому, необходимо выделить характеристики классического правового

государства, присущие буржуазной политико-правовой мысли. Это прежде всего верховенство права и правовая ответственность, принцип разделения властей, светский характер государства, гарантии прав и свобод человека и гражданина, конституционный суд и конституционализм, демократия и гражданское общество [19, с. 129–133].

Отдельно стоит уделить внимание такой характеристике, как гарантия прав и свобод гражданина и человека. Ранее мы уже говорили о первом поколении прав человека, которые и были взяты за основу концепции правового государства. Ее также называют буржуазной концепцией прав человека [20, с. 43]. Второе поколение прав человека ставит вопрос о социальной справедливости и реальном равенстве. Они противопоставляются буржуазной концепции абстрактного равенства, которая сводилась к чисто формальному равенству прав граждан, равенству перед законом. Несмотря на это, современная, наиболее распространенная концепция правового государства основывается именно на первом поколении прав человека, потому что для правящего класса они «ничего не стоят» [21, с. 45].

Мы считаем критику буржуазных исследователей, называющих СССР не-правовым государством, неоправданной. Часть перечисленных характеристик достаточно ярко проявляется в Советском государстве. Так, диктатура пролетариата не означала власть меньшинства. Противники данного утверждения могут заявлять, что после победы Социалистической революции в России пролетариат составлял меньшинство. Впрочем, игнорируется факт того, что механизм диктатуры пролетариата функционировал, опираясь исключительно на широкую социальную базу трудящихся, имея значительную поддержку со стороны народных масс. Что означает не отсутствие демократии, а ее высшую форму — народовластие [22, с. 521].

Неверным будет сказать, что в СССР как в социалистическом государстве не было равенства перед законом. основополагающим требованием социалистической законности являлась одинаковая для всех обязанность соблюдать законы и охрана прав граждан, что закреплено, например, во второй статье Положения о прокурорском надзоре в СССР. «Высший надзор за точным исполнением законов имеет своей задачей укрепление в СССР социалистической законности и охрану от всяких посягательств политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и охраняемых законом интересов граждан СССР»¹.

Это лишь малая часть примеров, иллюстрирующих, в отличие от капиталистической концепции правового государства, не только закрепление личных и политических прав человека, но и широкий набор социальных, экономических, культурных прав и их гарантии.

Что касается разделения властей, то в рамках рассмотрения вопроса о природе социалистической государственной власти и ее распределении советские правоведы, критикуя при этом буржуазную концепцию разделения властей, предлагают подразделять власть на представительные органы власти, аппарат государственного управления и судебно-прокурорские органы [22, с. 288–341].

Мы не считаем важными замечания, связанные с отсутствием у граждан права на частную собственность, так как это было представлено как одно из условий

¹ См.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Манделштам. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 500 с.

функционирования социалистического государства. Можно также сказать, что роль конституционного контроля в СССР в разное время выполняли рабочие, солдатские и крестьянские депутаты, Съезд Советов СССР и Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, Президиум Центрального Исполнительного комитета СССР, Верховный суд СССР, Верховный Совет СССР и его Президиум, Верховный Совет СССР [23, с. 52–58] и др.

Говоря о современной трансформации правового государства имеет смысл рассматривать его с позиции социоаксиологического подхода к праву, согласно которому «право выступает как результат классовой борьбы» [24, с. 69–70]. Таким образом, «правовое государство ориентируется именно на право как систему ценностей» [24, с. 69–70]. «Современное капиталистическое государство <...> обеспечивает возможность трансформации без видимых социальных потрясений, так как способно на трансформацию вместе с самим своим правом, как системой ценностей» [24, с. 69–70].

Именно перенос классовой борьбы из сферы силовой борьбы в пространство правового дискурса позволяет говорить о современном правовом государстве как о государстве переходного типа. Мы говорим именно о переносе, потому как этот процесс не является стихийным, а инициируется и реализуется в капиталистическом государстве как средство своего рода нейтрализации классовой борьбы, основанной на «естественном стремлении к сохранению “статуса-кво” правящего класса, с одной стороны, и вместе с тем к обеспечению устойчивого характера развития — с другой» [7, с. 69–70].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что позднекапиталистическое правовое государство соответствует государству переходного типа. Этот переход будет являться логическим продолжением развития формата правового государства и его социализации, что приведет к развитию концепции правового государства. Впрочем, в настоящее время можно говорить о том, что концепция правового государства, основанная на социоаксиологическом подходе к праву находится лишь на начальном этапе своего развития.

Библиографический список

1. Правовая мысль: антология / авт.-сост. В. П. Малахов. Екатеринбург: Деловая кн.; М.: Акад. проект, 2003. 1014 с.
2. Hall J. Plato's Legal Philosophy // *Indiana Law Journal*. Vol. 31, iss. 2, art. 1. P. 171–206.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
4. Палагнюк А. Ф. У истоков идеи разделения государственной власти (концепция разделения управленческого труда в античной политико-правовой традиции) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Право. 2006. № 13(68). С. 136–137.
5. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 867 с.
6. Огольцова Е. Г., Павина Е. В. Сравнительный анализ теорий общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка // *Молодой ученый*. 2022. № 51(446). С. 311–313.
7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 2018. 416 с.
8. Монтескьё Ш.-Л. О духе законов / [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. М.: Мысль, 1999. 672 с.
9. Rechtslehre: Schriften zur Rechtsphilosophie / Immanuel Kant; Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner. Berlin: Akad.-Verl., 1988. 668 p.

10. Joachim Hruschka / Kant und der Rechtsstaat und andere Essays zu Kants Rechtslehre und Ethik. München: Alber, 2015. 264 p.
11. Антонов М. В. Об определении понятия «Правовое государство» // Журнал Высшей школы экономики. Право. 2010. № 3. С. 128–143.
12. Welcker Karl Theodor / Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und nach den Gesetzen der merkwürdigsten Völker rechtshistorisch entwickelt. Aalen: Scientia Verlag, 1813. 590 p.
13. Mohl Robert von / Die Polizei-wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Tübingen: Laupp, 1833. 607 p.
14. Энциклопедия государственных наук / соч. Роберта [фон-]Моля; пер. А. Попова. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. 591 с.
15. Баскин Ю. Я. Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии // Кантовский сборник: межвуз. тематич. сб. науч. тр. 1993. № 1(17). С. 61–66.
16. Кистяковский Б. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. М.: 1906. XVII, кн. 5, т. 85. С. 21–60.
17. Соловьев В. С. (1853–1900). Критика отвлеченных начал / [Соч.] Владимира Соловьева. М.: Унив. тип., 1880. XIV. 435 с.
18. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации: [сборник / ред. и сост. Э. А. Чиркин]. М.: Юрид. лит., 1990. 318 с.
19. Теория государства и права: учебник / М. М. Рассолов, Р. Б. Гандалоев, М. М. Дикажев и др.; под ред. М. М. Рассолова, А. И. Клименко. М.: Юнити, 2021. 344 с.
20. Корнфорт Морис. Диалектический материализм. Введение: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 498 с.
21. Клименко А. И. Взаимосвязь первого и второго поколения прав человека // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов: сб. науч. ст. / отв. ред. А. М. Капустин. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. С. 43–53.
22. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: [в 4 т.]. [Т. 3]. Социалистическое государство. М.: Юрид. лит., 1972. 558 с.
23. Кушнарев А. С., Мецлер В. Э. Общеисторический анализ органов конституционного контроля в СССР // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 52–58.
24. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права. М.: Ин-т государства и права РАН, 2020. Т. 15, № 6. С. 58–76.

References

1. Legal Thought: An Anthology / author-comp. V. P. Malakhov. Ekaterinburg: Business book; М.: Akad. the project, 2003. 1014 p.
2. Hall J. Plato's Legal Philosophy // Indiana Law Journal. Vol. 31, iss. 2, art. 1. P. 171–206.
3. Aristotle. Politics // Aristotle. Works: in 4 volumes. М.: Thought, 1983. Vol. 4. 830 p.
4. Palagnuk A. F. At the Origins of the Idea of Separation of State Power (the Concept of Division of Managerial Labor in the Ancient Political and Legal Tradition) // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2006. No. 13(68). P. 136–137.
5. Grotius G. On the Law of War and Peace: Three Books Explaining Natural Law and the Law of Peoples, as Well as the Principles of Public Law. М.: Ladomir, 1994. 867 p.
6. Ogoltsova E. G., Pavina E. V. Comparative Analysis of the Theories of the Social Contract by T. Hobbes and J. Locke // The Young Scientist. 2022. No. 51(446). P. 311–313.
7. Rousseau J.-J. About the Social Contract. Treatises / trans. from French М.: CANON-press, Kuchkovo field, 2018. 416 p.
8. On the Spirit of the Laws / Charles Louis Montesquieu [Comp., trans. and comment. author A. V. Matishuk]. М.: Mysl, 1999. 672 p.

9. Rechtslehre: Schriften zur Rechtsphilosophie / Immanuel Kant; Hrsg. u. mit einem Anhang versehen von Hermann Klenner. Berlin: Akad.-Verl., 1988. 668 p.
10. *Joachim Hruschka* / Kant und der Rechtsstaat und andere Essays zu Kants Rechtslehre und Ethik. München: Alber, 2015. 264 p.
11. *Antonov M. V.* On the Definition of the Concept of a "Legal State" // Journal of the Higher School of Economics. Law. 2010. No. 3. P. 128–143.
12. *Welcker Karl Theodor* / Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe, philosophisch und nach den Gesetzen der merkwürdigsten Völker rechtshistorisch entwickelt. Aalen: Scientia Verlag, 1813. 590 p.
13. *Mohl Robert von* / Die Polizei-wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Tübingen: Laupp, 1833. 607 p.
14. Encyclopedia of State Sciences / Op. Robert [von-]Moly; Per. A. Popov. St. Petersburg; M.: M. O. Wolf, 1868. 591 p.
15. *Baskin Yu. Ya.* Kant and the Formation of the Idea of the Rule of Law in the First Half of the XIX Century in Germany // Kant collection: interuniversity thematic collection of scientific papers. 1993. No. 1(17). P. 61–66.
16. *Kistyakovsky B.* The State of Law and Socialism // Questions of Philosophy and Psychology. M.: 1906. Year XVII, book V (volume 85). P. 21–60.
17. *Solovyov V. S.* (1853–1900). Criticism of Abstract Principles / [Op.] Vladimir Solovyov. M.: Univ. type., 1880. XIV. 435 p.
18. The Socialist Rule of law: the Concept and Ways of Implementation: [Collection / ed. and comp. E. A. Chirkin]. M.: Legal lit., 1990. 318 p.
19. Theory of State and Law: textbook / M. M. Rassolov, R. B. Gandaloev, M. M. Dikazhev et al.; ed. by M. M. Rassolov, A. I. Klimenko; Ingush State University. M.: Unity, 2021. 344 p.
20. Cornfort Maurice. Dialectical Materialism. Introduction: translated from English / general ed. chl.-cor. Academy of Sciences of the USSR P. N. Fedoseeva. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1956. 498 p.
21. *Klimenko A. I.* The Relationship of the First and Second Generation of Human Rights. // Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values and Ensuring Human Rights in the Context of Modern Challenges: a collection of scientific articles / ed. A. M. Kapustin. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2023. P. 43–53.
22. Marxist-Leninist General Theory of State and Law: [in 4 vols.]. [vol. 3]. The Socialist State / Academy of Sciences of the USSR, Institute of State and Law. M.: Yurid. lit., 1972. 558 p.
23. *Kushnarev A. S., Metsler V. E.* General Historical Analysis of Constitutional Control Bodies in the USSR // Issues of Russian justice. 2023. No. 24. P. 52–58.
24. *Klimenko A. I.* Marxist Foundations of Modern Philosophy of Law. // Proceedings of the Institute of State and Law. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Vol. 15, no. 6. 2020. P. 58–76.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-144-150

УДК 342.9

А. Р. Барахоева

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО АРЕСТА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Введение: статья посвящена проблемам, возникающим в правоприменительной практике при назначении такого вида административного наказания как административный арест. Обращается внимание на противоречивость положений административного законодательства в части закрепления общих правил назначения административных наказаний и административного ареста, а также рассматриваются позиции Конституционного Суда РФ по данным вопросам. Анализируются планируемые новеллы института административного ареста. **Цель** — обозначить дефекты административного законодательства и проблемы правоприменительной практики, связанные с назначением и исполнением административного ареста. **Методологическая основа:** в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, к числу которых относятся системный, структурный, функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический, проблемно-теоретический методы. **Результаты:** выявлены пробелы и противоречия правового регулирования административного ареста, обозначены проблемы правоприменительной практики, возникающие при назначении данного вида административного наказания. **Выводы:** законодатель, устанавливая исключительность назначения административного ареста, не определяет критериев для ее установления. Неявка лица, в отношении которого будет рассматриваться вопрос о назначении административного ареста, на судебное заседание не позволяет судье применить данный вид наказания. Это ведет к временным, материально-техническим затратам, поскольку, если санкцией статьи другой вид наказания не предусмотрен или судья считает его неэффективным, дело возвращается по причине неполноты представленных материалов. Немедленное исполнение решения о назначении административного ареста фактически лишает лицо, в отношении которого оно вынесено, установленного административным законодательством права на обжалование постановления о назначении административного наказания до его вступления в юридическую силу.

Ключевые слова: административное наказание, административный арест, административная ответственность.

© Барахоева Алла Руслановна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова); e-mail: ALL0521@mail.ru

© Barakhoeva Alla Ruslanovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law (P. G. Demidov Yaroslavl State University)

A. R. Barakhoeva

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE ARREST AND THE PRACTICE OF ITS APPLICATION

Background: the article is devoted to the problems that arise in law enforcement practice when imposing this type of administrative punishment as administrative arrest. Attention is drawn to the inconsistency of the provisions of administrative legislation regarding the establishment of general rules for imposing administrative penalties and administrative arrest, and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on these issues are also considered. The planned innovations of the institution of administrative arrest are analyzed. **Objective** — is to identify defects in administrative legislation and problems of law enforcement practice related to the appointment and execution of administrative arrest. **Methodology:** the work uses general scientific and specific scientific methods of cognition, which include: systemic, structural, functional, comparative legal, formal legal, problem-theoretical methods. **Results:** the gaps and contradictions in the legal regulation of administrative arrest are identified, and the problems of law enforcement practice that arise when assigning this type of administrative punishment are identified. **Conclusions:** the legislator, while establishing the exclusivity of the appointment of administrative arrest, does not define the criteria for its establishment. The failure of a person to be considered for administrative arrest to appear at a court hearing does not allow the judge to apply this type of punishment. This leads to time, material and technical costs, since if the sanction of the article does not provide for another type of punishment or the judge considers it ineffective, the case is returned due to incompleteness of the submitted materials. Immediate execution of a decision to impose an administrative arrest deprives the person against whom it was made of the right established by administrative legislation to appeal the decision to impose an administrative penalty before it enters into legal force.

Keywords: administrative punishment, administrative arrest, administrative liability.

Актуальность исследования вопросов эффективности назначения отдельных видов административных наказаний обусловлена их значимостью в качестве превентивных мер и сдерживающих факторов криминализации личности. Важность исследования связана и с тем, что данный вид наказания потенциально сопряжен с ограничением конституционных прав личности, по причине чего должен быть объектом пристального внимания со стороны законодателя и ученых. Эффективность административного ареста сегодня снижается по причинам материально-технического характера, а также в связи с проблемами законодательства и правоприменительной практики в этой части.

Разработкой данной темы занимались такие видные ученые, как А. Б. Агапов, Д. Н. Бахрах, А. С. Дугенец, Н. М. Конин, В. В. Кудинов, Е. В. Ламонова, И. В. Максимов, А. В. Малько, Д. Ю. Мананников, В. М. Манохин, И. В. Тимошенко, и многие другие. Нормативную базу исследования составил Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее — КоАП РФ), проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — проект КоАП РФ)², Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. от 25 апреля 2024 г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря; 2024. 10 июня.

² См.: Проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PRJB&n=195739&dst=100005> (дата обращения: 20.04.2024).

«О порядке отбывания административного ареста» (в ред. от 1 октября 2019 г.)¹ и др. В работе также приводятся правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Научная новизна исследования определяется современной постановкой проблемы правового регулирования административного ареста, авторской интерпретацией вопросов его применения и исполнения, а также выводами и предложениями по совершенствованию законодательства.

Суть административного ареста состоит в изоляции правонарушителя от общества до пятнадцати суток, а при обстоятельствах, указанных в законе, — на срок до тридцати суток. Законодатель, устанавливая исключительность назначения административного ареста, не поясняет содержание данной категории. В научной литературе исключительность административного ареста раскрывается посредством установления совокупности следующих условий: 1) судья приходит к выводу, что применение другого вида наказания с учетом характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя, в том числе его неплатежеспособности, должного воздействия на лицо не окажет; 2) административное правонарушение было совершено при отягчающих обстоятельствах [1, с. 56].

Законодателем устанавливается достаточно объемный перечень лиц, в отношении которых не может быть вынесено решение о назначении им административного ареста (ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ). Это беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, лица, не достигшие возраста восемнадцати лет, инвалиды I и II групп, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, а также имеющие специальные звания сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов. Данный перечень является закрытым, однако благодаря позициям Конституционного Суда РФ его можно дополнить еще таким обстоятельством, как самостоятельное воспитание одиноким отцом малолетних детей².

Некоторые ученые полагают, что данный список следовало бы сделать открытым [2, с. 225]. Думается, что это не соответствовало бы принципам справедливости, равенства всех перед законом, нарушало бы единообразие судебной практики, привело бы к дискреционности полномочий правоприменителя. Кроме того, судья имеет в арсенале множество правовых механизмов для того, чтобы не применять данный вид наказаний, если сочтет, что в нем нет необходимости. Он может использовать категорию малозначительности деяния, институт крайней необходимости, чтобы освободить лицо от административной ответственности. Может учесть смягчающие обстоятельства, список которых является открытым и позволяет ему признавать в качестве таковых и иные, не указанные в нем. Кроме того, безальтернативное применение административного ареста в административном законодательстве ограничивается лишь двумя составами

¹ См.: СЗ РФ. 2013. № 17, ст. 2034; 2019. № 40, ст. 5488.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <https://base.garant.ru/1779802/> (дата обращения: 25.04.2024).

административных правонарушений (ч. 3 ст. 12.8 и ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ). Анализ ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ дает основание полагать, что в данном случае приоритетным будет назначение административного ареста [3, с. 123]. При наличии у лица болезни или материальных трудностей (ч. 1 ст. 31.5 КоАП РФ) у судьи есть право применить отсрочку исполнения постановления об административном аресте. Исполнение постановления о назначении административного ареста может быть также приостановлено или прекращено в случае возникновения у лица исключительных обстоятельств, смерти родственника или близкого лица, увечья и т.д.¹ Перечень заболеваний, которые препятствуют отбыванию ареста, установлен Правительством РФ. К ним отнесены, например, сахарный диабет с осложнениями, слепота обоих глаз².

В проекте нового КоАП РФ круг лиц, в отношении которых административный арест не будет применяться, значительно расширен – это граждане, имеющие заболевание, препятствующее отбыванию административного ареста, женщины, имеющие детей-инвалидов, одинокие родители с ребенком до 14 лет, лица, ухаживающие за инвалидом первой и второй группы, и др. (ч. 2 ст. 3.25).

Таким образом, никаких оснований делать открытым перечень ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ нет. Это лишь может создать дополнительный фактор коррупциогенности, которую всегда порождает дискреционность полномочий правоприменителя. Чем точнее и строже сформулированы нормы законодательства, регулирующие назначение тех или иных видов административных наказаний, тем эффективнее защита личности от произвола.

Некоторыми учеными критикуется установленный законодателем срок административного ареста. Такая критика связана с огромными расходами из бюджета на содержание правонарушителей, при том что сроки большинства назначаемых арестов составляют до пяти суток³. В связи с этим предлагается установить нижний предел срока административного ареста — от семи суток [4, с. 365]. Трудно согласиться с этим предложением по следующим причинам. Судья и так соблюдает правило об исключительности назначения административного ареста. Отсутствие нижней границы позволяет ему индивидуализировать данное наказание с учетом характера и обстоятельств совершенного правонарушения. Можно предположить, что установление нижней границы срока административного ареста приведет к тому, что судья, посчитав, что иной вид наказания не окажет должного воздействия на правонарушителя, будет назначать административный арест минимум на семь суток. Это означает, что эффект введения данного срока может оказаться совсем противоположным. Количество назначений арестов не уменьшится, просто сроки по ним станут больше, что увеличит расходы из бюджета, а не наоборот. В целом при установлении административных наказаний следует исходить из того, что правонарушитель должен быть наказан, а сами наказания должны служить превенцией совершения правонарушений и преступлений и др.

¹ См.: Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (в ред. от 1 октября 2019 г.) // СЗ РФ. 2013. № 47, ст. 2034; 2019. № 40, ст. 5488.

² См.: Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2014 г. № 1358 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих отбыванию административного ареста» // СЗ РФ. 2014. № 51, ст. 7442.

³ См.: ВМВД выдвигают идеи по реформированию административного кодекса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4006180> (дата обращения: 25.04.2024).

Достаточно острую дискуссию у ученых и правоприменителей вызывает положение о немедленном исполнении административного ареста (ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ). Не изменяя себе, законодатель вновь не раскрывает, что именно понимается под такой немедленностью. На практике это нашло воплощение в том, что отбывание административного ареста начинается сразу после принятия и оглашения решения о его назначении. В соответствии с ч. 1 ст. 31.1 и ст. 30.3 КоАП РФ постановление по административному делу вступает в силу через десять дней после его принятия. В течение этих десяти дней лицо может обжаловать его. Однако при назначении ареста получается, что формально сотрудники органов внутренних дел начинают исполнять его до вступления решения в юридическую силу. Фактически лицо лишается своего права на десятидневный срок обжалования постановления. Между тем Конституционный Суд РФ считает, что в данном случае нарушений нет, поскольку правило о немедленном исполнении постановления об административном аресте уравновешено наличием гарантий скорейшего рассмотрения жалобы лица, подвергнутого этому наказанию¹. Среди таких гарантий: закрепление в КоАП РФ правил об обязательности присутствия лица, в отношении которого ведется производство по делу (если может быть назначен административный арест) (ч. 3 ст. 25.1); мотивированное постановление об административном аресте подлежит объявлению незамедлительно по окончании рассмотрения дела (ч. 1 ст. 29.11); жалоба на постановление об административном аресте должна направляться в вышестоящий суд в день ее получения (ч. 2 ст. 30.2); если лицо отбывает административный арест, жалоба рассматривается в течение суток с момента ее подачи (ч. 3 ст. 30.5). Думается, что Конституционный Суд РФ, занимая такую позицию, руководствовался целью неотвратимости наказания. Оперативный характер применения административного ареста и соответствующий порядок его обжалования также обусловлен тем, что сохранение за нарушителем свободы перемещения может быть вредно для общества, в связи с чем необходима его изоляция.

В Особом мнении к этому Определению один из судей Конституционного Суда РФ выражает сомнение в том, что такие гарантии могут являться компенсацией применения административного ареста на основании не вступившего в законную силу судебного постановления, то есть, по сути, при неопровергнутой презумпции невиновности². Некоторые ученые предлагают в целях решения данной проблемы, ввести в административное законодательство норму, согласно которой лицо, неправомерно подвергнутое административному наказанию, получит право на материальную компенсацию [5, с. 281]. Однако аналогичные нормы уже имеются в Конституции РФ (ст. 46 и 53).

Полагаем, что если бы административный арест исполнялся по общему правилу, то есть по истечении десяти дней, установленных для его обжалования, то, с одной стороны, это позволило бы решить противоречия законодательства и правоприменительной практики по данным вопросам, а с другой, соответствовало бы признанию прав и свобод человека высшей ценностью.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2015 г. № 2732-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Светлова Кирилла Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71180272/> (дата обращения: 25.04.2024).

² См.: Там же.

Гарантия обязательности присутствия лица на судебном заседании, в ходе которого возможно вынесение в отношении него решения о назначении административного ареста, также порождает проблемы в правоприменительной практике. Так, отсутствие лица означает, что судья или назначает иной вид административного наказания, если он предусмотрен санкцией соответствующей статьи, или делает вывод о неполном соответствии представленных материалов и возвращает дело в орган, должностному лицу, составившим его, в порядке, установленном п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, со стадии подготовки к рассмотрению дела. Если лицо было заблаговременно извещено о дате, месте и времени проведения заседания, учитывая то, что органы внутренних дел обязаны по доставлению таких лиц в зал судебного заседания не имеют, вывод о неполном соответствии представленных материалов безоснователен.

В заключение хотелось бы отметить наличие дискуссий об эффективности ареста как вида административного наказания. Несмотря на то, что иерархии наказаний в административном законодательстве не предусмотрено, данное наказание принято считать одним из самых строгих. Однако сложно с этим согласиться. Например, за невыполнение водителем обязанностей в связи с дорожным транспортным происшествием (ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ) предусмотрена альтернатива наказания в виде лишения права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет или административный арест на срок до пятнадцати суток. Правонарушители ходатайствуют о назначении административного ареста, хотя, по идее, оно должно быть более тяжким видом наказания для них. Согласимся с теми учеными, которые говорят о необходимости повысить эффективность и правовое значение административного ареста посредством назначения дополнительного вида наказания, например лишения специального права, предоставленного лицу [6, с. 34–42]. Нужно понимать, что, несмотря на то, что целесообразность применения административного ареста вызывает полемику ученых и правоприменителей¹ [7, с. 32], в некоторых случаях ему нет альтернативы, например, если лицо является бездомным.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: необходимо законодательно установить категорию исключительности назначения административного ареста; предусмотреть механизм замены административного ареста другим видом наказания без проведения дополнительного судебного заседания, если по каким-то причинам или обстоятельствам его исполнение становится невозможным; исключить норму о немедленном исполнении административного ареста, что позволит лицу сохранить свое право на десятидневный срок его обжалования; законодательно решить вопрос обеспечения присутствия лица на судебном заседании, если на нем может быть принято решение о назначении административного ареста; принять комплекс мер, направленных на усиление эффективности административного ареста, в частности назначения дополнительного наказания. Оценка целесообразности существования административного ареста как вида административного наказания не должна исходить из интересов пополнения и сокращения расходов бюджета. Приоритетом в таком случае должны служить прямые цели назначения административного наказания.

¹ См.: Долгих И. П., Супонина Е. А. Административный арест: спорные вопросы применения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyy-arest-spornye-voprosy-primeneniya> (дата обращения: 25.04.2024).

Таким образом, совершенствование правового регулирования административного ареста и практики его применения должно быть продолжено.

Библиографический список

1. *Изингер А. В.* Особенности производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих наказание в виде административного ареста // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2(40). С. 53.
2. *Малолеткина Н. С., Пудов И. А.* Актуальные проблемы и пути совершенствования административного наказания в виде административного ареста // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Вып. 10, ч. 1. 2022. С. 224–226.
3. *Хамизова С. А.* Административный арест: проблемы правоприменения // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России. Рязань, 2022. С. 121–124.
4. *Равнюшкин А. В.* Административный арест как вид административного наказания через призму концепции нового КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. Т. 5(71), № 4. С. 364–370.
5. *Аскеров М.* Проблема исполнения административного ареста // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 280–282.
6. *Байсалужева Э. Ф.* Проблемы исполнения сотрудниками органов внутренних дел административного ареста // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 22(60). С. 34–42.
7. *Киринов А. В.* Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 32–34.

References

1. *Izinger A. V.* Features of Proceedings in Cases of Administrative Offenses Involving Punishment in the Form of Administrative Arrest // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. No. 2(40). P. 53.
2. *Maloletkina N. S., Pudov I. A.* Actual Problems and Ways of Improving Administrative Punishment in the form of Administrative Arrest // Legal Science and Practice: Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. Iss. 10, Part 1. P. 224–226.
3. *Khamizova S. A.* Administrative Arrest: Problems of Law Enforcement // Administrative Activity of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation and Foreign Countries: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, 2022. P. 121–124.
4. *Ravnyushkin A. V.* Administrative Arrest as a Type of Administrative Punishment Through the Prism of the Concept of the New Administrative Code of the Russian Federation // Scientific papers of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. Vol. 5(71), no. 4. P. 364–370.
5. *Askerov M.* The Problem of Execution of Administrative Arrest // Gaps in Russian legislation. 2012. No. 1. P. 280–282.
6. *Baisalueva E. F.* Problems of Execution of Administrative Arrest by Employees of Internal Affairs Bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 22(60). P. 34–42.
7. *Kirin A. V.* Contradictions of the Conceptual and Legal Status of an Arrest as an Administrative Punishment // Administrative Law and Process. 2011. No. 9. P. 32–34.

В. С. Гусев

ЕДИНСТВО ПОДХОДОВ К ЯЗЫКУ КАК ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ

Введение: научная статья посвящена обособлению одного из принципов обеспечения права индивида на обращение в органы публичной власти — единство подходов к языку. По мнению автора, он состоит из двух составляющих: языка лингвистического и языка технического (формата файлов). Актуальность данного вопроса подкреплена примерами из судебной практики. **Цель** — обозначить наиболее оптимальное научное и законодательное решение вопроса обеспечения принципа единства подходов к языку. **Методологическая основа:** исследование подготовлено с применением общенаучного диалектического метода и специальных методов: системно-структурный, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой. **Результаты:** автором аргументирована позиция об обособлении указанного принципа, сформулированы пределы и границы его реализации. Отмечено, что он напрямую влияет на обеспечение конституционного права индивида на обращение, а также ряда смежных прав, несмотря на то, что, на первый взгляд, данный вопрос носит технический характер. **Выводы:** необходима выработка конституционно-правовых основ, пределов и ограничений по отношению к языку и формату файлов, которые могут содержаться в обращении индивида с целью устранения коллизии в исследуемом праве; а также повышению уровня обеспечения права на обращение, снижению количества жалоб и нагрузки на органы публичной власти, судебную систему по обжалованию данных решений.

Ключевые слова: конституционное право на обращение в органы публичной власти, язык обращения в органы публичной власти, принцип обеспечения права на обращение, принципы права.

V. S. Gusev

UNITY OF APPROACHES TO LANGUAGE AS A PRINCIPLE OF ENSURING THE RIGHT TO RECOURSE

Background: the scientific article is devoted to the isolation of one of the principles of ensuring the right of an individual to appeal to public authorities: the unity of approaches to language. According to the author, it consists of two components: a linguistic language and a technical language (file format). The relevance of this issue is supported by examples from judicial practice. **Objective** — to find the most optimal scientific and legislative solution to the issue of ensuring the principle of unity of approaches to language. **Methodology:** the study was prepared on the basis of the general scientific dialectical method. The special methods used in the preparation of the study are: system-structural, formal-legal, logical and comparative-legal. **Results:** the author argues for the position on the isolation of this principle, formulates the limits and boundaries of its implementation. It is noted that it directly affects the provision of the constitutional right of an individual to appeal, as well as a number of related rights, despite the fact that, at first glance, this issue is of a technical

© Гусев Виктор Сергеевич, 2024

Адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин (Академия управления МВД России), старший референт заместителя Министра ДДО МВД России; e-mail: buktor_cnopt@mail.ru

© Gusev Victor Sergeevich, 2024

Adjunct of the Department of State and Legal Disciplines (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation), Senior Assistant to the Deputy Minister of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

*nature. **Conclusions:** according to the author, it is necessary to develop constitutional and legal foundations, limits and restrictions regarding the language and file format that can be contained in an individual's appeal in order to eliminate conflicts in the law under study, as well as increase the level of ensuring the right to appeal, reduce the number of complaints and the burden on public authorities, as well as on the judicial system appeal against these decisions.*

***Keywords:** the constitutional right to appeal to public authorities; the language of appeal to public authorities; the principle of ensuring the right to appeal; the principles of law.*

Одним из элементов механизма обеспечения прав и свобод индивида выступают принципы [1, с. 49]. Так С. Н. Братусь представлял принцип «как ведущее начало, а также закон общества» [2, с. 135], а Л. С. Явич полагал, что принципы являются идеологической категорией и «представляют собой исходные отправные теоретические положения того или иного вида человеческой деятельности, служат важным организующим и направляющим началом, обеспечивающим достижение определенных целей» [3, с. 8–9]. Неслучайно С. С. Алексеев отмечал важность отражения принципов в праве [4, с. 145] в общетеоретическом смысле.

Однако в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 4 августа 2023 г.)¹ (далее — ФЗ № 59) не закреплены конкретные принципы обеспечения права граждан на обращение, что, по нашему мнению, является недостатком. Данная позиция нашла отражение в трудах Л. Л. Беломестных [5, с. 93], Л. А. Нудненко, Н. Ю. Хаманевой [6, с. 10], Д. А. Сергеевой [7, с. 113], которые также признают необходимость их установления.

Под принципами обеспечения прав индивида мы понимаем общие руководящие начала деятельности институтов публичной власти по охране и защите прав и свобод личности [8, с. 57].

Рядом авторов [6; 7; 9] предприняты попытки сформулировать различные специальные принципы исследуемого права: обязательность, своевременность и объективность рассмотрения обращений граждан, устранения причин, порождающих жалобы, контроля за своевременностью и качеством рассмотрения и разрешения обращений граждан, доступность, прозрачность рассмотрения и многие другие.

Мы также считаем необходимым добавить к ранее сформулированным новый, не менее актуальный принцип обеспечения конституционного права на обращение — единство подходов к языку.

Множество конституционных прав индивидов имеют языковую составляющую [10, с. 692]. Например, А. Н. Маркаров относит к таковым свободу слова, включающую в себя свободу выбора языка речи [10, с. 188]. Думается, что исследуемое право это не обошло стороной. На актуальность обособления данного принципа указывают исследования С. Г. Бывальцевой, М. М. Черепанова [11], М. Н. Мирошниченко [12].

Противоречивость судебной практики, по нашему мнению, подтверждает указанный тезис. Так, решением Советского районного суда г. Улан-Удэ, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, отказано в удовлетворении требований заявителя к прокуратуре Республики Бурятия об оспаривании действий по непредоставлению ответа на языке обращения

¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060; 2023. № 32. ч. 1, ст. 6212.

(дело № 4г-228/17). Аналогичная ситуация — с Апелляционным определением Белгородского областного суда от 15 июня 2017 г. № 33а-3020/2017. Вместе с тем иную позицию занял Советский районный суд г. Красноярска, поддержанную Восьмым кассационным судом общей юрисдикции (дело № 88А-17594/2021). По мнению суда кассационной инстанции, суд обоснованно пришел к выводу о том, что действия административных ответчиков в части непредоставления заявителю ответов на языке обращения или перевода ответов на язык обращения являются незаконными. Таким образом, думается, что вопрос единства подходов к языку обращения является актуальным.

Данный принцип мы будем рассматривать с двух сторон: язык лингвистический и язык технический (формат файла).

Поскольку в ФЗ № 59 прямой запрет обращаться иностранным гражданам и лицам без гражданства отсутствует, как и не имеется обязанности граждан РФ направлять обращение исключительно на русском языке или языке республик, то индивид может направить обращение как на указанных языках, так и на иностранном, в том числе и искусственном, компьютерном или мертвом языке. С одной стороны, широкие языковые права предполагают позитивную обязанность государства предпринимать меры для обеспечения возможности использования определенных языков при взаимодействии с органами публичной власти, с другой — данная ситуация порождает ряд проблем, связанных с переводом как самого обращения, так и документов, созданных в процессе рассмотрения (в том числе ответа на него).

Так, ч. 1 ст. 68 Основного Закона закрепляет статус русского языка как государственного на всей территории РФ, а ч. 2 той же статьи допускает установление государственного языка республики наряду с основным. Данная норма получила свое развитие в Федеральном законе от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. от 28 февраля 2023 г.)¹, положения п.п. 1 и 6 ч. 1 ст. 3 которого обязывают органы публичной власти, организации и индивидов РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественные объединения использовать государственный язык Федерации. В то же время в п. 4 ст. 15 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 13 июня 2023 г.)² допускается возможность обращения граждан РФ не только на русском языке, но и на родном языке либо на любом другом языке, которым они владеют. В свою очередь это порождает ряд проблем, связанных с переводом. В свою очередь, право направлять обращение на языке республик не коррелируется с обязанностью государственных служащих знать этот язык. Неслучайно А. В. Гуськова [9, с. 695] и В. О. Захарова [13] отмечают проблему сложности перевода с языков малочисленных народов (а также просто редких иностранных) в процессуальной сфере и в сфере судопроизводства [9, с. 693]. Можно также отметить, что аналогичные трудности присущи и исследуемому праву. В связи с этим можно сделать вывод, что право языка обращения может быть не соблюдено по объективным причинам.

Вместе с тем формулировка «родной язык» может толковаться расширительно в случае, если уроженец иностранного государства получил гражданство РФ.

¹ См.: СЗ РФ. 2005. № 23, ст. 2199; 2023. № 10, ст. 1575.

² См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50, ст. 1740; СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4442.

Например, индивид может стать гражданином РФ, являясь уроженцем Франции, где французский его родной язык¹. Однако открытым остается вопрос об алгоритме рассмотрения обращения в случае, если автор — иностранец или лицо без гражданства. Речь идет об услугах переводчика, которые с учетом требований принципа защиты тайны обращения (ч. 2 ст. 6 ФЗ № 59) затруднительно реализовать без согласия инициатора, поскольку при переводе происходит разглашение информации об обращении третьим лицам, пусть и обеспечивающих его перевод.

С учетом изложенного предлагается в исследуемом праве сделать выбор преимущественно в пользу государственного языка. Аналогичной позиции придерживается Л. В. Головкин в сфере судопроизводства [14, с. 279]. С нашей точки зрения, возможно дублирование информации на языке республик или иностранном языке (при наличии такой возможности). Однако спорным представляется тезис (особенно с учетом принципа баланса интересов) о возложении бремени перевода обращения [11] на орган публичной власти и ответа на языке инициатора, особенно в условиях огромного количества (более 5 000) [15] языков в мире, в том числе жестового языка [10, с. 189] (который может встретиться на личном приеме); в случае, не требующем дополнительных затрат, — на орган публичной власти.

Данный подход, по нашему мнению, с учетом реализации принципа защиты тайны обращения и баланса интересов решает большинство проблем связанных с переводом: наличие квалифицированного переводчика для редких (непопулярных) языков, верности и точности перевода [16–18]. Думается, что решается проблема обеспечения перевода всем субъектам исследуемого права. Вместе с тем устраняется пробел, который создает возможность для злоупотребления исследуемым правом [12]. Сокращаются значительные финансовые затраты (оплата услуг переводчика, содержание штата переводчиков, особенно для непопулярных языков). Не менее важным является вопрос возможности проверки данного направления деятельности вышестоящими и надзорными инстанциями. Так, по замечанию Л. В. Головкин, отсутствие языковых ограничений [14, с. 187–188] затрудняет проверку и контроль Верховным Судом РФ решений судов республик либо при проведении указанных мероприятий каждый раз будет возникать необходимость перевода материалов уголовных дел [14, с. 279]. Данный подход близок к исследуемому праву, поскольку вопросы реализации и защиты права на обращение индивида проверяются вышестоящими, а также контрольными и надзорными инстанциями.

Можно согласиться с С. Г. Бывальцевой, М. М. Черепановым, что вопрос о направлении инициатором обращения и получении ответов на него на негосударственном (в том числе родном) языке нуждается в дополнительной регламентации [11; 12], в связи с чем имеется необходимость внесения изменений в ФЗ № 59, а также в соответствующие ведомственные инструкции, регулирующие данную сферу.

Особое место занимают так называемые искусственные [15] (эсперанто, нави [19, с. 110–113] и др.), компьютерные и мертвые (латынь, древнегреческий и др.) языки со специально не оговариваемым статусом [10, с. 190]. И хотя обращения, направленные на этих языках, могут нести важную информацию и быть по-

¹ См.: Жерар Депардьё: почти год как россиянин. URL: <https://ria.ru/20131227/986766964.html> (дата обращения: 20.05.2024).

лезными в работе органов публичной власти, допустимость их использования между индивидом и органами публичной власти носит дискуссионный характер. Так, в рамках уголовного процесса В. О. Захарова считает, что недопустимо предоставлять переводчика лицам, желающим давать показания на указанных языках [13, с. 58]. Аналогичной позиции придерживается А. В. Гуськова [9, с. 693]. В контексте исследуемого права мы полностью согласны с данным подходом.

Вместе с тем нельзя не отметить присутствие не только специальных, юридических терминов, но и жаргонизмов в юридическом языке, используемых в ответах на обращения [20, с. 264; 21]. В свою очередь Р. Г. Мельниченко доказывает синонимичность терминов «юридический язык» и «государственный язык», отмечая сложность его восприятия не юристами [22, с. 64–66].

На наш взгляд, ответ должен быть не только юридически грамотным, но и с учетом принципа доступности понятным инициатору, что справедливо отметили О. В. Косоногова, М. В. Малащенко [23, с. 1]. О. Г. Филатова считает, что общение на понятном небюрократическом языке позволит увеличить интерес к органам власти [24, с. 14]. Аналогичного мнения придерживается А. В. Мазейн, добавляя, что язык сообщений, которые транслируются органами публичной власти, должен быть доступным и понятным [25, с. 1–14].

В противном случае инициатор, не понимая информацию, полученную от должностного лица, направляет повторно (а часто неоднократно) жалобы, вновь вступая в исследуемые отношения. В результате чего происходит конфликт, который также может привести как к злоупотреблению правом на обращение, так и нарушению действующего законодательства с применением мер уголовной, административной, иной ответственности (оскорбления, ложный донос и пр.).

Говоря о техническом языке обращения, мы имеем в виду формат (расширения) файлов, которые инициатор может направлять в органы публичной власти как обращение в форме электронного документа.

Как отметили Т. М. Куценко, В. В. Здольник: «Формой существования электронных документов является особый информационный объект — файл, который имеет фиксированную структуру (формат). При этом как формат файла, так и его характеристики отражают особенности создания информационного объекта и последующих воздействий на него. “Файл” — это совокупность ограниченных по объему сведений, записанных (зафиксированных) на машинном носителе в виде дискретных сигналов, представляющих собой единое целое по информационному значению» [26].

В практике работы с обращениями возникает проблема, непосредственно влияющая на реализацию названного принципа — возможность работы с различными форматами файла¹. Так, проводя анализ форматов, можно сделать вывод, что их имеется огромное количество [27] и этот список имеет динамический характер (постоянно расширяется). И. В. Решетникова в разрезе гражданского процессуального права отмечает, «что при разработке кодекса особо следует остановиться на оценке достоверности электронных доказательств, которых в процессе будет все больше и больше» [28]. Аналогичный вывод можно сделать применительно к исследуемому праву в разрезе традиционных обращений.

¹ См.: Шкляр Т. Форматы файлов // Образовательный портал «Справочник». С. 197. URL: https://spravochnick.ru/informatika/kodirovanie_informacii/formaty_faylov/ (дата обращения: 07.05.2024).

В то же время не все информационные системы органов публичной власти, в силу своих технических особенностей, могут обработать весь спектр форматов, в результате при подаче обращений они вынуждены определять правила (по диапазону форматов), которые нередко воспринимаются инициатором как ограничения его конституционного права на обращение. Действительно, какой-либо обязательный перечень форматов для работы с традиционными обращениями в ФЗ № 59 и иных нормативных правовых актах отсутствует. Аналогичный вывод применительно к уголовно-процессуальному праву делает ряд ученых, говоря о том, что «механизм действия технических устройств, средств фиксации записи, их структурных особенностей, форм представления фиксируемой в них информации находятся за пределами правового регулирования» [29; 30 с. 74]. Среди нормативных правовых актов имеются лишь указания на требования к информационным системам органов публичной власти, которые носят внутренний характер, но косвенно могут влиять на исследуемое право. Так, п. 12 Приказа Минкомсвязи России от 2 сентября 2011 г. № 221¹ установлен перечень форматов файлов, который должна обрабатывать система электронного документооборота органов власти. В части, касающейся архивного хранения, имеются свои нормы: электронный документ, передаваемый на архивное хранение, представляет собой файл в формате PDF/A² или XML, TIFF, JPEG (ГОСТ 54989-2012 «Обеспечение долговременной сохранности электронных документов») [31]. В экспертно-криминалистической сфере также предпринимались попытки урегулирования указанного вопроса И. В. Трущенковым [32], А. А. Бульбачевой [33, с. 85] и др. Можно сделать вывод, что данные примеры лишь отражают специфику соответствующей сферы, точно решая проблемы.

Как было отмечено ранее, имеется большое разнообразие форматов, применение которых вызывает ряд проблем: финансовые (покупка лицензий на программное обеспечение, особенно для работы с непопулярными форматами), устаревание аппаратно-программного комплекса, сложности с архивным хранением [31], оценка достоверности [32, с. 85], угрозы национальной безопасности [34, с. 493], проблемы с конвертацией файлов [35, с. 88–113; 36, с. 69] и др. Можно сделать вывод, по аналогии с государственным языком, что необходима выработка правовой основы государственного обеспечения допустимого перечня форматов, необходимых для взаимодействия индивида с органами публичной власти. На первый взгляд, можно подумать, что данное предложение носит исключительно технический характер и его урегулирование на конституционном уровне (в том числе нормами закона) нецелесообразно. Вместе с тем необходимо отметить, что технические ограничения форматов файлов (в том числе ведомственного уровня) могут привести к необеспечению конституционного права индивида на обращение.

¹ См.: Приказ Минкомсвязи РФ от 2 сентября 2011 г. № 221 «Об утверждении Требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения»: зарег. в Минюсте России 15 ноября 2011 г. № 22304) // Российская газета. 2011. 21 ноября.

² См. п. 141 Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления и организациях: утв. приказом Росархива от 31 июля 2023 г. № 77: зарег. в Минюсте России 6 сентября 2023 г. № 75119 (в ред. от 31 июля 2023 г.) (официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2024)).

В подтверждении данного тезиса можно привести определение Конституционного Суда¹, а также решение арбитражного суда, оставленное без изменения судами вышестоящих инстанций, в которых одним из оснований отказа в ходатайстве инициатора стало несоответствие его обращения требованиям, предъявляемым Приказом Росреестра от 27 марта 2017 г. № П/0152² (схема в обращении сформирована в виде файла в формате PDF вместо требуемой). Хотя суд не поддержал требования автора, тем не менее можно сделать вывод, что технические нормативные ограничения (ведомственного уровня) послужили основанием для отказа в реализации права индивида. Другим примером является требование Конституционного Суда к формату файла в обращениях, поданных в электронной форме³, которое содержит перечень форматов, таких как Microsoft Word Document (с расширениями doc, docx), RTF, PDF, JPG, PNG, а также в архивном формате RAR, ZIP или 7z. Таким образом, можно сделать вывод, что подача инициатором обращения в новом популярном формате heic или heif⁴ в Конституционный Суд в силу несоответствия формата не будут рассмотрены по существу вопроса, что, по нашему мнению, может привести к нарушению конституционного права инициатора на обращение. Остается вопрос: насколько правомерны ограничения подачи форматов и не приведут ли они к ущемлению прав инициатора?

Таким образом, думается, что правовые основы перечня допустимых форматов для коммуникации инициатора с органами публичной власти не только технический вопрос и требует решения на уровне закона: отражать актуальный список популярных форматов с учетом принципов доступности, законности и баланса интересов. Думается, данное предложение решит множество проблем обеспечения прав и свобод индивида не только применительно к исследуемому праву, но и к другим отраслям.

Подводя итог, считаем целесообразным обособить принцип единства подходов к языку обращения, а также выработать и закрепить его правовую основу. По нашему мнению, реализация указанного принципа будет способствовать повышению качества обеспечения права индивида на обращение, а также смежных прав и свобод. Предполагается, что это приведет к снижению количества жалоб и нагрузки на органы публичной власти, в том числе и на судебную систему, по обжалованию данных решений.

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2022 г. № 102-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вартапетяна Георгия Мартыновича на нарушение его конституционных прав положениями статей 11.10 и 56.4 Земельного кодекса Российской Федерации и абзацем шестым части первой статьи 17.1 Закона Российской Федерации «О недрах»». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Приказ Росреестра от 27 марта 2017 г. № П/0152 «Об организации работ по размещению на официальном сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» XML-схемы, используемой для формирования XML-документа — схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории в форме электронного документа» (в ред. от 27.03.2017). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. § 22.3 Регламента Конституционного Суда РФ (в ред. от 15 июня 2023 г.) (Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4; официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.ru> (дата обращения: 07.05.2024)).

⁴ См.: HEIF — новый стандартный формат хранения изображений в iOS и MacOS. URL: <https://habr.com/ru/articles/341392/>; iPhone снимает в формате HEIF (HEIC). Как работать с такими фото на компьютере? URL: <https://journal.citilink.ru/articles/iphone-snimat-v-formate-heif-heic-kak-rabotat-s-takimi-foto-na-kompyutere/> (дата обращения: 07.05.2024).

Библиографический список

1. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти: учебник / В. В. Барбин, А. В. Борисов, И. В. Гончаров [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2020. 320 с.
2. *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.
3. *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
4. *Алексеев С. С.* Теория права. М: БЕК, 1995. 311 с.
5. *Беломестных Л. Л.* Проблемы реализации конституционного право на обращение // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 5. С. 69–93.
6. *Нудненко Л. А., Хаманева Н. Ю.* Новый закон об обращениях граждан: достоинства и недостатки // Государство и право. 2007. № 3. С. 5–12.
7. *Сергеева Д. А.* Принципы конституционного института обращений граждан // Социально-политические науки. 2016. № 6. С. 111–114.
8. *Алистратов Ю. Н.* Право граждан на обращение в условиях становления демократического правового государства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 21 с.
9. *Гуськова А. В.* Языковые ограничения в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 692–697.
10. *Маркаров А. Н.* К вопросу о понятии и содержании языковых прав в конституционном праве // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2. С. 187–196.
11. *Бывальцева С. Г., Черепанов М. М.* Рассмотрение органами прокуратуры и иными государственными органами обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации // Законность. 2020. № 7(1029). С. 27–31.
12. *Мирошниченко М. Н.* Актуальные проблемы представительства и защиты интересов органов прокуратуры в судах по делам, связанным с оспариванием действий прокуратуры по рассмотрению обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215). С. 100–102.
13. *Захарова В. О.* Возвращение уголовных дел для производства предварительного расследования (на примере ошибок в случае участия переводчика) // Современная наука. 2021. № 4. С. 57–61.
14. *Головки Л. В.* Курс уголовного процесса. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
15. *Пиперски А.* Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 265 с.
16. *Исолахти Н. Б.* Точность перевода в суде по уголовным делам — недостижимый идеал? // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. Т. 202. С. 70–76.
17. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
18. *Ковалевская Н. В., Волосова М. В.* Переводческая эквивалентность в уголовном судопроизводстве: правовая сущность и правовые последствия ее отсутствия // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 207–209.
19. *Моисеенко А. В., Баскова А. А.* Синонимия в вымышленных языках (на материале на’ви и дотракийского языков) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3(102). С. 109–118.
20. *Власенко Н. А.* Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: [б. и.], 2000. С. 264–270.
21. *Турагин В. Ю.* Юридический жаргон: понятие, примеры, оценка // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. Кемерово: [б. и.], 2011. С. 102–108.

22. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 1. С. 62–67.
23. Косоногова О. В., Малащенко М. В. Специальный юридический язык как инструмент взаимодействия языка и права // *Universum: филология и искусствоведение*. 2014. С. 1–8.
24. Филатова О. Г. Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 6–16.
25. Мазеин А. В. Выявление в интернет-ресурсах сообщений и публикаций граждан, требующих реагирования, как новая форма управленческой деятельности // *Административное и муниципальное право*. 2021. № 1. С. 1–14.
26. Куценко Т. М., Здольник В. В. Электронные документы как современный вид доказательств по делу об административном правонарушении // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 6. С. 195–202.
27. Информатика: базовый курс / С. В. Симонович и др. СПб.: Питер, 2003. 640 с.
28. Решетникова И. В. Доказательства и доказывание: глава VI // Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014. № 124(1).
29. Кокорева Л. В. О перспективах развития уголовно-процессуального законодательства // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. С. 381–386.
30. Кустов А. М., Кокорев Р. А. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности // *Труды Академии управления МВД России*. 2018. № 1(45). С. 73–77.
31. Медведева О. В. Проблемы архивного хранения электронных документов в органах государственной власти // *Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ*. 2019. № 13. С. 69–75.
32. Трущенко И. В. Использование цифровой фотографии в криминалистических экспертизах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 185 с.
33. Бульбачева А. А. К вопросу о фиксации обстановки места происшествия // *Юридические исследования*. 2017. № 12. С. 82–89.
34. Яковец Е. В., Гонец В. О. Вопросы безопасности в информационно-аналитической поддержке управления деятельностью службы пожаротушения // *Пожарная безопасность: проблемы и перспективы*. 2019. № 10. С. 491–493.
35. Davies J. Formal model-driven engineering of critical information systems — Jim Davies, David Milward, Chen-Wei Wang, James Welch — *Science of Computer Programming*, 2015. P. 88–113.
36. Куликова Е. В. Преобразование форматов графических файлов // *Вестник СИБИТа*. 2014. № 4(12). С. 68–74.

References

1. Ensuring the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Activities of Public Authorities: textbook / V. V. Barbin, A. V. Borisov, I. V. Goncharov [et al.]. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. 320 p.
2. Bratus S. N. Subject and the System of Soviet Civil Law. M.: Gosyurizdat, 1963. 197 p.
3. Yavich L. S. The Law of a developed Socialist Society. Essence and Principles. M.: Legal Lit., 1978. 224 p.
4. Alekseev S. S. Theory of Law. M.: BECK, 1995. 311 p.
5. Bellomestnykh L. L. Problems of Realization of the Constitutional Right to Appeal // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2008. No. 5. P. 69–93.

6. *Nudnenko L. A.* The New Law on Citizens' Appeals: Merits and Disadvantages / L. A. Nudnenko, N. Y. Khmaneva // *State and Law*. 2007. No. 3. P. 5–12.
7. *Sergeeva D. A.* Principles of the Constitutional Institute of Citizens' Rights // *Socio-Political Sciences*. 2016. No. 6. P. 111–114.
8. *Alistratov Yu. N.* The Right of Citizens to Appeal in the Context of the Formation of a Democratic Rule of Law in Russia: extended abstract diss. ... cand. of Law. M., 1995. 21 p.
9. *Guskova A. V.* Linguistic Restrictions in Law // *Legal Technique*. 2018. No. 12. P. 692–697.
10. *Markarov A. N.* On the Question of the Concept and Content of Linguistic Rights in Constitutional Law // *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. 2014. No. 2. P. 187–196.
11. *Byvaltseva S. G.* Consideration by the Prosecutor's Office and Other State Bodies of Citizens' Appeals Submitted in a Foreign Language and the Language of the Peoples of the Russian Federation / S. G. Byvaltseva, M. M. Cherepanov // *Legality*. 2020. No. 7(1029). P. 27–31.
12. *Miroshnichenko M. N.* Actual Problems of Representation and Protection of Interests of the Prosecutor's Office in Courts in Cases Related to Challenging the Actions of the Prosecutor's Office to Consider Appeals from Citizens Filed in a Foreign Language and the Language of the Peoples of the Russian Federation // *Law and the State: Theory and Practice*. 2022. No. 11(215). P. 100–102.
13. *Zakharova V. O.* Return of Criminal Cases for Preliminary Investigation (by the example of errors in the case of translator's participation) // *Modern Science*. 2021. No. 4. P. 57–61.
14. *Golovko L. V.* Course of Criminal Procedure. 2nd ed., ispr. M., 2017. 1280 p.
15. *Piperski A.* The Construction of Languages: from Esperanto to Turkish. 2nd ed. M.: Alpina non-fiction, 2018. 265 p.
16. *Isolakhti N. B.* Is the Accuracy of Translation in Criminal Court an Unattainable Ideal? // *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts (see books)*. 2014. Vol. 202. P. 70–76.
17. *Komissarov V. N.* Theory of Translation (Linguistic Aspects); textbook. for in-st. and fac. of foreign Lang. M.: Higher School, 1990. 253 p.
18. *Kovalevskaya N. V.* Translation Equivalence in Criminal Proceedings: the Legal Essence and Legal Consequences of its Absence / N. V. Kovalevskaya, M. V. Volosova // *Gaps in Russian legislation*. 2012. No. 5. P. 207–209.
19. *Moiseenko A. V.* Synonymy in Fictional Languages (in the material of the Na'vi and Dohraki languages) / A. V. Moiseenko, A. A. Baskova // *Bulletin of Cherepovets State University*. 2021. No. 3(102). P. 109–118.
20. *Vlasenko N. A.* Jargons in Law: Limits and Techniques of Use // *Problems of Legal Technique* / ed. by V. M. Baranov. N. Novgorod: [B. I.], 2000. P. 264–270.
21. *Turanin V. Yu.* Legal Jargon: Concept, Examples, Evaluation // *Jurislinguistics-11: Law as Discourse, Text and Word: Interuniversity Collection of Scientific. Tr.* / ed. by N. D. Golev, K. I. Brinev. Kemerovo: [B. I.], 2011. P. 102–108.
22. *Melnichenko R. G.* Legal Language: Problem Statement // *Legal Paradigm*. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 62–67.
23. *Kosonogova O. V., Malashchenko M. V.* Special Legal Language as an Instrument of Interaction Between Language and Law // *Universum: philology and art criticism*. 2014. P. 1–8.
24. *Filatova O. G.* Heads of Russian Regions in Social Networks: Audit of Public Communications // *PR and Advertising in a Changing World: Regional Aspect*. 2020. No. 23. P. 6–16.
25. *Mazein A. V.* Identification of Citizens' Messages and Publications in Internet Resources that Require Response as a New Form of Management Activity // *Administrative and municipal law*. 2021. No. 1. P. 1–14.
26. *Kutsenko T. M., Zdolnik V. V.* Electronic Documents as a Temporary Type of Evidence in the Case of Administrative Violation // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 6. P. 195–202.
27. *Informatics: basic course* / S. V. Simonovich et al. St. Petersburg: Pi-ter, 2003. 640 p.

28. *Reshetnikova I. V.* Evidence and Proof: Chapter VI // The Concept of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation, Approved by the Decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 08.12.2014. No. 124(1).

29. *Kokoreva L. V.* On the Prospects for the Development of Criminal Procedure Legislation // 150 years of the Statute of the Criminal Court of Russia: the Current State and Prospects for the Development of Criminal Procedure Legislation: collection of materials. International Scientific and practical conference: in 2 hours, 2014. Part 1. P. 381–386.

30. *Kustov A. M., Kokorev R. A.* Problems of Using Video Recording in the Investigation of Crimes Against the Person // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1(45). P. 73–77.

31. *Medvedeva O. V.* Problems of Archival Storage of Electronic Documents in Public Authorities // Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. 2019. No. 13. P. 69–75.

32. *Truschenkov I. V.* The Use of Digital Photography in Forensic Examinations: diss. ... cand. of Law. M., 2011. 185 p.

33. *Bulbacheva A. A.* On the Issue of Fixing the Situation of the Place of Occurrence // Legal Research. 2017. No. 12. P. 82–89.

34. *Yakovets E. V., Gonets V. O.* Safety Issues in Information and Analytical Support for the Management of the Fire Extinguishing Service // Fire Safety: Problems and Prospects. 2019. No. 10. P. 491–493.

35. *Davies J.* Formal Model-Driven Engineering of Critical Information Systems — Jim Davies, David Milward, Chen-Wei Wang, James Welch — Sci-ence of Computer Programming, 2015. P. 88–113.

36. *Kulikova E. V.* Converting Graphic File Formats // Bulletin Sibita. 2014. No. 4(12). P. 68–74.

П. А. Шетогубов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: действующие нормативные акты подчеркивают необходимость правового закрепления гарантий защиты общественных отношений от проявлений экстремизма. В законодательстве установлен перечень деяний, которые признаются экстремистскими. Однако предпринятый законодателем подход к определению понятия экстремистской деятельности не в полной мере отражает ее сущность. Отдельные недостатки прослеживаются и при анализе научных позиций относительно данной дефиниции. **Цель** — сформулировать определение экстремистской деятельности, отражающее ее сущность и признаки. **Методологическая основа:** общие научные методы познания (анализ, синтез, абстрагирование), а также частнонаучный метод юриспруденции (формально-юридический). **Результаты:** на основе рассмотрения существующих в науке точек зрения относительно экстремистской деятельности и положений нормативных актов в данной сфере сформулировано ее авторское определение. **Вывод:** экстремистская деятельность представляет собой противоправную деятельность физических лиц, организаций, их объединений, основанную на радикальных идеях и взглядах и выраженную в применении насилия или в оправдании его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, насилие, идеология, противоправное деяние.

P. A. Shetogubov

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF EXTREMIST ACTIVITY

Background: current regulations emphasize the need legally consolidate guarantees for the protection of public relations from manifestations of extremism. The legislation establishes a list of acts that recognized as extremist. However, the approach taken by the legislator to defining the concept of extremist activity does not fully reflect its essence. Also, trace certain shortcomings when analyzing scientific positions regarding such a definition. The above determines the need for its development. **Objective** — to formulate a definition of extremist activity that reflects its essence and characteristics. **Methodology:** general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, abstraction, as well as the particular scientific method of jurisprudence: formal legal. **Results:** based on a consideration of points of view regarding the definition of extremist activity and the provisions of regulations in this area, its author's definition formulated. **Conclusion:** extremist activity is the illegal activity of individuals, organizations, and their associations, based on radical ideas and views and expressed in the use of violence or in justifying its use in order to cause significant harm to the foundations of the constitutional order and interpersonal relations, and to encroach on state and social foundations.

Keywords: extremism, terrorism, violence, ideology, illegal act.

© Шетогубов Павел Андреевич, 2024

Соискатель кафедры административного и финансового права Юридического института (Северо-Кавказский федеральный университет); e-mail: shetogubov@mail.ru

© Shetogubov Pavel Andreevich, 2024

Applicant for the Department of Administrative and Financial Law of the Law Institute (North Caucasus Federal University)

Противодействие экстремистским проявлениям в современной России имеет особую важность. Это обусловлено тем, что экстремизм посягает на основы национальной безопасности [1, с. 294]. В нем выражена угроза конституционному строю, а также суверенитету, единству и территориальной целостности России.

Необходимо отметить, что тенденции развития общественных отношений, технический прогресс, приводят к появлению новых форм деяний в данной сфере, что актуализирует вопросы разработки и применения эффективных правовых средств для борьбы с ними. Однако их применение не сможет стать достаточно эффективным без четкого определения объекта противодействия.

В переводе с латинского языка термин «экстремизм» (*extremus*) означает «крайний». В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова экстремизм рассматривается как «приверженность к крайним взглядам, к использованию крайних мер для достижения целей» [2].

В науке существуют различные позиции относительно определения экстремизма. Так, ряд авторов к его обязательным признакам относят наличие особой идеологии. По мнению И. В. Вехова, он является «осознанным и идеологически обоснованным девиантным поведением, выраженным в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства, либо в призывах к их осуществлению» [3, с. 284]. Сходную позицию выражают А. Г. Залужный и Н. В. Степанов [4, с. 30; 5]. Однако в ее рамках остается открытым вопрос, какими субъектами совершаются соответствующие деяния. Неопределенность прослеживается и в понятии «отрицания общественного устройства», критериев разграничения частичности или полноты такого отрицания.

Другие авторы используют формулировку «уничтожение». Так, Х. Ш. Киляханов отмечает, что экстремизм — «это радикальная деятельность, основанная на приверженности к неприятию правовых основ социально-политической модели общества и стремление к ее уничтожению любыми средствами» [6, с. 8]. Сходную точку зрения выражает С. А. Ищенко [7].

Использование данной формулировки концентрирует внимание на сущности экстремизма как активного, негативного воздействия. Экстремизм представляет собой не любую деятельность, а именно противоправную. Такая деятельность направлена на дестабилизацию социальных отношений.

Приверженность субъектов экстремизма к крайним взглядам обуславливает применение радикальных методов достижения целей. Такими методами могут выступать насилие или угроза его применения, в том числе террористическая деятельность, а также нарушение прав и свобод физических лиц ввиду их принадлежности к какой-либо социальной группе.

Отдельные ученые характеризуют экстремизм в качестве исключительно насильственной деятельности. Так, С. Н. Фридинский предлагает авторское определение экстремизма как «социального явления, в рамках которого объединенные на основе общих взглядов и убеждений представители последних совершают противоправные действия, направленные на их насильственное распространение и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими» [8].

Иной точки зрения придерживаются Е. И. Григорьева и А. В. Кузьмин, рассматривая его как «идеологию, распространяющую свои принципы с помощью насилия» [9].

Однако идеология представляет собой систему идей и не может распространяться сама по себе, без совершения конкретных действий ее носителей. В свою очередь, не всегда деяния, запрещенные законодательством как экстремистские, выражаются в распространении какой-либо идеологии.

По мнению А. С. Ржевского, экстремизм — это «насильственные действия, совершаемые общественными или религиозными организациями и объединениями, направленные на достижение ими своих целей и отрицающие общечеловеческие ценности» [10].

Очевидным недостатком данной позиции является акцент на совершении противоправных деяний объединениями граждан и организациями. Между тем за рамками научного определения остается деятельность отдельных физических лиц. Более корректным было бы рассмотрение экстремизма как специфической противоправной деятельности физических лиц, организаций, их объединений.

Следует отметить, что нормативное определение экстремизма, впервые закрепленное в международном законодательстве, также подчеркивает его насильственный характер. Так, п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 5 июня 2001 г. содержит положение, в соответствии с которым это «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства»¹.

Данное определение представляется излишне узким и не охватывающим все его возможные проявления, так как они не всегда связаны с посягательством на власть и изменением конституционного строя. Например, деяния, выраженные в пропаганде превосходства представителей какой-либо социальной группы или насилия в отношении представителей какой-либо социальной группы, противоречат конституционным положениям, однако сами по себе могут быть не направлены на насильственное изменение конституционного строя.

В дальнейшем в Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, ратифицированной Российской Федерацией², было закреплено иное определение экстремизма как «идеологии и практики, направленных на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»³.

В обозначенном определении предлагается более широкая трактовка экстремизма. Однако и оно не лишено недостатка, выраженного в том, что экстремизм рассматривается лишь как способ разрешения конфликтов. Справедливо заметить, что совершение противоправных деяний само по себе не может разрешить конфликт, поскольку связано с посягательством на охраняемые законом ценности, то есть способно породить новые конфликты.

Экстремизм нередко базируется на идеологии насилия как совокупности взглядов и идей, которые оправдывают его применение для достижения целей. В то же время трактовка экстремизма как насильственной деятельности не охва-

¹ См.: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: закл. в г. Шанхае 15 июня 2001 г. // СЗ РФ. 2003. № 41, ст. 3947.

² См.: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 196-ФЗ «О ратификации Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» // СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4098.

³ См.: Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: закл. в г. Астане 9 июня 2017 г. // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.

тывает все его возможные проявления, поскольку исключает из его содержания иные деяния, причиняющие существенный вред основам конституционного строя и межличностных отношений, посягающие на государственные и общественные устои, но выраженные не в активных действиях, а в призывах к их осуществлению, оправдании их реализации в будущем или прошлом.

Вряд ли можно поддержать и позицию М. Е. Родиной, которая считает, что экстремистская деятельность представляет собой совокупность последовательного ряда деяний [11]. Данная точка зрения недостаточно конкретна, поскольку противоправные деяния могут проявляться как в форме действия, так и в форме бездействия. Вместе с тем рассмотрение совокупности деяний, которые определяются законодателем как экстремистские, позволяет сделать вывод о том, что они всегда выражаются в форме активной деятельности.

Так, в законодательстве Российской Федерации раскрыто определение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые выступают синонимами.¹ Это «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; использование нацистской атрибутики или символики», а также ряд иных деяний.

Из приведенного нормативного определения можно сделать вывод, что законодатель придерживается позиции о рассмотрении экстремизма в широком смысле. В ее рамках он может выражаться не только в насильственных, но и в иных противоправных действиях тех или иных субъектов.

В целях конкретизации положений Закона № 114-ФЗ была принята Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (далее — Стратегия)². Она не содержит определения экстремистской деятельности, однако раскрывает содержание термина «экстремистские проявления» как «общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению ее единства и территориальной целостности».

Достоинством данного определения является рассмотрение экстремизма не как способа разрешения конфликтов, а как деяний, их порождающих. Предупреждение и устранение таких конфликтов выступает актуальной задачей государства.

Наличие четкого нормативного определения экстремистской деятельности является важным для ее правильной квалификации и определения объекта

¹ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 28 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031; 2023. № 1, ч. 1, ст. 16.

² См.: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3475.

противодействия. Однако трактовка экстремизма, предложенная Стратегией, сужает его до общественно опасных деяний, что не вполне соответствует действующему законодательству. Это обусловлено тем, что признак общественной опасности характерен для преступлений, в то время как ряд составов правонарушений экстремистского характера закреплен в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях¹. Поэтому определение экстремистской деятельности должно содержать указание на то, что она выражается не только в общественно опасных, но и в иных противоправных деяниях.

Представляется, что изложенные разнообразие точки зрения ученых на определение рассматриваемой деятельности, подходы законодателя к ней, имеют как достоинства, так и недостатки. Такое определение должно в полной мере отражать сущностные признаки экстремистской деятельности, позволяющие отделить ее от иных видов деятельности.

Изучение нормативных актов и взглядов ученых относительно дефиниции экстремистской деятельности позволяет определить ее как противоправную деятельность физических лиц, организаций, их объединений, основанную на радикальных идеях и взглядах и выраженную в применении насилия или в оправдании его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои.

Библиографический список

1. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 352 с.
2. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2010. 736 с.
3. *Вехов И. В.* Экстремизм как объект социологического исследования // Изв. РПГУ им. А. И. Герцена. 2009. № 3. С. 284–290.
4. *Залужный А. Г.* Правовые гарантии противодействия экстремистской деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни // Закон и право. 2002. № 9. С. 29–32.
5. *Степанов Н. В.* Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 182 с.
6. *Килясханов Х. Ш.* Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 165 с.
7. *Ищенко С. А.* Административно-правовые и другие аспекты экстремизма в современном обществе (история, становление и развитие) // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 13–22.
8. *Фридинский С. Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 366 с.
9. *Григорьева Е. И., Кузьмин А. В.* Историко-культурный генезис профилактики экстремистского поведения // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 11. С. 177–123.

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 12 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; Российская газета. 2023. 18 декабря.

10. *Ржевский А. С.* Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 213 с.
11. *Родина М. Е.* Экстремизм и экстремистская деятельность как политико-правовые категории // *Российский следователь*. 2016. № 20. С. 26–29.

References

1. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. by A. Yu. Sokolov. 2nd ed., revised. and additional M.: Norma: INFRA-M, 2018. 352 p.
2. *Ozhegov S. I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions / ed. by L. I. Skvortsov. M.: Onyx, 2010. 736 p.
3. *Vekhov I. V.* Extremism as an Object of Sociological Research // *News RPGU named after A. I. Herzen*. 2009. No. 3. P. 284–290.
4. *Zaluzhny A. G.* Legal Guarantees for Countering Extremist Activities in Political, Religious and other Spheres of Public Life // *Law and Legislation*. 2002. No. 9. P. 29–32.
5. *Stepanov N. V.* Criminological Problems of Countering Crimes Related to Political and Religious Extremism: diss. ... cand. of Law. M., 2003. 182 p.
6. *Kilyashanov Kh.Sh.* Social and Philosophical Analysis of the Phenomenon of Political Extremism in the Context of Reforming Russian Society: diss. ... cand. of Philosopher Science. Tver, 2006. 165 p.
7. *Ishchenko S. A.* Administrative Legal and Other Aspects of Extremism in Modern Society (History, Formation and Development) // *Administrative Law and Process*. 2018. No. 5. P. 13–22.
8. *Fridinsky S. N.* Countering Extremist Activities (Extremism) in Russia: Socio-Legal and Criminological Research: diss. ... of Doct. of Law. M., 2011. 366 p.
9. *Grigorieva E. I., Kuzmin A. V.* Historical and Cultural Genesis of Prevention of Extremist Behavior // *Bulletin of Tambov University. Ser.: Humanities*. 2012. Issue. 11. P. 177–123.
10. *Rzhevsky A. S.* Extremism and Its Manifestation in the Criminal Code of Russia (Criminal Legal Characteristics): diss. ... cand. of Law. Rostov-on-Don, 2004. 213 p.
11. *Rodina M. E.* Extremism and Extremist Activity as Political and Legal Categories // *Russian Investigator*. 2016. No. 20. P. 26–29.

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-168-175
УДК 347.775

Н. Л. Шелухин, И. Ф. Хараберюш

ОСОБЕННОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ДНР: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: институт изъятия собственности сформировался на основе общественных интересов с использованием различных демократических институтов. Санкционная политика в отношении России и проведение СВО существенно повлияли на трансформацию института изъятия собственности. В ДНР как во вновь присоединенном субъекте ключевым вопросом восстановления экономики является вопрос собственности, который требует своего решения.

Цель — рассмотреть особенности и пути правового решения вопросов собственности для обеспечения экономической безопасности ДНР в сфере хозяйствования. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой метод, методы дедукции, анализа и синтеза. **Результаты:** в ходе исследования были установлены не только факты неэффективного использования имущества частной формы собственности в хозяйственном обороте на территории ДНР, но и обозначены подходы к решению вопроса собственности на вновь присоединенных территориях. **Выводы:** для решения вопроса собственности на вновь присоединенных территориях можно использовать опыт и наработки Крымского региона, инициировать принятие федерального законодательного акта общего характера для новых регионов РФ или доработать проект Закона ДНР «О введении имущества частной формы собственности в хозяйственный оборот», разработанный ГБУ «Институт экономических исследований», с учетом современных реалий.

Ключевые слова: институт изъятия собственности, правовое регулирование, экономическая безопасность, специальная военная операция, собственность, право собственности, управление.

N. L. Shelukhin, I. F. Kharaberiush

FEATURES OF ACQUISITION AND TERMINATION OF OWNERSHIP IN THE DPR: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Background: the institution of property seizure was formed based on public interests and using various democratic institutions. The sanctions policy towards Russia and the implementation

© Шелухин Николай Леонидович, 2024

Доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом исследований проблем экономической безопасности (Институт экономических исследований (г. Донецк, ДНР)); e-mail: shelukhin2004@inbox.ru

© Хараберюш Иван Федорович, 2024

Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследований проблем экономической безопасности (Институт экономических исследований (г. Донецк, ДНР)); e-mail: hif52@mail.ru

© Shelukhin Nikolay Leonidovich, 2024

Doctor of Law, Professor, Head of the Department for Research on Economic Security Problems (Institute of Economic Research (Donetsk, DPR))

© Kharaberiush Ivan Fedorovich, 2024

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department for Research on Economic Security Problems (Institute of Economic Research (Donetsk, DPR))

*of the SVO significantly influenced the transformation of the institution of property seizure. In the DPR, as a newly annexed entity, the key issue of economic recovery is the issue of property, which requires its solution. **Objective** — to consider the features and ways of legal resolution of property issues to ensure the economic security of the DPR in the economic sphere. **Methodology**: the comparative legal method, methods of deduction, analysis and synthesis. **Results**: the study does not only establish the fact of ineffective use of privately owned property in economic circulation on the territory of the DPR, but also identified approaches to resolving the issue of property in the newly annexed territories. **Conclusions**: to resolve the issue of ownership in the newly annexed territories, you can use the experience and developments of the Crimean region, initiate the adoption of a federal legislative act of a general nature for new regions of the Russian Federation, or finalize the draft DPR Law “On the introduction of private property into economic circulation”, developed by the State Budgetary Institution “Institute of Economic Research” taking into account today’s realities.*

Keywords: institution of seizure of property, legal regulation, economic security, special military operation, property, property rights, management.

Взаимосвязь понятий «структура собственности» и «национальная экономическая безопасность», по мнению ученых, осуществляется через систему экономических интересов и включает три уровня — личность, коллектив, государство. Экономическая безопасность обеспечивается в том случае, когда экономические интересы соблюдаются на всех трех уровнях и реализуются через формы собственности [1, с. 5]. Известно, что юридическая категория «собственность» определяет имущественные отношения и реализуется через систему правовых норм — право владения, право пользования, право распоряжения [2, с. 38], от сочетания которых во многом зависит экономическое развитие субъектов хозяйствования и региона в целом.

Рассмотрение происхождения и эволюции современных конституционных норм о собственности позволяет обозначить этапы от признания священности и неприкосновенности частной собственности до ее прямого изъятия. Конституционные нормы об изъятии собственности и принятые на их основе законы послужили базой для формирования института экспроприации собственности. Вначале его развития базой выступали общественные интересы, а затем начали использоваться различные демократические институты — референдумы и опросы общественного мнения, независимые экспертизы, выдвижение альтернативных проектов и т.д. [3, с. 259–261].

На современном этапе обострившиеся международные отношения привели к беспрецедентной ситуации — изъятию Генерального консульства России в Сан-Франциско и торговых представительств в Вашингтоне и Нью-Йорке, то есть американской стороной незаконно прекращены права собственности на здания и сооружения, в которых располагались консульство и представительство России¹. Аналогичный недружественный акт произошел и в Варшаве, когда в апреле 2023 г. были незаконно прекращены права собственности на здания средней школы при российском посольстве². 10 марта 2022 г. Украиной был принят закон «Об основных принципах принудительного изъятия на Украине

¹ См.: США забрали российскую дипломатическую собственность после обысков. URL: <https://ria.ru/20170903/1501645177.html> (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: Польша изымает в пользу государства здание средней школы при Посольстве РФ в Варшаве. URL: <https://www.interfax.ru/world/898439> (дата обращения: 16.07.2023).

объектов права собственности Российской Федерации и ее резидентов»¹. Санкционная политика в отношении России и проведение СВО существенно влияют на трансформацию института изъятия собственности и его антиконституционную направленность, особенно на территориях новых субъектов РФ.

В настоящее время экономическая ситуация в Донецкой Народной Республике характеризуется высокими рисками военного и политического характера, ограниченностью доступа к ресурсам, низкой вероятностью привлечения внешних финансовых источников [4, с. 157], однако ключевым вопросом восстановления экономики ДНР является вопрос собственности.

В условиях военного противостояния, с 2014 г. по настоящее время, практически все крупные предприятия государственной и негосударственной форм собственности ДНР приостановили или прекратили свое функционирование. Вследствие чего образовалось большое количество бесхозного; выморочного, не используемого в хозяйственном обороте имущества; имущества, используемого вне правовой юрисдикции Донецкой Народной Республики, без правоудостоверяющих [5, с. 127] и правоустанавливающих документов.

На начальном этапе образования ДНР было принято Постановление Совета Министров ДНР от 21 июля 2014 г. № 18-5 «О переходе в государственную собственность Донецкой Народной Республики собственности государства Украина», согласно которому имущественные права собственности всех предприятий, организаций, учреждений или доли в уставном капитале таких предприятий, принадлежавших ранее Украине и расположенных на территории ДНР, перешли в государственную собственность Донецкой Народной Республики². Права государства на предприятия государственной формы собственности (или иных предприятий с частью государственной формы собственности) были переданы Фонду государственного имущества ДНР³. Что же касается имущества предприятий частной формы собственности, то, к сожалению, за восемь лет существования ДНР как самостоятельного государства эффективный механизм введения в хозяйственный оборот этого имущества реализован не был.

С целью сохранения и обеспечения деятельности предприятий и учреждений негосударственной формы собственности на их базе создавались временные государственные администрации для сохранения в числе прочего имущества стратегических отраслей, обеспечивающих функционирование Республики⁴.

¹ См.: Как на Украине принимали законы о конфискации российской собственности. URL: <https://tass.ru/info/15411947> (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: Постановление Совета Министров ДНР от 21 июля 2014 г. № 18-5 «О переходе в государственную собственность Донецкой Народной Республики собственности государства Украина». URL: <http://npa.dnronline.su/2014-07-24/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-18-5-ot-21-07-2014g-o-perehode-v-gosudarstvennyu-sobstvennost-donetskoj-narodnoj-respubliki-sobstvennosti-gosudarstva-ukraina.html> (дата обращения: 16.07.2023).

³ См.: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 4 декабря 2015 г. № 24-5 «О мерах по повышению эффективности управления государственным имуществом». URL: <http://npa.dnronline.su/2016-07-15/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-24-5-ot-04-12-2015-g-o-merah-po-povysheniyu-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennym-imushhestvom.html> (дата обращения: 16.07.2023).

⁴ См.: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 28 ноября 2014 г. № 25 «О введении внешнего государственного управления Донецкой Народной Республики на предприятиях топливно-энергетической, нефтегазовой и угольной отраслей». URL: <http://npa.dnronline.su/page/3?s=&cat=15>; Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 26 сентября 2014 г. №35-8 «О порядке введения временных государственных администраций

Временным администратором назначались исключительно государственные корпорации, организации или хозяйственные общества, имеющие не менее 75 % государственной собственности в уставном капитале.

Государственные корпорации получили неограниченные полномочия по использованию имущества частных собственников, практически не неся ответственности за него. В соответствии с постановлением о введении госадминистраций временный администратор имеет право отчуждать, списывать, передавать в аренду и залог находящиеся у него в управлении основные средства, объекты недвижимости, транспорт и оборудование.

Параллельно с введением временных администраций решался вопрос обеспечения сохранности имущества частных предприятий, которые остановили свою производственную деятельность, а владельцы предприятий уехали за пределы ДНР, бросив имущество, не обеспечив его сохранности (так называемые бесхозные предприятия). Обеспечение охраны данного имущества было поручено подразделениям Государственной службы вневедомственной охраны МВД ДНР¹. Для предупреждения вывоза наиболее ценного оборудования за пределы Республики были приняты ограничительные меры, нашедшие свое отражение в Указе Главы ДНР от 31 июля 2015 г. «О запрете на несанкционированный демонтаж и вывоз промышленного оборудования за пределы территории Донецкой Народной Республики»².

Для разрешения текущих вопросов по введению государственного управления на бесхозных объектах недвижимости, обеспечению их сохранности и определению оптимального способа управления ими в соответствии с установленными нормами до объявления собственника (подтверждения надлежащим образом права на данное имущество) или до установления формы собственности указанного имущества в судебном порядке была создана Межведомственная комиссия по вопросам государственного управления бесхозным недвижимым имуществом³. Данная комиссия проанализировала промышленные предприятия, рабочий процесс на которых можно наладить в кратчайшие сроки. В результате было принято постановление правительства ДНР, которым вводились временные администрации на указанные в нем предприятия и учреждения⁴.

на предприятиях и учреждениях». URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN35_8_26092014.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

¹ См.: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 16 марта 2015 г. № 95 «Об организации обеспечения безопасности объектов всех форм собственности и личного имущества граждан Донецкой Народной Республики». URL: <http://npa.dnronline.su/2015-03-16/ukaz-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-95-ot-16-03-2015-goda-ob-organizatsii-obespecheniya-bezopasnosti-obektov-vseh-form-sobstvennosti-i-lichnogo-imushhestva-grazhdan-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: URL: <http://npa.dnronline.su/2015-07-31/ukaz-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-303-ot-31-07-2015-goda-o-zaprete-na-nesanktsionirovannyj-demontazh-i-vyvoz-promyshlennogo-oborudovaniya-za-predely-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki.html> (дата обращения: 16.07.2023).

³ См.: Положение о межведомственной комиссии по вопросам государственного управления бесхозным недвижимым имуществом: утв. Распоряжением Главы Донецкой Народной Республики от 30 сентября 2015 г. № 181. URL: <http://npa.dnronline.su/2015-09-30/rasporyazhenie-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-181-ot-30-09-2015-goda.html> (дата обращения: 16.07.2023).

⁴ См.: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 16 октября 2015 г. № 19-47 «О введении временной администрации». URL: <http://npa.dnronline.su/tag/pravitelstvo> (дата обращения: 16.07.2023).

В 2015–2017 гг. Правительством Донецкой Народной Республики велись поиски инвесторов, способных возродить простаивающие и пострадавшие от военных действий предприятия. С 2017 г. начался этап организации внешнего управления бесхозным недвижимым имуществом: в марте на сайте ДНР был опубликован Перечень предприятий и учреждений, на которых вводится временная администрация¹, согласно которому временным администратором всех крупных предприятий металлургического комплекса ДНР, от которых в ближайшей перспективе можно было получить прибыль, назначено ЗАО «Внешторгсервис», зарегистрированное в Южной Осетии. Полномочия данного инвестора по отношению к управляемым предприятиям были закреплены Указом Главы ДНР от 4 апреля 2017 г., в соответствии с которым ЗАО «Внешторгсервис» является специальным органом управления предприятиями, который выполняет функции высшего органа управления и осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа управления предприятиями².

ЗАО «Внешторгсервис» являлось временным администратором всех крупных предприятий металлургического комплекса ДНР до июня 2021 г., однако наладить устойчивую работу администрируемых предприятий у ВТС не получилось. С 11 июня 2021 г. ДНР прекратила сотрудничество с ЗАО «Внешторгсервис»³. В том же месяце крупнейшие металлургические и коксохимические предприятия Донбасса, ранее находившиеся под управлением ЗАО «Внешторгсервис», были переданы под управление зарегистрированной в ДНР компании Южный горно-металлургический комплекс.

Согласно п. 4 Постановления № 35-8 «О порядке введения временных государственных администраций на предприятиях, учреждениях и иных объектах» временные администрации по управлению имуществом юридических лиц нерезидентов, физических лиц предпринимателей нерезидентов и по управлению субъектами хозяйствования резидентами, организациями резидентами рассматриваются Правительством, а в соответствии с п. 6 данного постановления — назначаются Председателем Правительства, однако нормативный правовой акт о назначении названного комплекса временным администратором не опубликован⁴.

16 июня 2021 г. Глава ДНР подписал с генеральным директором Южного горно-металлургического комплекса соглашение о намерениях, предусматривающее ключевые и перспективные моменты дальнейшего взаимодействия⁵.

Ретроспективно рассматривая вопросы передачи частной собственности во временное управление за период существования Донецкой Народной Репу-

¹ См.: Перечень предприятий и учреждений, на которых вводится временная администрация // Официальный сайт. Документы Правительства ДНР. URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2017/03/PerchenPrdpr_SovMin.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: Указ Главы ДНР от 4 апреля 2017 г. № 77. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-77-20170404/> (дата обращения: 16.07.2023).

³ См.: Совместное заявление Главы ДНР Дениса Пушилина и Главы ЛНР Леонида Пасечника о переводе филиалов ЗАО «Внешторгсервис» под управление нового инвестора. URL: <https://denis-pushilin.ru/news/sovместnoe-zayavlenie-glavy-dnr-denisa-pushilina-i-glavy-lnr-leonida-pasechnika-operevode-filialov-zao-vneshtorgservis-pod-upravlenie-novogo-investora/> (дата обращения: 16.07.2023).

⁴ См.: Государственная информационная система нормативно-правовых актов Донецкой Народной Республики. URL: <https://gisnpa-dnr.ru/> (дата обращения: 16.07.2023).

⁵ См.: ДонПресс 16.06.2022. URL: <https://donpress.ru/glava-dnr-podpisal-soglashenie-s-jugmk/> (дата обращения: 16.07.2023).

спублики как самостоятельного государства (2014–2022), следует обратить внимание, что изначально во временное управление передавались объекты, функционирование которых было возможно практически без финансовых вложений или с минимальными вложениями: магазины, рынки, гостиницы, автотранспортные предприятия и вокзалы, производства ликеро-водочных изделий и подсолнечного масла, агентства по оказанию ритуальных услуг и т.д.¹ Для оптимизации управления предприятиями с введенными ранее временными администрациями были созданы две государственные корпорации «Донецкие Технологии» и «Аграрный Донбасс»². Период деятельности этих корпораций не принес ожидаемого результата, а создал большое количество проблем, рассмотренных в работе Е. В. Хистевой [4].

Необходимо отметить, что временное управление имуществом (внешнее управление активами) достаточно распространено в мировой практике. Как правило, такое управление является подготовительным этапом для отчуждения собственности и служит инструментом оздоровления экономики государства. После окончания Второй мировой войны практически во всех странах-победительницах прошли процессы отчуждения собственности (национализации), принадлежащих побежденной стороне и коллаборационистам. В некоторых освобожденных от фашизма странах отчуждение собственности проводилось в связи с изменением политического курса³.

В российском законодательстве институты отчуждения собственности, внешнего управления активами достаточно полно обеспечены нормативно-правовой базой. Это прежде всего положения, содержащиеся в гл. 15 Гражданского кодекса РФ⁴. В ст. 235 ГК РФ определены основания, по которым прекращаются права собственности.

В условиях проведения военных действий основные цели временного управления имуществом заключаются в максимальном обеспечении его сохранности,

¹ См.: Указ Главы Донецкой Народной Республики от 15 января 2018 г. № 7 «О создании Государственной корпорации по разработке и реализации современных технологий "Донецкие Технологии"»; Указ Главы Донецкой Народной Республики от 31 мая 2019 г. № 159 «О внесении изменений в Указ Главы Донецкой Народной Республики от 15 января 2018 г. № 7 "О создании Государственной корпорации по разработке и реализации современных технологий "Донецкие Технологии"»; Постановление Правительства ДНР от 5 июля 2019 г. № 51 «О реорганизации государственных и дочерних предприятий, которые входят в сферу управления Государственной корпорации по разработке и реализации современных технологий "Донецкие Технологии"». URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0030-51-20190705/>; Указ Главы Донецкой Народной Республики от 9 июля 2018 г. № 210 «О внесении изменений в Положение о государственной корпорации "Аграрный Донбасс": утв. Указом Главы Донецкой Народной Республики от 13 марта 2018 г. № 66 "О создании государственной корпорации "Аграрный Донбасс"». URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0001-210-20180709/>; Указ Главы Донецкой Народной Республики от 6 июля 2018 г. № 209 «О реорганизации государственных предприятий, органом управления которых является государственная корпорация "Аграрный Донбасс"». URL: <http://npa.dnronline.su/2018-08-08/ukaz-glavy-donetskoj-narodnoj-respubliki-2018-07-06-07-2018-goda-o-reorganizatsii-gosudarstvennyh-predpriyatij-organom-upravleniya-kotoryh-yavlyaetsya-gosudarstvennaya-korporatsiya-agrarnyj-donbass.htm> (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: Положения о государственных корпорациях: утв. Указом Главы Донецкой Народной Республики от 11 февраля 2019 г. № 50. URL: https://glavadnr.ru/doc/ukazy/Ukaz_N50_11022019.pdf (дата обращения: 16.07.2023).

³ См.: Законодательный портал Правительства Румынии. URL: <https://legislatie.just.ro/Public/DetaliuDocument/64?isFormaDeBaza=True&rep=True> (дата обращения: 16.07.2023).

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

сбережении наиболее квалифицированного персонала и поиск инвесторов. Одновременно необходимо понимать, что инвестирование возможно только после процедуры юридической очистки документов на право собственности, другими словами, инвесторы будут заинтересованы во вложениях в объекты только после надлежащего заверения их прав на собственность.

Сравнивая особенности передачи частной собственности в государственное управление во время мира и военного противостояния, мы пришли к выводу, что организация государственного управления частной собственностью во время военных действий экономически нецелесообразна, а привлечение инвестиций на подготовку предприятия к запуску без смены собственника с точки зрения инвестора непривлекательно.

Начиная с 2015 г., велась активная дискуссия о статусе брошенной на территории ДНР частной собственности, что привело к необходимости правового урегулирования этой проблемы и разработке соответствующего закона, определяющего порядок введения в хозяйственный оборот имущества частной формы собственности. Разработку такого закона было поручено государственному учреждению «Институт экономических исследований», которое в начале 2016 г. разработало проект закона «О введении имущества частной формы собственности в хозяйственный оборот» [5, с. 127].

Наиболее актуальны для современного состояния экономики ДНР гл. 4 и 6 проекта закона: «Введение имущества частной формы собственности в хозяйственный оборот в случае непредоставления согласия собственником или его отсутствия» и «Государственная поддержка деятельности субъектов хозяйствования, созданных на основе имущества частной формы собственности, введенного в хозяйственный оборот» [6, с. 150]. Проект закона носит четко выраженную практическую направленность в условиях реалий экономики ДНР и до сих пор актуальности своей не утратил.

Необходимо отметить, что из п. 3 ст. 212 ГК РФ следует, что «особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, находится имущество в собственности гражданина или юридического лица, в собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, могут устанавливаться лишь законом», а в соответствии с п. «о» ст. 72 Конституции РФ гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации, то есть не может быть установлено нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, необходимо принять федеральный специальный нормативный правовой акт, в котором бы содержались временные положения об особенностях приобретения и прекращения права собственности на бесхозяйные вещи в новых субъектах Федерации.

Подводя итог, констатируем, что проблема введения имущества частной формы собственности в хозяйственный оборот на территории ДНР остается нерешенной и требует своего правового решения.

На наш взгляд, существует три подхода к решению вопроса собственности на вновь присоединенных территориях:

использовать наработки Республики Крым: для решения ситуации, связанной с выполнением социально-экономических задач новых субъектов РФ — Республи-

ки Крым и г. Севастополя, были приняты региональные нормативные правовые акты: Закон от 8 августа 2014 г. № 47-ЗРК «Об особенностях выкупа имущества в Республике Крым»¹ и Постановление Правительства г. Севастополя от 28 февраля 2015 г. № 118-пп «О некоторых вопросах национализации имущества»²;

инициировать принятие федерального законодательного акта общего характера для новых регионов РФ, на основании которого субъекты Федерации должны получить право осуществлять национализацию на своем уровне и иметь полномочия по регулированию порядка обращения в государственную собственность имущества частных лиц;

принять федеральный специальный нормативный правовой акт, в котором содержались бы временные положения об особенностях приобретения и прекращения права собственности на бесхозные вещи в новых субъектах Федерации.

Библиографический список

1. *Калугина Н. Н.* Роль собственности в механизме обеспечения экономической безопасности в трансформационный период: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2000. 20 с.
2. Экономическая безопасность предприятия: монография / А. К. Моденов, Е. И. Белякова, М. П. Власов, Т. А. Лелявина. СПб., 2019. 550 с.
3. *Андреева Г. Н.* Собственность в конституциях зарубежных стран XVIII–XX вв. М., 2009. 288 с.
4. *Хистева Е. В.* К вопросу создания государственного корпоративного сектора в Донецкой Народной Республике: сб. науч. работ. Сер.: Финансы, учет, аудит. 2020. № 1(17). С. 155–169.
5. *Ашурков О. А., Куш Л. И., Черкасская Н. В.* Концепция проекта закона «О введении имущества частной формы собственности в хозяйственный оборот» // Вестник института экономических исследований. 2016. № 3(3). С. 127–136.
6. *Ашурков О. А.* Основные тенденции формирования хозяйственного законодательства Донецкой Народной Республики // Вестник института экономических исследований. 2017. № 3(7). С. 139–155.

References

1. *Kalugina N. N.* The Role of Property in the Mechanism of Ensuring Economic Security During the Transformation Period: extended abstract diss. ... cand. of Law. Kazan, 2000. 20 p.
2. Economic Security of an Enterprise: monograph / A. K. Modenov, E. I. Belyakova, M. P. Vlasov, T. A. Lelyavina. St. Petersburg, 2019. 550 p.
3. *Andreeva G. N.* Property in the Constitutions of Foreign Countries of the 18th–20th Centuries. M., 2009. 288 p.
4. *Khisteva E. V.* On the Issue of Creating a State Corporate Sector in the Donetsk People's Republic // Collection of Scientific Works in the Series "Finance, Accounting, Audit". 2020. No. 1(17). P. 155–169.
5. *Ashurkov O. A., Kushch L. I., Cherkasskaya N. V.* Concept of the Draft Law "On the Introduction of Private Property into Economic Circulation" // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2016. No. 3(3). P. 127–136.
6. *Ashurkov O. A.* Main Trends in the Formation of Economic Legislation of the Donetsk People's Republic // Bulletin of the Institute of Economic Research. 2017. No. 3(7). P. 139–155.

¹ См.: URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/47z.pdf> (дата обращения: 16.07.2023).

² См.: URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank_zakonoproektov/i_sozyv_2017/pr_zak_19_421/ (дата обращения: 16.07.2023).

М. А. Андреева

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ
ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В ОТНОШЕНИИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ,
ПРИОБРЕТЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ
МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА**

Введение: растущая тенденция использования средств материнского (семейного) капитала для улучшения жилищных условий актуализирует необходимость урегулирования порядка и условий исполнения возлагаемой на владельца сертификата обязанности по выделению долей в жилом помещении, приобретенном за счет целевых средств, членам семьи для стабильности гражданского оборота. **Цель** — выявить пробелы действующего законодательства, проанализировать возможные пути их устранения. **Методологическая основа:** общенаучные и специально-правовые методы, в том числе системный, материалистический, формально-юридический. **Результаты:** обозначены методы преодоления пробелов в специальном законодательстве посредством судебной практики и разъяснений публично-правовых субъектов; выдвинуты предложения по устранению пробелов законодательного урегулирования. **Выводы:** необходимо комплексное разрешение возникающих на практике проблем исполнения и соблюдения законодательства об улучшении жилищных условий путем использования материнского (семейного) капитала.

Ключевые слова: купля-продажа, жилое помещение, средства материнского (семейного) капитала, отказ от выделения доли, состав семьи.

М. А. Andreeva

**PRACTICAL ASPECTS OF COMPLIANCE WITH LEGAL
REQUIREMENTS IN RELATION TO RESIDENTIAL PREMISES
ACQUIRED USING MATERNITY (FAMILY) CAPITAL**

Background: the growing trend of using of maternity (family) capital to improve housing conditions actualizes the need to streamline the procedure and conditions for fulfilling the obligation of the certificate holder to allocate shares in residential premises for stabilization of civil circulation. **Objective** — to identify the gaps in the current legislation, to analyze possible ways to overcome them. **Methodology:** general scientific and special legal methods, including: systemic, materialistic, formal-legal methods. **Results:** it is proved that judicial practice and clarifications of public law entities run gaps in special legislation, the author put forward proposals to eliminate the gaps in legislative regulation. **Conclusions:** the research conducted by the author demonstrates the need for a comprehensive solution to problems arising in practice regarding the implementation and compliance with legislation on the conditions for improving housing conditions through the use of maternal (family) capital.

Keywords: purchase and sale, residential premises, maternity (family) capital, refusal to allocate a share, family composition.

Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее — Социальный Фонд России)¹, за 2021 г. 1 281 471 семья распорядилась средствами (или частью) материнского (семейного) капитала; 741 657 семей направили указанный капитал на улучшение жилищных условий. В связи с этим в настоящее время в гражданском обороте присутствуют сотни тысяч жилых помещений, приобретенных с использованием средств материнского (семейного) капитала, собственники которых обязаны оформить их в общую долевую собственность членов семьи. Неисполнение такой обязанности нарушает права и законные интересы детей, что служит основанием для признания сделки купли-продажи такого помещения недействительной. Более того, покупатель не имеет возможности получить сведения о том, использованы в отношении приобретаемого жилого помещения средства материнского (семейного) капитала, независимо от воли продавца. Ввиду этого риск утраты покупателем приобретенного объекта недвижимости становится не только причиной краха положительного эмоционального восприятия от приобретения жилья, но и рушит стабильность гражданского оборота. Кроме того, в ходе предпродажной подготовки такого жилого помещения возникают трудности, связанные с неоднозначным толкованием отдельных положений действующего законодательства или вовсе отсутствием таковых. Таким образом, российское законодательство требует устранения пробелов правового регулирования последствий и порядка использования рассматриваемых целевых средств не только для защиты прав несовершеннолетних детей, но и для защиты интересов покупателей.

Проблему реализации положений Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»² освещали Т. Ю. Епифанцева, О. Н. Захарова, С. Ю. Чашкова, Н. Ю. Рассказова и другие правоведы, преимущественно исследуя вопрос определения круга лиц, которым подлежит выделение доли на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, в совокупности с моментом возникновения права собственности членов семьи на жилое помещение. Неоднократно изучаемая проблема служила предметом обсуждения проводимых правовым сообществом круглых столов, например проведенного Общественной палатой 30 ноября 2021 г. на тему «Правовые аспекты реализации права на материнский капитал: направления совершенствования законодательства». По результатам данных мероприятий в различные ведомства направлялись соответствующие резолюции, в том числе Общественной палатой Российской Федерации направлены в Государственную Думу и Правительство рекомендации о точечных поправках в законодательство об использовании материнского (семейного) капитала³.

В настоящее время факт использования средств материнского (семейного) капитала на приобретение жилого помещения может быть подтвержден или опровергнут посредством справок, выдаваемых банками, предоставившими кредит

¹ См.: Сведения о получении материнского (семейного) капитала. URL: <https://pfr.gov.ru/info/statistics/> (дата обращения: 16.04.2023).

² См.: СЗ РФ. 2007. № 1, ч. 1, ст. 19; 2024. № 1, ч. 1, ст. 63.

³ См.: Общественная палата предлагает нотариальную форму для сделок по маткапиталу. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/obshhestvennaya-palata-predlagaet-notarialnuyu-formu-dlya-sdelok-po-matkapitalu-2205> (дата обращения: 16.04.2023).

на приобретение соответствующей недвижимости, либо Социальным Фондом России. Однако, во-первых, не все банки предоставляют подобную услугу по выдаче справок; во-вторых, справки из Социального Фонда России (выписка из федерального регистра лиц, имеющих право на дополнительные меры государственной поддержки, о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал; выписка из финансовой части лицевого счета лица, имеющего право на дополнительные меры государственной поддержки) не содержат указание на характеристики конкретного объекта недвижимости, в отношении которого были использованы средства материнского (семейного) капитала (часть таких средств). Убедиться в этом возможно посредством запроса справок через личный кабинет сервиса «Гос.услуги» либо при прямом обращении в отделение Социального Фонда России. Отсутствие непосредственно у покупателя недвижимости возможности самостоятельно выяснить факт использования продавцом целевых средств перед заключением сделки служит существенным препятствием для принятия мер, позволяющих избежать негативных правовых последствий утаивания или несообщения продавцом сведений, подтверждающих такое использование. И такими негативными правовыми последствиями являются не только признание совершенной сделки недействительной, но и нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, а также публичных интересов. Во избежание таких последствий полагаем целесообразным предусмотреть механизм внесения особых отметок о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала в отношении конкретного объекта недвижимости в Единый государственный реестр недвижимости. Выдвигаемое предложение объясняется тем, что покупатель приобретает возможность самостоятельно, воспользовавшись знанием кадастрового номера, проверить факт использования целевых средств для покупки недвижимости, следовательно, заблаговременно предупредить соответствующие риски, а в глобальном смысле предотвратить умаление правопорядка в стране. Активная реализация государственной политики в направлении построения системы межведомственного электронного взаимодействия¹ может послужить базисом взаимообмена сведениями между Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и Социальным Фондом России.

Признаем, что применение подобной особой отметки приемлемо при условии, что указанные средства использованы на оплату «готового» жилого помещения: квартиры, комнаты, жилого дома. Но каким образом поступить, если предметом рекомендации выступает использование средств материнского (семейного) капитала для строительства жилого дома или для оплаты уступаемых прав требований по договору долевого участия в строительстве многоквартирного дома? Полагаем, что применительно к первому случаю особая отметка может быть внесена в отношении земельного участка, на котором планируется возведение жилого дома. В отношении второго случая возможно предусмотреть включение соответствующей информации в реестровое дело, что позднее, после постановки объекта на кадастровый учет найдет отражение в правоподтверждающих документах.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о допустимости отказа одного из членов семьи, в частности супруга или достигшего совершеннолетия первого (второго)

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗРФ. 2010. № 31, ст. 4179; 2024. № 1, ч. 1, ст. 56.

ребенка, от причитающейся ему доли в общей долевой собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала. Ни в специальном федеральном законе, ни в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий»¹ не содержится указания на то, что выражение воли члена семьи на отказ от доли в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского семейного капитала, влечет прекращение права на долю в этом жилом помещении. Необходимость формулирования исчерпывающего ответа на данный вопрос обусловлена желанием одного из членов семьи без дополнительных затрат отстраниться от участия в продаже соответствующего жилого помещения.

Ранее, суды положительно относились к возможности нотариального отказа от реализации права участвовать в определении доли в жилом помещении. Так, в решении Сысертского районного суда (Свердловская область) от 21 января 2015 г. по делу № 2-186/2015 было отказано в удовлетворении иска о признании недействительным нотариально удостоверенного отказа истца. Суд применительно к обстоятельствам рассмотренного дела сформулировал вывод о том, что «неоформление права собственности истца на долю в спорной квартире, приобретенной за счет таких средств, нормам Федерального закона РФ № 256-ФЗ не противоречит»². Валуйский районный суд (Белгородская область) в обосновании резолютивной части решения по делу № 2А-1059/2016 применил положение п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которой граждане приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе³. Однако в 2016 г. Верховный Суд Российской Федерации, ссылаясь на п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», указал на то, что «специально регулирующим соответствующие отношения федеральным законом определен круг субъектов, в чью собственность поступает жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала...»⁴. Отметим, что в деле, в рамках которого вынесено определение, не рассматривался вопрос допустимости отказа от доли. Вторым кассационным судом общей юрисдикции в Определении от 12 марта 2022 г. сформулирован вывод о признании юридической силы письменного отказа от выдела доли в праве собственности на рассматриваемое жилое помещение⁵.

На сайте Социального Фонда России в разделе «Гражданам/Материнский капитал/Вопросы» на вопрос о том, может ли супруг отказаться от доли квартиры, приобретаемой с помощью использования материнского (семейного) капитала, дан следующий ответ: «Да, он может отказаться от своей доли квартиры в пользу детей или Вас при оформлении долей в приобретенном (построенном, реконструирован-

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 51, ст. 6374; 2023. № 14, ст. 2438.

² См.: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DEFrLcKOZwxc/> (дата обращения: 02.04.2023).

³ См.: Решение от 13 октября 2016 г. № 2А-1059/2016 2А-1059/2016~М-1063/2016 М-1063/2016 по делу № 2А-1059/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2sTxWepKdRmd/> (дата обращения: 02.04.2023).

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 января 2016 г. № 18-КГ15-224. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26012016-n-18-kg15-224/> (дата обращения: 02.04.2023).

⁵ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. по делу № 88-2810/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ном) жилом помещении в регистрационной палате»¹. Отметим, что данный ответ не содержит нормативно-правового обоснования. К тому же полагаем некорректным указание на возможность отказа в пользу детей или супруги: подобный отказ не соответствует специальному целевому назначению рассматриваемой меры дополнительной поддержки. В связи с этим доля отказавшегося члена семьи равномерно увеличивает доли иных членов семьи, реализующих свое право на выделение долей. Полагаем безосновательным мнение о том, что к рассматриваемому юридическому действию применимо по аналогии положение ст. 1157 ГК РФ² о возможности отказа от доли с указанием лица, в пользу которого производится отказ [1, с. 18].

Возможно ли сослаться в сложившейся правовой ситуации на положение п. 2 ст. 9 ГК РФ, а именно отказ от осуществления права не влечет отказа от права? Специальное законодательство не содержит указания на отнесение рассматриваемой ситуации к исключению, предусмотренному указанным пунктом. На наш взгляд, применительно к указанному законодательному положению следует разграничивать два малоисследованных на настоящее время понятия — отказ от права и отказ от осуществления такого права. Полагаем, что последнее предусматривает воздержание от реализации охватываемых таким правом правомочий, которое логичным образом не влечет утрату такого права, а лишь условно вводит такое право в нейтральное состояние. А первому, наоборот, свойственно активное, намеренное, прямое и исчерпывающее выражение воли на прекращение имеющегося у лица субъективного права [2, с. 9; 3, с. 87]. К тому же положения ст. 9 ГК РФ не содержат указания на запрет отказа от права. Именно таким волевым актом применительно к исследуемой ситуации и выступает применяемый в правовых реалиях нотариальный отказ в регистрации отказа одного из членов семьи от выдела доли в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского капитала. К тому же в соответствии со ст. 1 ГК РФ осуществление гражданских прав осуществляется субъектами своей волей и в своем интересе.

Вероятность удовлетворения требований совершеннолетнего лица, формально и прямо выразившего свой отказ в выделении ему доли в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского капитала, на первый взгляд, не соответствует общему содержанию принципа добросовестности, именуемому в англосаксонской правовой системе принципом эстоппеля. Однако, на наш взгляд, следует отличать отказ от права и эстоппель. Во-первых, отказ от права ограничен содержанием односторонней сделки, а эстоппелю характерно поведение сторон сделки [4, с. 106]. Во-вторых, отказ от права является выбором субъекта модели собственного поведения, а эстоппель предполагает несоответствие ранее избранной субъектом модели поведения.

Разрешение вопроса о допустимости отказа совершеннолетнего лица от выдела доли в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского капитала, должно основываться на надлежащей квалификации правовых норм, устанавливающих правовые возможности членов семьи в силу использования средств материнского капитала. Согласно ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной

¹ См.: Официальный сайт Соцфонда России. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/msk/online_kons (дата обращения: 09.04.2023).

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2023. № 14, ст. 2378.

поддержки семей, имеющих детей» возникновение права на получение средств материнского капитала напрямую связано с рождением или усыновлением ребенка (детей). А само предоставление дополнительной меры государственной поддержки нацелено на создание условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь. Полагаем, что специальное целевое назначение средств материнского семейного капитала допускает выведение из сферы действия соответствующих норм совершеннолетних членов семьи посредством их прямого волеизъявления. К тому же последнее сопровождается увеличением доли несовершеннолетних членов семьи, иными словами, влечет улучшение их имущественного состояния.

Еще одним практическим аспектом исполнения требований законодательства в отношении объекта недвижимости, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала, является надлежащее определение круга лиц, обладающих правом на долю в жилом помещении. По положению п. 4 ст. 10 названного закона обладатель сертификата обязан оформить жилое помещение в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего и последующих детей) с определением размера долей по соглашению. Тем не менее положения закона не уточняют, на какой момент определяется необходимый круг лиц. «Защита интересов несовершеннолетних членов семьи продавца возможна в случае точного определения круга самих защищаемых» [5, с. 93]. Социальные взаимоотношения изменчивы, и именно это их свойство применительно к рассматриваемым правовым нормам должно быть учтено и установлено. Да и в целом дополнительная материальная поддержка напрямую связана с рождением в семье детей. Следовательно, логично, что если возникает вопрос о выделении долей в жилом помещении после фактического использования целевых средств, то должны быть учтены интересы всех детей¹.

Однако остается открытым вопрос в отношении бывшего супруга: определить участие такого лица следует с момента использования целевых средств или же на момент выделения долей? В ситуации, когда жилое помещение приобретается не только за счет средств материнского семейного капитала, но и за счет собственных средств супругов, но брачным договором произведен раздел совместно нажитого имущества, в соответствии с которым жилое помещение в части доли, оплаченной за счет собственных денежных средств, передается супруге, супругу может причитаться небольшая (незначительная) доля в праве собственности соразмерно сумме материнского (семейного) капитала. Если исходить из буквального содержания закона, то в том случае, когда брак расторгнут, а позднее подан иск о разделе совместно нажитого имущества, и в ходе судебного разбирательства будет установлен факт использования средств материнского семейного капитала, то выделение долей должно производиться без участия бывшего супруга. Однако судебная практика опровергает подобный вывод². Следовательно, есть основания утверждать о том, что состав членов семьи, по крайней мере, в отношении супруга или бывшего супруга, определяется на момент использования средств

¹ См.: Письмо ПФ РФ от 5 июля 2019 г. № СЧ-28-19/13781 «О реализации Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Решение от 14 мая 2020 г. № 2-172/2020 2-172/2020(2-5202/2019); М-4753/2019 2-5202/2019 М-4753/2019 по делу № 2-172/2020. URL: <https://sudact.ru/>; Решение № 2-2668/2019 2-2668/2019~М-2185/2019 М-2185/2019 от 16 августа 2019 г. по делу № 2-2668/2019. URL: <https://sudact.ru/>; Решение № 2-1495/2020 2-1495/2020~М-880/2020 М-880/2020 от 14 июля 2020 г. по делу № 2-1495/2020/. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 09.04.2023).

материнского капитала для улучшения жилищных условий, иными словами, является «не определенным, а определимым» [6, с. 107].

На наш взгляд, отсутствие примечаний в п. 4 ст. 10 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ применительно к статусу супруга предполагает действительное состояние семейного положения на момент оформления жилого помещения в общую долевую собственность, поэтому доли следует распределить из расчета суммы материнского (семейного) капитала между владельцем сертификата и детьми, факт расторжения брака создает правопрекращающий эффект.

Конституционный Суд Российской Федерации признавал необходимость включения в круг собственников жилья, приобретенного с использованием средств материнского капитала, супруга владельца сертификата, являющегося одновременно отцом одного из детей¹. Данное определение вынесено при ранее действовавшей редакции закона, однако применимо и в настоящее время. Полагаем целесообразным применять два критерия при определении круга лиц, которым необходимо выделить доли в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского семейного капитала: во-первых, статус члена семьи (супруга) на момент выделения долей, а во-вторых, кровное родство с ребенком или одним из детей или факт усыновления (удочерения). Отметим, что «преамбула Закона о маткапитале не изменилась, а при направлении средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий одной из факультативных целей, преследуемых данным Законом, является защита жилищных прав детей» [7, с. 44]. Такой подход, полагаем, устранил неясность в установлении круга лиц, обладающих правом общей долевой собственности, с учетом цели предоставления семейного (материнского) капитала.

Указанные спорные аспекты требуют комплексного рассмотрения и разрешения ввиду их взаимосвязанности. В настоящее время существует ряд правовых препятствий, с которыми сталкивается участник гражданского оборота, стремясь заключить сделку купли-продажи жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского семейного капитала. Несовершенство законодательного регулирования создает почву для существования различных позиций относительно реализации положений соответствующего законодательства, что может привести к многочисленным случаям нарушения прав и законных интересов отдельных лиц. С каждым годом увеличивающееся число выдаваемых сертификатов на выдачу средств материнского (семейного) капитала обуславливает необходимость устранения пробелов законодательства посредством учета сложившейся судебной практики и доктринальных изысканий представителей юридического сообщества.

В целях устранения возникающих на практике правовых проблем исполнения требований законодательства в отношении жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского семейного капитала, требуется законодательно закрепить следующие аспекты:

во-первых, придать факту приобретения жилого помещения посредством целевых средств, материнского (семейного) капитала свойство публичности,

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 431-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горбачевой Натальи Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части 1.3 статьи 10 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” и абзацем четвертым пункта 10(4) Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // СПС «КонсультантПлюс».

что минимизирует риск приобретения жилья с неисполненным обязательством по выделению долей;

во-вторых, регламентировать право совершеннолетнего лица, имеющего право на выделение доли в рассматриваемом жилом помещении, оформить письменный нотариальный отказ от предоставленного ему права;

в-третьих, установить определенный круг лиц, которым надлежит выделить доли, применительно к статусу супруга и бывшего супруга в жилом помещении, приобретенном с использованием средств материнского (семейного) капитала, применив в качестве критерия не только брачные отношения с владельцем сертификата, но и родство с детьми или их усыновление.

Библиографический список

1. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Выделение «детских» долей в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского капитала: проблемы теории и практики // Нотариус. 2021. № 6. С. 17–19.
2. Суханова Ю. В. Отказ от субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 170 с.
3. Власова Е. Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых порядках // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 85–97.
4. Якимова Е. С. Понятие и соотношение отказа от права и принципа эстоппель и их правовые последствия // Образование и право. 2020. № 4. С. 104–112.
5. Челноков Ю. Г. Подходы к определению момента возникновения и круга субъектов права собственности на жилое помещение, создаваемое либо приобретаемое по договору с использованием средств материнского капитала: в теории и на практике // Закон. 2021. № 1. С. 91–107.
6. Рассказова Н. Ю. Приобретение жилых помещений с использованием материнского (семейного) капитала // Закон. 2021. № 11. С. 104–115.
7. Чашкова С. Ю. Круг членов семьи, имеющих право на жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств материнского (семейного) капитала // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 43–47.

References

1. Zakharova O. N., Epifantseva T. Yu. Allocation of «Children's» Shares in a Dwelling Acquired Using the Maternity Capital: Issues of Theory and Practice // Notary. 2021. No. 6. P. 17–19.
2. Suhanova Yu. V. Refusal of Subjective Civil Rights: diss. ... cand. of Law. Samara, 2009. 170 p.
3. Vlasova E. D. The Institute of Waiver of Law: Application in Russian Law and in Foreign Legal Orders // Leningrad Law Journal. 2018. No. 1. P. 85–97.
4. Yakimova E. S. The Concept and Correlation of Renunciation of the Right and the Principle of Estoppel and Their Legal Consequences // Education and Law. 2020. No. 4. P. 104–112.
5. Chelnokov Yu. G. Approaches to Determining the Moment of Occurrence and the Range of Subjects of Ownership of Residential Premises Created or Acquired Under an Agreement Using Maternity Capital Funds: in Theory and Practice // Law. 2021. No. 1. P. 91–107.
6. Rasskazova N. Yu. Acquisition of Residential Premises Using of Maternity (Family) Capital // Law. 2021. No. 11. P. 104–115.
7. Chashkova S. Yu. The Circle of Family Members Entitled to Housing Acquired (Built, Reconstructed) Using Maternity (Family) Capital // Family and Housing Law. 2021. No. 4. P. 43–47.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-184-191
УДК 347.9

Д. А. Плотников

МЕСТО ПРИНЦИПОВ В СИСТЕМЕ КРИТЕРИЕВ СИСТЕМООБРАЗОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Введение: вопрос о критериях системообразования гражданского процессуального права в связи с одновременным действием сходных норм в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ является предпосылкой для обсуждения дальнейшего совершенствования системы гражданского процессуального права. **Цель** — обосновать использование наряду с предметом и методом отрасли принципов как обязательного дополнительного критерия системообразования гражданского процессуального права. **Методологическая основа:** общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и др. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о том, что традиционные критерии системообразования (предмет, метод) не являются единственными при определении системы отрасли гражданского процессуального права. **Выводы:** использование принципов как обязательного дополнительного критерия системообразования позволяет сделать вывод, что гражданское, административное и арбитражное судопроизводство выступают в качестве единых гражданских процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: отрасль права, предмет, метод, принципы, гражданское процессуальное право, критерии системообразования.

D. A. Plotnikov

THE PLACE OF PRINCIPLES IN THE SYSTEM OF CRITERIA FOR THE FORMATION OF CIVIL PROCEDURE LAW

Background: the question of criteria for the system formation of civil procedure law in connection with the simultaneous operation of similar norms in the CPC of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation is a prerequisite for discussing further improvement of the system of civil procedure law. **Objective** — substantiation of the use of principles along with the subject and method of the branch as an obligatory additional criterion for the system formation of civil procedural law. **Methodology:** scientific and special methods of cognition: analysis, synthesis, historical-legal, comparative-legal, formal-legal, etc. **Results:** the author's position is argued that the traditional criteria of system formation (subject, method) are not the only ones in determining the system of the branch of law. **Conclusions:** the use

© Плотников Дмитрий Александрович, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса (Вятский государственный университет); e-mail: plotnikowprawo@yandex.ru

© Plotnikov Dmitry Alexandrovich, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure (Vyatka State University)

of the principles as a mandatory additional criterion for system formation allows us to conclude that civil, administrative and arbitration proceedings act as unified civil procedural legal relations.

Keywords: *branch of law, subject, method, principles, civil procedure law, criteria of system formation.*

Проблема поиска оптимальных критериев системообразования отрасли является одной из тенденций в теории права. Более того, именно представители теории права обращают внимание на размывание отраслевого деления в российской системе права, в связи с чем обнаруживаются новые и ранее не известные отрасли (модное, миграционное, федеративное, градостроительное и другое право), что фактически «приводит к утрате четких границ между понятиями отрасли права, подотрасли права и института права» [1, с. 10]. «До сих пор ведутся споры о критериях дифференциации основных отраслей российского права, что говорит об отсутствии общепризнанной градации основных структурных подразделений права» [2, с. 74]. Результатом отсутствия научно-обоснованного критерия является внедрение в законодательство законов и кодексов, принимаемых без учета классификационного критерия по вопросу объединения правовых норм. С практической точки зрения это приводит к коллизиям однородной группы норм, размещенных в различных нормативных правовых актах. Например, в результате принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ открытым остается вопрос определения надлежащей судебной процедуры рассмотрения корпоративных споров с участием некоммерческих организаций. Как верно отмечено Е. С. Раздьяконовым, с одной стороны, саморегулируемая организация (СРО) арбитражных управляющих относится к некоммерческим организациям, но с другой стороны, СРО — это граждане, профессионально занимающиеся предпринимательской деятельностью. В связи с указанным обстоятельством возникает проблема разграничения процедуры рассмотрения споров с участием СРО [3, с. 281]. Исключение подобного рода дефектов связано с поиском оптимальных критериев системообразования гражданского процессуального права как одной из основных отраслей российского права.

Принятие 8 марта 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ² дополнительно усилило споры о содержании гражданского процессуального права. И если в 2013–2015 гг. можно было наблюдать стремление к обсуждению необходимости унификации посредством принятия проекта Единого гражданского процессуального кодекса, то после 2015 г. фактически начинается процесс дифференциации цивилистической процессуальной формы и оформление в самостоятельные отрасли наряду с гражданским процессуальным правом также административного процессуального права и арбитражного процессуального права.

В результате функционирования трех процессуальных кодексов цивилистического характера не решило всех проблем с обеспечением для граждан доступа к осуществлению правосудия по гражданским делам [4, с. 62]. Если ранее споры гражданско-правовой направленности разрешались в рамках единой

¹ См.: СЗ РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7523.

² См.: Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391; 2024. № 15, ст. 1967.

гражданской процессуальной формы, то тенденция по дифференциации не обеспечивает оперативность реализации права на судебную защиту. В. В. Ярков до начала процедуры объединения ВС РФ и ВАС РФ отмечал, что «сомнительным представляется довод о том, что объединение судов позволит решить проблему конфликтов компетенции. В этом случае в рамках единой судебной системы споры о подведомственности плавно трансформируются в споры о подсудности между различными судами» [5, с. 32]. В результате И. В. Решетникова верно отмечает, что «достаточно сравнить общую часть ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, виды пересмотра судебных актов и многое другое, и мы увидим если не дублирование нормативных положений, то их бесспорное сходство, что говорит в свою очередь о наличии признаков унификации» [6]. В связи с этим можно утверждать, что одновременное действие ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, а также включение гражданских процессуальных норм в иные кодифицированные акты материального права характеризуется неясностью критериального инструментария, используемого законодателем при принятии того или иного кодифицированного акта, а также наличием субъективных факторов [7, с. 86]. Осмысление данной тенденции «позволяет более точно моделировать развитие законодательства и судебной практики, готовить обоснованные предложения по их совершенствованию, в конечном итоге — способствовать формированию адекватной общественным потребностям и обладающей доверием общества системы цивилистического процесса и в целом системы гражданской юрисдикции» [5, с. 17].

Традиционно в доктрине среди критериев системообразования называются предмет и метод [8]. Отдельными авторами, например А. Б. Венгеровым, указывается, что «эти критерии хорошо работают лишь в сфере уголовного и гражданского права» [9, с. 157]. По мнению А. А. Шаповалова, «предмет правового регулирования является главным критерием для понимания природы, содержания отрасли права, поскольку он имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений» [10, с. 16].

Анализ учебной литературы по гражданскому процессуальному праву позволяет сделать вывод, что многие цивилисты-процессуалисты ограничиваются указанием на теорию права, в которой принято различать отраслевое деление системы права. А в качестве критериев называют предмет и метод. Однако дополнительные исследования по рассматриваемому вопросу свидетельствуют о том, что одной из тенденций является необходимость разработки использования дополнительных критериев системообразования.

Поиск факультативных критериев системообразования начал формироваться уже в советский период. С 70-х гг. XX в. идет расширение обязательных критериев системообразования гражданского процессуального права. В данный период окончательно закрепляется идея двубязательности критериев системообразования (предмет, метод), а также постепенно вводятся новые критерии системообразования (принципы, задачи и др.). Так, об этом писали В. М. Семенов [11, с. 17, 18], Е. А. Киримова [12, с. 158, 159], И. В. Решетникова [13, с. 51].

Изучение иных критериев системообразования гражданского процессуального права позволяет сделать вывод, что в научной литературе последних 30 лет отчетливо формируется система расширения критериев отрасли. В стремлении обозначать новизну, авторами все чаще предлагаются уникальные критерии. Однако уникальность критериев вовсе не означает их объективный характер

и не всегда может привести к построению цельной системы гражданского процессуального права. Примером тому является развернувшаяся дискуссия между М. К. Юковым и В. М. Шерстюком в 80-е годы XX в. В частности, М. К. Юков отмечал, что «одним из основных критериев объединения норм гражданского процессуального права в институты являются функции норм права, а не предмет правового регулирования» [14, с. 118, 119]. В. М. Шерстюк же доказывал, что именно предмет правового регулирования выступает основным критерием образования отрасли права [15, с. 11].

Среди иных критериев образования отрасли в юридической литературе называют особый субъектный состав, наличие кодифицированного акта [16, с. 16], цель и функции отрасли права, отраслевые принципы, источники отрасли, индивидуальный субъектный состав соответствующих правоотношений [17, с. 16, 62, 63], однородность характера отрасли гражданского и арбитражного процессуального права [18, с. 31], экономический или социальный характер для характеристики предмета, метода, юридических фактов, санкций и задач арбитражного судопроизводства [19, с. 280] и др. Из представленного списка дополнительных критериев образования отрасли качеством объективности обладают именно принципы. Критерием объективности может выступать историчность, которая как критерий объективности признается в философском познании. В частности, Л. В. Шиповалова отмечает, что «введение историчности в существо характеристик объектов науки не только не противоречит объективности знания о них, но конструктивно расширяет предмет и границы философского исследования феномена науки, открывая этому исследованию новые перспективы» [20, с. 46]. В связи с этим возникает необходимость рассматривать принципы отрасли как обязательный дополнительный критерий системообразования гражданского процессуального права.

С. В. Поленина в 1975 г., изучая особенности становления новой отрасли права, обратила внимание на то, что «важнейшим показателем превращения группы взаимосвязанных “пограничных” институтов в новую отрасль права должно служить появление новых, присущих только данной группе институтов, понятий и конструкций, а также формирование общей части, содержащей принципы и общие начала, распространяющееся в равной мере на все регламентируемые этой отраслью отношения» [21, с. 77]. В дальнейшем представители теории права развивали идею о принципах как критерии отраслеобразования, доказывая, что принципы имеют объективно-субъективную природу и являются надежным показателем качественного своеобразия конкретного нормативного правового образования в системе права, которое может свидетельствовать о специфичности предмета и метода правового регулирования определенных структурных подразделений системы права [22, с. 13].

Представители доктрины гражданского процессуального права также поддерживают идею о принципах как идентификационном признаке любой отрасли, например конституционное право. В советский период данная идея была обозначена Н. А. Чечиной [23, с. 478].

Современные исследователи также склоняются к идее о принципах как системообразующем элементе отрасли. О. В. Исаенкова верно отмечает, что «с помощью принципов права выстраивается модель отдельной отрасли права, которые придают ей целостность как правовой системе, в связи с чем достигает-

ся гармонизация внутриотраслевых и межотраслевых институтов» [24, с. 148]. Данную точку зрения разделяют такие авторы, как Д. Я. Малешин, Д. Х. Валеев. Другие исследователи не называют принципы системообразующими элементами, но фактически указывают на единство принципов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства (А. М. Гребенцов, Е. В. Слепченко, Е. Г. Потапенко и др.).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) принципы отрасли права выступают в качестве объективной категории. Объективность как философско-правовая категория может раскрываться через категорию «историчность». Это, в свою очередь, означает, что если исследуемая правовая категория прошла испытание временем в различных исторических условиях, то за ней можно признать качество объективности. Принципы гражданского процессуального права используются исследователями независимо от общественно-политического устройства Российского государства (начиная с XIX в. по настоящее время), принадлежности к научным школам гражданского процесса. Судебная практика (особенно кассационных судов общей юрисдикции) свидетельствует о признании принципов (даже не закрепленных в законе) как правовой категории. В связи с этим развитие принципов демонстрирует признание их со стороны науки и законодателя как объективного явления;

2) принципы отрасли наряду с предметом и методом представляют собой системообразующие константы гражданского процессуального права. Основанием закрепления за принципами обязательного дополнительного критерия образования отрасли выступает то обстоятельство, что предмет отрасли не решает проблему определения содержания отрасли права. Применительно к гражданскому процессу сложилась уникальная ситуация, в рамках которой исследователи не могут прийти к научному компромиссу о содержании предмета отрасли гражданского процессуального права. Результатом отсутствия согласия по содержанию такого фундаментального критерия, как предмет отрасли гражданского процессуального права, является предпосылка формализации законодателем сходных общественных отношений посредством одновременного действия ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. Параллельное действие указанных процессуальных кодексов не свидетельствует о повышении гарантий для участников гражданского судопроизводства, а в некоторых случаях, наоборот, выступает препятствием для определения надлежащей судебной процедуры восстановления нарушенного права. Несмотря на то, что указанная ситуация имеет место не первое десятилетие, наука гражданского процессуального права осторожно подходит к необходимости расширения критериального набора для определения отрасли права. Вместе с тем с целью более корректного определения содержания общественных отношений возникает необходимость разработки системы обязательного и факультативного характера критериев отрасли права;

3) закрепление принципов как обязательного дополнительного критерия позволит ответить на вопрос о том, насколько обосновано законодателем выбран путь по признанию существования сходных отраслей законодательства (гражданское процессуальное, арбитражное процессуальное и административное процессуальное). Закрепление на уровне Конституции РФ в качестве отдельных видов судопроизводств гражданского, административного и арбитражного и принятие соответствующих кодексов не является подтверждением самостоя-

тельности указанных категорий как отраслей права. Отказ законодателя от определения принципов в ГПК РФ и АПК РФ и включение дублирующих принципов в КАС РФ способствует утверждению, что формирование указанных правовых образований в российской системе права осуществлено без учета основных начал цивилистического судопроизводства. Такое расщепление гражданских процессуальных правоотношений на три отрасли законодательства свидетельствует о том, что отраслевая доктрина не учитывает, что идентификационными признаками самостоятельной отрасли права выступают не только предмет и метод, но и принципы. В противном случае наличие одинаковых принципов в условиях разных по содержанию предмета сходных отраслей права приводит к внутреннему конфликту между указанными критериями системообразования, так как использование в сходных отраслях права инструментария правового регулирования в виде единой системы принципов вступает в противоречие с сущностью каждой из отраслей права. С учетом указанного обстоятельства вполне обоснованной представляется система обязательных критериев системообразования, одновременно охватывающая использование предмета, метода и принципов как обязательный идентификационный признак любой отрасли права. В связи с тем, что в гражданском, арбитражном и административном процессуальном праве набор принципов не характеризуется уникальностью их состава и содержания, то исходим из необходимости признания трансформации указанных отраслей права в единую отрасль гражданского процессуального права. Следовательно, на современном этапе развития общественных отношений принципы отрасли приобретают не только роль основных начал организации гражданского судопроизводства, но и трансформируются в более высокую правовую категорию как обязательный дополнительный критерий системообразования гражданского процессуального права.

Библиографический список

1. Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
2. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 53–75.
3. Раздьяконов Е. С. К вопросу о разграничении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов по корпоративным спорам // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сб. докладов на I Междунар. науч. конф. памяти М. К. Треушникова (Москва, 9 февраля 2022 г.) / под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 281–283.
4. Борисова Е. А. ГПК РФ — двадцать лет действия // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сб. докладов на II Междунар. науч. конф. памяти М. К. Треушникова (Москва, 9 февраля 2023 г.) / под ред. В. В. Молчанова. М., 2023. С. 55–63.
5. Ярков В. В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 17–53.
6. Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.
7. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. М.: Проспект, 2010. 264 с.
8. Петров Д. Е. Отрасль права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 205 с.
9. Венгеров А. Б. Теория государства и права: часть 2. Теория права. Т. 1. М.: Юристъ, 1996. 167 с.

10. *Шапвалов А. А.* Отрасль современного российского права (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2016. 21 с.
11. Гражданское судопроизводство: учеб. пособие / под ред. В. М. Семенова. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1974. 323 с.
12. *Киримова Е. А.* О системообразующих критериях права РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5. С. 151–165.
13. *Решетникова И. В., Царегородцева Е. А.* Предмет гражданского процессуального права: историко-правовой анализ // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 50–60.
14. *Юков М. К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права / отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Статут, 2019. 316 с.
15. *Шерстюк В. М.* Основные проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989. 44 с.
16. *Мохов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю.* Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А. А. Мохов. М.: Контракт, 2017. 382 с.
17. *Свирин Ю. А.* Исполнительное право в системе российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 38 с.
18. *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права: современные проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 430 с.
19. *Лазарев С. В.* О самостоятельности арбитражного процессуального права // Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра. LiberAmicorum. В честь профессора И. В. Решетниковой / отв. ред. В. А. Бублик. М.: Городец, 2023. С. 264–295.
20. *Шиповалова Л. В.* Научная объективность в исторической перспективе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2014. 51 с.
21. *Поленина С. В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.
22. *Уфимцева Е. В.* Отраслеобразование в современном российском праве: доктринальные основы и критерии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 36 с.
23. *Чечина Н. А.* Избранные труды по гражданскому процессу / сост. Е. Ю. Новиков, Н. С. Лосев; предисл. Н. М. Кропачев, С. А. Белов, Т. И. Яковлева, И. А. Тур, М. И. Горлачева. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 655 с.
24. *Исаенкова О. В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 380 с.

References

1. *Golovina A. A.* Criteria for the Formation of Independent Branches in the System of Russian Law: extended abstract ... of cand. of Law. M., 2012. 34 p.
2. *Tonkov E. E., Sinenko V. S.* Complex Branches of Law: a Fruitful Idea or a Rejection of Formal Certainty in Legal Science? // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2016. No. 2. P. 53–75.
3. *Razdiakonov E. S.* On the Issue of Delineating the Competence of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts in Corporate Disputes // The Study of Civil Procedure: Present and Future: a collection of reports at the I International Scientific Conference in memory of M. K. Treushnikov (Moscow, February 9, 2022) / ed. by V. V. Molchanov. M., 2022. P. 281–283.
4. *Borisova E. A.* GPK RF — Twenty Years of Action // The Doctrine of Civil Procedure: Present and Future: Collection of reports at the II International Scientific Conference in memory of M. K. Treushnikov (Moscow, February 9, 2023) / ed. by V. V. Molchanov. M., 2023. P. 55–63.
5. *Yarkov V. V.* The Development of the Civil Process in Russia: Specific Issues // Bulletin of the Civil Procedure. 2011. No. 1. P. 17–53.
6. *Reshetnikova I. V.* Modern Procedural Law: Unification or Differentiation? // Bulletin of the Civil Procedure. 2020. No. 2. P. 32–52.

7. *Gromoshina N. A.* Differentiation, Unification and Simplification in Civil Proceedings. M.: Prospect, 2010. 264 p.
8. *Petrov D. E.* Branch of Law: diss. ... cand. of Law. Saratov, 2001. 205 p.
9. *Vengerov A. B.* Theory of State and Law: Part II. Theory of Law. Vol. I. M.: Jurist, 1996. 167 p.
10. *Shapovalov A. A.* Branch of Modern Russian Law (Theory Issues): extended abstract dis. ... cand. of Law. Belgorod, 2016. 21 c.
11. Civil Proceedings: Studies. the Manual / ed. by V. M. Semenov. Sverdlovsk: Sverdl. Law in-t, 1974. 323 p.
12. *Kirimova E. A.* On the System-Forming Criteria of the Law of the Russian Federation // Izvestia of Higher Educational Institutions. Law Studies. 2002. No. 5. P. 151–165.
13. *Reshetnikova I. V., Tsaregorodtseva E. A.* The Subject of Civil Procedural Law: Historical and Legal Analysis // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2021. No. 12. P. 50–60.
14. *Yukov M. K.* Theoretical Problems of the System of Civil Procedural Law / ed. V. V. Zaitsev. M.: Statute, 2019. 316 p.
15. *Sherstyuk V. M.* The Main Problems of the Civil Procedural Law System: extended abstract diss. ... Doc. of Law. M., 1989. 44 p.
16. *Mokhov A. A., Vorontsova I. V., Semenova S. Yu.* Civil Procedure (Civil Procedural Law) of Russia: textbook / ed. by A. A. Mokhov. M.: CONTRACT, 2017. 382 p.
17. *Svirin Yu. A.* Executive Law in the System of Russian Law: diss. ... Doc. of Law. M., 2012. 38 p.
18. *Fursov D. A.* The Subject, System and Basic Principles of Arbitration Procedural Law: Modern Problems of Theory and Practice: diss. ... Doc. of Law. M., 2000. 430 p.
19. *Lazarev S. V.* On the Independence of Arbitration Procedural Law // Civil Process: Yesterday, Today, Tomorrow. LiberAmicorum. In honor of Professor I. V. Reshetnikova / ed. V. A. Bublik. M.: Gorodets, 2023. P. 264–295.
20. *Shipovalova L. V.* Scientific Objectivity in the Historical Perspective: extended abstract ... Doc. of Philosophy. St. Petersburg, 2014. 51 p.
21. *Polenina S. V.* Complex Legal Institutions and the Formation of New Branches of Law // News of Higher Educational Institutions. Law Studies. 1975. No. 3. P. 71–79.
22. *Ufimtseva E. V.* Industry Education in Modern Russian Law: Doctrinal Foundations and Criteria: extended abstract diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 2017. 36 p.
23. *Chechina N. A.* Selected Works on Civil Procedure / comp. E.Yu. Novikov, N. S. Losev; preface N. M. Kropachev, S. A. Belov, T. I. Yakovleva, I. A. Tour, M. I. Gorlacheva. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. Unita, 2021. 655 p.
24. *Isaenkova O. V.* Problems of Enforcement Law in Civil Jurisdiction: dis. ... Doc. of Law. Saratov, 2003. 380 p.

И. В. Ширкова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

Введение: использование результатов интеллектуальной деятельности, в частности изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, в экономическом обороте содействует научно-техническому прогрессу, который является важнейшим фактором развития человеческого общества, поэтому в современных условиях особую актуальность представляет механизм обеспечения защиты интеллектуальных прав для улучшения возможностей жизнедеятельности человека и общества. **Цель** — рассмотреть нормативно-правовую базу, обеспечивающую охрану определенных объектов промышленной собственности и защиту интеллектуальных прав правообладателей. **Методологическая основа:** диалектический метод, представляющий комплексное взаимодействие теоретической дедукции и эмпирической индукции, единство анализа и синтеза позволили проанализировать сущность обеспечения защиты патентных прав. **Результаты:** аргументирована сущность исключительных патентных прав; рассмотрены основания применения гражданско-правовой ответственности как мера защиты патентных прав, а также виды имущественной ответственности за нарушение патентных прав. **Выводы:** анализ гражданского законодательства позволил определить, что исключительным патентным правам хозяйствующих субъектов на договорной основе необходима правовая защита.

Ключевые слова: объекты патентных прав, интеллектуальные права, исключительные права, права правообладателя патентных прав.

I. V. Shirkova

ENSURING CIVIL LEGAL PROTECTION PATENT RIGHTS

Background: the use of the results of intellectual activity, in particular inventions, utility models, industrial designs in economic turnover, contribute to scientific and technological progress, which is the most important factor in the development of human society, therefore, in modern conditions, the mechanism of ensuring the protection of intellectual rights to improve the possibilities of human and social life is of particular relevance. **Objective** — to analyze the regulatory framework that ensures the protection of certain objects of industrial property and the protection of intellectual rights of copyright holders. **Methodology:** the use of the dialectical method, which represents a complex interaction of theoretical deduction and empirical induction, the unity of analysis and synthesis, made it possible to comprehensively study the essence of patent rights protection. **Results:** the essence of exclusive patent rights is argued; the grounds for the application of civil liability as a measure of patent rights protection are considered; the types of property liability for patent infringement. **Conclusions:** the analysis of civil legislation determined the provision of legal protection of exclusive patent rights of economic entities on a contractual basis.

Keywords: objects of patent rights, intellectual property rights, exclusive rights, rights of the copyright holder of patent rights.

© Ширкова Ирина Владимировна, 2024

Кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и политических наук (Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского); e-mail: i-shirkova@yandex.ru

© Shirkova Irina Vladimirovna, 2024

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Political Sciences (Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky)

Особенность и неоднозначность объектов интеллектуальной собственности в том, что при всей различности — и по природе создания, и по возможности пользования — все они нематериальные блага творческой деятельности, только одни объекты созданы на основе знаний и опыта, другие — на основе информации, которая не содержит творческих результатов деятельности человека. Разнородность объектов творческой деятельности порождает и различность в правовом обеспечении их охраны: группа объектов, основанная на формальной сущности (произведения науки, литературы и искусства), охраняется, не требуя соблюдения каких-либо законодательных условий, с момента выхода в свет, в течение всей жизни автора и спустя 70 лет после его смерти; группа объектов, связанная с идентификацией юридического лица в процессе реализации хозяйственной деятельности с целью охраны средств индивидуализации юридического лица, товаров, работ или услуг (товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения, географические указания, наименования мест происхождения товаров), охраняется после их государственной регистрации; группа объектов, основанная на содержательной сущности (охрана технических решений, представляющих коммерческую ценность для экономического оборота), охраняется при условии получения охранного документа (патента), сроком 10–20 лет. Охрана этих объектов направлена на борьбу с незаконным их использованием посредством введения потребителя в заблуждение.

Проанализируем объекты патентного права, принимая во внимание правовую регламентацию охраны интеллектуальной собственности и защиты исключительных прав на данные объекты.

Интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы являются патентными правами. Автору изобретения, полезной модели, селекционного достижения или промышленного образца принадлежат право авторства и исключительное право.

Право авторства — это составляющая личных неимущественных прав, которым присуща неотчуждаемость, непередаваемость и бессрочность охраны.

Исключительные права подтверждаются патентом и позволяют правообладателю использовать объекты патентного права по своему усмотрению, в пределах, установленных законом. В отличие от неимущественных прав, эти права могут передаваться другому лицу правообладателем в договорном порядке или в порядке универсального правопреемства.

Распоряжение исключительными правами предусматривает не только непосредственное использование объектов патентного права, но и опосредованное их использование, например изготовление, применение, продажа или другое применение продукта, в котором использованы объекты патентного права либо продукты, полученные непосредственно запатентованным способом, а также эксплуатация устройства с использованием запатентованного способа или применение продукта по определенному назначению, указанному в формуле изобретения, либо применение способа, в котором используется изобретение, в том числе путем применения этого способа. Необходимо отметить, что инициатива распространения исключительных прав исходит только от правообладателя на использование объектов патентного права в продукте, способе или изделии.

Можно констатировать, что сущность исключительного права заключается в самостоятельном использовании правообладателем охраняемых объектов

интеллектуальной собственности либо самостоятельном определении возможности или невозможности использования этих объектов другими лицами. Инициатива правообладателя по предоставлению полномочий использования объектов интеллектуального труда другими лицами отражается, как правило, в договорных отношениях. Невозможность использования, другими словами запрет, осуществляется правообладателем, а не иным лицом, а значит право запрета является абсолютным. Правообладатель исключает из круга лиц, которые вправе использовать охраняемый объект, то есть это право исключительное [1]. Следовательно, если объекты патентного права используются без согласования с правообладателем, то речь идет о нарушении исключительного права, требующего защиты.

Гражданским законодательством предусмотрены требования, путем предъявления которых обеспечивается защита, а именно о признании права, пресечении действий, нарушающих право или создающих его нарушения, о возмещении убытков, которые подразумевают как действительный ущерб, так и неполученные доходы, об изымании продукта или изделия, о публичности решения суда о нарушении с указанием действительного правообладателя и др.

Защита патентных прав обеспечивается гражданско-правовыми, административными и уголовными средствами.

По мнению Н. А. Кулакова и М. В. Савельева, административные средства являются более эффективными, так как обеспечивают защиту патентных прав, поскольку не имеют долгосрочной процессуальной процедуры оформления, а также возможности применения прецедентного права при рассмотрении аналогичных гражданских споров. Тем не менее административная нормативно-правовая «пробельность» в сфере регулирования вопросов патентного права не позволяет реализовывать данный вид ответственности в необходимой для общества мере [2]. Только ограниченный круг споров рассматривается в административном порядке [3].

Административная и уголовная ответственность применяются за наиболее серьезные нарушения патентных исключительных прав. Ввиду частого нарушения в сфере патентного права наиболее приемлемой является гражданско-правовая ответственность, которая выражается в определенных лишениях или дополнительных обязательствах в отношении правонарушителя.

Гражданская ответственность применяется при наличии следующих оснований: противоправность (противозаконность) деяния, причинная связь между противоправным поведением и причинением вреда, наличие вины правонарушителя.

Как было указано ранее, делегирование использования объектов патентного права принадлежит исключительно правообладателю, поэтому противоправность деяния в патентном праве — это использование объектов патентных прав без его согласия, то есть речь идет о нарушении его исключительных прав.

Однако следует иметь в виду предусмотренные законом действия, которые выводят за скобки нарушения исключительных прав (ст. 1359 ГК РФ¹), а именно:

1) если при эксплуатации для нужд транспортных средств или космической техники иностранных государств применяется продукт с использованием объ-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изм. от 5 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496, 2022. № 50, ч. 3, ст. 8797.

ектов патентного права при условии временного или случайного нахождения на территории РФ;

2) если в процессе исследования продукта, способа или изделия используется изобретение, полезная модель или промышленный образец соответственно;

3) если в результате чрезвычайных обстоятельств используются объекты патентных прав при условии уведомления патентообладателя и выплаты ему компенсации;

4) если объекты патентных прав используются в личных или иных целях, то есть их деятельность не направлена на извлечение прибыли;

5) если в аптеках по рецептам врачей разово изготавливаются лекарственные средства с использованием изобретения.

Второй элемент состава гражданского правонарушения — наличие убытков. Под убытками подразумевается не только реальный ущерб, то есть расходы, которые понесет потерпевшая сторона для восстановления нарушенного права, связанного с утратой или повреждением имущества, но и упущенная выгода, неполученные доходы, на которые лицо рассчитывало, если бы его право не было нарушено.

Возмещение убытков относится к общей форме гражданско-правовой ответственности, следовательно, при нарушении патентных прав применяются общие нормы гражданского законодательства. Однако необходимо учитывать тот факт, что особенностью патентных прав является их нематериальная природа, в связи с чем под возмещение убытков подпадает не реальный ущерб, поскольку творческий результат невозможно утратить или повредить, а упущенная выгода. Наиболее часто споры о защите патентных прав связаны именно с возмещением убытков [4].

Имущественная ответственность за нарушения патентных прав предусмотрена в виде возмещения убытков (п. 3 ч. 1 ст. 1252 ГК РФ) или выплаты компенсации (ч. 3 ст. 1252 ГК РФ). В Гражданском кодексе РФ выплата компенсации рассматривается как альтернативная мера ответственности, то есть правообладатель вправе самостоятельно выбрать вид ответственности. Постановление Конституционного Суда от 24 июля 2020 г. № 40-П¹ фиксирует отсутствие в указанном Кодексе взаимосвязи взыскания компенсации и наличия убытков. В абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ предусмотрено освобождение правообладателя, обратившегося за защитой права, от доказывания размера причиненных ему убытков, это означает, что компенсация при наличии самих убытков не ограничивается их размером, то есть возможно взыскание, размер которого превысит размер убытков. Компенсация включает несколько структурных элементов, таких как восстановление нарушенных прав правообладателя и штрафную санкцию, что подразумевает превышение размера компенсации, чем предполагаемая упущенная выгода по договору о передаче права на использование объекта.

Как уже было указано, к мерам гражданско-правовой ответственности относится и изъятие незаконно используемого продукта или изделия, в котором воплощены объекты патентных прав. Это требование предъявляется к недо-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // СЗ РФ. 2020. № 32, ст. 5362.

бросовестному приобретателю, то есть к лицу, которое знало или должно было знать о неправомерном воплощении объектов патентных прав и предмете или изделии, которое им приобреталось.

Как правило, гражданско-правовая ответственность применяется при наличии вины нарушителя (ч. 3 ст. 1250 ГК РФ). В гражданском праве действует презумпция вины, поэтому лицо, подозреваемое в нарушении интеллектуальных прав, считается виновным до тех пор, пока не докажет свою невиновность.

В отношении некоторых субъектов хозяйствования, осуществляющих предпринимательскую деятельность (юридические лица, индивидуальные предприниматели, а также лица, осуществляющие профессиональную деятельность на основании разрешительных документов (лицензии и свидетельства о регистрации)), меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению независимо от вины нарушителя, кроме случаев доказанности непреодолимой силы.

Что касается субъектов защиты патентных прав, то патентообладателем может быть физическое лицо. В случае, если изобретение, полезная модель или промышленный образец используется хозяйствующим субъектом, то передача исключительных прав автора должна быть осуществлена на основании лицензии, следовательно, патентообладателем в данном случае будет юридическое лицо.

Помимо рассмотренных способов защиты исключительных патентных прав, закрепленных Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом «О защите конкуренции» (далее — Закон) установлен еще один из способов защиты патентных прав, если такие нарушения подпадают под категорию «недобросовестная конкуренция»¹. Под недобросовестной конкуренцией понимаются действия лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, не соответствующие обычаям делового оборота и российскому законодательству, способствующие причинению ущерба и нанесению вреда деловой репутации другим субъектам хозяйствования. В случае, если эти действия не были согласованы с патентообладателем, Законом предусмотрены ограничения на определенные действия по продаже, обмену или иному введению в оборот товара. По справедливому замечанию Н. Е. Шакуновой, необходимо помнить о законодательно закрепленных случаях нераспространения исключительных прав (право преждепользования, право слепопользования, принцип исчерпания прав), а также о том, что действие исключительных патентных прав зависит от своевременной ежегодной оплаты госпошлины, при отсутствии которой прекращается их действие [5].

Таким образом, установленные требования Закона распространяются и в отношении заявителя, и в отношении нарушителя, а именно на субъектов хозяйствования, представленных юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, а также лицами, осуществляющими профессиональную деятельность на законных основаниях.

Учитывая сказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Характерной сущностью исключительного права является обладание автором абсолютным правом определять круг лиц, допускаемых к использованию охраняемых объектов патентного права, то есть властным правомочием

¹ См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434; 2023. № 29, ст. 5319.

исключаются лица, не имеющие права реализовывать объекты творческой деятельности автора.

2. Защита исключительных патентных прав обеспечивается для субъектов хозяйствования (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей), а также лиц, осуществляющих профессиональную деятельность на основании государственной регистрации или лицензии в гражданско-правовом порядке, поскольку распоряжение исключительным правом связано с использованием объектов патентного права в продукте, способе или изделии для реализации в гражданском обороте.

3. Защита патентных прав авторов ограничивается личными неимущественными правами, так как о нарушении исключительного права автор узнает только при использовании объекта в предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. *Гаврилов Э. П.* Как развивается право интеллектуальной собственности в России? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 1. С. 23–28.
2. *Кулаков Н. А., Савельева М. В.* Соотношение административно-правовых и гражданско-правовых средств защиты патентных прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 76–82.
3. *Васильева Е. Н.* Юрисдикционная форма защиты в области патентного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 25–43.
4. *Изотова К. А.* Защита прав патентообладателя // Меридиан. 2020. № 3(37). С. 300–302.
5. *Шакунова Н. Е.* Защита исключительных патентных прав в соответствии с антимонопольным законодательством // Экономика. Право. Инновации. 2016. № 2. С. 43–46.

References

1. *Gavrilov E. P.* How is Intellectual Property Law Developing in Russia? // Patents and Licenses. Intellectual Property Rights. 2021. No. 1. P. 23–28.
2. *Kulakov N. A., Savelyeva M. V.* Correlation of Administrative-Legal and Civil-Legal Means of Patent Rights Protection // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4(84). P. 76–82.
3. *Vasilyeva E. N.* The Jurisdictional Form of Protection in the Field of Patent Law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 12, no. 6. P. 25–43.
4. *Izotova K. A.* Protection of the Rights of the Patent Holder // Meridian. 2020. No. 3(37). P. 300–302.
5. *Shakunova N. E.* Protection of Exclusive Patent Rights in Accordance with Antimonopoly Legislation // Economy. Law. Innovation. 2016. No. 2. P. 43–46.

С. С. Пастухова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ МЕЖДУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ИСТЦОМ И ЕГО ЗАКОННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

Введение: возможность предъявления иска несовершеннолетним к своим законным представителям обусловлена нарушением последними родительских обязанностей. Если ребенок не получает должной заботы и защиты своих прав и законных интересов со стороны родителей, он вынужден искать юридическую защиту. В этих случаях можно говорить о внутрисемейном конфликте, и судебное решение при разрешении таких споров будет иметь определенные последствия для несовершеннолетнего и его законных представителей. Актуальность темы обусловлена тем, что при рассмотрении каждого конкретного дела, где инициатором спора по отношению к своим законным представителям выступает несовершеннолетний, судья должен предложить альтернативные способы урегулирования спора, которые в настоящее время находятся в стадии активного развития. **Цель** — рассмотреть альтернативные способы урегулирования спора, а именно медиацию и судебное примирение, определить, какая примирительная процедура в наибольшей степени отвечает интересам несовершеннолетнего истца. **Методологическая основа:** исследование проведено с помощью общенаучных и частнонаучных методов познания. **Результаты:** при рассмотрении конфликта между несовершеннолетним и его законными представителями судья должен предпринять попытку урегулировать семейный конфликт мирным способом, предложить конфликтующим сторонам пройти процедуру судебного примирения, а не медиации. **Выводы:** судебное примирение в отличие от медиации в наибольшей степени отвечает интересам несовершеннолетнего при урегулировании конфликта с законными представителями.

Ключевые слова: несовершеннолетние, законные представители, гражданский процесс, медиация, судебное примирение.

S. S. Pastukhova

ALTERNATIVE METHODS OF RESOLVING DISPUTES BETWEEN A MINOR PLAINTIFF AND HIS LEGAL REPRESENTATIVES

Background: the possibility of minors filing a claim against their legal representatives is due to the latter's violation of their parental responsibilities; if the child does not receive proper care, respect for his rights and legitimate interests on the part of his parents, he is forced to seek legal protection of his violated rights and interests. In these cases, we can talk about an intra-family conflict, and a court decision in resolving such disputes will have certain consequences for the minor and his legal representatives. The relevance of the topic is due to the fact that when considering each specific case, where the initiator of the dispute in relation to his legal representatives is a minor, the judge must offer alternative ways to resolve the dispute. **Objective** — to consider alternative

© Пастухова Светлана Сергеевна, 2024

Соискатель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: s-kelareva@mail.ru

© Pastukhova Svetlana Sergeevna, 2024

Applicant Degree at the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

*methods of dispute resolution, such as mediation and judicial conciliation, to determine which conciliation procedure is most in line with the interests of the minor plaintiff. **Methodology:** the study was conducted using general scientific and special scientific research methods. **Results:** the judge in each specific case, when considering a conflict between a minor and his legal representatives, must make an attempt to resolve the family conflict in a peaceful way, offer the conflicting parties to undergo the procedure of judicial reconciliation, rather than mediation. **Conclusions:** judicial reconciliation, in contrast to mediation, best suits the interests of a minor when resolving a conflict with legal representatives.*

Keywords: minors, legal representatives, civil process, mediation, judicial reconciliation.

Актуальность темы обусловлена социальной важностью вопроса об альтернативных способах урегулирования спора с участием несовершеннолетнего истца, в котором ответчиками являются его законные представители.

Главным направлением политики любого современного и развитого государства выступает защита семейных прав и свобод, так как именно семья является главной ячейкой общества. Российская Федерация, следуя требованиям международно-правовых актов в области прав ребенка¹, признает последнего самостоятельным участником правовых отношений.

Конституцией РФ² гарантируется, что семья материнство и детство находятся под защитой государства. Эта защита обеспечивается различными формами, в том числе судебной.

В ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ³ (далее — ГПК РФ) указано, что в случаях, предусмотренных федеральным законом по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы, то есть для самостоятельного обращения в суд ребенка в возрасте от 14 до 18 лет необходимо прямое указание закона.

Несомненно, ребенок обладает определенным набором прав (на образование, воспитание, материальную поддержку и т.д.) и, если его права нарушаются, имеет возможность отстаивать свои интересы, в том числе в суде. Реализовывать права детей в первую очередь должны их законные представители. А если родители (или один из родителей) злоупотребляют своими правами? Важно отметить, что предъявление в судебном порядке требований детей к родителям является исключительным способом защиты. Данная возможность существует для того, чтобы обеспечить защиту и благополучие детей в тех случаях, когда они оказываются в экстремальных ситуациях и не способны защитить себя самостоятельно. Например, в Нижнем Новгороде подросток предъявил в суд иск к своим родителям, указав в исковом заявлении требование лишить их родительских

¹ См., например: Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI; Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 12-14.

² См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

³ См.: «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) // Российская газета. 2002. 20 ноября; 2023. 26 июня.

прав, так как те продолжительное время не занимались его воспитанием и даже не знали о его месте жительства, вели аморальный образ жизни и не вспоминали о ребенке. Мать требования истца признала, а отца найти так и не удалось. Суд иск удовлетворил, родители были лишены родительских прав и до совершеннолетия истца в его пользу были присуждены алименты¹.

Семейным кодексом РФ² (далее — СК РФ) предусмотрено, что с 14 лет несовершеннолетний может подать заявление к родителям (одному из них), если они недобросовестно относятся к его воспитанию, злоупотребляют родительскими правами, или подать иск к усыновителям об отмене усыновления.

Таким образом, по перечисленным категориям дел имеет место внутрисемейный конфликт, так как истцом является несовершеннолетний, а ответчиками выступают его законные представители. Сложность таких дел обуславливается еще и тем, что несовершеннолетний чаще всего проживает с законными представителями совместно, следовательно, зависит от них материально и психологически. Предъявление иска несовершеннолетним в суд к родителям или усыновителям приводит к значительным конфликтам и неприязни внутри семьи. У детей может возникнуть чувство разочарования и обиды по отношению к родителям, а сами родители могут ощущать горе и стресс из-за ситуации. Судопроизводство по такому делу может затянуть процесс разрешения конфликта и создать дополнительные преграды на пути к поиску компромисса и пониманию между сторонами. В целом предъявление иска несовершеннолетним в суд к родителям или усыновителям может иметь значительные последствия как для детей, так и для самих родителей (усыновителей).

Если нарушение прав и интересов детей со стороны родителей не носит серьезный характер и семью можно спасти, то судья должен предпринять меры, чтобы урегулировать спор мирным путем, предлагая сторонам взвесить все возможные последствия судебного решения и рассмотреть альтернативные методы разрешения конфликтов.

В разрешении конфликтов особое место занимают такие примирительные процедуры как медиация и судебное примирение. Возникает вопрос, какой способ мирного урегулирования спора наиболее отвечает интересам несовершеннолетнего при самостоятельной защите своих прав и интересов.

Е. В. Михайлова указывает, что «медиация — от английского слова “mediate”, — посредничать, является альтернативным способом урегулирования спора при посредничестве нейтральной стороны — медиатора, который помогает участникам конфликта найти взаимоприемлемое решение» [1, с. 2]. О. В. Исаенкова говорит о том, что «основной задачей медиации было и остается способствование развитию деловых или иных конструктивных взаимоотношений сторон, приведение сторон в мирное сосуществование» [2, с. 81]. Медиация формирует культуру мирного разрешения правовых споров, позволяет обеспечить эффективность защиты нарушенных прав. Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³ (далее — Закон

¹ См.: Отказные мама с папой. URL: <https://iz.ru/news/344538> (дата обращения: 23.12.2023).

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // Российская газета. 1996. 27 января; 2023. 3 августа.

³ См.: Российская газета. 2010. 30 июля; 2019. 31 июля.

о медиации) урегулирование споров при содействии медиатора осуществляется на основе добровольного согласия сторон. Правоведами высказываются предложения о введении обязательной досудебной медиации по семейным спорам. Например, О. И. Величкова отмечает, что «некоторые авторы высказывают идею о том, что обязательным требованием для последующего обращения в суд должно стать прохождение медиации на досудебной стадии, медиация поможет сторонам быстрее и эффективнее разрешить конфликт, что сократит нагрузку на суды и повысит качество правосудия» [3, с. 53]. За введение обязательной досудебной медиации по семейным делам выступает Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Так, А. Ю. Кузнецова полагает, что «данная процедура повысит “договороспособность” граждан, сохранит мир и согласие в семье и урегулирует школьные конфликты»¹. Н. А. Афанасьева предлагает ввести обязательную медиацию при конфликте между несовершеннолетним и его родителями, суд должен обязать стороны пройти эту процедуру, но услуги медиатора в этом случае должны предоставляться бесплатно [4, с. 11].

Согласимся, что по некоторым категориям семейных споров обязательная досудебная медиация имеет место, например, если супруги делят совместно нажитое имущество или же решается вопрос общения и проживания ребенка с одним из родителей. Необходимо отметить, что сегодня семейным законодательством вопрос о применении процедуры медиации в семейных спорах полностью не урегулирован, необходимо провести значительную работу по подготовке нормативно-правовой базы.

Когда инициатором спора выступает несовершеннолетний, то применение процедуры медиации будет не в полной мере отвечать его интересам при защите нарушенных прав и законных интересов. Во-первых, обязательная досудебная медиация по семейным спорам противоречит ст. 3 Закона о медиации, где ее основополагающим началом выступает добровольность и сотрудничество сторон. Таким образом, речь идет о противоречии конституционному принципу — доступности правосудия и право каждого на обращение в суд. Во-вторых, не каждый взрослый обладает правовой культурой о процедуре медиации, не говоря уже о несовершеннолетнем. В-третьих, законодатель оставляет за сторонами право самостоятельного выбора медиатора с единственным условием, что этот выбор должен быть по взаимному согласию сторон. В данном случае, вероятнее всего, родители при выборе кандидатуры медиатора вряд ли станут советоваться с несовершеннолетним, то есть выберут медиатора по своему усмотрению, что повлечет нарушение прав и интересов несовершеннолетнего. Аргументом против также является высокая стоимость услуг медиатора и осуществление ее оплаты сторонами в равных долях, если стороны не договорились об ином. Возникает вопрос, как несовершеннолетний, не имея какого-либо дохода, должен оплачивать услуги медиатора? На данный момент законодателем не определены категории граждан, имеющих право на бесплатную медиацию или получение медиативных услуг по льготным ценам.

¹ См.: Анна Кузнецова — за введение обязательной досудебной медиации по семейным спорам // Владимирская региональная ассоциация медиаторов. URL: <https://mediator33.ru/2020/11/24/anna-kuznecova-za-vvedenie-obyazatelnoj-dosudebnoj-mediacii-po-semejnym-sporam/> (дата обращения: 15.12.2023).

Необходимо отметить, что в настоящее время внедрение обязательной досудебной медиации по семейным спорам, где истцом является несовершеннолетний, не достигла достаточного уровня развития и функционирования, чтобы полноценно защитить нарушенные права и законные интересы несовершеннолетних.

Судебное примирение — вид примирительной процедуры с участием судебного примирителя, проводится в целях урегулирования конфликта с учетом интересов сторон. Порядок проведения процедуры судебного примирения в рамках гражданского процесса регулируется ГПК РФ, а также Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»¹. В названных нормативных правовых актах определены основные принципы примирения: добровольность, сотрудничество, равноправие сторон, независимость и беспристрастность судебного примирителя. Данная процедура имеет некоторые сходства с медиацией. Судебный примиритель, так же как и медиатор, выступает в качестве независимого посредника в разрешении конфликта, не является судьей, принимающим решение.

Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 153.6 ГПК РФ, судебным примирителем может выступать исключительно судья в отставке, то есть лицо, имеющее опыт судейской работы и знания юриспруденции, чтобы суметь спрогнозировать правовые способы мирного разрешения конфликта, следовательно, соблюсти права и законные интересы несовершеннолетнего в правовом аспекте. Медиатор при разрешении конфликта будет, скорее всего, ориентироваться на знания в сфере психологии, а не закона. Достоинство судебного примирения заключается в том, что если стороны не смогли определить кандидатуру судебного примирителя, суд самостоятельно предлагает кандидатуру, которая утверждается судом по согласованию сторон. Судебный примиритель в силу ч. 1 ст. 14 Регламента наделен правом давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора, медиатор же в силу ч. 5 ст. 11 Закона о медиации не вправе вносить предложения об урегулировании спора за исключением случаев, если стороны не договорились об ином. Можно прийти к выводу, что у судебного примирителя более инициативная роль в примирении сторон, чем у медиатора.

Для несовершеннолетнего истца процедура судебного примирения (в отличие от медиации) удобна еще и тем, что стороны не оплачивают данный вид услуги, условия оплаты труда определяются Правительством РФ.

Важным аспектом, определяющим предъявление иска несовершеннолетним в суд к своим родителям, служит нарушение родительской обязанности и ответственности по отношению к своему ребенку, так как родители должны образом заботиться о благополучии своего ребенка. Однако, если родители не выполняют свои обязанности по отношению к ребенку, последний может искать юридическую защиту. Суд рассматривает каждое дело индивидуально и учитывает все доказательства, представленные ребенком и ответчиками, но при этом решение суда в первую очередь будет основываться на преимуществе интересов и благополучия ребенка. Таким образом, судьи должны стремиться найти наилучшее решение, которое соответствует интересам несовершеннолетнего, способное обеспечить ему стабильность и безопасность.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что предъявление иска ребенком против своих родителей может иметь серьезные последствия для семьи и отношений между родственниками. Судья в каждом конкретном случае должен предпринять попытку урегулировать семейный конфликт мирным способом, а именно предложить сторонам пройти процедуру судебного примирения, а не медиации. Именно процедура судебного примирения в наибольшей степени отвечает интересам несовершеннолетнего.

Библиографический список

1. Михайлова Е. В. Медиация как отдельный способ урегулирования правовых конфликтов в частноправовой сфере // Арбитражный гражданский процесс. 2012. № 4. С. 2–6.
2. Исаенкова О. В. Задачи цивилистического процесса и медиации: общие и особенные // Қазақстан Республикасының процессуалдық заңнамасы: түсіндіру, қолдану тәжірибесі және жетілдіру мәселелері: III Судьялар, ғалымдар мен сот жүйесінің қызметкерлері халықаралық форумының материалдары. Семипалатинск (Абай облысы): «Zhardem» республикалық баспа компаниясы = Процессуальное законодательство Республики Казахстан: толкование, практика применения и вопросы совершенствования: по матер. III Международного форума судей, ученых и работников судебной системы. Семипалатинск (Область Абай): Республиканская издательская компания «Zhardem», 2023. С. 75–81.
3. Величкова О. И. Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 50–55.
4. Афанасьева Н. А. Участие несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве: проблемы и способы их решения // Роль юридического сообщества и педагогических вузов в развитии медиации и школьных служб примирения (на примере Липецкой области): матер. науч.-практ. конф. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С. 5–12.

References

1. Mikhailova E. V. Mediation as a Separate Method of Resolving Legal Conflicts in the Private Law Sphere // Civil Arbitration Process. 2012. No. 4. P. 2–6.
2. Isaenkova O. V. Tasks of the Civilization Process and Madiation: Common and Specific // Procedural legislation of the Republic of Kazakhstan: problems of interpretation, application and improvement: II Materials of the international forum of judges, scientists and employees of the judicial system. Semipalatinsk (Abay Region): “Zhardem” republican publishing company = Materials of the III International Forum of Judges, Scientists and Workers of the Judicial System “Procedural Legislation of the Republic of Kazakhstan: Interpretation, Practice and Improvement Issues”. Semipalatinsk (Abay Region): Republican Publishing Company “Zhardem”, 2023. P. 75–81.
3. Velichkova O. I. Improving Family Legislation on Mediation Issues // Current Problems of Russian law. 2017. No. 5. P. 50–55.
4. Afanasyeva N. A. Participation of Minors in Civil Proceedings: Problems and Ways to Solve Them // The Role of the Legal Community and Pedagogical Universities in the Development of Mediation and School Reconciliation Services (on the example of the Lipetsk region): materials of a scientific and practical conference. Lipetsk. Publishing of the Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 2017. P. 5–12.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-204-211
УДК 343

Ю. В. Францифоров, Ю. Н. Царев

ЗАДЕРЖАНИЕ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Введение: назначение российского уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, защите личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. Поэтому значительное внимание в теории и практике уделяется вопросам применения мер процессуального принуждения, которые существенно ограничивают права и свободы граждан. Одной из таких мер является задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, при производстве которого появляется реальная возможность нарушений прав человека, ставится под сомнение добросовестность и честность лица, причиняются нравственные страдания, так как задержание осуществляется не на основе добровольного согласия подозреваемого, а в условиях его активного противостояния. Такая ситуация способствует порождению противоречий между участниками уголовного судопроизводства, а именно между должностными лицами, обладающими полномочиями по осуществлению задержания, и лицами, в отношении которых применяется эта мера принуждения. Противоречия при осуществлении задержания вызываются противодействием сторон защиты и обвинения, которые неизбежны при ограничении прав и законных интересов лица, к которому применена данная мера принуждения. **Цель** — раскрыть процессуальное положение лица, задержанного по подозрению в совершении преступного деяния, определить подход к правовому регулированию задержания, проанализировать возможности совершенствования законодательства в данной сфере, позволяющие повысить эффективность предварительного расследования. **Методологическая основа:** общенаучные методы, такие как анализ, обобщение, сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический. **Результаты:** выявлены противоречия правовой регламентации деятельности органов предварительного расследования при задержании лица по подозрению в совершении преступления. Результаты исследования могут найти применение в процессе совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего такую меру принуждения, как задержание, а также могут быть полезны для повышения эффективности практики предварительного

© Францифоров Юрий Викторович, 2024

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: franciforov@mail.ru

© Царев Юрий Николаевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Franciforov Yuri Viktorovich, 2024

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

© Tsarev Yuri Nikolaevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

расследования. **Выводы:** задержание лица в качестве подозреваемого — это мера процессуального принуждения, применение которой оформляется протоколом. Чем раньше будет составлен протокол, тем быстрее будут обеспечены права задержанного по подозрению в совершении преступного деяния. Права такого лица должны быть обеспечены не только на этапе юридического, но и фактического задержания.

Ключевые слова: мера принуждения, подозреваемый, оформление протокола, фактическое и юридическое задержание, права участника уголовного судопроизводства.

Yu. V. Franciforov, Yu. N. Tsarev

DETENTION OF A PERSON AS A SUSPECT:
CONTRADICTIONS IN LEGISLATIVE REGULATION
AND IMPLEMENTATION PRACTICE

Background: the purpose of Russian criminal proceedings is to protect the rights and legitimate interests of persons who are victims of crime, to protect the individual from unlawful and unjustified restriction of his rights and freedoms. Therefore, considerable attention in theory and practice is paid to the issues of application of measures of procedural coercion, which significantly restrict the rights and freedoms of citizens. One of such measures is the detention of a person suspected of committing a crime, during the production of which there is a real possibility of human rights violations, the integrity and honesty of the person is questioned, and moral suffering is caused, since the detention is carried out not on the basis of the voluntary consent of the suspect, but in conditions of his active opposition. This situation contributes to the creation of contradictions between the participants in criminal proceedings, namely between officials authorized to carry out detention and persons subjected to this coercive measure. Contradictions in the implementation of detention are caused by the opposition of the parties of defense and prosecution, which are inevitable when restricting the rights and legitimate interests of the person to whom this coercive measure is applied.

Objective — to disclose the procedural status of a person detained on suspicion of committing a criminal act, to determine an approach to the legal regulation of detention, as well as to analyze the improvement of legislation in this area, which will increase the effectiveness of the preliminary investigation. **Methodology:** various general scientific methods, namely: analysis, generalization, comparative law, historical law and formal law. **Results:** the study reveals contradictions in the legal regulation of the activities of preliminary investigation bodies when detaining a person on suspicion of committing a crime. **The results** of the study can be used in the process of improving the criminal procedural legislation regulating such a coercive measure as detention, and can also be useful to improve the effectiveness of the practice of preliminary investigation. **Conclusions:** detention of a person as a suspect is a measure of procedural coercion, the application of which is formalized by a protocol. The earlier the protocol is drawn up, the sooner the rights of a person detained on suspicion of committing a criminal act will be ensured. The rights of such a person must be ensured not only at the stage of legal, but also at the stage of actual detention.

Keywords: coercive measure, suspect, protocol execution, actual and legal detention, rights of a participant in criminal proceedings.

В современной уголовно-процессуальной теории под мерами уголовно-процессуального принуждения понимаются предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством процессуальные средства принудительного характера, применяемые в строго установленном законом порядке органом дознания, дознавателем, следователем и судом в отношении подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, свидетеля и иных участников процесса для предотвращения

и устранения возможных препятствий в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел в целях обеспечения успешного выполнения задач уголовного судопроизводства [1, с. 119].

В связи с тем, что меры процессуального принуждения существенно ограничивают конституционные права и свободы лиц, в отношении которых они применяются, уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд гарантий, обеспечивающих обоснованность их применения: они должны применяться по возбужденному уголовному делу, лишь по решению компетентных государственных органов и должностных лиц, при наличии предусмотренного законом основания и в установленном законом порядке.

Одной из мер процессуального принуждения является задержание лица в качестве подозреваемого, которое применяется органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления [2, с. 70]. При этом задержание, как и другие меры принуждения, не является обязательным в отношении подозреваемого лица и применяется по усмотрению следователя (дознавателя).

Сущность задержания заключается в краткосрочном заключении подозреваемого под стражу [3, с. 177]. Хотя закон относит задержание к числу мер процессуального принуждения, некоторые авторы продолжают рассматривать его как следственное действие. Так, М. В. Савельева, А. Б. Смушкин пишут о задержании «как одном из немногих следственных действий, которые характеризуются большим количеством неблагоприятных стрессовых факторов» [4, с. 91].

Подобные противоречия в понимании сущности задержания не способствуют его точному применению на практике, что порой ведет к необоснованному ограничению прав и законных интересов лица, получающего в связи с задержанием статус подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Процессуальное положение подозреваемого обусловлено его вовлечением в уголовно-процессуальную деятельность, характеризующуюся кругом правовых отношений сторон, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

Подозреваемый обладает широким объемом прав (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), необходимых для защиты от выдвигаемого против него подозрения, для отстаивания своих законных интересов. В качестве оснований для задержания лица как подозреваемого выступают «фактические данные, позволяющие заподозрить лицо в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы» [5, с. 83]. Данная точка зрения подтверждается положениями ч. 1 ст. 91 УПК РФ, согласно которым основания задержания — это определенная следственная ситуация, позволяющая считать лицо причастным к совершению преступления: оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевшие или очевидцы указывают на данное лицо как на совершившее преступление; на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления; а также наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, при условии, что это лицо пыталось скрыться, не имеет постоянного места жительства, не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Основная цель применения данной меры процессуального принуждения — установление причастности лица к преступлению. При этом также решаются такие задачи, как пресечение преступной деятельности подозреваемого, недопущение уничтожения им доказательств, получение сведений о личности подозреваемого, соучастников и мотивов преступления, обеспечение защиты потерпевшего, свидетеля и других участников уголовного судопроизводства, пресечение возможного побега подозреваемого, выяснение наличия оснований для заключения лица под стражу.

В соответствии с Конституцией России, каждый гражданин имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Ограничение этих конституционных прав допускается лишь на основании судебного решения, до принятия которого лицо может быть задержано на срок не более 48 часов. Если постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока задержания не поступит в течение 48 часов с момента задержания, а в условиях военного положения в течение 30 суток в отношении подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то лицо немедленно освобождается (ч. 3 ст. 91 УПК РФ).

Статья 91 УПК РФ называется «Основания задержания подозреваемого», однако речь в ней идет не о подозреваемом, а о лице, которое подозревается в совершении преступления. Тем самым законодатель подчеркивает невозможность называть лицо подозреваемым до возбуждения уголовного дела, правильно указывая не на участника, который обладает статусом подозреваемого, а лишь на лицо, которое подозревается в совершении преступного деяния. Поэтому, как правильно отмечено, устранение противоречия между наименованием и содержанием ст. 91 УПК РФ возможно путем ее переименования с «Основания задержания подозреваемого» на «Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления» [6, с. 14].

По мнению В. Н. Григорьева, задержание допустимо только в ситуации необходимости своевременной изоляции лица из-за подозрения, что оно скроется, будет препятствовать производству по уголовному делу и «невозможности немедленного применения такой меры пресечения, как заключение под стражу» [7, с. 79].

При производстве задержания некоторых категорий лиц необходимо принимать во внимание наличие служебного иммунитета (гл. 52 УПК РФ), при котором «они должны быть освобождены незамедлительно после установления их личности» [8, с. 171]. Некоторые ученые считают, что «иммунитеты, которые закреплены в гл. 52 УПК РФ, представляют собой разновидность антисистемы в механизме уголовно-процессуального регулирования. Лица, перечисленные в ст. 447, являются участниками судопроизводства с необъяснимой ничем процессуальной правосубъектностью» [9, с. 32]. Но не все ученые согласны с такой точкой зрения, считая, что выделение отдельной категории лиц с процессуальным иммунитетом необходимо, поскольку такое разделение является «гарантией эффективного выполнения их должностных функций» [10, с. 636].

Как представляется, более взвешенную позицию занимает профессор Ю. В. Козубенко, отмечая необходимость дифференцированно подходить к ситуации, в ходе которой задерживается тот или иной специальный субъект [9, с. 32]. Наличие удостоверения специального субъекта не должно являться поводом для освобождения его от меры процессуального принуждения, которая избирается

следователем для сбора необходимых сведений, с целью принятия решения о заключении подозреваемого под стражу в соответствии с гл. 52 УПК РФ или об освобождении лица, при отсутствии сведений о причастности его к совершенному преступлению.

Характеризуя меры процессуального принуждения, О. П. Копылова указывает на такую их особенность, как обладание превентивным характером, призванным обеспечить надлежащее поведение лиц [11, с. 7–8]. Полагаем, что эти авторские суждения о мерах процессуального принуждения весьма справедливы, так как раскрывают целевое назначение задержания подозреваемого, поскольку принудительное ограничение прав задержанных лиц направлено на предупреждение преступных действий и обеспечение их надлежащего поведения на период, указанный в УПК РФ.

Говоря о противоречиях законодательной регламентации и практики осуществления задержания, следует обратить внимание на соотношении таких понятий, как фактическое и юридическое задержание. Законодатель в ст. 5 УПК РФ определяет, что задержанием подозреваемого является мера процессуального принуждения, применяемая на определенный срок с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Фактическое задержание включает в себя поимку лица, ограничение права лица на свободу передвижения, объявление ему о причинах задержания, а также доставку его в орган предварительного расследования. Эти действия не имеют регламентации в УПК РФ, а потому задержанный не имеет процессуального статуса и не наделен соответствующими правами. В силу этого следует согласиться с В. И. Рудневым, о необходимости введения в УПК РФ такого участника процесса, как «задержанный» [12, с. 8]. Понятие «задержанный» употребляется в ч. 2 ст. 48 Основного Закона Российской Федерации, используется в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина Маслова В. И.»¹. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что задержанный как лицо, ограниченное в конституционных правах до признания его подозреваемым, нуждается в обеспечении права на защиту. Поэтому при фактическом задержании данное лицо нуждается в приобретении статуса задержанного с перечнем процессуальных прав. Основой реализации этих прав является протокол с точным указанием времени задержания. С момента составления протокола о фактическом задержании лицо приобретает статус подозреваемого и такие основные права, как «знать, в чем он подозревается; иметь защитника с момента фактического задержания» [13, с. 536].

Юридическая форма задержания требует разъяснения подозреваемому его прав и составление протокола задержания в срок не более трех часов.

Таким образом, на практике существует два вида задержания: фактическое и юридическое. И если юридическое задержание подробно регламентировано в ч. 1 ст. 92 УПК РФ, то фактическое задержание требует законодательной регламентации в связи с наличием противоречий о возможностях, порядке и времени составления протокола задержания.

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 27, ст. 2882.

Следует заметить, что не все авторы согласны с необходимостью составления протокола задержания в момент фактического задержания, считая, что «надевать лицо с момента фактического задержания статусом подозреваемого преждевременно, поскольку дальнейшая процессуальная судьба такого лица бывает порой неизвестной» [14, с. 10], так как, несмотря на то, что лицо фактически задержано, оно может не приобрести статус подозреваемого по причине появления новых сведений в течение отведенного времени. Вместе с тем при фактическом задержании отсутствует возможность обеспечения прав лица до составления протокола о задержании.

Отдельные авторы проблему защиты прав лица при его фактическом задержании связывают с необходимостью составления протокола его доставления к следователю. Так, Л. В. Макогон указывает, что «в УПК РФ необходимо предусмотреть оформление протокола доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, в который следует вносить, в частности, время задержания и данные о доставленном» [15, с. 13].

Законодатель попытался разрешить противоречие между фактическим и юридическим задержанием, установив в п. 15 ст. 5 УПК РФ момент фактического задержания как «момент производимого в порядке фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления». Но это новшество не нашло практического применения, так как ограничение свободы с момента фактического задержания, перешло в юридическое задержание, поскольку оно имеет процессуальную аргументацию. «Из такой конструкции фактическое задержание подпадает под действие уголовно-процессуального закона и включается в качестве составного элемента в юридическое задержание» [16, с. 8], хотя фактическое задержание осуществляется вне уголовного судопроизводства, так как в нем задействованы не участники уголовного процесса, а очевидцы, заявители, сотрудники осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, взаимодействие которых осуществляется не в рамках УПК РФ, а на основе других федеральных законов.

Таким образом, трехчасовой срок юридического задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ) необходимо приблизить к процедуре фактического задержания, начало отсчета которого установить с момента захвата лица и времени доставления его к следователю, а не с момента получения его следователем, производящего расследование, что не соответствует разрешению противоречий публичного и частного интереса при фактическом задержании лица.

По мнению С. Б. Россинского, «фактическим задержанием ограничивается не столько уголовно-процессуальное, сколько общее конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, имеющее прямое действие на всей территории РФ» [17, с. 132].

Таким образом, противоречия процедуры задержания подозреваемого проявляющиеся в рамках процессуального и непроцессуального задержания, обусловлены тем, что фактическое задержание, с одной стороны, должно способствовать более раннему обеспечению прав лица, однако из-за нестыковок уголовно-процессуальных норм оно фактически ограничивает конституционное право человека на свободу и личную неприкосновенность, презюмируя возможность дальнейшей реализации прав задержанного в юридическом смысле, после признания его подозреваемым.

Библиографический список

1. Францифоров Ю. В., Манова Н. С. Уголовный процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 403 с.
2. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. 496 с.
3. Кожокарь В. В. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовые мифы и реалии правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 177–180.
4. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия: учебник. М.: Юрайт, 2011. 274 с.
5. Гайнов И. Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 83–86.
6. Арестова Е. Н., Шаропова Е. В., Борбат А. В. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // Российский следователь. 2023. № 6. С. 11–14.
7. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфоР, 1999. 541 с.
8. Исаева Р. М., Куценко С. М. Формальные и правовые основания задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2017. С. 170–173.
9. Козубенко Ю. В. Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. № 2(89). С. 31–44.
10. Смирнов А. В. Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ИНФРА-М, 2009. 992 с.
11. Копылова О. П. Меры принуждения в уголовном процессе: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. 120 с.
12. Руднев В. И. О введении в уголовно-процессуальное законодательство понятия «задержанный» // Адвокат. 2011. № 10. С. 8–10.
13. Курс уголовного процесса: учебник / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1278 с.
14. Ксендзов Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 24 с.
15. Макогон Л. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.
16. Азаренок Н. В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 7–10.
17. Россинский С. Б., Ващенко Б. М. О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 131–138.

References

1. Franciforov Yu. V., Manova N. S. Criminal Procedure: textbook and workshop for applied bachelor's degree. 7th ed., reprint. and suppl. M.: Yurait, 2023. 403 p.
2. Grinenko A. V. Criminal Procedure: textbook. M.: INFRA-M, 2009. 496 p.
3. Kozhokar V. V. Refusal to Initiate Criminal Proceedings: Legal Myths and Realities of Law Enforcement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. P. 177–180.
4. Savelyeva M. V., Smushkin A. B. Investigative Actions: textbook. M.: Yurayt, 2011. 274 p.
5. Gainov I. D. Grounds for Criminal Procedural Detention: Theoretical and Practical Problems // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 8. P. 83–86.
6. Arestova E. N., Sharapova E. V., Borbat A. V. Problems of Legal Regulation of a Suspect Detention // Russian Investigator, 2023, No. 6. P. 11–14.

7. *Grigoriev V. N.* Detention of a Suspect. M.: YurInFor, 1999. 541 p.
8. *Isaeva R. M., Kutsenko S. M.* Formal and Legal Grounds for the Detention of a Person Suspected of Committing a Crime // Journal: Gaps in Russian Legislation. 2017. P. 170–173.
9. *Kozubenko Yu. V.* Sources of Anti-System and Channels of Their Penetration into the Mechanism of Criminal Law Regulation // Russian Law Journal. 2013. No. 2(89). P. 31–44.
10. *Smirnov A. V.* Comments on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). M.: INFRA-M, 2009. 992 p.
11. *Kopylova O. P.* Coercive Measures in Criminal Proceedings: textbook. Tambov: Publishing house of GOU VPO TSTU, 2011. 120 p.
12. *Rudnev V. I.* On the Introduction of the Concept of “Detainee” into Criminal Procedural Legislation // Lawyer. 2011. No. 10. P. 8–10.
13. *Golovko L. V.* Course of Criminal Procedure / ed. by L. V. Golovko. 2nd ed., corrected. M.: Statute, 2017. 1278 p.
14. *Ksenzov Yu. Yu.* Detention and Imprisonment of a Suspect: extended abstract diss. ... cand. of Law. SPb., 2010. 24 p.
15. *Makogon L. V.* Implementation of the Principles of Criminal Proceedings at the Stage of Initiation of a Criminal Case: extended abstract diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 2008. 25 p.
16. *Azarenok N. V.* Optimization of the Institution of Detention of a Suspect in the Russian Criminal Procedure from the Perspective of a Balance of Public and Private Interests // Russian Investigator. 2023. No. 6. P. 7–10.
17. *Rossinsky S. B., Vashchenko B. M.* On Certain Problems of Ensuring Legal Guarantees of Personality During Detention on Suspicion of Committing a Crime // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 131–138.

Е. В. Ежова, А. А. Зимасова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ

Введение: уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает усложненный порядок инициации уголовного преследования судей. Между тем в теории и на практике до сих пор не решены такие вопросы, как основания возбуждения уголовного дела в отношении судьи, условия и порядок его задержания, пределы осуществления прокурорского надзора на данном этапе уголовного процесса и др. **Цель** — провести анализ правового регулирования и складывающейся практики возбуждения уголовного преследования в отношении представителей судейского корпуса. **Методологическая основа:** системный анализ указанной процедуры с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ. **Результаты:** выявлен ряд проблем правоприменительной практики, связанных как с особенностями первоначальной стадии уголовного процесса, так и с несовершенством законодательства, регламентирующего порядок осуществления уголовного преследования рассматриваемой категории лиц. **Выводы:** процедура возбуждения уголовного дела в отношении судьи нуждается в пересмотре, в частности, в случае его задержания на месте совершения преступления необходимо на законодательном уровне решить вопрос о доказательственном значении такого протокола задержания; требует своего определения перечень конкретных обстоятельств, служащих основанием для дачи санкции на возбуждение дела или отказа в нем.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, квалификационная коллегия судей, прокурор, прокурорский надзор, задержание, принцип состязательности, принцип независимости судей.

E. V. Yezhova, A. A. Zimasova

CERTAIN ISSUES OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST A JUDGE

Background: criminal procedural legislation of the Russian Federation provides for a complicated procedure for initiation of criminal prosecution of judges. Meanwhile, in theory and in practice there are still unresolved issues such as the grounds for initiating criminal proceedings against a judge, the conditions and procedure of his detention, the limits of prosecutor's supervision at this stage of criminal proceedings and others. **Objective** — to analyze the legal regulation and emerging practice of initiating criminal prosecution against members of the judiciary. **Methodology:** systematic analysis of this procedure taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian

© Ежова Елена Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса (Институт права Уфимского университета науки и технологий); e-mail: yezhovae.rb@mail.ru

© Зимасова Алина Ахатовна, 2024

Магистрант (Институт права Уфимского университета науки и технологий); e-mail: zimasova.alina@bk.ru

© Yezhova Elena Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure (Institute of Law of Ufa University of Science and Technology)

© Zimasova Alina Akhatovna, 2024

Master's student (Institute of Law of Ufa University of Science and Technology)

Federation. Results: identified a number of problems of law enforcement practice related both to the peculiarities of the initial stage of criminal proceedings and to the imperfection of the legislation regulating the procedure for criminal prosecution of the category of persons under consideration.

Conclusions: the procedure for initiating criminal proceedings against a judge should be reviewed, in particular, in the case of his detention at the scene of a crime, it is necessary to resolve at the legislative level the issue of the evidentiary value of such a protocol of detention; the list of specific circumstances serving as grounds for authorizing or refusing to initiate criminal proceedings should be defined.

Keywords: criminal proceedings; qualification board of judges; prosecutor; prosecutor's supervision; detention; the principle of competition; independence of judges.

Санкционирование Высшей квалификационной коллегией судей РФ (далее — ВККС РФ) возбуждения уголовного дела в отношении служителей Фемиды является составной частью особой (усложненной) процедуры в отношении такой категории лиц, что в конституционно-правовом понимании служит процессуальным механизмом и способом обеспечения их независимости¹. Несмотря на предоставляемые судейскому сообществу высокие гарантии, которые имеют конституционную основу, в уголовно-процессуальном аспекте присутствуют проблемы законодательного и правоприменительного характера.

Ежегодно в России санкционируется следующее количество постановлений о возбуждении уголовного дела в отношении служителей Фемиды: в 2022 г. — 16 судей; в 2021 г. — 26; в 2020 г. — 17; в 2019 г. — 20; в 2018 г. — 19; в 2017 г. — 7; в 2016 г. — 15; в 2015 г. — 18; в 2014 г. — 7; в 2013 г. — 18; в 2012 г. — 9; в 2011 г. — 12; в 2010 г. — 8 судей (в двух случаях согласие дано на возбуждение уголовных дел не по всем составам)². Чаще их привлекают в качестве обвиняемых по уже возбужденным делам. Судьи редко подвергаются уголовному преследованию, тем более задержанию, но при этом они не являются «абсолютизированными» субъектами правоотношений, имеющими право действовать «вне закона». Полное отсутствие уголовных дел в отношении представителей судейского сообщества являлось бы отрицательным показателем прозрачности правосудия, а наличие выявляемости и раскрываемости преступлений, совершаемых судьями — это показатель запрета судейского произвола и вседозволенности.

В рамках данной темы также анализировалось соотношение судейской независимости и объема полномочий правоохранительных органов. Трудность заключается в нахождении баланса для соблюдения интересов отправления правосудия в целом, с одной стороны, для обеспечения неизбежной ответственности за совершение противоправных действий, с другой.

По общему правилу, к задачам прокурора в уголовном процессе относятся выявление незаконного и необоснованного возбуждения уголовного дела, отказа в возбуждении уголовного дела, поскольку оба случая нарушают права и интересы лиц [1, с. 76]. Конкретные обстоятельства процедуры возбуждения уголовного дел в отношении отдельных категорий лиц возлагают на прокурора,

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

² См.: Обзор результатов деятельности. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. URL: <http://www.vkks.ru/category/8/> (дата обращения: 05.05.2023).

с одной стороны, дополнительные обязанности, поскольку усложняется процедура уголовного преследования с момента его начала, а с другой — не навязывают прокурору обязанности перепроверять решение ВККС РФ или сомневаться в его правильности (законности и обоснованности). Однако после возбуждения Председателем Следственного комитета РФ (далее — СК РФ) с согласия ВККС РФ уголовного дела в порядке п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ не исключается последующая прокурорская проверка (в общем порядке с некоторыми исключениями).

В уголовно-процессуальном законе РФ не предусмотрено принятие процессуальных решений прокурором (Генеральным прокурором РФ) на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе и в отношении судей, что, по мнению некоторых ученых, является отдельной проблемой. Конституционный Суд РФ отметил, что обвинительная функция прокурора проявляется в судебных стадиях, а санкционирование ВККС РФ не должно предрешать деятельность стороны обвинения¹.

Некоторые представители научного сообщества, напротив, считают, что в случае наделения представителей Генеральной прокуратуры РФ полномочиями при возбуждении всех категорий дел в отношении судей (а не только по административным делам, как сейчас происходит²), будет способствовать укреплению гарантий, предоставляемых судейскому сообществу³.

Данное законоположение (относительно процедуры начала уголовного преследования в отношении судей) имеет историческую основу. Законодатель целенаправленно и постепенно менял правовое положение прокурора в досудебном производстве, в частности исключил возможность возбудить самостоятельно уголовное дело. Так, по мнению С. А. Шейфера, в целом была ослаблена обвинительная власть после уменьшения объема полномочий прокурора в досудебном производстве в 2007 г.⁴ [2, с. 177].

Изменениям подверглись как статьи Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», так и УПК РФ, в частности ст. 448.

Однако при принятии решения о возбуждении уголовного дела в отношении служащего Фемиды мы не выделяем особых проблем в связи с заменой Генпрокурора РФ Председателем РФ⁵. Права судьи таким образом не подвергаются ограничениям.

Ряд проблем, присущих в целом первоначальной стадии уголовного процесса, не чужд и особой процедуре в отношении отдельных категорий лиц. Одной из них

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарчевского Юрия Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Приказ Генпрокуратуры России от 23 ноября 2015 г. № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: КС не стал оценивать норму, допускающую возбуждение уголовного дела в отношении судьи без участия Генпрокурора // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-otsenivat-normu-dopuskayushchuyu-vozbuzhdenie-ugolovnogo-dela-v-otnoshenii-sudi-bez-uchastiya-genprokurora/> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ См.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

⁵ См.: Там же.

является заблаговременное начало собирания доказательств еще до возбуждения уголовного дела, когда первая стадия фактически превращается в «суррогат предварительного расследования» [3, с. 160, 163]. Возникает вопрос об объеме доказывания, необходимого для принятия итогового решения в первоначальной стадии уголовного процесса. Обращаем внимание на то, что ВККС РФ не может рассматривать и разрешать вопросы достаточности материалов, предоставленных следствием, доказывающих вину судьи и само событие преступления. Удовлетворяя представление Председателя СК РФ, ВККС РФ дает только судебную санкцию, позволяющую вынести постановление о возбуждении дела для проведения дальнейшей проверки следственным путем возникших подозрений.

Конституционно-правовой статус судьи включает в себя гарантию неприкосновенности, которая конкретизируется в отдельных положениях закона. Например, в п. 2 и 8 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»¹ охраняется судебское усмотрение. Поскольку уголовное преследование судьи невозможно ввиду занимаемой им позиции при отправлении правосудия и (или) других своих полномочий, поэтому, по возможности, судье целесообразнее сразу занимать защитную позицию и доказывать, что причина его уголовного преследования заключается в ранее принятом им решении, высказанном мнении, желании ограничить его профессиональную деятельность. Для этого судье и (или) его представителю следует предоставить доказательства в ВККС РФ, подтверждающие причинно-следственную связь между его уголовным преследованием и осуществлением им правосудия, так как бремя доказывания оснований невозможности возбуждения уголовного дела в данном случае возлагается на заинтересованных лиц (с учетом состязательности процедуры). На практике же затруднительным является предоставление доказательств осуществления преследования за конкретные судебские позиции по определенным делам. Следственным комитетом РФ, в свою очередь, должны быть предоставлены аргументы, указывающие на отсутствие связи между совершенным преступлением и функцией отправления правосудия.

В решениях ВККС РФ отмечается, что нет конкретных оснований в законе, при которых в обязательном порядке должна быть дана санкция на возбуждение дела или отказ. Перечень обстоятельств, подтверждающих обусловленность уголовного преследования судьи его профессиональной деятельностью, также отсутствует. Если ВККС РФ не усмотрит в качестве цели инициации уголовного преследования оказание давления на судью, наличие связи с его профессиональной деятельностью, то он дает свое согласие на возбуждение дела². ВККС РФ, принимая решение, оценивает материалы на наличие соответствующих оснований, предусмотренных ст. 140 и 146 УПК РФ, не предпринимая вопроса о виновности лица, что является предметом дальнейшего расследования СК РФ и рассмотрения в суде³.

¹ См.: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2023).

² См.: Решения и заключения ВККС РФ. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. URL: <http://www.vkks.ru/category/34/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ См.: Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 июля 2022 г. № АПЛ22-298. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В 2010 г. ВККС РФ была предпринята попытка утвердить критерии (в информационном письме), а также перечень обстоятельств, исключающих начало уголовного преследования служителей Фемиды. Это были:

1) общие основания по п.п. 1–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;

2) специальные основания по ст. 305 УК РФ (за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта) при отсутствии установления неправосудности судебного акта вышестоящим судом¹. С 2013 г. введена в действие ч. 8 ст. 448 УПК РФ, закрепившая специальное основание по ст. 305 УК РФ (барьер для уголовного преследования — отсутствие отмены в законном порядке решения судьи вышестоящей инстанцией даже при наличии признаков его неправосудности). Информационное письмо ВККС РФ не было принято в связи с тем, что ВККС РФ сама не возбуждает уголовное дело, а следовательно установление наличия или отсутствия состава преступления выходит за рамки ее компетенции (является прерогативой СК РФ). Ранее в УПК РФ была закреплена правовая гарантия для судей (2001–2009) — необходимость получения Председателем СК РФ (ранее — Генпрокурором РФ) заключения тройки судей Верховного Суда РФ, подтверждающего наличие признаков конкретного преступления в деянии судьи.

Таким образом, законодатель старается не допустить перехода от судебного санкционирования, осуществляемого ВККС РФ на первой стадии уголовного процесса, к рассмотрению вопросов виновности лица и наличия состава преступления в деяниях судьи.

Имеют свои особенности круг участников и сама процедура судебного санкционирования, осуществляемая с первоначальной стадии уголовного процесса. Лицо, обладающее статусом судьи, фактически начинает (активно) осуществлять собственную защиту лично и (или) с помощью своего представителя. Если в отношении судьи начинается проверка о причастности его к совершению преступления, то он наделяется правом участвовать в заседаниях ВККС, знакомиться с материалами, давать объяснения, опровергать (оспаривать) возникшие в отношении него подозрения, участвовать в доказывании, а также обжаловать принятые решения и пр. ВККС в целях осуществления судебного контроля и дачи своего санкционирования может дополнительно произвести проверку предоставленных ей материалов, запросить информацию и заслушать объяснения других лиц (при этом не переходя на сторону обвинения и не выходя за пределы разрешаемого круга вопросов).

После возбуждения в отношении судьи уголовного дела прокурору в силу возложения на него надзорных полномочий необходимо выяснить законность оснований принятия такого решения, а также проверить законность всей процедуры (в том числе и требования к порядку осуществления полномочий ВККС РФ).

Особое внимание в ходе осуществления надзора за стадией возбуждения в данном случае (как и во всех остальных) прокурор должен уделить законности сроков принятия решений и осуществления иных процессуальных действий, таких, например, как задержание судьи. В соответствии с Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 9 ноября 2011 г. сотрудники прокуратуры должны осущест-

¹ См.: Информационное письмо ВККС РФ от 21 июля 2010 г. № ВКК-ИП 389/10. Не является нормативным актом. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

влять проверку и оценку оснований для задержания в целях повышения гарантий обеспечения конституционных прав граждан¹.

Прокурор, как, впрочем, и любой правоприменитель, сталкивается с рядом проблем, вызванных противоречиями действующего уголовно-процессуального закона. Так, единственным основанием для задержания судьи является поимка его во время совершения преступления или сразу после него, что часто выступает основным доказательством по коррупционным преступлениям (задержание в момент совершения преступления). Однако, согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ, в течение трех часов следователь обязан составить протокол задержания, которому должно предшествовать постановление о возбуждении дела. Получение санкции ВККС РФ в установленный срок невозможно, что препятствует процессуальному оформлению задержания судьи по ранее не возбужденному уголовному делу. Таким образом, составленный протокол задержания не имеет ни доказательственного, ни иного процессуального значения даже при последующем возбуждении уголовного дела (исключения не предусмотрены законодателем).

А. В. Ендольцева считает, что судья может быть задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, если он был застигнут в момент совершения очевидного преступления. Следовательно, необходимо незамедлительно возбудить уголовное дело в обход особому порядку с последующим получением санкционирования ВККС. Преступления, в ходе совершения которых может быть уличен судья (в связи с очевидностью происходящего), напрямую не посягают на интересы правосудия, так как объектом преступления становятся другие объекты уголовно-правовой охраны, например в случае совершения насильственных преступлений. Иное, по ее мнению, означает «гипертрофированное понимание независимости судебной власти» [4, с. 95, 98].

Н. В. Романенко в подтверждение данной позиции также указывает, что объективная сторона не всех преступлений очевидно наблюдаема [5, с. 309–310]. Например, невозможно задержать судью в момент совершения им преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, так как объективную сторону образует вынесение судьей заведомо для него неправосудного решения. Поэтому задержание судей в основном связано с проведением оперативного эксперимента при получении ими незаконного вознаграждения (ст. 290, 159 УК РФ). Однако в ст. 449 УПК РФ не были конкретизированы положения ст. 91 УПК РФ о процессуальном порядке задержания, поэтому законодатель имел в виду фактическое задержание лица на месте преступления в целях установления и фиксации обстоятельств происшедшего для дальнейшего формирования доказательственной базы.

Нормы, определяющие процедуру задержания судьи, являются неоднозначными, поэтому подвергаются различному толкованию.

Проанализировав действующее законодательство, решения Конституционного Суда РФ, доктринальные источники и правоприменительную практику, делаем вывод:

1) прокуратура не вправе вмешиваться в деятельность ВККС РФ, но виновность или невиновность судьи не предопределяется решением этой комиссии

¹ См.: Указание Генпрокуратуры России от 9 ноября 2011 г. № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей» (в ред. от 22 февраля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

о даче согласия на возбуждение дела. ВККС РФ только санкционирует начало уголовного преследования судьи, тем самым осуществляя судебный контроль;

2) деятельность органов уголовного преследования и судейского сообщества не подменяют функции друг друга. Начиная с первоначальной стадии уголовного процесса процедура приобретает состязательный характер, когда речь заходит о подозрении судьи. Судье сразу предоставляется информация о том, в чем его подозревают и право на ее опровержение;

3) согласно действующему законодательству судьи могут быть задержаны только при определенных обстоятельствах. В других случаях после установления личности задержанный судья должен быть сразу освобожден. С целью возбуждения уголовного дела в дальнейшем Председателю СК РФ незамедлительно направляется уведомление о произошедшем. По нашему мнению, протокол задержания судьи должен сохранять в таком случае юридическую силу доказательства, так как именно им устанавливается факт наличия конкретного лица в конкретном месте в конкретный момент, то есть фиксируется местонахождение судьи в момент совершения преступления или сразу после него. Однако доказательственное значение протокола задержания так и остается спорным.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 283 с.
2. Шейфер С. А. Кто осуществляет уголовное преследование на досудебном производстве? // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2009. С. 174–178.
3. Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2. С. 160–165.
4. Ендольцева А. В. Проблемные вопросы применения положений статьи 449 УПК РФ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 93–99.
5. Романенко Н. В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 432 с.

References

1. Lazareva V. A. Participation of the Prosecutor in the Criminal Procedure: textbook and workshop for universities. 5th ed., revised and suppl. M.: Yurayt, 2023. 283 p.
2. Shafer S. A. Who Carries Out Criminal Prosecution in Pretrial Proceedings? // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Tomsk, 2009. P. 174–178.
3. Shafer S. A. Transformation of the Stage of Initiation of a Criminal Case in Connection with the Adoption of FZ-23 of March 4, 2013 // Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2014. No. 2. P. 160–165.
4. Endoltseva A. V. Problematic Issues of Application of the Provisions of Article 449 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2. P. 93–99.
5. Romanenko N. V. The Concept of Improving the Special Procedure of Criminal Proceedings Against Judges in the Russian Federation: diss. ... Doc. of Law. Yekaterinburg, 2022. 432 p.

Е. В. Завгороднева

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ИНСТИТУТ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ**

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием института неприкосновенности отдельных категорий лиц в уголовном судопроизводстве России.

Цель — определить исторические предпосылки возникновения данного института, этапов его становления и приобретения им определенных форм в процессе своего развития.

Методологическая основа: сравнительно-исторический метод позволил выяснить, что специфика реализации юридической ответственности для лиц, обладающих особым статусом, в той или иной мере проявлялась на протяжении всего развития отечественного законодательства. **Результаты:** действующий уголовно-процессуальный закон обладает существенными преимуществами по сравнению с законодательством советского периода.

Выводы: дано определение перспектив развития нормативной основы института, регулирующего особенности производства в отношении отдельных категорий лиц.

Ключевые слова: российское законодательство, особый порядок судопроизводства, отдельные категории лиц, иммунитет, неприкосновенность, особый правовой статус.

E. V. Zavgorodneva

**HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL
PROCEDURAL LEGISLATION REGULATING THE INVIOABILITY
OF CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS**

Background: the article deals with the issues related to the development of the institute of inviolability of certain categories of persons in criminal proceedings in Russia. **Objective** — to determine the historical background of the emergence of this institution, the stages of its formation and its acquisition of certain forms in the process of its development. **Methodology:** comparative-historical method, on the basis of which the genesis of this institute was investigated, which made it possible to find out that the specificity of the realization of legal responsibility for persons with special status, in one way or another manifested throughout the development of domestic legislation. **Results:** the current criminal procedural law has significant advantages over the legislation of the Soviet period. **Conclusions:** the definition of prospects for the development of the normative basis of the institute regulating the peculiarities of proceedings in respect of certain categories of persons is suggested.

Keywords: Russian legislation, special procedure of legal proceedings, certain categories of persons, immunity, inviolability, special legal status.

История возникновения правоотношений, участниками которых являлись лица, наделенные особым, по сравнению с большинством граждан, правовым

© Завгороднева Екатерина Валерьевна, 2024
Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики (Оренбургский государственный университет); e-mail: Korniyaseva_katy@mail.ru
© Zavgorodneva Ekaterina Valeryevna, 2024
Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics (Orenburg State University)

статусом, берет начало в римском праве, откуда в дальнейшем посредством рецепции было воспринято французской правовой системой. Так, в результате долгого противостояния плебеев и патрициев Древнего Рима в правовом поле возникает институт неприкосновенности трибунов, избранных народом. Позднее неприкосновенность сопровождала и иные государственные должности (магистратов). Такие должностные лица обладали так называемым служебным иммунитетом в течение срока своей службы (как правило, срок пребывания в должности устанавливался римским правом в один год). Особый порядок привлечения к ответственности должностных лиц предусматривал, кроме всего прочего, соответствующую подсудность таких дел только тем судьям, которые принадлежали идентичному сословию. Далее институт служебного иммунитета (неприкосновенности) получил распространение и в праве континентальной Европы [1, с. 148].

Специфика реализации юридической ответственности для лиц с особым правовым статусом так или иначе проявлялась и в отечественном законодательстве в разные этапы его развития, однако для ранних периодов истории нашего государства характерно то, что в основном она связывалась с усмотрением государя. Впервые особенности привлечения к ответственности были охвачены уголовно-процессуальным законодательством в XIX в. В частности, в принятом в 1864 г. по результатам произведенной в России судебной реформы Уставе уголовного судопроизводства были закреплены положения, которыми предусматривался особый порядок производства в отношении ряда должностных лиц. Так, согласно ст. 1080–1081, отличный от общего порядок привлечения к ответственности получило производство в отношении обеспечивающих судопроизводство лиц, нотариусов, должностных лиц прокуратуры и судебных ведомств [2, с. 413–414]. Привлечение указанных лиц к суду стало носить разрешительный характер – исключительно по постановлениям судебной палаты или кассационного департамента Сената [3, с. 148]. Примечательна еще более усложненная форма предания суду чинов прокуратуры, в отношении которых «департамент Сената мог вынести постановление не иначе как по предложению министра юстиции» [4, с. 92].

Несколько позднее, в связи с учреждением парламентаризма в виде Государственной Думы 20 февраля 1906 г. в России впервые был введен правовой институт депутатской неприкосновенности [5, с. 94]. Такой усложненный механизм привлечения к ответственности указанных должностных лиц являлся довольно прогрессивным для своего времени и просуществовал вплоть до 1917 г., то есть до радикального пересмотра действующего законодательства, обусловленного возникновением нового государства — Российской республики. В тот период в связи с изменением принципов правового регулирования, недопущением применения буржуазного права, изменением общественно-экономической формации сложившаяся в Российской империи правовая система была утрачена. В частности, в новом Российском государстве вопросы судостройства и уголовного судопроизводства были урегулированы Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде», который более известен в истории права как Декрет о суде № 2¹. Данным актом была упразднена система судостройства, а также приостанов-

¹ См.: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 17.

ливалось функционирование мировых судей, которые были заменены демократически выборными судами и учрежденными революционными трибуналами. Следовательно, вместе с ликвидацией правового регулирования прокурорской и судебной деятельности из уголовно-процессуального законодательства был исключен и институт неприкосновенности работников этих ведомств в связи с их упразднением [3, с. 146]. Институт неприкосновенности не был предусмотрен и в отношении осуществлявших в тот период сходные функции должностных лиц, а именно председателей и заседателей революционных судов и трибуналов.

Тем не менее спустя четыре с половиной года (28 мая 1922 г.) деятельность органов прокуратуры была вновь восстановлена посредством введения такого органа в состав Народного Комиссариата юстиции, которому были возвращены практически все его прошлые надзорные полномочия [6, с. 55]. Данное обстоятельство не повлекло за собой восстановления гарантий неприкосновенности работников прокуратуры (впрочем, как и судей) в случае их привлечения к юридической ответственности.

Молодым Советским государством в силу известных причин идеологического характера были проигнорированы разработанные судебной реформой 1864 г. основные правовые принципы по причине их отнесения к принципам «буржуазного права». В их числе был проигнорирован и принцип неприкосновенности судей, прокуроров, следователей, что, безусловно, оказало регрессивное воздействие на правовую систему в целом.

Дальнейшее укрепление государственного строя повлияло на то, что формирующимся советским правом все же были восприняты правовые нормы, предусматривающие особый порядок привлечения к ответственности судей и должностных лиц органов прокуратуры. Так, Декретом ВЦИК от 25 августа 1921 г. № 456¹ был установлен запрет на аресты народных судей и следователей «без одновременного уведомления об этом Президиума Местного Совета непосредственно или через Губернский Отдел Юстиции (Уездное Бюро Юстиции)». Закрепление таких положений свидетельствует об установлении некоторых гарантий, пока еще не полных, неприкосновенности судей и народных следователей. Предусмотренный указанным актом порядок уведомления обеспечивал определенную защиту обозначенных в нем должностных лиц от необоснованного ареста.

Далее, спустя девять месяцев, в принятом 25 мая 1922 г. УПК РСФСР² нашла отражение специфика подсудности дел о преступлениях определенных должностных лиц, включая судей и работников прокуратуры. В частности, в ст. 456 УПК РСФСР регламентировано, что «Судебной коллегии Верховного трибунала подсудны дела о преступлениях по должности членов ВЦИК, народных комиссаров, помощников Прокурора республики и членов коллегий Верховного трибунала, членов коллегии ГПУ НКВД, а также губернских прокуроров и их помощников, председателей и членов президиума революционных трибуналов, членов совета народных судей»³.

¹ См.: Декрет ВЦИК от 25 августа 1921 г. «Об усилении деятельности местных органов юстиции» // СУ РСФСР. 1921. № 63, ст. 456.

² См.: Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р. С. Ф. С. Р.)» // СУ РСФСР. 1922. № 20–21, ст. 230.

³ См.: Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20, ст. 230.

В следующем нормативном акте Советской республики, принятом 16 ноября 1922 г.¹, была отражена недопустимость арестов прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов, председателей и членов президиума совета народных судей, народных судей и следователей. По таким делам предписывалось получение предварительного разрешения, а в особо исключительных случаях требовалось одновременное извещение Прокурора Республики. Таким образом, в отечественном уголовном процессе был восстановлен институт неприкосновенности, обеспечивающий разрешительный порядок ареста отдельных категорий лиц.

В последующем объем «служебного иммунитета» был расширен путем установления разрешительной процедуры производства не только ареста, но и предания суду, личного задержания, обыска и осмотра. В частности, в отношении членов Верховного Суда СССР, прокурора Верховного Суда СССР, его помощников для производства указанных процессуальных действий надлежало сначала уведомить, а затем получить согласие Президиума ЦИК СССР [3, с. 146].

Исследование последующего развития советского законодательства в данной области позволило выявить тенденцию перехода норм о неприкосновенности указанных категорий лиц из актов уголовно-процессуального законодательства в акты конституционного и административного законодательства либо в ведомственные акты². Об этом также свидетельствуют положения Приказа Прокурора СССР от 2 августа 1936 г. [7, с. 231], которым устанавливалась возможность предания суду прокуроров, следователей и судей лишь при наличии соответствующего распоряжения Прокурора СССР. Кроме того, согласно Приказу Прокурора СССР от 13 октября 1936 г. № 653 «О порядке привлечения к уголовной ответственности прокуроров, следователей и судей», прокурорам предписывалось в каждом случае привлечения к уголовной ответственности указанных в нем лиц предоставлять копии, всех имеющих значение для дела процессуальных документов, включая обвинительное заключение, для получения распоряжения Прокурора СССР о передаче дела в суд [8, с. 43].

Следует указать, что особый порядок привлечения к ответственности в советский период развития Российского государства предусматривался и Основами законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик³. Положения ст. 36 данного нормативного акта закрепляли требование о необходимости получения согласия Президиума Верховного Совета СССР для привлечения к ответственности, для отстранения от должности и ареста членов и народных заседателей Верховного Суда.

Можно резюмировать, что правовое регулирование особого порядка привлечения к уголовной ответственности лиц с особым статусом не является новым для российского права. Между тем единого регулирования института неприкосновенности в советском праве достигнуто не было, а рассматриваемые правовые

¹ См.: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей» // Известия ВЦИК. 1922. № 263.

² См., например: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 24 июня 1929 г. «Положение о Верховном Суде Союза ССР и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР» // СЗ СССР. 1929. № 50, ст. 445.

³ См.: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ законодательства о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» (в ред. от 25 июня 1980 г.) // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1, ст. 12.

нормы содержались в ряде отраслевых законов: «О прокуратуре СССР» (ст. 47)¹, «О статусе судей в СССР» (ст. 6)², «О статусе народных депутатов СССР» (ст. 37)³ и др. В связи с этим согласимся с мнением О. В. Добровляниной, которая замечает, что отсутствие «системного изложения особенностей производства по уголовным делам в отношении таких лиц создавало практические трудности при привлечении их к уголовной ответственности» [9, с. 111], а в некоторых случаях способствовало злоупотреблению правом.

Кроме того, в постсоветский период по УПК РСФСР правовым регулированием не охватывались особенности производства в отношении значительной части лиц с особым статусом, в частности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, депутатов законодательного органа государственной власти субъектов РФ, представительных органов местного самоуправления, Председателя Счетной палаты, его заместителей, аудиторов и др. Гарантии независимости деятельности данных лиц осуществлялись посредством применения содержащихся в иных отраслях законодательства специальных норм.

Таким образом, следствием отсутствия систематизации норм уголовного процесса являлась определенная рассогласованность положений различных правовых актов, что, в свою очередь, порождало проблемы на практике. Но, как известно, следствием рассогласованности регулирующих одни и те же отношения правовых норм являются трудности их применения, а также возможность их произвольного толкования, вследствие чего нарушается принцип правовой определенности, требующий, как подчеркивается учеными, ясности и постоянства в правовом положении любых субъектов правоотношений и содержании правовых норм [10, с. 18].

В настоящее время разрозненные предписания, регламентирующие рассматриваемые правоотношения, выделены в единую систему кодифицированного акта, а именно в отдельный институт, заключенный в гл. 52 УПК РФ, что в правоприменении с позиций юридической техники представляется более удобным, нежели законодательство советского периода. Однако необходимость обращения к отраслевому законодательству, регламентирующему статус специальных субъектов, все же остается актуальной для целей правильного применения уголовно-процессуального закона, что обусловлено наличием несогласованности некоторых положений отраслевого законодательства. Например, согласно ч. 3 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»⁴, инспектор Счетной палаты при выполнении им служебных обязанностей не может быть привлечен к уголовной ответственности без согласия Коллегии Счетной палаты, но в уголовно-процессуальном законе отсутствует упоминание о лицах с таким статусом. Кроме того, в ч. 1 ст. 39 данного правового акта устанавливается возможность задержания, ареста, привлечения к уголовной ответственности председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов с согласия той

¹ См.: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 843.

² См.: Закон СССР от 4 августа 1989 г. № 328-1 «О статусе судей СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9, ст. 223.

³ См.: Закон СССР от 21 декабря 1989 г. «О статусе народных депутатов СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 29, ст. 567.

⁴ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1649; 2023. № 29, ст. 5304.

палаты Федерального Собрания, которая их назначила на должность, но в гл. 52 УПК РФ такие предписания отсутствуют. Интересно отметить, что комментаторы Федерального закона «О Счетной палате в Российской Федерации» применение на практике указанной нормы считают невозможным, поскольку, по их мнению, такая гарантия может действовать только в случае внесения соответствующих изменений в УПК РФ [11, с. 189].

Вместе с тем отметим, что тенденция по развитию нормативной основы особенностей привлечения к ответственности отдельных категорий лиц наблюдается и сегодня, что выражается в систематическом внесении точечных изменений в гл. 52 УПК РФ.

Можно сделать вывод, что иммунитет, будучи одной из гарантий деятельности отдельных представителей государственных органов, представляет собой обусловленную их статусом особую форму неприкосновенности, расширяющую границы неприкосновенности, которой обладают все граждане демократического государства в сфере уголовного судопроизводства. В свою очередь, обусловленная наличием иммунитета у ряда категорий лиц регламентация изъятий из общего порядка судопроизводства должна быть ясно и четко прописана в законе с целью исключения даже малейшей возможности неоднозначного толкования, поскольку в противном случае неизбежно злоупотребление правом.

Так, в УПК РФ регламентирован особый подход для производства трех следственных действий в отношении адвоката: обыска, осмотра и выемки (ст. 450.1), тогда как из смысла ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ вытекает необходимость получения судебного разрешения на производство любого следственного действия в отношении адвоката.

Такое правило является не только противоречащим УПК РФ как закону, непосредственно регламентирующему отношения в уголовно-процессуальной сфере, но и явно чрезмерным, так как, представляется, при проведении в отношении адвоката не относящихся к принудительным или вторгающимся в частную жизнь граждан вербальным следственным действиям, опасность нарушения адвокатской тайны минимальна.

На необходимость предельной и тщательной детализации регламентации исключительных норм, закрепляющих любые преимущества в сфере уголовно-процессуальных отношений и изъятия из общих правил, в части оснований, условий и пределов их использования неоднократно обращалось внимание ученых [12–14]. В связи с этим полагаем, что перспективы качественного развития института неприкосновенности в уголовно-процессуальной сфере возможны лишь при соответствии отраслевому законодательству, сложившимся правоотношениям и ожиданиям российского общества. При этом основным вектором совершенствования уголовно-процессуального иммунитета лиц, обладающих особым статусом, должна быть направленность на максимальную синхронизацию норм различных законодательных актов, их закрепляющих, при котором сами процессуальные гарантии, безусловно, должны быть отражены в статусных

¹ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Российская газета. 2002. 5 июля; 2023. 26 июля.

законах¹ и законах об органах² и сообществах³, но механизм их обеспечения — исключительно в уголовно-процессуальном законе. Это позволит, на наш взгляд, сделать более конкретным, согласованным и однозначным регулирование возникающих и реализуемых при производстве по уголовным делам отношений, участниками которых являются лица, наделенные особым статусом.

Библиографический список

1. *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. Статьи по судебным вопросам. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 572 с.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-е Государственной Канцелярии, 1867. 523 с.
3. *Григорьев К. А.* Возникновение и развитие в российском уголовно-процессуальном праве института неприкосновенности прокуроров, следователей и адвокатов // *Право и политика.* 2005. № 3. С. 145–151.
4. *Корнакова С. В.* Формирование правового статуса прокурора во время великих судебных реформ // *ГлаголЪ правосудия.* 2014. № 2(8). С. 91–94.
5. *Родителева Я. Н.* К вопросу об иммунитете в российском уголовном процессе // *Теория и практика общественного развития.* 2016. № 6. С. 93–97.
6. *Замула Д. В.* Развитие задач прокуратуры в СССР // *Вестник современных исследований.* 2018. № 12. С. 55–57.
7. Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 декабря 1938 г. / сост. Б. И. Солерс, Д. И. Орлов; под ред. А. Я. Вышинского. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юриздат, 1939. 280 с.
8. *Сличко О. Е.* Особенности борьбы с преступностью // *Закон и право.* 2006. № 8. С. 41–45.
9. *Добровлянина О. В.* История становления и развития российского законодательства об особенностях уголовного судопроизводства в отношении судей // *Ex jure.* 2018. № 1. С. 102–116.
10. *Корнакова С. В.* К вопросу о факторах, влияющих на формирование доверия общества к суду и правосудию // *Российский судья.* 2020. № 1. С. 14–19.
11. *Борисов А. Н.* Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (постатейный) М.: Юстицинформ, 2014. 242 с.
12. *Головачук О. С., Прошляков А. Д.* Соотношение норм УПК России, федеральных конституционных и федеральных законов при применении мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, указанным в статье 447 УПК // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 8–13.

¹ См.: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2023 г.) // *Российская газета.* 1999. 8 июля; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6139; Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // *Российская газета.* 1992. 29 июля; 2023. 13 июля; Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2023 г.) // *Российская газета.* 1997. 4 марта; 2023. 2 февраля.

² См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // *Российская газета.* 1992. 25 ноября; 2023. 29 декабря; Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 12 декабря 2023 г.) // *СЗ РФ.* 2011. № 1, ст. 15; 2023. № 51, ст. 9167; Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (в ред. от 10 июля 2023 г.) // *СЗ РФ.* 2013. № 14, ст. 1649; 2023. № 29, ст. 5304.

³ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // *Российская газета.* 2002. 5 июля; 2023. 26 июля.

13. Щербакова И. А., Корнакова С. В. Статутная ответственность судей: вопросы совершенствования правового регулирования // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. Т. 8, № 4(29). С. 8–16.

14. Стельмах В. Ю. Некоторые процессуальные аспекты лишения иммунитета от уголовного преследования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 134–143.

References

1. Muravyov N. V. From Past Activities. Articles on judicial issues. Vol. 1. SPb.: Typ. M. M. Stasyulevich, 1900. 572 p.

2. Judicial Statutes of November 20, 1864: with a statement of the reasoning on which they are based. St. Petersburg: Publishing House of the State Chancellery, 1867. 523 p.

3. Grigorov K. A. The Emergence and Development in the Russian Criminal Procedure Law of the Institute of Immunity of Prosecutors, Investigators and Lawyers // Law and Politics. 2005. No. 3. P. 145–151.

4. Kornakova S. V. Formation of the Legal Status of the Prosecutor During the Great Judicial Reforms // Voice of Justice. 2014. No. 2(8). P. 91–94.

5. Roditeleva Ya. N. On the Issue of Immunity in the Russian Criminal Process // Theory and Practice of Social Development. 2016. No. 6. P. 93–97.

6. Zamula D. V. Development of the Tasks of the Prosecutor's Office in the USSR // Bulletin of Modern Research. 2018. No. 12. P. 55–57.

7. Collection of orders of the Prosecutor's Office of the USSR, effective on December 1, 1938 / comp. B. I. Solers and D. I. Orlov; ed. by A. Ya. Vyshinsky. 2nd ed. revised and suppl. M.: Yurizdat, 1939. 280 p.

8. Slichko O. E. Features of the Fight Against Crime // Law and Legislature. 2006. No. 8. P. 41–45.

9. Dobrovlyanina O. V. The History of the Formation and Development of Russian Legislation on the Peculiarities of Criminal Proceedings Against Judges // Ex jure. 2018. No. 1. P. 102–116.

10. Kornakova S. V. On the Issue of Factors Influencing the Formation of Public Confidence in the Court and Justice // Russian Judge. 2020. No. 1. P. 14–19.

11. Borisov A. N. Commentary on Federal Law No. 41-FZ dated April 5, 2013 «On the Accounts Chamber of the Russian Federation» (article by article) M.: Justicinform, 2014. 242 p.

12. Golovachuk O. S., Proshlyakov A. D. Correlation of the Norms of the Code of Criminal Procedure of Russia, Federal Constitutional and Federal Laws in the Application of Measures of Criminal Procedural Coercion to Persons Specified in Article 447 of the Code of Criminal Procedure // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. No. 5. P. 8–13.

13. Shcherbakova I. A., Kornakova S. V. Statutory Responsibility of Judges: Issues of Improving Legal Regulation // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2018. Vol. 8, No. 4(29). P. 8–16.

14. Stelmakh V. Yu. Some Procedural Aspects of Deprivation of Immunity from Criminal Prosecution // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 12. P. 134–143.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-227-233
УДК 347.73

А. В. Савина

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВЕДЕНИЯ И ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: нарастание интереса к публичной финансовой деятельности обусловлено особенностями развития экономических отношений, более тесным взаимодействием органов публичной власти и хозяйствующих субъектов по поводу фондов денежных средств и финансовых ресурсов. Проблема разграничения предметов ведения и полномочий публичной власти долгое время остается предметом обсуждения в теории различных отраслей российского права. **Цель** — рассмотреть особенности разграничения предметов ведения и полномочий в области финансов посредством исторической составляющей указанных институтов. **Методологическая основа:** исторический, сравнительно-правовой, формально логический и формально-юридический методы. **Результаты:** изучены вопросы разграничения предметов ведения и полномочий в сфере публичной финансовой деятельности, оценены исторические факты, содержащие основы формирования данных институтов. Установлена взаимосвязь конструкций разграничения предметов ведения и полномочий с правовой определенностью, подчеркнуто, что разграничить предметы ведения и полномочия — значит определить границы, в которых будет действовать тот или иной субъект публичной власти, выполняя возложенные на него функции, не нарушая при этом законодательство. **Выводы:** выявлена стимулирующая функция разграничительного подхода по установлению пределов ведения и пределов полномочий. Подчеркивается, что разграничение предметов ведения и полномочий публичной власти в сфере финансовой деятельности осложняется тем, что между хозяйствующими субъектами и органами власти могут заключаться гражданско-правовые сделки.

Ключевые слова: публичная финансовая деятельность, финансовая деятельность государства и муниципальных образований, разграничение предметов ведения, разграничение полномочий, пределы правового регулирования, границы финансовой деятельности.

© Савина Анна Владимировна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина); e-mail: anna.savina56@mail.ru

© Savina Anna Vladimirovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law and National Security (Tambov State University named after G. R. Derzhavin)

A. V. Savina

ON THE ISSUE OF DELINEATION OF SUBJECTS OF COMPETENCE
AND POWERS IN THE SPHERE OF PUBLIC FINANCIAL ACTIVITY

Background: the growing interest in public financial activity is conditioned by the peculiarities of the development of economic relations, closer interaction of public authorities and economic entities in relation to the funds of money and financial resources. The problem of delimitation of subjects of jurisdiction and powers of public authorities has long been a subject of discussion in the theory of various branches of Russian law. **Objective** — to consider the peculiarities of delineation of subjects of jurisdiction and powers in the field of finance through the historical component of these institutions. **Methodology:** historical, comparative legal, formal logical and formal legal methods. **Results:** the issues of delineation of subjects of jurisdiction and powers in the sphere of public financial activity were studied, historical facts containing the basis for the formation of these institutions were evaluated. The interrelation of structures of delimitation of subjects of jurisdiction and powers with legal certainty is established, it is emphasized that delimitation of subjects of jurisdiction and powers means to determine the boundaries within which a subject of public authority will act, performing the functions assigned to it, without violating the legislation. **Conclusions:** the stimulating function of the delimitation approach to establish the limits of jurisdiction and limits of authority is revealed. It is emphasized that the delineation of the subjects of jurisdiction and powers of public authorities in the sphere of financial activity is complicated by the fact that civil law transactions may be concluded between economic entities and authorities.

Keywords: public financial activity, financial activity of the state and municipalities, delineation of subjects of competence, delineation of powers, limits of legal regulation, boundaries of financial activity.

Активное развитие рыночных отношений в экономике традиционного и цифрового типов способствует изменению государственных подходов в управлении, сужению, расширению или смещению пределов правового регулирования финансовой деятельности государства и муниципальных образований. Вследствие этого многие экономические и правовые категории со временем подвергаются переосмыслению. Меняются их внешние формы, сущность, появляются новые характеризующие их признаки. Вместе с тем новые механизмы правового регулирования и термины в системе публичной власти России предопределяют необходимость исследования принципиально новых граней сущности предметов ведения и полномочий государства, субъектов РФ и муниципальных образований.

Президент РФ на заседании Комиссии при Президенте РФ по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий отметил важную и, как видится, актуальную до сих пор особенность Российской Федерации как развивающейся и «не закостенелой структуры»¹. Поэтому ввиду постоянных и непрерывных изменений в различных сферах общественной жизнедеятельности следует адаптировать законодательство и политику под новые жизненные реалии и запросы общества. Это имеет особую ценность для развития государства и его эффективного функционирования.

Известен факт, что правильное разграничение предметов ведения и полномочий, четкость нормативно-правового регулирования является важным эле-

¹ Вступительное слово Президента РФ от 17 июля 2001 г. на заседании Комиссии при Президенте РФ по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий. URL: kremlin.ru (дата обращения: 18.08.2023).

ментом управления государством и достижения им поставленных целей. Более того, должна быть выстроена сбалансированная система функционирования государства, где каждый властный субъект будет действовать в пределах той компетенции, которой его наделил законодатель, на достижение отмеченного Президентом РФ принципа — приоритет интересов общества и дела над политическими и административными амбициями¹.

В научной литературе представлено определение управления, сущность которого раскрывается через воздействующе-подчинительную взаимосвязь субъекта и объекта управления [1, с. 19]. Цель управленческого механизма выражается в создании эффективной функционирующей системы на основе информационных связей и отношений.

Государственное управление — достаточно сложный процесс, подходы к которому формировались веками. А. А. Габов отмечает, что «для эффективной организации публичной власти и функционирования управления на всех уровнях большое значение имеет понимание и обоснованное применение двух базовых принципов — централизации и децентрализации. В них отчетливо сфокусированы многие проблемы государственного и социально-экономического развития и, соответственно, правового обеспечения» [2, с. 129].

Важность соблюдения баланса между централизацией и децентрализацией властных полномочий, установления правовых пределов полномочий и предметов ведения в системе публичной власти, особенно в сфере финансов, доказывается рядом исторических событий. Если такой баланс смещен в одну из сторон в этих отношениях, если нет определенности взаимных прав и обязанностей государства и общества, если отсутствует единое правовое пространство, то это может повлечь самые негативные последствия для страны, ослабление ее внешних и внутренних сил.

Таким примером служит феодальная раздробленность на Руси XII–XV вв., которая в первую очередь носила характер экономической и политической раздробленности. В книгах по истории экономики России отмечается, что страна перестала составлять единый экономический организм, стала экономически и политически раздробленной. Исчезли стабильные экономические связи [3, с. 51]. В результате такой раздробленности почти полностью были ликвидированы процессы по организации монетного производства и, соответственно, денежного обращения. Лишь после освобождения от татаро-монгольского ига произошла централизация монетного дела на Руси. Вместе с тем отмечается и возрастание значимости бояр в период раздробленности, что ослабило княжескую власть, поскольку последние слишком полагались на них. Однако бояре могли не поддерживать своего князя, иметь владения в разных княжествах, которые по размеру могли превосходить вотчины мелкого князя. Князья стали раздавать жалованные грамоты боярам, освобождать от налогов боярские вотчины, устанавливая запреты на вмешательство в боярские дела государственных органов. Постепенно Русь перестала осознаваться как единое целое, князья стали заключать союзы против других князей с иностранными соседями (например, половцами) [3, с. 1–54]. Как справедливо отмечает М. В. Конотопов, «раздробленность — опасная

¹ Вступительное слово Президента РФ от 17 июля 2001 г. на заседании Комиссии при Президенте РФ по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий. URL: kremlin.ru (дата обращения: 18.08.2023).

стадия экономического и политического развития. Раздробленные силы народа не могут оказать серьезное сопротивление угрозам извне» [3, с. 52].

Резюмируем, что в государстве должна быть создана централизованная система публичного управления, устойчивая властная вертикаль, но с элементами децентрализации отдельных полномочий, переданных соответствующим субъектам.

Публичная финансовая деятельность — особый вид государственного управления, от которого зависит устойчивость и развитие страны. Поэтому выстраивание правильных межбюджетных отношений напрямую связано с процессом разграничения полномочий. Полномочия и их правильное распределение являются важной составляющей эффективной публичной финансовой деятельности. Традиционно содержание полномочий финансовой сферы раскрывается через концепцию образования, распределения и использования публичных денежных фондов [4, с. 5]. Некоторые ученые связывают полномочия с деятельностью по «созданию оптимальных условий, побуждающих в нужном для публичного субъекта направлении к образованию, распределению и использованию децентрализованных фондов денежных средств (в том числе частных фондов денежных средств субъектов предпринимательской деятельности)» [5, с. 39].

Н. И. Химичева и Е. В. Покачалова выделили ряд принципов финансового права, среди которых обращают на себя внимание отдельные принципы «федерализма и равноправия субъектов РФ в области финансовой деятельности государства», «самостоятельности органов местного самоуправления в формировании и использовании местных финансов», «распределения функций в области финансовой деятельности на основе разделения законодательной (представительной) и исполнительной властей» [6, с. 46]. Авторы отмечают важность принципа федерализма, его ориентированность на сочетание интересов федерального уровня с интересами субъектов РФ. Следует заметить, что для достижения поставленных целей требуется обеспечение субъектов РФ необходимыми финансовыми ресурсами, чтобы последние могли осуществлять возложенные на них законодательством РФ функции (в первую очередь Конституцией РФ).

Так, в ст. 71, 72 Основного Закона закреплены предметы исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения Федерации и ее субъектов. Так, к совместному ведению России и ее субъектов в сфере финансовой деятельности законодатель отнес вопросы разграничения государственной собственности, установление общих принципов налогообложения и сборов, координацию внешнеэкономических связей субъектов РФ. Согласно ст. 73 Конституции РФ, вне пределов этого ведения субъекты обладают всей полнотой государственной власти.

В действительности, многие полномочия субъектов РФ определены в других статьях Конституции РФ. Так, согласно п. 3 ст. 67 «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия».

Стоит отметить п.п. 4, 5 ст. 75 Конституции РФ, в которых сказано, что вне пределов ведения РФ, а также совместного ведения РФ и субъектов РФ последние имеют право осуществлять собственное правовое регулирование, принимать законы и иные нормативные правовые акты, не противоречащие федеральным законам.

Законодательство по разграничению предметов ведения и полномочий в системе публичной власти начало активно формироваться с 2000-х гг. Так, в 2001 г. Президент РФ обозначил перед Комиссией при Президенте РФ важную задачу —

подготовить предложения о разграничении предметов ведения и полномочий. В. В. Путин особо подчеркнул, что федеративное государство должно функционировать таким образом, чтобы каждый уровень власти точно знал, за что и в какой степени он отвечает¹. Сказанное подтверждает также и то, что необходимость формирования пределов осуществления полномочий в системе публичной власти назрела давно, поскольку любая неурегулированность отношений между публично-правовыми образованиями, стертые границы в их взаимодействии, непрозрачность тех или иных проводимых операций тормозят экономическое развитие страны.

Разграничить предметы ведения и полномочия — значит определить границы, в которых будет действовать тот или иной субъект публичной власти, выполняя возложенные на него функции, не нарушая при этом законодательство. Конструкция полномочий сочетает как права, так и обязанности органов публичной власти, невыполнение которых влечет определенную ответственность.

Таким образом, представляется, что разграничение предметов ведения и полномочий — это универсальный тройной механизм, объединяющий права, обязанности и ответственность. Можно справедливо считать, что разграничение предметов ведения относится к публично-правовым образованиям (территориальный признак), а полномочия принадлежат органам власти или иным лицам, уполномоченным законодателем на совершение определенных действий.

С. Е. Чаннов связывает разграничение предметов ведения с политико-правовой децентрализацией и отмечает: «На первом уровне политико-правовой децентрализации распределению подлежат не сами властные полномочия, а сферы общественной жизни, в которых они реализуются» [7, с. 13]. Еще Ю. А. Тихомировым было отмечено, что «важнейшее значение предметов ведения обусловлено тем, что публичные функции государства как бы “переходят”, трансформируются в предметы ведения федерации и ее субъектов. Это сферы их совместной и исключительной деятельности как объекта государственного воздействия» [8, с. 123].

В научных размышлениях о предметах ведения, касаемо органов публичной власти, приводится сопоставление с неким кругом вопросов, решение которых закрепляется за соответствующим уровнем власти, где определенные органы осуществляют закрепленные за ними виды деятельности — функции [9, с. 57]. Наряду с этим существует общая категория — «компетенция», под которой, как отмечают ученые, понимается сочетание предметов ведения и полномочий [9, с. 57].

В сфере публичной финансовой деятельности разграничение предметов ведения и полномочий реализуется особым образом. Например, примечательно, что власть федерального уровня по согласованию с субъектами РФ может передавать им свои отдельные полномочия с финансовым обеспечением их осуществления. При этом принцип самостоятельности субъектов РФ имеет место лишь в случаях, не закрепленных в Конституции РФ, и вне пределов совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов.

Однако в финансовом праве существует важный принцип самостоятельности финансовой деятельности органов местного самоуправления, которая имеет свои гарантирующие начала, закрепленные в ст. 12, 130–133 Конституции РФ.

¹ Вступительное слово Президента РФ от 17 июля 2001 г. на заседании Комиссии при Президенте РФ по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий. URL: kremlin.ru (дата обращения: 18.08.2023).

В п. 1 ст. 132 Конституции РФ закрепляются основы самостоятельности органов местного самоуправления по управлению муниципальной собственностью, бюджетному процессу, введению местных налогов и сборов и др.

Подобная самостоятельность означает высокий уровень ответственности, поскольку перед уполномоченными органами публичной власти (отметим, что согласно п. 3 ст. 132 Конституции РФ «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории») стоит задача изыскания финансовых ресурсов для эффективного достижения задач, что приводит к поиску дополнительных источников финансирования и увеличению дефицитов бюджетов.

В связи с этим следует выделить стимулирующую функцию подобного разграничительного подхода по установлению пределов ведения и пределов полномочий.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г. прозвучало поручение в адрес Администрации Президента РФ и Правительства РФ о формировании предложений, нацеленных на разработку инструментов прямой поддержки лучших управленческих команд и практик в муниципальных образованиях. Вместе с тем В. В. Путиным была подчеркнута важная роль местного самоуправления как уровня публичной власти, его близость к людям, определяющая характер формирования доверия людей к государству посредством их регулярного взаимодействия с органами местного самоуправления.

Вопрос полномочий органов местного самоуправления при осуществлении последними финансовой деятельности также требует рассмотрения с позиции ответственности. Однако в данном случае ответственность двусторонняя, то есть перед высшим властным субъектом — государством, а также перед гражданами. Примечательно, что пределы некоторой ответственности по осуществлению отдельных видов полномочий зависят от пределов выделенных финансовых ресурсов. В обоснование можно привести Определение Верховного Суда РФ от 22 октября 2014 г. № 306-ЭС14-2202, в котором озвучена интересная особенность выполнения государственных полномочий, передаваемых для осуществления органам местного самоуправления, которые несут ответственность только в пределах выделенных для этого финансовых средств и материальных ресурсов, обеспечивающих соответствующие полномочия¹.

Обобщая сказанное, отметим, что несмотря на длительный процесс выстраивания законодательства в сфере разграничения предметов ведения и полномочий в системе публичной власти, до сих пор в ряде случаев требуется судебное разрешение споров, так или иначе, связанных с разграничением не только полномочий, но и ответственности. Таким образом, разграничение предметов ведения и полномочий публичной власти в сфере финансовой деятельности осложняется тем, что между хозяйствующими субъектами и органами власти могут заключаться гражданско-правовые сделки. И несмотря на то, что ст. 242.3 БК РФ устанавливает порядок исполнения судебных актов, предусматривающих

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 октября 2014 г. № 306-ЭС14-2202. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.08.2023).

обращение взыскания на средства федерального бюджета или бюджета государственного внебюджетного фонда РФ по денежным обязательствам федеральных казенных учреждений, отдельные вопросы разграничения ответственности по-прежнему остаются актуальными и требуют согласования интересов всех заинтересованных сторон различных уровней власти.

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
2. Габов А. А. Централизация и децентрализация: проблемы понятий // Вестник КрасГАУ. 2013. № 2. С. 127–133.
3. Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики России: учебник. 7-е изд., стер. М.: Кнорус, 2008. 352 с.
4. Финансовое право: учебник / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2012. 576 с.
5. Ашмарина Е. М. Соотношение институтов предпринимательского и финансового права на примере правового обеспечения финансового контроля // Вопросы экономики и права. 2016. № 94. С. 37–43.
6. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 800 с.
7. Чаннов С. Е. Разграничение полномочий по предметам совместного ведения в контексте бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 5. С. 12–20.
8. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. 355 с.
9. Система муниципального управления / под ред. В. Б. Зотова. 5-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 717 с.

References

1. Bakhrah D. N., Rossiyskiy B. V., Starilov Yu. N. Administrative Law: textbook for universities. 2nd ed., reviewed and suppl. M.: Norma, 2005. 800 p.
2. Gabov A. A. Centralization and Decentralization: Problems of Concepts // Bulletin of KrasGAU. 2013. No. 2. P. 127–133.
3. Konotopov M. V., Smetanin S. I. History of the Russian Economy: textbook. 7th ed., ster. M.: Knorus, 2008. 352 p.
4. Financial Law: textbook / ed. by E. Y. Gracheva. M.: Prospect, 2012. 576 p.
5. Ashmarina E. M. Correlation of Institutions of Entrepreneurial and Financial Law on the Example of Legal Support of Financial Control // Economic and Legal Issues. 2016. No. 94. P. 37–43.
6. Financial Law: textbook / ed. by N. I. Khimicheva, E. V. Pokachalova. 6th ed., reviewed and suppl. M.: Norm: INFRA-M, 2017. 800 p.
7. Channov S. E. Delineation of Powers on Subjects of Joint Management in the Context of Budgetary Security of the Subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2020. Vol. 20, No. 5. P. 12–20.
8. Tikhomirov Yu. A. Theory of Competence. M., 2001. 355 p.
9. The system of Municipal Management / ed. by V. B. Zotov. 5th ed., corrected and suppl. Rostov n/D: Phoenix, 2010. 717 p.

А. В. Николаев

СОВМЕСТИМОСТЬ PRINCIPAL PURPOSE TEST ПУНКТА 1 СТАТЬИ 7 МНОГОСТОРОННЕЙ КОНВЕНЦИИ И НАЛОГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ С КОНСТИТУЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: зарубежной налоговой доктрине знакома дискуссия о соответствии договорного *principal purpose test* основополагающим (конституционным) принципам права отдельных государств и их объединений. В отечественном праве — это новая тема, смежная для налогового и конституционного права, имеющая практическое значение, поскольку после конституционной реформы 2020 г. толкование норм налоговых соглашений с российским участием должно соответствовать Конституции РФ. **Цель** — проанализировать взаимодействия договорных норм международного налогового права с основополагающими (конституционными) принципами внутреннего права. **Методологическая основа:** диалектический, компаративистский, системный методы познания. **Результаты:** автор заключает, что существующие правовые позиции Конституционного Суда РФ свидетельствуют о совместимости *principal purpose test* с принципами правовой определенности и свободы предпринимательства, изложенными в Конституции РФ. **Вывод:** *principal purpose test* является нормативным ограничением прав налогоплательщика, введенным в соответствии с конституционно обусловленными критериями.

Ключевые слова: *principal purpose test*, многосторонняя Конвенция, налоговые соглашения, конституционные принципы правовой определенности и свободы предпринимательства.

A. V. Nikolaev

COMPATIBILITY OF THE PPT FROM ART. 7(1) OF THE MULTILATERAL CONVENTION AND FROM PROVISIONS OF TAX TREATIES WITH THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: foreign tax doctrine is familiar with the discussion on the compliance of treaty purpose test with the fundamental (constitutional) principles of law of individual states and their associations. In domestic law such issue is rather a new topic, related to tax and constitutional law, which is of practical importance, since after the constitutional reform in 2020 the interpretation of the norms of tax treaties with Russian participation should be in accordance with the Constitution of the Russian Federation. **Objective** — to analyze the interaction of treaty norms of international tax law with the fundamental (constitutional) principles of domestic law. **Results:** the author concludes that the existing legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrate the compatibility of the principal purpose test with the principles of legal certainty and freedom of entrepreneurship set out in the Constitution of the Russian Federation. **Conclusion:** the principal purpose test is a regulatory restriction on the taxpayer's rights, introduced in accordance with constitutionally mandated criteria.

© Николаев Алексей Викторович, 2024

Старший преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института (Сибирский федеральный университет): e-mail: nikolaev_aleksei@mail.ru

© Nikolaev Alexey Viktorovich, 2024

Senior Lecturer at the Department of Entrepreneurial, Competition and Financial Law of the Law Institute (Siberian Federal University)

Keywords: *principal purpose test, multilateral Convention, double tax treaties, constitutional principles of certainty of legal norms and free enterprise.*

Целевое правило, отказывающее налогоплательщику в получении льгот, предусмотренных соглашением об избежании двойного налогообложения (далее — СИДН, налоговое соглашение), смысл которого заключается в получении льгот налогоплательщиком в качестве основной цели или одной из основных целей сделки или схемы, впервые было зафиксировано в налоговых соглашениях США с Канадой 1942 г. и США с Соединенным Королевством 1945 г. Они ограничивали доступ к пониженной ставке налога на дивиденды, связанные с материнской компанией [1, р. 271–272; 2, р. 779]¹, а их формулировка «основная цель или одна из основных целей», вероятно, имела британское происхождение, так как свойственна многим внутренним положениям против избежания налогов [3, р. 421].

В конце 60-х гг. XX в. в нескольких британских СИДН был включен запрет на снижение ставки налога, удерживаемого у источника процентов и роялти, если требование о выплате долга или право на получение процентов или роялти «было создано или переуступлено в основном с целью воспользоваться этой статьей, а не в добросовестных коммерческих целях»². В начале 90-х гг. XX в. в британо-гайнийском СИДН появилась иная формулировка, делающая договорные льготы недоступными, если «основная цель или одна из основных целей любого лица, связанного с созданием или переуступкой» требования о выплате долга или права на получение процентов и роялти состояла в том, чтобы «воспользоваться этой статьей посредством таких создания или переуступки» [3, р. 415, 421].

Организация экономического сотрудничества и развития в Комментариях к ст. 1 Модельной конвенции в отношении налогов на доходы и капитал (далее — МК ОЭСР) 2003 г.³ рекомендовала договаривающимся государствам включать в свои СИДН положение, заимствованное из британских СИДН. То же самое положение присутствовало в Комментариях к ст. 10–12 Типовой конвенции Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (далее — ТК ООН) 2001 г.⁴ Затем в рамках проекта ОЭСР/G20 по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS), воплощая действие 6 плана BEPS⁵, ОЭСР разработала обязательный для СИДН минимальный стандарт, включающий такое общее правило против избежания налогов,

¹ Более низкая ставка налога, удерживаемого у источника дивидендов, была недоступна в случае уверенности компетентного органа государства источника дохода, что корпоративные отношения между двумя компаниями были организованы или поддерживались с основной целью или с одной из основных целей воспользоваться этой льготой.

² См.: UK / Finland Double Taxation Convention. Signed 17 July 1969.

³ См.: OECD (2003) Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2003, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2003-en (дата обращения: 25.10.2023).

⁴ См.: United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2001 Update. New York: UN, 2001. xxiv+383 p. URL: <https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/09/DoubleTaxation.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

⁵ См.: OECD (2013), Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting, OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264202719-en> (дата обращения: 25.10.2023).

как *principal purpose test*, или РРТ. Итоговый отчет по действию 6 плана BEPS¹ ввел РРТ в ст. 29 МК ОЭСР и ТК ООН 2017 г.², а также в п. 1 ст. 7 многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (далее — MLI)³.

В российское международное налоговое право *main purpose test* попал благодаря британской договорной практике: российско-британское СИДН первым получило тест в статьях о пассивных доходах, далее были СИДН с Казахстаном, Сингапуром, Мексикой, Чили, Бразилией, Мальтой, КНР, Гонконгом, КНР и Эквадором, протокол 2011 г. об изменении СИДН со Швейцарией. РРТ появился в российских СИДН с Люксембургом, Израилем, Кипром, Индонезией, Литвой, Аргентиной, Латвией, ОАЭ, Мальтой, Японией, в протоколах об изменении СИДН с Сингапуром (2015 г.) и с Австрией (2018 г.), в ратифицированном, но не вступившем в силу СИДН с Бельгией 2015 г. А ратифицировав MLI⁴, Российская Федерация установила правило, что независимо от любых положений СИДН с российским участием, на которое распространяется MLI, льгота в соответствии с СИДН с российским участием, на которое распространяется MLI, не предоставляется в отношении вида дохода или капитала, если, принимая во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, есть основания полагать, что получение такой льготы было одной из основных целей какой-либо структуры или сделки, которые прямо или косвенно привели к этой льготе, если только не было установлено, что предоставление такой льготы в этих обстоятельствах будет соответствовать целям и задачам соответствующих положений СИДН с российским участием, на которое распространяется MLI (п. 1 ст. 7 перевода MLI⁵).

Зарубежная доктрина дискутирует о несоответствии РРТ конституционным принципам [4, р. 95–115] или базовым принципам Евросоюза недискриминации и правовой определенности [5, р. 189; 6, р. 190; 7, р. 155]. Соответствие этим принципам доказывается схожестью РРТ с другими общими правилами против избежания налогов директив Евросоюза, например о дочерних и материнских компаниях [8, р. 408–416]. В свою очередь, исходя из конституционных поправок 2020 г., толкование норм СИДН с российским участием должно соответствовать Конституции РФ. Возникает вопрос о совместимости РРТ п. 1 ст. 7 MLI и СИДН с российским участием конституционным принципам правовой определенности

¹ См.: OECD (2015), Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6 – 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/9789264241695-en> (дата обращения: 25.10.2023).

² См.: OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (дата обращения: 25.10.2023); United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2017 Update. New York: UN, 2017. xx+804 p. URL <https://doi.org/10.18356/cc8f6035-en> (дата обращения: 25.10.2023).

³ См.: Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, Done at Paris, the 24th day of November 2016. URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴ См.: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 79-ФЗ «О ратификации многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» // СЗ РФ. 2019. № 18, ст. 2203.

⁵ См.: Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения: закл. в г. Париже 24 ноября 2016 г. // СЗ РФ. 2020. № 10, ст. 1281.

и свободы предпринимательства, ответ на который изложен в существующих правовых позициях Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ).

Ограничение свободы действий правительства заранее установленными гласными и определенными правилами позволяет предвидеть с большой точностью, какие меры принуждения власть применит в той или иной ситуации, и предоставляет индивиду возможность уверенно и на долгий срок планировать свое поведение в быту и бизнесе [9, с. 115; 10, с. 90]. Это же поддерживают последовательные правовые позиции КС РФ: «Неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод»¹.

Позитивное право не существует без какой-то степени формальной определенности, ее отсутствие в содержании и в форме выражения лишает право возможности регулировать общественные отношения [11, с. 5; 12, с. 72]. КС РФ солидаризируется с этим в правовых позициях: так, формальная определенность и полнота элементов налогового обязательства «обеспечивают эффективность налогообложения и реальность его целей, позволяя налогоплательщикам своевременно уплатить налог, а налоговым органам — осуществлять контроль за действиями налогоплательщиков по уплате налоговых сумм в бюджет», напротив, «неопределенность положений налогового закона ведет к нарушению прав налогоплательщиков и вместе с тем к противоправному уклонению от уплаты налога»².

Но этому есть предел: неопределенность суть «объективное качество, имманентно присущее всем правовым явлениям», в частности, по ряду объективных и субъективных причин абсолютной определенности налоговых законов добиться невозможно, это недостижимый идеал, к которому нужно всячески стремиться [13, с. 43]. КС РФ раскрыл это в официальном разъяснении³ определения по жалобе ООО «Пром Лайн»⁴, обосновывая концепт злоупотребления налогоплательщиком правами.

Деловое сообщество восприняло концепт противоречащим принципу правовой определенности, поскольку в налоговом праве (как части публичного права) допустимо регулирование методом позитивного обязывания, когда в законе устанавливаются конкретные обязанности налогоплательщика. КС РФ указал, что в налоговом праве есть также негативное обязывание, предписывающее налогоплательщику определенное поведение общими запретами, противодей-

¹ См.: Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)»: одобр. решением КС РФ от 17 декабря 2020 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%202020.pdf> (дата обращения: 25.10.2023).

² См.: Там же.

³ См.: Определение КС РФ от 4 ноября 2004 г. № 324-О «По ходатайству Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей) об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 169-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Пром Лайн" на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 2 статьи 171 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник КС РФ. 2004. № 6.

⁴ См.: Определение КС РФ от 8 апреля 2004 г. № 169-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО "Пром Лайн" на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 2 статьи 171 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник КС РФ. 2004. № 6.

ствующими вариантам поведения, противоречащим публичным интересам в сфере налогообложения. Например, такой запрет вытекает из конституционного принципа о добросовестном выполнении налогоплательщиком своей обязанности (ст. 57 Конституции РФ).

Частью 3 ст. 17 Конституции РФ запрещено злоупотребление субъективными правами вне зависимости от сферы правоотношений. Еще на заре российской налоговой доктрины отмечалось, что налоговые обязательства бизнес-субъектов являются прямым следствием их предпринимательской деятельности и воспринимаются как неразрывно с ней связанные [14, с. 4]. Схемы налоговой оптимизации реализуются гражданско-правовыми средствами, а значит упираются в норму ГК РФ о недопустимости злоупотребления при осуществлении гражданских прав. Что выводит нас на правовые позиции КС РФ о принципе свободы предпринимательства.

В контексте налоговых правоотношений проблему можно сформулировать как вопрос о конституционных пределах свободы экономической деятельности в процессе ведения бизнеса и о связанных с этим пределах налоговой оптимизации. Конституция РФ, гарантируя необходимые для функционирования рыночной экономики единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, конкуренцию, свободу экономической деятельности, относит к числу прав и свобод признание, соблюдение и защиту которых составляют обязанность государства, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими. Это позволяет КС РФ утверждать, что базисом свободы экономической деятельности является свобода предпринимательства — универсальный (интегрированный) конституционно-правовой принцип, объединяющий несколько относительно самостоятельных принципов правового регулирования.

Граждане вправе: 1) самостоятельно определять сферу своей экономической деятельности и осуществлять ее как непосредственно, так и опосредованно, в том числе создавая коммерческое юридическое лицо либо участвуя в нем единолично или совместно с другими гражданами и организациями; 2) выбирать стратегию развития бизнеса, используя свое имущество с учетом конституционных гарантий права собственности.

Государство призвано: 1) стимулировать свободную рыночную экономику, основанную на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов; 2) гарантировать стабильность, предсказуемость, надежность гражданского оборота, эффективную судебную защиту прав и законных интересов его участников.

Закрепляя фундаментальные основы экономической свободы, Конституция РФ исходит из того, что ее реализация: 1) сопряжена с соблюдением условий, установленных законом (п.п. «в», «ж» и «о» ст. 71, ч. 1 ст. 7); 2) не должна выходить за пределы, очерченные в том числе недопустимостью нарушения прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17) и необходимостью сбалансированности прав и обязанностей граждан (ст. 75.1); 3) может подвергаться законодательным ограничениям,

вводимым в соответствии с конституционно обусловленными критериями (ч. 3 ст. 55)¹.

В контексте пределов принципа свободы предпринимательства правовая позиция, сформулированная КС РФ в определении по жалобе ООО «Пром Лайн» с учетом его официального разъяснения и во взаимосвязи с постановлением по жалобе ЗАО «Востокнефтересурс»², звучит так: праву налогоплательщика корреспондирует его обязанность по уплате налога в бюджет в денежной форме. Поэтому при соблюдении указанного условия, вытекающего из природы налога, норма права не может рассматриваться как препятствующая использованию налогоплательщиком любых законных гражданско-правовых способов реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг) и обусловленных этими способами форм фактической уплаты сумм налога и порядка осуществления права на получение льгот, предусмотренных нормами права. Отказ налогоплательщику в праве на налоговую льготу может иметь место, если процесс реализации товаров (выполнения работ, оказания услуг) не сопровождается соблюдением корреспондирующей этому праву обязанности по уплате налога в бюджет в денежной форме.

Следовательно, налогоплательщик не может пользоваться правом или преимуществом, предоставленными российским налоговым законом или СИДН с российским участием, если рассматриваемая сделка или схема налогоплательщика не сопровождается соблюдением обязанности по уплате налога в бюджет в денежной форме, корреспондирующей праву налогоплательщика на льготу. В этом смысле РРТ п. 1 ст. 7 МЛ и СИДН с российским участием следует трактовать как нормативное ограничение реализации фундаментальной экономической свободы, гарантированной Конституцией РФ, введенное согласно с конституционно обусловленными критериями (для обеспечения принципа, обязывающего налогоплательщика выполнять свои обязанности добросовестно, а также сбалансированности его прав и обязанностей).

Сказанное позволяет сделать вывод, что существующие правовые позиции КС РФ свидетельствуют о совместимости РРТ п. 1 ст. 7 МЛ и СИДН с российским участием с принципами правовой определенности и свободы предпринимательства Конституции РФ.

Библиографический список

1. *Vann R. Beneficial Ownership: What Does History (and Maybe Policy) Tell Us* // in: *Beneficial Ownership: Recent Trends*. Ed. by M. Lang, P. Pistone et al. IBDF, 2013. P. 267–332.
2. *Rosenbloom H. D. Tax Treaty Abuse: Policies and Issues* // *Law and Policy in International Business*. 1983. Vol. 15, no. 3. P. 763–831.
3. *Schwarz J. Schwarz on Tax Treaties*, 3rd Ed. London: Wolters Kluwer, 2013. 843 p.

¹ См.: Постановление КС РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» // СЗ РФ. 2023. № 8, ст. 1414; Постановление КС РФ от 3 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К. В. Матюшова» // СЗ РФ. 2023. № 15, ст. 2748.

² См.: Постановление КС РФ от 20 февраля 2001 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 7 Федерального закона “О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Востокнефтересурс”» // Вестник КС РФ. 2001. № 3.

4. *Kuźniacki B.* Constitutional Issues Arising from the Principal Purpose Test: The Lesson from Poland // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2018. Vol. XXVII, no. 2. P. 95–115
5. *Cunha R. C.* BEPS Action 6: Uncertainty in the Principal Purpose Test Rule // *Global Taxation*. 2016. Vol. 1, June. P. 186–190.
6. *Kemmeren E. C. C. M.* Where is EU Law in the OECD BEPS Discussion? // *EC Tax Review*. 2014. Vol. 23, no. 4. P. 190–193.
7. *Kokolia E., Chatziioakeimidou E.* BEPS Impact on EU Law: Hybrid Payments and Abusive Behaviour // *European Taxation*. 2015. Vol. 55, no. 4. P. 149–156.
8. *Baker P.* The BEPS Action Plan in the Light of EU Law: Treaty Abuse // *British Tax Review*. 2015. No. 3. P. 408–416.
9. *Леони Б.* Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. 308 с.
10. *Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
11. *Власенко Н. А., Назаренко Т. Н.* Неопределенность в праве: понятие и формы // *Государство и право*. 2007. № 6. С. 5–12.
12. *Шафиров В. М.* Первичные элементы системы права (методологический и теоретико-прикладной аспекты проблемы) // *Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. статей / отв. ред. В. М. Сырых, С. А. Рубаник. М.: РАП, 2011. С. 68–78.*
13. *Демин А. В.* Неопределенность в налоговом праве и правовые способы ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2014. 452 с.
14. *Витрянский В. В., Герасименко С. А.* Налоговые органы, налогоплательщик и Гражданский кодекс: арбитражно-судебная практика. М.: МЦФЭР, 1995. 144 с.

References

1. *Vann R.* Beneficial Ownership: What Does History (and Maybe Policy) Tell Us // in: *Beneficial Ownership: Recent Trends*. Ed. by M. Lang, P. Pistone et al. IBDF, 2013. P. 267–332.
2. *Rosenbloom H. D.* Tax Treaty Abuse: Policies and Issues // *Law and Policy in International Business*. 1983. Vol. 15, no. 3. P. 763–831.
3. *Schwarz J.* Schwarz on Tax Treaties, 3rd Ed. London: Wolters Kluwer, 2013. 843 p.
4. *Kuźniacki B.* Constitutional Issues Arising from the Principal Purpose Test: The Lesson from Poland // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2018. Vol. XXVII, no. 2. P. 95–115
5. *Cunha R. C.* BEPS Action 6: Uncertainty in the Principal Purpose Test Rule // *Global Taxation*. 2016. Vol. 1, June. P. 186–190.
6. *Kemmeren E. C. C. M.* Where is EU Law in the OECD BEPS Discussion? // *EC Tax Review*. 2014. Vol. 23, no. 4. P. 190–193.
7. *Kokolia E., Chatziioakeimidou E.* BEPS Impact on EU Law: Hybrid Payments and Abusive Behaviour // *European Taxation*. 2015. Vol. 55, no. 4. P. 149–156.
8. *Baker P.* The BEPS Action Plan in the Light of EU Law: Treaty Abuse // *British Tax Review*. 2015. No. 3. P. 408–416.
9. *Leonie B.* Freedom and Law. М.: IRISAN, 2008. 308 p.
10. *Hayek F. A. von.* The Road to Serfdom. М.: Novoe Izdatelstvo, 2005. 264 p.
11. *Vlasenko N. A., Nazarenko T. N.* Uncertainty in Law: Concept and Forms // *State and Law*. 2007. No. 6. P. 5–12.
12. *Shafirov V. M.* Primary Elements of the Legal System (Methodological and Theoretical-Applied Aspects of the Problem) // *The Legal System in the Russian Federation: Problems of Theory and Practice: Collection Scientific Articles / ed. by V. M. Syrykh, S. A. Rubanik. М.: RAP, 2011. P. 68–78.*
13. *Demin A. V.* Uncertainty in Tax Law and Legal Ways to Overcome it: diss. ... Doc. of Law. М., 2014. 452 p.
14. *Vitryansky V. V., Gerasimenko S. A.* Tax Authorities, Taxpayers and the Civil Code: Arbitration and Judicial Practice. М.: MCFAR, 1995. 144 p.

И. В. Козлов

**ПРАВОВОЙ СТАТУС БАНКА РОССИИ:
ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

Введение: вопрос о статусе Банка России продолжает оставаться дискуссионным в правовой науке. Изменение законодательства и правоприменительной практики вызывают необходимость его изучения с учетом новых правовых позиций. **Цель** — обозначить наиболее адекватную современным правовым реалиям правовую конструкцию, которая могла бы учесть специфику статуса Банка России. **Методологическая основа:** системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы исследования. **Результаты:** аргументирована позиция об отнесении Банка России к государственным органам, учитывая его включенность в систему публичной власти в Российской Федерации. **Выводы:** Банк России, являясь органом специальной компетенции в финансово-кредитной сфере, занимает особое место в государственном аппарате, его правовой статус остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Банк России, финансово-правовой статус, функции Банка России.

I. V. Kozlov

**LEGAL STATUS OF THE BANK OF RUSSIA:
ISSUES OF LEGAL THEORY, LEGISLATIVE
REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE**

Background: the issue of the status of the Bank of Russia continues to be debatable in legal science. Changes in legislation and law enforcement practice make it necessary to study it taking into account new legal positions. **Objective** — to search for the most adequate legal structure that could take into account the specifics of the status of the Bank of Russia. **Methodology:** systemic, formal legal, comparative legal research methods. **Results:** argued the position on attributing the Bank of Russia to state bodies, taking into account its inclusion in the system of public authorities in the Russian Federation. **Conclusions:** the Bank of Russia, being a body of special competence in the financial and credit sphere, occupies a special place in the state apparatus, its legal status remains controversial and requires further study.

Keywords: Bank of Russia, financial and legal status, functions of the Bank of Russia.

Основным элементом стабильного экономического роста любого государства выступает эффективная денежно-кредитная политика, немаловажную роль в реализации которой играют центральные банки, обладающие особым статусом,

© Козлов Илья Владиславович, 2024
Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail kozlov_ilya_99@mail.ru
© Kozlov Ilya Vladislavovich, 2024
Postgraduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

который отличает их от других субъектов, осуществляющих государственно-властную деятельность. Эти особенности связаны с теми задачами, которые центральные банки решают на государственном уровне. Как правило, цели центральных банков связаны с таргетированием инфляции и обеспечением стабильности национальной валюты, что свидетельствует о значимости и государственном характере их деятельности.

Банк России не является исключением. Цель его деятельности связана не только с поддержанием стабильности рубля, но и с осуществлением важных для государства задач по обеспечению эффективного функционирования российской банковской системы. Особое значение деятельность Банка России получила в условиях расширения его функций в связи с осуществлением им не только банковского надзора, но и контрольно-надзорной деятельности в отношении некредитных финансовых организаций. Соответственно, появились новые цели Банка России, касающиеся развития и стабильности финансового рынка страны. Для достижения этих целей Банк России наделен определенной компетенцией, нормотворческими и правоприменительными полномочиями, обладает методами и инструментами, позволяющими ему эффективно выполнять возложенные на него задачи.

Осуществляя полномочия в области денежно-кредитного регулирования, регулирования и надзора за кредитными и некредитными финансовыми организациями, обеспечения стабильности национальной платежной системы, валютного регулирования, валютного контроля и финансового мониторинга, Банк России выступает как орган, выполняющий публично-правовые функции и наделенный государственно-властными полномочиями. В правовой науке возможность применения мер государственного принуждения, которая имеется у Банка России, рассматривается в качестве одного из важных элементов органа государства [1, с. 304]. Вместе с тем проблема определения статуса Банка России неоднократно становилась предметом острой дискуссии в науке конституционного, административного и финансового права [2, с. 343–347, с. 17–18; 3].

Некоторые исследователи высказывали мнение о возможности отнесения Банка России к числу государственных органов. Я. А. Гейвандов, например, отмечает, что «Центральный банк РФ в связи с особенностями его правового статуса и возложенных на него полномочий является одним из государственных органов, но при этом он не включен в систему органов государственной власти, предусмотренную ст. 11 Конституции РФ» [4, с. 25]. Созвучную позицию высказывает Е. Н. Пастушенко, по мнению которой «возможна характеристика Центрального банка РФ как государственного органа, составной части государственного аппарата» [5, с. 55]. Однако в научной литературе обосновывается и иной подход. Так, по мнению М. С. Бацуры, «Банк России, обладая особым конституционно-правовым статусом и независимостью, ...тем не менее не является органом государственной власти» [6, с. 62]. Т. Э. Рождественская и А. Г. Гузнов отмечают, что «по своей правовой сути Банк России является специфическим публичным органом, выполняющим функции органа государственной власти» [7, с. 58].

Важное значение в осмыслении статуса Банка России имеют правовые позиции Конституционного суда РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона

“О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”¹ указано, что полномочия Банка России по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения.

Данная позиция получила дальнейшее развитие и практическое применение в актах Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в аспекте пользования Центральным банком РФ налоговыми льготами. Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2002 г. № 5697/01 по делу № 1165/5² суд признал за Банком России право на освобождение от уплаты земельного налога. Поскольку в п. 14 ст. 12 действовавшего на тот момент Закона РФ «О плате за землю» имелось указание на то, что от уплаты земельного налога полностью освобождаются земли, предоставляемые для обеспечения деятельности органов государственной власти и управления, Банк России с учетом его конституционно-правового статуса вправе, по мнению суда, воспользоваться данной льготой.

Однако дальнейшее развитие правоприменительной практики в отношении правового статуса Банка России пошло по другому пути и правовая позиция о том, что Центральный банк РФ может рассматриваться как орган государственной власти, претерпела изменения. Так, в соответствии с разъяснениями, данными в п. 1.1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 марта 2007 г. № 117 «Об отдельных вопросах применения главы 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации»³, а также в п. 32 Постановления Пленума ВАС РФ от 11 июля 2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах»⁴ Банк России следует отнести к иным органам, не входящим в структуру и систему органов государственной власти или местного самоуправления, но выполняющим публично-правовые функции.

В развитие этого подхода при рассмотрении правомерности пользования Банком России льготой по уплате государственной пошлины за выдачу разрешений на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух Федеральный Арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 26 марта 2013 г. по делу № А40-80160/12-154-740⁵ отметил, что Банк России не может быть отнесен к федеральным органам государственной власти. В силу указанного обстоятельства суд отказал Банку России в праве на пользование льготой по уплате государственной пошлины за выдачу разрешений на выброс вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, так как согласно подп. 4 п. 1 ст. 333.35 Налогового кодекса РФ данной льготой вправе пользоваться федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления. По мнению суда, Центральный банк Российской Федерации не может быть отнесен ни к одной из указанных в Налоговом кодексе РФ групп.

¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 8.

³ Утратило силу в связи с принятием Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 июля 2014 г. № 169. См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 4.

⁴ См.: Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

⁵ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Обобщая выводы, сделанные с учетом правоприменительной практики, отметим, что если ранее суды признавали за Центральным банком РФ право на налоговые льготы, соглашаясь с наличием у него статуса органа государственной власти и управления, то впоследствии подход судебных органов стал иным. Признавая, что Банк России обладает особым конституционно-правовым статусом, суды вместе с тем не разделяют мнение о том, что Центральный банк РФ — это орган государственной власти.

При анализе правового положения Банка России представляется важным рассмотреть понятие «публичная власть». Этот термин введен в текст Конституции РФ Федеральным конституционным законом от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹. Перечень органов публичной власти закреплен в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»² и включает федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления.

Как следует из проанализированных позиций, сформулированных в судебной практике, к органам государственной власти Банк России не может быть отнесен. Дополнительно в поддержку этой позиции необходимо отметить, что с учетом конституционного принципа разделения властей, закрепленного в ст. 10 российской Конституции, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, при этом Банк России к этим ветвям власти не отнесен. Банк России не относится к системе органов государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления, так как является органом федерального уровня. Соответственно, требуется проанализировать вопрос о возможности отнесения Банка России к иным государственным органам.

Законодательное определение понятия «государственный орган» отсутствует, однако данное понятие стало предметом исследования в науке теории права и административного права [8, с. 68–71, 175–177; 9]. К общим признакам государственного органа исследователи относят государственный орган как элемент государственного механизма (государственного аппарата), как орган, осуществляющий задачи и функции государства, реализующий публичный интерес, учрежденный государством, обладающий собственной компетенцией, а реализуемые им полномочия являются властными. Обобщая эти признаки, Ю. М. Козлов определяет государственный орган как «основной элемент государственно-властного механизма (государственного аппарата), непосредственно и от имени государства осуществляющий его задачи и функции посредством определенного конституционного вида государственной деятельности» [10, с. 218]. Банк России обладает всеми перечисленными признаками государственного органа (выполняет государственные задачи, действует на основании закона, реализует публичные интересы, обладает определенной законом компетенцией, осуществляет властные полномочия, включая применение мер принуждения к поднадзорным субъектам). С учетом этих признаков Банк России может быть

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

² См.: Там же. № 50, ч. 3, ст. 8039.

отнесен к государственным органам, входящим в систему публичной власти в Российской Федерации.

Подводя итог, важно отметить разнообразие выполняемых Банком России задач и функций, с одной стороны, он является участником экономических, денежных отношений, с другой — выступает как орган банковского надзора, выполняет контрольно-надзорную деятельность в отношении некредитных финансовых организаций, осуществляет нормативно-правовое регулирование в сфере своей компетенции. Таким образом, Банк России одновременно реализует свой статус через участие в гражданско-правовых отношениях, в которых он позиционируется как юридическое лицо, не имеющее организационно-правовой формы, и через осуществление государственно-властной деятельности, в которой он выступает как государственно-властный орган. Необходимость сочетать указанные направления своей деятельности вызывает потребность в особом регулировании деятельности Центрального банка РФ.

До настоящего времени в правовой теории отсутствует единообразный подход к пониманию правового статуса Банка России. Системный анализ действующего законодательства с учетом позиций, сформулированных в судебной практике, позволяет отнести Банк России с учетом реализуемых им функций к государственным органам специальной компетенции в денежно-кредитной сфере. Иные позиции входят в конкуренцию с сущностью государственно-властной деятельности Банка России и не позволяют рассматривать его как субъект публичной власти.

В настоящее время наблюдается тенденция к расширению сферы властной деятельности Банка России в связи с возложением на него контрольно-надзорных функций в отношении как кредитных, так и некредитных финансовых организаций, что свидетельствует о значимости финансово-контрольной деятельности регулятора и усилении его роли в укреплении финансовой стабильности в Российской Федерации. Думается, что дальнейшее совершенствование законодательства, научные исследования, появление в правоприменительной практике правовых позиций, четко отражающих правовой статус Банка России, послужит необходимой основой для формулирования взвешенных и аргументированных подходов к пониманию финансово-правового статуса Банка России.

Библиографический список:

1. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. 520 с.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов и фак-в. М.: Норма, 2000. 305 с.
3. Асадов А. М. Правовое положение Центрального Банка Российской Федерации (административно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.
4. Гейвандов Я. А. Центральный банк Российской Федерации: юридический статус, организация, функции, полномочия. М.: Изд-во Моск. независим. ин-та междунар. права, 1997. 208 с.
5. Пастушенко Е. Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2006. 372 с.
6. Бацура М. С. Субъекты банковского права. М.: Проспект, 2018. 176 с.
7. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Банковское право. Публично-правовое регулирование: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2023. 273 с.

8. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А. В. Малько. М.: Кнорус, 2010. 768 с.
9. Бахрах Д. Н. Административное право России: учеб. для вузов. М.: Норма, 2002. 640 с.
10. Козлов Ю. М. Административное право: учебник. М.: Юристъ, 2005. 554 с.

References

1. *Kozlova E. I., Kutafin O. E.* Constitutional Law of Russia. Textbook. 2nd ed., reviewed and suppl. М.: Jurist, 2000. 520 p.
2. *Baglay M. V.* Constitutional Law of the Russian Federation. Textbook for law schools and faculties. М.: Norma, 2000. 305 p.
3. *Asadov A. M.* The Legal Position of the Central Bank of the Russian Federation (Administrative and Legal Aspect): extended abstract diss. ... cand. of Law. Yekaterinburg, 1997. 23 p.
4. *Geyvandov Ya. A.* The Central Bank of the Russian Federation: Legal Status, Organization, Functions, Powers. М.: Publishing House of the Moscow Independent Institute of International Law, 1997. 208 p.
5. *Pastushenko E. N.* Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation: Financial and legal Aspects of the Theory. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2006. 372 p.
6. *Batsura M. S.* Subjects of Banking Law: monograph. М.: Prospect, 2018. 176 p.
7. *Rozhdestvenskaya T. E., Guznov A. G.* Banking Law. Public Law Regulation: textbook and workshop for universities. 3rd ed., revised and suppl. М.: Yurayt, 2023. 273 p.
8. Theory of State and Law: textbook / ed. by A. V. Malko. М.: Knorus, 2010. 768 p.
9. *Bakhrakh D. N.* Administrative Law of Russia: textbook for universities. М.: Norma, 2002. 640 p.
10. *Kozlov Yu. M.* Administrative Law: textbook. М.: Jurist, 2005. 554 p.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-247-253
УДК 347.511

Е. А. Кравцова

ОСНОВЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ

Введение: в процессе своей деятельности любое предприятие оказывает негативное действие на окружающий мир, причиняя ему вред. Данный вред наносится как при нарушении установленных для предприятия нормативов сбросов и выбросов (неправомерный вред), так и при осуществлении деятельности в рамках закона (правомерный вред). **Цель** — рассмотреть действующие механизмы возмещения правомерного вреда, причиняемого окружающей среде, практику его взыскания в судебном порядке, обосновать наличие пробелов в правовом регулировании данной сферы. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, метод сравнительного анализа, формально-юридический, описательный методы. **Результаты:** существующее нормативное регулирование института возмещения вреда, установленное гражданским законодательством, не учитывает специфику экологических правоотношений, что вызывает трудности при его применении и может привести к негативным экономическим последствиям. **Выводы:** предлагается принятие отдельного нормативного акта, который будет устанавливать механизм возмещения вреда, причиняемого правомерными действиями предприятий, а также пределы и ограничения такого возмещения.

Ключевые слова: экологическое право, гражданское право, правомерный вред, экологический вред, вред окружающей среде, возмещение вреда, источник повышенной опасности, нормативы воздействия.

Е. А. Kravtsova

FUNDAMENTALS OF COMPENSATION FOR LAWFUL DAMAGE TO THE ENVIRONMENT CAUSED BY THE ECONOMIC ACTIVITIES OF ENTERPRISES

Background: in the course of its activities, any enterprise has a negative effect on the surrounding world, causing harm to it. This harm is caused both when the discharge and emission standards established for the enterprise are violated (unlawful harm), and when carrying out activities within the framework of the law (legitimate harm). **Objective** — to consider the current mechanisms for compensation for legitimate damage caused to the environment, the practice of collecting it in

© Кравцова Елена Александровна, 2024

Доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина); e-mail: 543375@mail.ru

© Kravtsova Elena Aleksandrovna, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines (Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin)

court, and to substantiate the inadequacy of legal regulation in this area. **Methodology:** general scientific and private research methods, comparative analysis method, formal legal method, descriptive method. **Results:** the existing normative regulation of the institution of compensation for harm, established by civil law, does not take into account the specifics of environmental legal relations, which causes difficulties in its application and can lead to negative economic consequences. **Conclusions:** it is proposed to adopt a separate regulatory act that will establish a mechanism for compensation for harm caused by lawful actions of enterprises, and will establish the limits and limitations of such compensation.

Keywords: environmental law, legitimate harm, environmental harm, environmental harm, source of increased danger, compensation for harm, impact standards.

Возможность нанесения предприятиями правомерного вреда в результате своей деятельности предусмотрена нормами Федерального закона «Об охране окружающей среды». Так, в ст. 19 данного закона устанавливается, что «нормирование в области охраны окружающей среды осуществляется ... для предотвращения и (или) снижения негативного воздействия на окружающую среду»¹. Формулировка указанной статьи подразумевает возможность реализации хозяйственной деятельности с негативными для окружающей среды последствиями. В ст. 23 закона предусматривается возможность установления технических и технологических нормативов вредного воздействия на окружающую среду в индивидуальном порядке для конкретных предприятий.

В соответствии с нормами закона для каждого конкретного предприятия устанавливаются специально разработанные нормативы выбросов и сбросов вредных веществ в окружающую среду. Данные нормативы разрабатываются и утверждаются еще на стадии планирования деятельности предприятий, при разработке технической документации, подаваемой для проведения обязательной оценки воздействия на окружающую среду². При установлении данных нормативов учитываются наилучшие существующие технологии, позволяющие минимизировать негативное воздействие с учетом необходимости рентабельности планируемой деятельности.

Рассматривая возможность причинения правомерного вреда, отдельные ученые указывают, что любое негативное воздействие, оказываемое предприятиями на окружающую среду, является недопустимым, поскольку тем самым нарушается право граждан на благоприятную окружающую среду. Такого мнения, в частности, придерживается Н. В. Жукова [1, с. 160].

Однако такая точка зрения представляется весьма спорной. Проблема состоит в том, что в настоящее время не существует технологий, применение которых позволило бы не оказывать никакого негативного воздействия на окружающую среду. Даже самые примитивные сельскохозяйственные работы, от которых зависит выживание человека, можно рассматривать в контексте причинения вреда окружающей среде, так как вырубка леса и обработка почвы с целью выращивания сельскохозяйственной продукции ведут к деградации почв и могут привести

¹ См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 1, ч. 1, ст. 64.

² См.: Приказ Минприроды России от 14 февраля 2019 г. № 89 «Об утверждении Правил разработки технологических нормативов»: зарег. в Минюсте России 4 апреля 2019 г. № 54273. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к опустыниванию. В то же время экономическое развитие общества и стремление человечества к повышению уровня жизни и увеличению ее продолжительности, требует строительства новых заводов, открытия новых производств. И предотвратить негативное воздействие на окружающую среду при этом невозможно, исходя из современного уровня развития общества.

Данное противоречие между необходимостью экономического развития государства и желанием сохранить в процессе такого развития окружающую среду и минимизировать причиняемый в результате хозяйственной деятельности вред было предметом неоднократного рассмотрения в ЕСПЧ, который сделал вывод, что вред, причиняемый деятельностью предприятий, даже если данная деятельность является правомерной и осуществляется в рамках закона, подлежит возмещению. Каждое государство должно по мере своих экономических и финансовых возможностей стремиться к соблюдению баланса между решением экологических проблем и развитием экономики¹, между интересами общества и интересами отдельных граждан².

Позиция ЕСПЧ о том, что правомерно причиненный экологический вред подлежит возмещению, нашла свое отражение и в практике российских судов. Так, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 49³ отмечает необходимость возмещения вреда правомерно причиненного окружающей среде в результате хозяйственной деятельности предприятий, а также обозначает нормативную базу, на основании которой должно происходить такое возмещение.

Основными нормативными актами в данной сфере выступают упомянутый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и Гражданский кодекс РФ. Так, в ст. 77 закона устанавливается, что лица, допустившие ухудшение состояния окружающей среды, обязаны возместить причиненный вред. Из буквального толкования данной статьи можно сделать однозначный вывод, что компенсации подлежит не только вред, нанесенный в результате совершения правонарушения, но и правомерно причиненный вред.

В противовес данной норме в ст. 78 «Порядок возмещения вреда» закрепляется, что компенсация вреда, причиненного окружающей среде, осуществляется в результате правонарушения и по решению суда. Аналогичные положения содержатся и в ст. 79 «Возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды». Поэтому традиционно при подаче исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, в том числе и в результате правомерных действий, истцы прибегают к ст. 1019 Гражданского кодекса РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих». Обоснованность применения данной нормы при подаче исков о возмещении правомерно причиненного вреда подтвердил Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 30 ноября 2017 г. № 49, указав на то, что любая деятельность, при

¹ См.: *Hatton and others v. United Kingdom*, No. 360022/97, 8 July 2003, para. 98. URL: <https://minorityrights.org/wp-content/uploads/old-site-downloads/download-221-Hatton-and-Others-v-UK-full-case.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

² См.: Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. «Дело Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

которой наносится вред окружающей среде, представляет собой деятельность, несущую повышенную опасность для окружающих. Этот вывод суд сделал из ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды», в которой закреплена презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности. Далее в постановлении отмечается, что плата, которую производят предприятия за установленные для них предельно допустимые сбросы и выбросы, не освобождает от возмещения правомерного вреда, причиненного их деятельностью окружающей среде. Сумма платежей за пользование природными ресурсами в стоимость возмещения вреда не засчитывается.

Конституционный Суд РФ также неоднократно отмечал необходимость полного возмещения правомерно причиненного экологического вреда. В частности, в Определении Конституционного Суда РФ от 13 мая 2019 г. № 1197-О¹ указано, что вред, причиненный в результате проведения предприятием разрешенных работ по рубке лесных насаждений, должен быть возмещен. Аналогичное мнение высказывает Конституционный Суд РФ и в отношении экологического вреда, причиненного правомерными действиями органов публичной власти².

Иски о возмещении правомерно причиненного вреда рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства. Нормы Гражданско-процессуального кодекса РФ (ст. 4, 34, 45, 46) устанавливают, что в суд могут обращаться прокуроры с исками в защиту прав других лиц. В случаях, предусмотренных федеральными законами, такое право предоставляется органам государственной власти, местного самоуправления, организациям и гражданам.

В ст. 11 и 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закрепляется право граждан и организаций подавать иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, которые фактически являются исками в пользу неопределенного круга лиц. Анализ указанных статей позволяет сделать вывод о разных возможностях граждан и организаций по возмещению экологического вреда. Общим правом для граждан и организаций выступает право подавать иски о возмещении вреда окружающей среде в тех случаях, когда вред причиняется вследствие совершения предприятиями правонарушений. Истцы при этом не могут быть получателями средств по таким искам, поскольку согласно п. 16 Постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 49 средства, полученные по искам о возмещении вреда, нанесенного окружающей среде, зачисляются в бюджеты муниципальных образований по месту деятельности предприятий.

Что касается организаций, то в ст. 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закрепляется за ними дополнительное право, которым не обладают граждане — право требовать прекращения или приостановления любой, в том числе и правомерной, деятельности предприятий, которые наносят вред окружающей среде. Несмотря на отмечающиеся учеными значительные труд-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2019 г. № 1197-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Группа «Илим» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем седьмым статьи 3 и статьей 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», частью первой статьи 56 Федерального закона «О животном мире» и статьей 58 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 мая 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой» // СПС «КонсультантПлюс».

ности при реализации данной нормы [2, с. 47; 3, с. 322], подобного рода иски постепенно внедряются в правоприменительную практику. Так, 18 июня 2019 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела дело по иску общественной организации «Принципъ» в интересах неопределенного круга лиц к предприятию «Экотехпром» о возложении обязанности прекратить деятельность комплекса по обезвреживанию и переработке твердых бытовых и биологических отходов¹. В определении рассматривался вопрос о том, имеет ли право истец подавать иск в пользу неопределенного круга лиц. Основываясь на ст. 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды», суд пришел к выводу, что истец наделен таким правом.

Возможность взыскания гражданами вреда, причиненного правомерными действиями, вытекает из норм ст. 1069 Гражданского кодекса РФ. При нанесении предприятиями вреда в рамках повседневной, разрешенной законом деятельности, граждане могут взыскивать с предприятий компенсацию за вред, причиненный им лично. Как указывает И. В. Агеев, возмещение экологического вреда, причиненного гражданам правомерными действиями, осуществляется по тем же правилам, что и возмещение вреда, причиненный экологическими правонарушениями [4, с. 188]. Примечательно, что обзор судебной практики по вопросам о применении законодательства об охране окружающей среды², который был издан в 2022 г. на основании анализа 87 тысяч дел, касающихся экологических проблем, рассмотренных в том же году³, вопросы возмещения экологического вреда здоровью человека не затрагивает. Анализ судебной практики показывает, что экологический вред, причиняемый гражданам, на данный момент судами практически не взыскивается, вне зависимости от того, причинен он правомерными или неправомерными действиями, поскольку истцы не могут четко и однозначно доказать, что вред их здоровью возник именно из-за сбросов и выбросов в окружающую среду, осуществляемой конкретным предприятием. Так, решением Курчатовского районного суда г. Челябинска от 7 сентября 2012 г.⁴ гражданину Б. было отказано в возмещении вреда здоровью, причиненного парами брома, который вылился из железнодорожных цистерн в результате железнодорожной аварии. Суд не усмотрел причинно-следственной связи между вдыханием паров и дальнейшей госпитализацией гражданина, несмотря на то, что ему был поставлен диагноз «острое техногенное случайное отравление парами брома легкой степени». В то же время суд взыскал в пользу данного гражданина шесть тысяч руб. возмещения морального вреда.

В настоящее время можно говорить о сформировавшейся судебной практике возмещения морального вреда, причиненного гражданам в результате причинения экологического вреда, вне зависимости от того, причинен он правомерными

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-100 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Обзор судебной практики по вопросам о применении законодательства об охране окружающей среды: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 июня 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Шувалова М. Что должно учитываться при рассмотрении экологических споров? // СПС «Гарант». 2022. 22 июня (дата обращения: 03.12.2023).

⁴ См.: Решение Курчатовского районного суда г. Челябинска от 7 сентября 2012 г. по делу № 2-1122/12 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.12.2023).

или неправомерными действиями. Хотя суммы возмещения по-прежнему остаются незначительными. Так, в 2022 г. гражданин Ф. взыскал с индивидуального предпринимателя компенсацию морального вреда, причиненного ему в результате нарушения последним норм законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии, что негативно повлияло на здоровье истца. Правда, из запрошенной суммы в 200 тысяч руб. суд присудил истцу лишь 10 тысяч руб.¹

Изучение судебной практики показывает, что общее количество дел о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, в том числе и в результате правомерных действий предприятий, продолжает увеличиваться. Так, председатель Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ С. В. Асташов отметил, что суды ежегодно рассматривают порядка 3 000 подобного рода дел². Однако абсолютное большинство исков о возмещении экологического вреда вытекает из нарушений, допускаемых предприятиями в процессе хозяйственной деятельности. Иски о возмещении правомерно причиненного вреда продолжают носить единичный характер.

Несмотря на имеющуюся нормативную базу возмещения вреда, причиняемого правомерной деятельностью хозяйствующих субъектов, следует согласиться с мнением Л. И. Брославского, который выдвигает тезис о необходимости принятия отдельного закона о возмещении экологического вреда [5, с. 38], в котором следует прописать и механизм возмещения правомерно причиненного вреда. Действительно, необходимость в принятии такого закона уже давно назрела. Применение норм гражданского законодательства при возмещении экологического вреда вызывает некоторые трудности в силу специфики данного вреда, который трудно или вообще невозможно подсчитать. Применение методик при подсчете такого вреда облегчает его возмещение только по отдельным категориям природных объектов. Подсчет вреда, причиненного экологическим системам и человеку, в настоящее время не представляется возможным, поскольку механизмов его подсчета не существует. Что касается правомерно причиненного вреда, то в законе также должны быть отражены особенности его возмещения. Применение гражданского законодательства, предусматривающего полное возмещение убытков, при подаче исков о возмещении правомерного вреда представляется спорным, поскольку в данном случае может быть нарушен баланс между экономическими и экологическими интересами государства. Учитывая необходимость соблюдения такого баланса, следует установить нормативное ограничение ответственности причинителя вреда, как это сделано, например, в обязательствах по перевозке, поскольку полное возмещение правомерно причиненного вреда может привести к банкротству и закрытию предприятий, деятельность которых необходима для общества.

Библиографический список

1. Жукова Н. В. О понятии механизма обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду и недостатках его действия в России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 160–162.

¹ См.: Решение Читинского Забайкальского суда от 21 февраля 2022 г. по делу № 2-142/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.12.2023).

² См.: Рассмотрение экологических споров российскими судами. Интервью с председателем Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ С. В. Асташовым // ЭкоСпоры. 2021. № 12. URL: https://www.profiz.ru/es/blog/post_7631/ (дата обращения: 26.09.2023).

2. *Крайнова А. В.* Проблемы защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 2(18). С. 46–51.
3. *Кравцова Е. А.* Проблемы возмещения экологического вреда в Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 3. С. 321–326.
4. *Агеев И. В.* Актуальные вопросы защиты экологических прав человека // Modern Science. 2020. № 10-2. С. 187–190.
5. *Брославский Л. И.* России нужен закон о возмещении экологического вреда // Экологическое право. 2020. № 3. С. 37–43.

References

1. *Zhukova N. V.* On the Concept of a Mechanism for Ensuring the Implementation of the Right of Citizens to a Favorable Environment and the Shortcomings of Its Action in Russia // Actual Problems of Russian Law. 2017. No. 11. P. 160–162.
2. *Krainova A. V.* Problems of Protection of an Indefinite Circle of Persons in Civil Proceedings // Bulletin of the Penza State University. 2017. No. 2(18). P. 46–51.
3. *Kravtsova E. A.* Problems of Compensation for Environmental Harm in the Russian Federation // Siberian Legal Review. 2019. V. 16, no. 3. P. 321–326.
4. *Ageev I. V.* Topical Issues of Protection of Environmental Human Rights // Modern Science. 2020. No. 10-2. P. 187–190.
5. *Broslavsky L. I.* Russia Needs a Law on Compensation for Environmental Damage // Ecological Law. 2020. No. 3. P. 37–43.

М. А. Еремина, С. А. Сусликов

**ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В ПРАКТИКЕ
СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ:
ОПЫТ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Введение: эффективность реализации принципа разделения властей сопряжена с повышением эффективности парламентского контроля, обеспечивающего реализацию скоординированной и результативной государственной политики, укрепление верховенства закона. Как и Россия, Киргизия и Таджикистан — государства, конституции которых претерпели изменения в связи с конституционными реформами, обозначившими тенденцию укрепления позиции главы государства, что актуализирует поиск инструментов усиления эффективности парламентской деятельности. **Цель** — выявить положительный опыт в практике зарубежных стран, который мог бы быть воспринят законодателем в России. **Методологическая основа:** системный и функциональный методы; формально-юридический и сравнительно-правовой методы (способы нормативного и концептуального сравнения). **Результаты:** конституции республик фиксируют сильное положение главы государства; полномочия парламентов республик в сфере контроля деятельности органов исполнительной власти в специальном законодательстве представляются «урезанными». **Выводы:** возможность заимствования некоторых контрольных парламентских, не характерных для России, практик рассматриваемых республик.

Ключевые слова: демократия, парламент, парламентский контроль, сдержки и противовесы, конституционные реформы в странах СНГ, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан.

M. A. Eryomina, S. A. Suslikov

**PARLIAMENTARY CONTROL IN THE PRACTICE OF THE COUNTRIES
OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES IN THE LIGHT
OF MODERN CONSTITUTIONAL REFORMS: EXPERIENCE
OF THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Background: the effective implementation of the principle of separation of powers is associated with an increase in the effectiveness of parliamentary control, which ensures the implementation of coordinated and effective state policy and the strengthening of the rule of law. Like Russia,

© Еремина Мария Александровна, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ema_85@list.ru

© Сусликов Сергей Анатольевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: suslikov80@mail.ru

© Eryomina Maria Alexandrovna, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of the International Law (Saratov State Law Academy)

© Suslikov Sergey Anatolievich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Prof. I. E. Farber and Prof. V. T. Kabyshev (Saratov State Law Academy)

*Kyrgyzstan and Tajikistan are states whose constitutions have undergone changes in connection with the constitutional reforms, which marked the trend of strengthening the position of the head of state, which actualizes the search for tools to strengthen the effectiveness of parliamentary activity. **Objective** — to identify positive experience in the practice of foreign countries, which could be adopted by the legislator in Russia. **Methodology**: system and functional methods; formal-legal and comparative-legal method (methods of normative and conceptual comparison). **Results**: Constitutions of the republics fix the strong position of the head of state; the powers of the parliaments of the republics in the sphere of control over the activities of the executive authorities appear 'curtailed' in special legislation. **Conclusions**: generalization of normative material led the author to the conclusion that it is possible to borrow some individual positive control parliamentary practices of republics that are not typical for Russia.*

Keywords: democracy, parliament, parliamentary control, checks and balances, constitutional reforms in the CIS countries, Kyrgyz Republic, Republic of Tajikistan.

Развитие процессов демократизации в любом государстве непосредственно сопряжено с повышением эффективности парламентского контроля — контрольной деятельности, осуществляемой органами законодательной власти, в отношении исполнительных органов. Данный вид контроля, будучи важнейшей функцией парламента, а также необходимым элементом системы сдержек и противовесов, обеспечивает реализацию более скоординированной и результативной государственной политики всем механизмом государства, сокращает количество правонарушений, нарушений прав и свобод граждан отдельными ведомствами и их должностными лицами в системе исполнительной власти.

Несмотря на значительное число научных работ, посвященных изучению института парламентского контроля в России, приходится констатировать, что, как в теории, так и на практике, решены далеко не все проблемы и задачи. Некоторые из них вызваны потребностью в осмыслении рассматриваемого института с учетом правовых реалий в связи с последними изменениями, внесенными в Конституцию Российской Федерации. Осуществлению дальнейшего совершенствования института парламентского контроля в России могло бы способствовать изучение соответствующего опыта зарубежных стран.

Анализ содержания конституционных реформ, реализованных в течение последних нескольких лет в ряде государств постсоветского пространства, как и в целом в рамках общемировой практики, позволяет увидеть тенденцию укрепления позиции главы государства и высших органов исполнительной власти. Это лишь актуализирует вопрос поиска инструментов усиления эффективности парламентской деятельности, в частности в Российском государстве, ведь грамотное правовое регулирование институтов парламентского контроля позволяет увеличивать эффективность и качество работы органов исполнительной власти. Для выявления положительного опыта, который мог бы быть воспринят законодателем в России, были выбраны Кыргызская Республика и Республика Таджикистан.

Порядок осуществления парламентом Кыргызской Республики, Жогорку Кенешем, отдельных контрольных полномочий регламентирован Конституцией Кыргызской Республики 11 апреля 2021 г.¹, Законами Кыргызской Республики

¹ См.: Кыргыз Республикасынын Конституциясы. URL: <http://kenesh.kg/ky/article/show/31/konstitutsiya-kirgizskoy-respubliki> (дата обращения: 27.08.2023).

от 16 ноября 2022 г. № 106/2022 «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики»¹ и от 13 августа 2004 г. № 121 «О порядке осуществления контрольных функций Жогорку Кенешем Кыргызской Республики»².

Фундамент правового регулирования современных отношений в сфере осуществления парламентского контроля в Кыргызской Республике был заложен новой редакцией Конституции, утвержденной на общенародном референдуме в 2021 г. Объем контрольных полномочий Жогорку Кенеша в соответствии с актуальной редакцией Основного закона обусловлен особенностями республиканской формы государственного управления президентского типа, что подтверждается анализом содержания ст. 66–110 Раздела Третьего Конституции, определяющих правовой статус высших органов государственной власти с сохранением ключевой роли во всем государственном механизме за главой государства: Президент возглавляет исполнительную власть (ст. 66, 89), формирует Кабинет министров с согласия Жогорку Кенеша (ст. 80, 90), осуществляет руководство деятельностью Кабинета (ст. 89), инициирует его отставку (ст. 70), Кабинет отчитывается в своей деятельности перед Президентом (ст. 90); полномочия Жогорку Кенеша ограничены бюджетной сферой (утверждение бюджета, заслушивание отчета правительства о его исполнении (ст. 80), передача на рассмотрение главе государства вопроса об ответственности членов Кабинета в случае его неудовлетворительной работы по реализации статей бюджета (ст. 89))³. Заслуживают внимания нормы Конституции, наделяющие Жогорку Кенеш полномочиями по участию в формировании некоторых органов власти и назначении ряда должностных лиц, а также освобождении их от должности: председателя Национального банка (по представлению главы государства), членов Счетной палаты (одну треть — по представлению главы государства, две трети — самостоятельно), Уполномоченного по правам человека (Акыйкатчы) и его заместителей (по собственной инициативе), Генерального прокурора (по представлению главы государства). Кроме того, парламент уполномочен на ежегодной основе заслушивать доклады омбудсмена (ст. 80), который осуществляет парламентский контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (ст. 109).

Изучение норм действующего специального законодательства Кыргызской Республики о парламентском контроле (гл. 17–21, 23 Закона «О регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» и Закон «О порядке осуществления контрольных функций Жогорку Кенешем Кыргызской Республики») выявило значительный перечень и объем полномочий парламента, его комитетов и временных комиссий, которые по смыслу законов выступают субъектами парламентского контроля. Важно отметить, что новый вариант закона о регламенте был принят в 2022 г., а последние редакции обоих законов были утверждены в апреле и мае 2023 г. соответственно, то есть после принятия в 2021 г. обновленной Конституции Республики, что во многом отразилось на их содержании.

¹ См.: Кыргыз Республикасынын мыйзамы «Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңешинин Регламенти жөнүндө». URL: <http://kenesh.kg/ky/article/show/14/kirgiz-respublikasinin-zhogorku-keneshinin-reglamentini> (дата обращения: 27.08.2023).

² См.: Кыргыз Республикасынын мыйзамы «Кыргыз Республикасынын Жогорку Кенешинин таарабынан контролдук иш-милдеттерди жузого ашыруунун тартиби жонундо». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1520?cl=ky-kg> (дата обращения: 27.08.2023).

³ См.: Кыргыз Республикасынын Конституциясы. URL: <http://kenesh.kg/ky/article/show/31/konstitutsiya-kirgizskoy-respubliki> (дата обращения: 27.08.2023).

Обобщив нормативный материал двух законов, представляется возможным выделить следующие формы контроля:

1) рассмотрение и утверждение парламентом отчетов следующих органов власти и должностных лиц на ежегодной основе: Кабинет министров — об исполнении бюджета, с последующим принятием соответствующего закона, содержащего оценку исполнения, с возможностью рассмотрения предложений об ответственности членов Кабинета Министров и руководителей органов исполнительной власти; Генерального прокурора, председателей Национального банка и Счетной палаты. Примечательно, что в отличие от действующей редакции закон о регламенте 2011 г. предусматривал отчет и Председателя Кабинета о его работе с возможностью решения вопроса об отставке Кабинета;

2) контроль комитетов и комиссий парламента за ходом текущего исполнения статей государственного бюджета не чаще одного раза в квартал;

3) проведение Дня Кабинета Министров — не чаще одного раза в квартал, в рамках заранее утвержденных в ежегодном плане работы тем, с составлением перечня вопросов, направлением его Кабинету и опубликованием на сайте парламента, с принятием итогового постановления парламента;

4) проведение Часа Кабинета Министров — каждый четверг с полномочным представителем Кабинета, раз в квартал — с Председателем Кабинета и его членами;

5) парламентское расследование; парламентский и депутатский запрос в органы государственной власти и местного самоуправления, бюджетные организации, фонды, учреждения, юридическим лицам с государственным участием в уставном капитале;

6) парламентские слушания фракций, комитетов и комиссий Жогорку Кенеша с возможностью участия членов правительства и иных должностных лиц.

Отдельного внимания заслуживает вопрос взаимодействия Жогорку Кенеша с Кабинетом министров. Изучению подверглись две редакции закона о регламенте — действующая и принятая до изменения Основного закона. Анализ статей двух законов позволил выявить существенные отличия в редакциях, обусловленные именно внесением поправок в конституцию государства. Примечательно, что предыдущая редакция закона предусматривала форматы работы парламента во взаимодействии с Кабинетом Министров, больше характеризующие Кыргызскую Республику как государство с сильной парламентской, а не президентской властью, а именно: выдвижение фракциями и их коалициями кандидатур на должность Председателя Кабинета Министров (ст. 122); утверждение программы, структуры и состава исполнительного органа власти (ст. 123); утверждение Жогорку Кенешем проектов общегосударственных программ социально-экономического развития, представленных правительством, а также утверждение внесенного Председателем Кабинета министров проекта среднесрочной программы деятельности правительства на 5 лет в течение месяца после формирования состава Кабинета (ст. 128–129); выражение недоверия правительству путем принятия постановления большинством голосов от общего количества членов парламента (ст. 130–131); окончательное решение об отставке в данном случае принимается главой государства.

В действующей редакции закона о регламенте отсутствует глава, содержанием которой стали бы статьи об участии парламента в выдвижении кандидатур

на должность главы Кабинета Министров, утверждении программы, структуры и состава Кабинета. Не вошла в закон и глава об утверждении парламентом проектов общегосударственных программ социально-экономического развития, проекта среднесрочной программы деятельности правительства на 5 лет. Положения о недоверии правительству также отсутствуют. На смену в новом законе пришла гл. 23 «Избрание, утверждение, дача согласия на назначение, освобождение, временное отстранение от должности и привлечение к уголовной ответственности государственных должностных лиц», не упоминающая о главе Кабинета Министров, его ответственности, ответственности Кабинета в целом и пр.

Таким образом, анализ норм новой редакции Основного закона и норм действующих редакций специальных законов приводят к однозначному выводу о полной их согласованности в части определения статуса Жогорку Кенеша в системе высших органов государственной власти Кыргызской Республики: зафиксировано более сильное положение главы государства; специальное законодательство в актуальной редакции не сохранило за парламентом широкий объем контрольных полномочий в сфере отношений с исполнительной властью (в отличие от прежней редакции).

Экспертно-аналитическое исследование форм и методов правового регулирования института парламентского контроля в Республике Таджикистан было проведено на основе изучения следующих нормативно-правовых и подзаконных актов: Конституции Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г.¹, Конституционного Закона Республики Таджикистан от 19 апреля 2000 г. № 1 «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан»², Конституционного Закона Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. № 43 «О правовом статусе члена Маджлиси Милли и депутата Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан»³, Постановления Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 7 ноября 2001 г. № 437 «О Регламенте Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан»⁴, Постановления Маджлиси Милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан «О Регламенте Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан»⁵.

Проведенные первоначальный и последующий поиски источников права в исследуемой сфере выявили отсутствие в законодательстве Республики Таджикистан специального закона о парламентском контроле. Вывод о слабом конституционно-правовом статусе парламента — Маджлиси Оли — в механизме контроля над деятельностью правительства стал результатом анализа норм Конституции Республики Таджикистан в разрезе принципа разделения властей

¹ См.: Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://mfa.tj/tg/main/view/70/konstitutsiyai-jumhurii-tojikiston> (дата обращения: 27.08.2023).

² См.: Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://parlament.tj/news/518--onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-ma-lisi-olii-um-urii-to-ikiston> (дата обращения: 27.08.2023).

³ См.: Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи вазъи ҳуқуқи узви Маҷлиси милли ва вакили Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://parlament.tj/news/504--onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-vaz-i-u-ii-uzvi-ma-lisi-mill-va-vakili-ma-lisi-namoyandagoni-ma-lisi-olii-um-urii-to-ikiston> (дата обращения: 27.08.2023).

⁴ См.: База данных «Законодательство стран СНГ». URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2227 (дата обращения: 27.08.2023).

⁵ См.: ЦБПИ «Адлия». URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=6443 (дата обращения: 27.08.2023).

и дополняющего его механизма сдержек и противовесов во взаимодействии высших органов государственной власти. Учитывая особенности положения законодательного органа, наличие отдельного специального закона (подзаконного акта) о формах и методах контроля не смогло бы в значительной степени изменить объем полномочий при реализации контрольной парламентской функции в сторону расширения инструментария.

Статьи Конституции Республики Таджикистан¹ провозглашают Президента главой государства и исполнительной власти (ст. 64) с полномочием по формированию правительства (ст. 69, 73) и назначению ряда должностных лиц (Председателя Национального банка (с согласия нижней палаты), Генерального прокурора (с согласия обеих палат) и их заместителей) (ст. 69); вместе с тем текст Основного закона не содержит норм о необходимости выражения доверия правительству со стороны обеих палат Маджлиси Оли (Маджлиси Милли и Маджлиси намояндагон) и положений, обязывающих правительство отчитываться о результатах своей деятельности перед парламентом в целом или одной из его палат на регулярной основе.

Конституция (ст. 55–57, 75) и повторяющий положения ее норм Конституционный Закон «О Маджлиси Оли Республики Таджикистан»² (ст. 10, 19, 36) устанавливают следующие формы взаимодействия с правительством, в том числе посредством осуществления контроля: рассмотрение и утверждение Маджлиси намояндагон социально-экономических программ, проекта бюджета Республики и пороговых значений его дефицита, источников покрытия дефицита; организация и проведение Маджлиси намояндагон парламентских слушаний; заслушивание отчета Генерального прокурора верхней палатой Маджлиси Милли.

Постановления палат Маджлиси Оли, утверждающие их регламенты, по структуре во многом повторяют аналогичные постановления в других республиках постсоветского пространства с двухпалатной структурой законодательного (представительного) органа. В сравнении с положениями рассмотренного ранее законодательства Республики Таджикистан, нормы постановлений о регламентах чуть более развернуто кодифицируют перечисленные формы реализации парламентского контроля. Например, гл. 3 регламента нижней палаты и гл. 4 регламента верхней палаты посвящены деятельности комитетов и комиссий палат в сфере осуществления отдельных контрольных полномочий (организация парламентских слушаний, дача заключений на проект закона о бюджете Республики), гл. 7 регламента верхней палаты и гл. 8 регламента нижней палаты определяют порядок проведения парламентских слушаний. Глава 15 регламента нижней палаты Маджлиси намояндагон уполномочивает палату осуществлять контроль за исполнением республиканского бюджета, гл. 18 закрепляет порядок представления правительством и утверждения нижней палатой республиканских государственных программ социального и экономического развития. Наиболее «урезанными» представляются полномочия обеих палат парламента

¹ См.: Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://mfa.tj/tg/main/view/70/konstitutsiyai-jumhurii-tojikiston> (дата обращения: 27.08.2023).

² См.: Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. URL: <https://parlament.tj/news/518--onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-ma-lisi-olii-um-urii-to-ikiston> (дата обращения: 27.08.2023).

Республики Таджикистан в сфере осуществления функций по контролю деятельности органов исполнительной власти.

Исследование показало, что нормы специального законодательства, подвергнутого всестороннему рассмотрению и анализу, содержат набор форм парламентского контроля, предусматривающих наименьший перечень правового инструментария.

Обобщив весь положительный опыт парламентского контроля двух республик СНГ, резюмируем, что целесообразной представляется возможность учета положительного опыта Кыргызской Республики в части включения Уполномоченного по правам человека в круг лиц, осуществляющих функции парламентского контроля за эффективной реализацией прав и свобод человека и гражданина. Заслуживающей внимания и способной оказать положительный эффект на повышение продуктивности работы органов государственной власти также может стать практика вынесения на обсуждение парламента и утверждение им проектов общегосударственных программ социально-экономического развития, представленных правительством, а также практика утверждения внесенной главой правительства проектом среднесрочной программы его деятельности на определенный законом период (например, 3 года или 5 лет) в течение месяца после формирования состава правительства, как это было предусмотрено прежней редакцией закона о регламенте. Расширение взаимодействия между законодательной и исполнительной властью также возможно было бы осуществить благодаря практике проведения правительственного дня каждые три месяца по направленным правительству вопросам в рамках заранее утвержденного перечня тем.

В процессе совершенствования российской модели парламентского контроля в определенной степени было бы возможно учесть опыт Маджлиси Оли Республики Таджикистан по утверждению его нижней палатой общегосударственных программ, разрабатываемых правительством, в сфере социально-экономического развития страны.

А. Г. Иванов

СУБЪЕКТИВНАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ СТРАН АЗИИ И РОССИИ

Введение: вина, являясь по своему характеру метанаучной категорией, играет ключевую роль в уголовном праве России. Отмечается, что Уголовный кодекс очень часто оперирует понятием «вина», более того, ей отведена целая глава. Однако структурно-логическое построение данной главы УК РФ представляется неполным. Прежде всего речь идет об отсутствии нормативного закрепления субъективной ошибки, следовательно, и ее разъяснения, что нередко порождает затруднительные вопросы в процессе установления вины. **Цель** — рассмотреть отдельный аспект категории «вина» в соотношении с уголовно-правовым законодательством стран Азии. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности (диалектический, сравнительный анализ, формально-юридический). **Результаты:** компаративный анализ законодательства отдельных стран Азии показал, что около половины из них закрепляют положения о субъективной ошибке, поэтому исследуемая категория играет не последнюю роль в процессе объективного и всестороннего установления вины и применения мер уголовной ответственности. С учетом того, что субъективная ошибка является психологическим компонентом и охватывается рамками сознания, она способна оказывать влияние на волевое действие, в том числе при совершении преступления, поэтому выступает в качестве элемента вины. **Вывод:** необходимо на основании проведенного компаративного анализа более детально рассмотреть вопрос о законодательном закреплении в Уголовном кодексе РФ положений о субъективной ошибке как структурной составляющей вины.

Ключевые слова: вина, умысел, юридическая ошибка, фактическая ошибка, преступление, теория вины, форма вины.

A. G. Ivanov

SUBJECTIVE ERROR IN CRIMINAL LAW: LEGISLATIVE EXPERIENCE OF ASIAN COUNTRIES AND RUSSIA

Background: guilt, being by its nature a meta-scientific category, plays a key role in Russian criminal law. It is noted that the Criminal Code very often operates with the concept of 'guilt', moreover, an entire chapter is devoted to it. However, the structural and logical construction of this chapter in the Criminal Code of the Russian Federation seems to be incomplete. First of all, we are talking about the lack of normative fixation of the subjective error, hence its explanation, which often gives rise to difficult questions in the process of establishing guilt. **Objective** — to examine a particular aspect of the category of 'guilt' in relation to the criminal law of Asian countries. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality (dialectical, comparative analysis, formal legal). **Results:** comparative analysis of the legislation of individual Asian countries

© Иванов Андрей Геннадьевич, 2024

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации); e-mail: grant74@mail.ru

© Ivanov Andrey Gennadevich, 2024

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

has shown that about half of them enshrine provisions on subjective error, so the category under study plays not the least role in the process of objective and comprehensive determination of guilt and application of measures of criminal responsibility. Taking into account the fact that subjective error is a psychological component and is covered by the framework of consciousness, it is able to influence the volitional action, including in the commission of an offence, so it acts as an element of guilt. Conclusion: it is necessary, on the basis of the conducted comparative analysis, to consider in more detail the legislative enshrinement in the Criminal Code of the Russian Federation of provisions on subjective error as a structural component of guilt.

Keywords: *guilt, intent, legal error, factual error, crime, theory of guilt, form of guilt.*

В российском уголовном законодательстве основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки состава преступления, в число которых входит вина. Согласно закрепленному в ст. 5 УК РФ принципу она является ключевым признаком, определяющим возможность привлечения лица к ответственности за совершения преступления. Следует заметить, что структура Уголовного кодекса РФ предусматривает для данной категории целую главу, однако, учитывая психологическую сущность вины, представляется, что данная глава выглядит незавершенной: во-первых, это отсутствие нормативного закрепления сущности вины, во-вторых, отсутствие норм, посвященных субъективной ошибке.

В судебно-следственной практике нередко встречаются случаи, когда лицо, совершившее преступление, заблуждается как относительно правового запрета, так и относительно отдельных фактических обстоятельств самого преступного деяния. При таких обстоятельствах правоприменитель может лишь оперировать положениями уголовно-правовой доктрины, которые, как известно, не обязательны к применению. Поэтому установление вины в условиях субъективной ошибки лица, совершившего преступление, на стадии правоприменения вызывает немало сложностей. Как известно, от точного установления вины зависит и квалификация преступления, и наказание.

Безусловно, оценка заблуждения относительно правового запрета, или юридическая ошибка, должна рассматриваться с позиции добросовестности или недобросовестности данного заблуждения [1, с. 127–129]. Как представляется, подобным образом должна проводиться и оценка фактической ошибки. Для единого порядка правовой оценки необходимо закрепить в Уголовном кодексе РФ как юридическую, так и фактическую ошибки.

Решая вопрос о целесообразности законодательного закрепления субъективной ошибки в отечественном Уголовном кодексе, необходимо тщательно проанализировать все аспекты, в том числе позицию законодателя азиатских стран. Безусловно, проанализировать уголовное законодательство всех государств невозможно, поэтому рассмотрим доступные для прочтения и изученные с позиции структурного построения вины уголовные кодексы наиболее известных стран Азии.

Заявленный компаративный анализ необходимо начать с уголовного законодательства Китая, поскольку данное государство, так же как Россия, в свое время встало на путь социализма, в связи с чем имеет некоторое сходство в правовой системе. В Уголовном кодексе Китая¹ понятию вины не уделяется ни одного

¹ См.: Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева и А. И. Чучаева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. М.: Контракт, 2017.

структурного элемента. Более того, в нем нет упоминания данного термина ни при раскрытии сущности преступления, ни при определении оснований уголовной ответственности, несмотря на то, что преступление и уголовная ответственность представляют собой единый самостоятельный структурный элемент в виде параграфа гл. 2 «О преступлении». В структуре данного элемента Уголовного кодекса законодатель Китая закрепляет формы вины, выделяя умышленную и неосторожную. Определение этих форм практически идентичное формам, закрепленным в уголовном законодательстве России. Помимо форм вины в УК Китая предусматриваются обстоятельства, исключающие преступность деяния (согласно российской правовой терминологии), а также используется понятие «субъект преступления». Нет никаких упоминаний о виновности лица в условиях субъективной ошибки относительно установленных запретов либо фактических обстоятельств преступного деяния.

Указанный подход законодателя Китая к вине в уголовном праве наталкивает на мысль о том, что данной категории при установлении уголовной ответственности отводится не столь пристальное внимание как в России. Если допустить такой вариант, то именно этим объясняется отсутствие норм, регламентирующих субъективную ошибку в уголовном законодательстве Китая.

В Уголовном законодательстве Кореи, как отмечает А. И. Коробеев, понятие «вина» представляет собой симбиоз архаичных (с оттенком восточного колорита) и современных моделей уголовно-правовых норм общемирового уровня¹. В отношении вины законодатель Кореи не только не дает развернутого определения, но даже не упоминает о ней как о структурном элементе. Вина в корейском уголовном законодательстве представлена как умысел и небрежность, но сущность обеих форм раскрывается весьма своеобразно — от противного. Например, преступное намерение находит свое выражение в случае знания фактов, содержащих обязательные элементы преступления, так как в противном случае деяние не подлежит наказанию, за некоторыми исключениями (ст. 13). Однако, если незнание фактов, содержащих обязательные элементы преступления, произошло вследствие небрежности, невнимательности, то такие деяния подлежат наказанию (ст. 14).

Несмотря на своеобразный подход к вине в преступлении, в Уголовном кодексе Кореи четко, в отличие от российского УК, закреплены нормы, регламентирующие оба вида субъективной ошибки. Сущность фактической ошибки (ст. 15), как представляется, не лишена определенных изъянов, которые выражены в ограничении ее только незнанием фактов, представляющих более тяжкое преступление, или непредвидением более тяжелых результатов преступления.

Психологические особенности человека предполагают незнание или непредвидение не только фактов или результатов деяния, но еще и отдельных обстоятельств совершаемого деяния, в том числе и преступного. Тем не менее остальные обстоятельства, способные найти неверное отражение в сознании виновного, не учитываются в уголовном законодательстве Кореи.

Юридическая ошибка представлена в УК Кореи в виде незнания лицом о последующем наказании совершаемого им деяния (ст. 16), то есть лицо, будучи

¹ См.: Уголовный кодекс Кореи / под ред. А. И. Коробеева; пер. с кор. В. В. Верхоляк. М.: Юрид. центр Пресс, 2004.

убежденным в том, что совершаемое деяние не является преступлением, фактически совершает его, но убежденность в отсутствии запрета на совершенные этим лицом деяния должна быть обоснованной. Только при таких обстоятельствах уголовная ответственность не наступает, что является классическим выражением юридической ошибки.

Следует заметить, что отдельного структурного элемента, законодательно описывающего вину, в Уголовном кодексе Кореи не выделено, в связи с чем нормы, регламентирующие субъективную ошибку, расположены в разделе «Совершение преступления и назначение наказания», который также содержит положения о вменяемости, формах вины, обстоятельствах, исключающих преступность деяния. С точки зрения системно-логического построения данная структура представляется несколько хаотичной.

Рассматривая уголовное законодательство стран Азии, обратим внимание на Уголовный кодекс Японии¹. Характерная особенность уголовного законодательства Японии — практическое отсутствие определений, общих указаний в рамках построения норм, соответственно нет и структурного элемента, посвященного вине. По мнению некоторых ученых, вина считается лишь необходимой предпосылкой наказуемости деяния, а не признаком преступления или принципом уголовной ответственности. Значение вины сводится к выявлению ситуаций, когда лицо не должно быть наказано. Несмотря на это установление вины в Японии фактически преследует ту же цель, что и во всем мире, оправдание лиц невиновно совершивших деяние [2, с. 212].

Законодательно вине посвящена только одна статья, в которой затрагивается умысел, неосторожность и ошибка (ст. 38 УК Японии). Согласно данной норме преступления, совершенные по неосторожности (при отсутствии умысла), не наказуемы, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Однако незнание закона не рассматривается как отсутствие умысла совершить преступление, следовательно, и от наказания не освобождает. В указанной ситуации наказание может быть смягчено. Можно констатировать, что Япония законодательно устанавливает принцип «незнание закона, не освобождает от ответственности». Между тем отсутствие осознания виновным обстоятельств более тяжкого преступления, содержащихся в совершенном им деянии, не влечет ответственности за тяжкие обстоятельства, а наказывается только за деяния, охваченные умыслом. Не совсем ясным в плане правоприменения выглядит данное положение, так как в его границы могут попасть и ошибка в квалификации преступления, и ошибка в отношении фактических обстоятельств, являющихся квалифицированными признаками.

При имеющихся изъянах нормы УК Японии, посвященной субъективным признакам преступления, следует констатировать, что в ней закреплены положения, регламентирующие субъективную ошибку, что отсутствует в УК России.

Говоря об Уголовном законе Монголии², необходимо отметить, что в целом по своей структуре оно схоже с Уголовным кодексом РФ. Это и не удивительно,

¹ См.: Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и пред. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.

² См.: Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск: Омская академия МВД России, 2020.

Монголия страна бывшего социалистического лагеря, поддерживала очень тесные взаимоотношения с СССР, откуда и были заимствованы начала уголовного права.

Один из ключевых принципов уголовного законодательства Монголии закрепляет положение об установлении уголовной ответственности только при наличии установленной вины. Принятый в 2002 г. Уголовный кодекс Монголии, как отмечают некоторые авторы, в качестве нового положения содержит специальную главу, посвященную вине [3, с. 105]. Подобно российскому УК, законодатель Монголии не раскрывает суть понятия «вина», проясняя содержание через формы: умысел и неосторожность. Структура вины в монгольском уголовном праве представлена теми же элементами что и в российском уголовном законодательстве, также отсутствуют положения о субъективной ошибке.

Весьма интересной выглядит правовая система Индии, на уголовное право которой повлияли англосаксонские традиции [4]. В УК Индии при обозначении психического состояния правонарушителя используются различные термины с отсутствием стандартных формулировок и определенного единообразия. В ст. 39 раскрывается сущность волевого элемента виновности. Вина (*mens rea*) при этом представлена двумя элементами: умышленное намерение совершить действие и преступное знание тех обстоятельств, которые делают поведение уголовным правонарушением. Добровольность совершенного деяния устанавливается, исходя из умышленного причинения вреда либо на основе знаний о возможности причинения вредных последствий или наличия оснований полагать такие последствия [5, с. 30].

Понятие «основания полагать», являясь смежной категорией преступного знания, раскрывается в ст. 26 УК Индии и подразумевает общее разумение человека и его чувства. Помимо умышленной формы вины в уголовном законодательстве Индии закрепляется неосторожность, которая подразделяется на осознанную и неосознанную. Грань деления проходит по предвидению или непредвидению вреда, причиняемого деянием, хотя в обоих случаях вред не является волеизъявленным.

Следует отметить такую особенность учения о вине в индийском уголовном праве, как изъятие из принципа *mens rea* при совершении преступлений против общественного благосостояния. За совершение таких преступлений устанавливается более строгая или абсолютная ответственность, при этом не требуется обязательное доказывание вины [5, с. 41].

Прямые указания на субъективную ошибку отсутствуют. Но вместе с тем глубокий подход к психологической составляющей преступления позволяет предположить, что при установлении вины правоприменитель не может не учитывать индивидуальные изъятия осознания фактических обстоятельств преступного деяния лицом, его совершившим. Такой элемент, как преступное знание в структуре вины, позволяет сделать вывод о том, что сущность юридической ошибки (по российской формулировке) учитывается при определении виновности. Неслучайно фундаментальным принципом англо-индийского уголовного права является формулировка «*actus non facit ream, nisi mens sit rea*» («действие не делает виновным, если не виновна мысль»).

Немаловажным в вопросе законодательного закрепления субъективной ошибки является рассмотрение уголовного законодательства Израиля, которое

представляет собой некое соединение особенностей англосаксонской и романо-германской уголовно-правовых систем [6, с. 101].

Следует отметить, что Закон об уголовном праве Израиля¹ в своей конструкции отводит субъективной стороне преступления главу, начинающуюся с описания форм вины, которыми выступают преступный замысел и небрежность, причем в рамки преступного замысла законодатель Израиля включает неуверенность и сомнения по поводу преступности совершаемого деяния в целом или отдельных обстоятельств (ст. 20). Следует подчеркнуть, что рассматриваемый Закон не признает в качестве ошибки совершение деяний в отношении другого лица или иного имущества, не охваченного преступным замыслом виновного. Такие обстоятельства расцениваются как преступления и наказываются в общем порядке.

Отдельно следует сказать о структурном элементе уголовного законодательства Израиля — строгой ответственности, под которой подразумевается установление ответственности без доказывания преступного замысла или небрежности. Представляется, что данным положением официально закрепляется объективное вменение для отдельных, прямо указанных в законе составов преступлений.

Положения, регламентирующие субъективную ошибку, в Законе об уголовном праве Израиля вынесены в отдельный структурный элемент, устанавливающий обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, где наряду с необходимой обороной, крайней необходимостью, принуждением находятся нормы о фактической и юридической ошибке.

Фактическая ошибка выражается в представлении лицом, совершающим деяние, несуществующей ситуации, и освобождает от уголовной ответственности. Ответственность наступает лишь в том случае, если представляемая лицом ситуация совпадает с реальной действительностью. Сущность фактической ошибки по уголовному законодательству Израиля не совпадает с доктринальным пониманием этого же вида ошибки в российском уголовном праве.

В том же варианте фактическая ошибка распространяется и на преступления, совершенные вследствие небрежности. Тем не менее весьма затруднительно представить себе указанную ситуацию. Небрежность в уголовном праве Израиля определяются подобно положениям российского законодательства как неосознание характера деяния, существования обстоятельств или возможности причинения последствий деяния, относящихся к признакам преступления, при условии, что обычное лицо указанные обстоятельства без труда способно осознавать. И в этой обстановке лицо, совершающее преступление, должно еще представлять несуществующую ситуацию, чтобы это было признано фактической ошибкой.

Субъективную ошибку законодатель Израиля отнес к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность, что позволило установить фактическую ошибку в условиях совершения преступлений со строгой ответственностью, где не требуется установление преступного замысла либо небрежности, что означает отсутствие необходимости устанавливать вину. Представление несуществующей ситуации (ст. 34), по-видимому, не связано с осознанием противоправности совершаемого деяния и вредности последствий этого деяния, а предполагает лишь осознание фактических обстоятельств преступления.

¹ См.: Закон об уголовном праве Израиля / постат. пер. с иврита на рус. яз. Марат Дорфман. 2-е изд., перераб. и доп. Хайфа: [б.и.], 2010.

Юридическая ошибка реализует собой принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» и устанавливает ответственность в том случае, если лицо было уверено, что совершает незапрещенное деяние. При этом не имеет значения причина формирования данной уверенности: незнание уголовно-правового запрета либо неверное толкование действующей уголовно-правовой нормы. В качестве исключения допускается ситуация, когда не представлялось возможным предотвратить такую ошибку разумным способом. В данном контексте законодатель Израиля все-таки признает обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, факт незнания установленного запрета на совершение определенных действий в условиях, когда отсутствовала реальная возможность ознакомиться с указанным запретом либо получить его квалифицированное разъяснение. Приведенным положением презюмируется обязанность граждан знакомиться с нормативными правовыми актами государства, по крайней мере, знать положения уголовного Закона.

В рамках исследуемого вопроса представляется необходимым рассмотреть уголовное законодательство некоторых бывших азиатских республик СССР. Как справедливо отметил Т. Сабитов, правотворческий опыт других стран СНГ в силу переработки, вызванной необходимостью приспособлять свой уголовный закон к новым условиям, представляет несомненный интерес для отечественного уголовного законодательства [7, с. 45].

Учитывая социалистическое прошлое, которое не могло не отразиться на национальной правовой системе, уголовное законодательство Казахстана¹ и Таджикистана² построены по типу российского УК. В Уголовном законе Таджикистана основой уголовной ответственности выступает преступное поведение или преступление [8, с. 43]. Уголовные кодексы указанных стран содержат структурный элемент в виде статьи либо главы, именуемый виной, однако содержание используемого термина не раскрывается. Так же как и в российском УК, дается формулировка обеих форм вины (умысел и неосторожность). Нормы, регламентирующие ошибку, отсутствуют.

В уголовном законе Туркменистана³ законодатель закрепляет принцип вины и посвящает данной категории целый структурный элемент — главу пятую. В отличие от российского Уголовного кодекса указанная глава начинается с понятия вины, что представляется логически верным. Вина определяется как сознательно-волевое психическое отношение лица к совершаемому преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности. В рассматриваемом структурном элементе УК последовательно раскрываются формы вины, обстоятельства, устраняющие вину, но, самое главное, законодатель Туркменистана уделяет внимание субъективной ошибке, закрепляя содержание каждой из ее форм.

Юридическая ошибка представлена в классической форме: уголовная ответственность не наступает ввиду незнания и неосознания лицом того, что совершаемые им деяния являются преступлением, более того, указанное неведение

¹ См.: Уголовный кодекс Казахстана. URL: https://www.legislationline.org/download/d/8973/file/KazakhstanCriminal%20Code%20%20E2%84%96%20226-V%20_as%20of%20Dec%202020_ru.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

² См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистана / предисл. А. В. Федотова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.

³ См.: Уголовный кодекс Туркменистана. URL: https://www.legislationline.org/download/id/9002/file/TURKM_CC%20as%20of%20Aug%202020.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

должно быть объективным и подтверждаться обстоятельствами дела (ч. 1 ст. 31 УК Туркменистана).

Фактическая ошибка устраняет умышленную форму вины в случае добросовестного заблуждения лица относительно фактических обстоятельств, относящихся к составу преступления. В качестве фактической ошибки также признается добросовестное заблуждение лица относительно определенных фактических обстоятельств, в круг которых входят квалифицирующие признаки. При такой ситуации лицу не могут быть инкриминированы указанные фактические обстоятельства, соответственно и более строгое наказание, предусмотренное при их наличии, не применяется (ч. 3 ст. 31 УК Туркменистана).

Компаративный анализ уголовного законодательства отдельных стран Азии показал, что из представленных уголовных кодексов 45 % закрепляют положения о субъективной ошибке. Это обстоятельство говорит о том, что исследуемая категория играет не последнюю роль в процессе объективного и всестороннего установления вины и применения меры уголовной ответственности.

Гегель говорил, что воля есть особый способ мышления и акцентировал внимание на разделении воли и мышления только лишь в теоретическом аспекте [9, с. 68–69]. Субъективная ошибка по своей природе является неким психологическим изъяном отдельно взятого индивидуума. Как известно, эта ошибка может сформироваться не только на основании субъективных, но и объективных факторов. В любом случае она оказывает влияние на мышление и формирование субъективной реальности, что не может не отразиться на волевых действиях, в том числе преступных.

Российское уголовное право рассматривает юридическую и фактическую ошибки только лишь на доктринальном уровне и не закрепляет ее содержание в Уголовном кодексе, что не позволяет в полной мере учитывать ее при установлении вины.

Представленный анализ показал, что исследуемая категория в законодательных актах структурно закреплена в самостоятельных нормах либо структурных элементах, относящихся к субъективным обстоятельствам преступления. Уголовное законодательство Индии, имеющее корни англосаксонской правовой системы, в рамках нормативно закрепленного умысла, используя понятие преступное знание, предопределяет решение вопроса в условиях юридической ошибки.

С точки зрения логического построения уголовного законодательства нормы об ошибке должны располагаться в структурном элементе, посвященном вине. Во многих проанализированных уголовных кодексах, содержащих нормативное закрепление субъективной ошибки, нет такого структурного элемента. В УК РФ названный элемент определен в гл. 5, однако нормативное закрепление юридической и фактической ошибки отсутствует, ввиду чего обозначенная глава выглядит неполной. Аналогично российскому УК в Уголовном кодексе Туркменистана вине посвящена глава, в которой дается законодательная трактовка понятия «вина» и находят отражение нормы о юридической и фактической ошибке. Очевидно, что закрепленное на законодательном уровне положение предопределяет неукоснительное его применение, нежели применение категории, рассмотренной исключительно на доктринальном уровне и, соответственно, имеющей не одну научную трактовку.

Исследуя проблемы вины в уголовном праве, П. С. Дагель обращал внимание на недопустимость многозначности данного понятия, так как это обстоятельство приводит к лишению определенности и конкретности правовой категории, что недопустимо по причине неоднозначного ее понимания правоприменительными органами, и допущению нарушения законности [10, с. 67]. Не менее актуально данное утверждение по отношению к субъективной ошибке, используемой уголовным правом.

Следует учесть тот факт, что ошибка в структуре вины присутствует не всегда. Возможно, это обстоятельство определяет отсутствие ее законодательного закрепления. Вместе с тем нормативное определение субъективной ошибки не говорит о необходимости представлять ее в качестве обязательной составляющей вины. Иные составляющие элемента Уголовного кодекса, посвященного вине (умысел или неосторожность, невиновное причинение вреда, невменяемость), также не всегда присутствуют в составе субъективных признаков преступления, но при этом данное обстоятельство не помешало их нормативному определению.

Приведенные доводы еще раз подчеркивают необходимость пристального рассмотрения вопроса о нормативном закреплении субъективной ошибки в рамках отечественного уголовного законодательства. Логически правильным содержание этих норм представляется в гл. 5 УК РФ.

Библиографический список

1. Иванов А. Г. Заблуждение и неведение в структуре вины: уголовно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1(134).
2. Коралева С. Ю. Вина в уголовном праве Японии: сравнительно-правовой анализ // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2019. Вып. 2(831). С. 205–213.
3. Гантомор Г. Новый Уголовный кодекс Республики Монголия 2002 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4(32). С. 102–109.
4. Крашенинникова Н. А., Трикоз Е. Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4(333). С. 183–206.
5. Трикоз Е. Н., Крашенинникова Н. А. Сравнительное уголовное право (Индия). М.: Юрайт, 2020. 179 с.
6. Караваева В. А. Законодательная техника уголовного закона: опыт зарубежных стран // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2020. № 5. С. 99–103.
7. Сабитов Т. Принципы уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств // Уголовное право. 2008. № 4. С. 45–50.
8. Искандари Сулаймон. К вопросу о разработке уголовного кодекса республики Таджикистан в новой редакции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4(333). С. 183–206.
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
10. Дагель П. С. Проблем вины в советском уголовном праве. Ученые записки. Вып. 21, ч. 1. Владивосток, 1968. 188 с.

References

1. Ivanov A. G. Delusion and Ignorance in the Structure of Guilt: Criminal Law Aspect // Current Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 1(134).
2. Koraleva S. Yu. Guilt in the Criminal Law of Japan: Comparative Legal Analysis // Bulletin MGLU. Education and Pedagogical Sciences. 2019. Issue 2(831). P. 205–213.

3. *Gantomor G.* The New Criminal Code of the Republic of Mongolia of 2002 // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2006. No. 4(32). P. 102–109.
4. *Krasheninnikova N. A., Tricoz E. N.* The Criminal Code of India of 1860: the History of Creation and Characteristic Features // News of Higher Educational Institutions. Law Studies. 2017. No. 4(333). P. 183–206.
5. *Trikoz E. N., Krasheninnikova N. A.* Comparative Criminal Law (India). M.: Yurayt, 2020. 179 p.
10. *Karavaeva V. A.* Legislative Technique of Criminal Law: the Experience of Foreign Countries // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. 2020. No. 5. P. 99–103.
11. The Law on the Criminal Law of Israel: article-by-article translation from Hebrew into Russian / trans. Marat Dorfman. 2nd edition, reviewed and suppl. Haifa: [B.I.], 2010. 253 p.
12. *Sabitov T.* Principles of Criminal Legislation of the Countries of the Commonwealth of Independent States // Criminal Law. 2008. No. 4. P. 45–50.
14. *Iskandari Sulaimon.* On the Issue of the Development of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan in a New Edition // News of Higher Educational Institutions. Law Studies. 2017. No. 4(333). P. 183–206.
15. *Hegel G. V. F.* Philosophy of Law / trans. from German: ed. and comp. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants. M.: Mysl, 1990. 524 p.
16. *Dagel P. S.* Problems of Guilt in Soviet Criminal Law. Scientific notes. Issue 21, part 1. Vladivostok, 1968. 188 p.

И. А. Копьева

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В КАЧЕСТВЕ «ОРУДИЯ»
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА ПОСРЕДСТВОМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ**

Введение: изготовление детской порнографии путем использования информационно-телекоммуникационных сетей возможно, в том числе и действиями самого ребенка, что обуславливает актуальность поставленного в работе вопроса. **Цель** — сформулировать пути квалификации опосредованного изготовления материала с порнографическим изображением несовершеннолетнего с помощью информационно-телекоммуникационных сетей. **Методологическая основа:** формально-юридический, аналитический, системный, сравнительный методы. **Результаты:** сформулированы пути квалификации использования несовершеннолетнего в качестве «орудия» изготовления порнографического материала посредством информационно-телекоммуникационных сетей с учетом достижения или недостижения им двенадцатилетнего возраста, а также добровольности пересылки такого материала; выдвинуто предложение по дополнению ч. 1 ст. 242¹ УК РФ деянием в виде принуждения несовершеннолетнего лица к изготовлению материала с порнографическим изображением несовершеннолетнего; приведены отличия такого принуждения от домогательства несовершеннолетнего лица в сексуальных целях. **Выводы:** на определение перечня составов преступлений при квалификации опосредованного изготовления детской порнографии, которые образуют совокупность, влияет возраст потерпевшего лица, наличие указанной в уголовном законе цели, а также факт добровольности пересылки порнографических материалов.

Ключевые слова: материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, изготовление, распространение, действия сексуального характера, развратные действия, опосредованный субъект преступления.

I. A. Kopyova

**ISSUES OF QUALIFYING THE USE OF A MINOR AS AN 'INSTRUMENT'
FOR THE PRODUCTION OF PORNOGRAPHIC MATERIAL THROUGH
INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS**

Background: the production of child pornography through the use of information and telecommunications networks is possible, including through the actions of the child himself, which makes the question posed in this paper relevant. **Objective** — to formulate ways to qualify the indirect production of material with a pornographic image of a minor by means of information and telecommunication networks. **Methodology:** formal-legal, analytical, systematic, comparative methods.

© Копьева Ирина Анатольевна, 2024
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности (Тулский государственный университет); e-mail: kopyovairinacl@yandex.ru
© Kopyova Irina Anatolyevna, 2024
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Justice and Law Enforcement Activities (Tula State University)

Results: the ways of qualifying the use of a minor as an 'instrument' for the production of pornographic material through information and telecommunications networks, taking into account his or her reaching or not reaching the age of twelve, as well as the voluntariness of sending such material, were formulated; a proposal was put forward to supplement part 1 of article 2421 of the Criminal Code of the Russian Federation with the act of coercion of a minor to produce material with a pornographic image of a minor; the differences between such coercion and harassment of a minor were presented. **Conclusions:** the age of the victim, the purpose specified in the criminal law, and the fact that the pornographic materials were sent voluntarily have an impact on determining the list of offences in qualifying the indirect production of child pornography, which form an aggregate.

Keywords: materials with pornographic images of minors, information and telecommunication networks, the Internet, production, distribution, actions of sexual nature, lewd acts, indirect subject of a crime.

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. В Конвенции отмечается о необходимости повышения уровня защищенности детей в интернете от таких злоупотреблений¹. С этой целью ст. 133, 242, 242¹ УК РФ были дополнены квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"»².

В науке уголовного права все чаще появляются упоминания о секстинге и груминге как разновидности кибербуллинга (травля посредством информационно-телекоммуникационных сетей). В свою очередь, секстинг понимается как переписка сексуального характера, в процессе которой происходит пересылка фото- или видеоматериалов с изображениями сексуального, в том числе порнографического, характера, а груминг — общение с ребенком посредством информационно-телекоммуникационных сетей с целью совершения сексуальных действий.

Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ установил, что в 2020 г. пользователями сети Интернет являлись 94,5 % детей в возрасте от 12 до 14 лет (на четверть больше по сравнению с 2011 г.), 83,3 % — от 7 до 11 лет (в половину больше по сравнению с 2011 г.), а 68,3 % — от 3 до 6 лет (в три раза больше по сравнению с 2011 г.) [1, с. 46].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по ст. 242¹ УК РФ с 2016 по 2022 г. большим количеством осужденных лиц характеризуется 2018 г. (210 лиц), а меньшим — 2020 г. (111 лиц) и 2022 г. (119 лиц), что говорит о тенденции к уменьшению. По ст. 242² УК РФ в 2016 г. было осуждено 6 лиц, а в 2022 г. — 24 лица³.

По результатам исследования «Сексуальное насилие над детьми и подростками», 48 % опрошенных женщин из разных регионов России умолчали о факте

¹ См.: Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г.: ратифицирована Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 76-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2013 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201312160030?rangeSize=50> (дата обращения: 10.04.2024).

² См.: Федеральный закон РФ от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10, ст. 1395.

³ См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 10.04.2024).

случившегося с ними сексуального насилия. Самой распространенной причиной был страх осуждения (28 %), другими причинами являлись: отсутствие понимания случившегося как сексуального насилия (20 %), страх, что не поверят (20 %), страх быть наказанными (19 %), долгое время не помнили (13 %), страх за родителей (1 %)¹.

Сексуальные домогательства детей в интернете имеют высокую степень латентности. Механизм изготовления детской порнографии может характеризоваться быстрым сокрытием следов преступления [2, с. 74]. В п.п. 2 и 3 ст. 5 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»² предусмотрен запрет на размещение в Сети текстов судебных актов, вынесенных по делам о правах и законных интересах несовершеннолетних, а также о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В связи с этим материалы судебной практики, использованные в работе, составляют материалы пресс-службы Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации. Так, Северодвинский городской суд осудил лицо за ведение переписки посредством сети Интернет, в ходе которой были установлены доверительные отношения с несовершеннолетними в возрасте от 7 до 15 лет и путем угрозы распространения их переписки получены сделанные последними фотографии порнографического характера, которые виновный распространял в сети Интернет³.

В последние годы вопросы уголовной ответственности за изготовление и оборот детской порнографии в своих трудах рассматривали такие ученые, как И. Н. Архипцев, И. А. Белецкий, П. Л. Боровик, А. Г. Донченко, К. Н. Карпов, А. В. Максименко, А. А. Мамедяров, Ю. В. Морозова, И. В. Пикин, О. Ю. Степанова, И. А. Тараканов и др. Однако вопросам квалификации опосредованного использования несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов посредством информационно-телекоммуникационных сетей было уделено недостаточно внимания.

Известно, что субъект преступления может совершить деяние как непосредственно, то есть за счет собственных усилий, так и опосредованно, то есть путем использования в качестве «орудия» совершения преступления другого лица, которое в соответствии с законом не подлежит уголовной ответственности. Не является редкостью в научной литературе отождествление лица, использованного для совершения преступления, со своеобразным орудием (средством) совершения преступления. Так, В. Д. Спасович писал: «Возбуждение преступнаго умысла подстрекателемъ въ другомъ лицѣ возможно только при употребленіи внешнихъ средствъ, убѣжденій, рѣчей, тѣлодвиженій, знаковъ, могущихъ склонить подстрекаемаго рѣшиться на преступленіе. Эти средства не должны быть неотразимы, не должны исключать въ подстрекаемомъ возможности сопротивляться, потому что въ такомъ случаѣ по недостатку свободнаго усвоенія подстрекаемымъ чужаго умысла, подстрекаемый превращается въ пассивное и без-

¹ См.: Новые данные о сексуализированном насилии над детьми. URL: <https://bochkova.academy/netabu/#results> (дата обращения: 10.04.2024).

² См.: СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6217.

³ См.: Информация пресс-службы Следственного управления Следственного комитета РФ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу от 4 февраля 2023 г. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1763747/> (дата обращения: 10.04.2024).

ответственное орудіе цѣлей другого лица» [3, с. 172]. По мнению Н. С. Таганцева: «Ребенокъ умалишенный является таким же физическим средством дѣйствія, как ядъ, кинжалъ, камень. Лицо, употребившее подобное средство дѣйствія, должно рассматриваться какъ непосредственный физическій виновникъ» [4, с. 75]. Об использовании в качестве орудия другого человека как об опосредованном причинении преступного результата указывали М. И. Ковалев [5, с. 14] и А. А. Тер-Акопов [6, с. 128].

Итак, полученные совершеннолетним при онлайн-переписке, сделанные путем использования несовершеннолетнего фото или видео с порнографическим изображением последнего следует квалифицировать как использование несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов (п. «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ). Виновный при этом должен осознавать возраст потерпевшего лица. Такой подход соответствует судебной практике. Так, признание опосредованным причинением использования для совершения преступления несовершеннолетнего, который не подлежит уголовной ответственности, осуществляется в абз. 5 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹.

Если изготовление порнографического материала путем использования несовершеннолетнего лица в качестве «орудия» сопровождалось целью его распространения, публичной демонстрации либо рекламирования, то такие действия содержат признаки, помимо п. «г» ч. 2 ст. 242², еще и п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ. Следует согласиться с учеными, которые относят к изготовлению порнографического материала как создание оригинала, так и его копирование, а также исключают изготовление в случае онлайн-видеотрансляции действий сексуального характера при отсутствии фиксации на материальном носителе [7, с. 1124].

В свою очередь, добровольная переписка сексуального характера совершеннолетнего с лицом, которое достигло возраста двенадцати лет, но не достигло шестнадцатилетнего возраста, содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ. Так, согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к развратным действиям также могут быть отнесены действия, совершенные с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей². По мнению О. Ю. Антонова, присланные в ходе переписки фото, видео сексуального характера и последующее их распространение следует квалифицировать как развратные действия, а также как изготовление порнографических материалов и их распространение [8, с. 54]. Правильность применения такого подхода при квалификации подтверждается судебной практикой. Так, добровольную переписку сексуального характера с лицом, достигшим возраста двенадцати лет, суд квалифицировал по ст. 135 УК РФ, при этом переписку с лицом, не достигшим возраста

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8276/> (дата обращения: 10.04.2024).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8400/> (дата обращения: 10.04.2024).

двенадцати лет, — по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ как иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста¹. Такая позиция суда соответствует положениям примечания к ст. 131 УК РФ. Согласно п. 21 названного ранее постановления на ответственность влияет доказанность умысла на совершение таких действий в отношении лица указанного возраста².

Использование в качестве «орудия» изготовления порнографического материала лица, достигшего возраста двенадцати лет, но не достигшего шестнадцатилетнего возраста, может сопровождаться шантажом. В таком случае названные развратные действия не могут быть квалифицированы по ст. 135 УК РФ, целесообразным представляется квалифицировать их по п. «г» ч. 2 ст. 242², п. «г» ч. 2 ст. 242¹ и п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ.

Если в процессе сексуальной переписки на добровольной основе лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, но не достигшее совершеннолетия, получает и хранит сделанное несовершеннолетним его порнографическое изображение при наличии указанной в законе цели, то его действия будут квалифицированы только по п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ, а не будут оценены как развратные и не будут влечь ответственность последнего по ст. 242² УК РФ в связи с позицией законодателя в отношении совершеннолетнего возраста субъекта этих преступлений.

Принуждение несовершеннолетнего к участию в изготовлении детской порнографии в связи с причинением вреда основному объекту — общественной нравственности целесообразно предусмотреть как альтернативное деяние в ч. 1 ст. 242² УК РФ, что исключит необходимость применять п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ. Однако если потерпевшее лицо не достигло возраста двенадцати лет, то необходимо применить п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в силу использования беспомощного состояния потерпевшего лица как более опасного способа совершения преступления.

Следует обратить внимание, что использование несовершеннолетнего лица в качестве «орудия» изготовления материала или предмета с его порнографическим изображением содержит признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Представляется, что такое вовлечение является специальным видом и исключает применение ст. 150 УК РФ.

В уголовно-правовой литературе все чаще озвучиваются предложения о введении в уголовное законодательство отдельной нормы, предусматривающей ответственность за домогательство несовершеннолетнего лица для сексуальных целей, например предложение о встрече с сексуальными целями посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, если после такого предложения было совершено практическое действие для реализации такой встречи [9, с. 60; 10, с. 99]. Сегодня такие действия лица подпадают под признаки приготовления к соответствующему преступлению. Разделяя высказанное в науке предложение о необходимости дополнения УК РФ нормой о домогательстве, представляется целесообразным признать возможность совершения предложе-

¹ См.: Информация пресс-службы Следственного управления Следственного комитета РФ по Томской области от 19 августа 2021 г. URL: <https://tomsk.sledcom.ru/news/item/1601888> (дата обращения: 10.04.2024).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8400/> (дата обращения: 10.04.2024).

ния о встрече для сексуальных целей и возможность ее проведения онлайн или оффлайн в силу угрозы причинения существенного вреда ребенку таким предложением и встречей как через виртуальное общение, так и в реальной жизни. Считаем, что криминализация домогательства ребенка в сексуальных целях внесет значительный вклад в борьбу с педофилией. Наличие цели использования лица для изготовления материалов или предметов с его порнографическим изображением, онлайн-переписка, осуществляемая на добровольной основе, в процессе которой состоялось предложение о встрече, а далее осуществилась ее организация, будут представлять собой домогательство ребенка для сексуальных целей. В случае переписки и склонения к встрече путем шантажа при наличии указанной цели такие действия будут образовывать принуждение несовершеннолетнего к участию в изготовлении материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, которым предлагается дополнить ч. 1 ст. 242² УК РФ.

Таким образом, переписку сексуального характера с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в процессе которой несовершеннолетний добровольно или вследствие шантажа пересылает совершеннолетнему фото или видео со своим изображением, соответствующее признакам детской порнографии, следует квалифицировать как опосредованное использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (п. «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ), опосредованное изготовление материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних при наличии цели их распространения, публичной демонстрации или рекламирования (п. «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ), а также как развратные действия (ч. 1 или ч. 2 ст. 135 УК РФ) или понуждение к действиям сексуального характера путем шантажа (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ), если лицо достигло возраста двенадцати лет, а в случае, если не достигло, — как действия сексуального характера с использованием его беспомощного состояния (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ). При дополнении ч. 1 ст. 242² УК РФ деянием в виде принуждения несовершеннолетнего лица к участию в изготовлении материала с порнографическими изображениями несовершеннолетних исключается применение п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ. В случае дополнения УК РФ нормой о домогательстве ребенка в сексуальных целях указанные действия по принуждению, содержащие признаки домогательства, следует рассматривать как специальный вид последнего, исключающий квалификацию по совокупности преступлений с нормой о домогательстве.

Библиографический список

1. Цифровая экономика: 2022: крат. стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 124 с.
2. *Бадоян С. М.* Преступная деятельность, связанная с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, как объект криминалистического исследования // *Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: XX Международная научно-практическая конференция* (Пенза, 25 марта 2023 г.). Пенза: Наука и просвещение, 2023. С. 73–78.
3. *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 430 с.
4. *Таганцев Н. С.* Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1. Учение о преступлении. Отделение III. Соучастие в преступлении. СПб., 1880. 178 с.

5. *Ковалев М. И.* Соучастие в преступлении. Ч. 2. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск: Урал. рабочий, 1962. 275 с.
6. *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003. 480 с.
7. *Ровнейко В. В., Кайшев А. В.* Проблемы применения объективных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 242 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31, вып. 6. С. 1122–1130.
8. *Антонов О. Ю.* Выявление дополнительных преступлений, совершенных на сексуальной почве с использованием сети Интернет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 марта 2017 г.). М.: МА СК России, 2017. С. 53–56.
9. *Донченко А. Г., Токарева А. А.* Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, в современных правовых системах // Lex Russica. 2018. № 6(139). С. 54–62.
10. *Мамедяров А. А.* Развратные действия с использованием сети Интернет // Colloquium-journal. 2019. № 8(32). С. 98–99.

References

1. Digital Economy: 2022: Brief Statistical Compilation / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovskiy, K. O. Vishnevskiy et al. M.: HSE University, 2022, 124 p.
2. *Badoyan S. M.* Criminal Activity Related to the Production and Circulation of materials or Objects with Pornographic Images of Minors, as an Object of Forensic Research // Legal Sciences, the Rule of law and Modern Legislation: XX International Scientific and Practical Conference (Penza, March 25, 2023). Penza: MCNS «Science and Education», 2023. P. 73–78.
3. *Spasovich V. D.* Textbook of Criminal Law. Vol. 1, iss. 1. SPb.: Тип. Josaphat Ogrizko, 1863. 430 p.
4. *Tagantsev N. S.* Course of Russian Criminal Law. The general part. Book 1. The Doctrine of Crime. Department III. Complicity in Crime. SPb., 1880. 178 p.
5. *Kovalev M. I.* Complicity in Crime. Part 2. Types of Accomplices and Forms of Participation in Criminal Activity. Sverdlovsk: Ural. worker, 1962. 275 p.
6. *Ter-Akopov A. A.* Crime and Problems of Non-Physical Causation in Criminal Law. M.: YURKNIGA, 2003. 480 p.
7. *Rovneiko V. V., Kaishev A. V.* Problems of Applying Objective Signs of a Crime Provided for in Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Udmurt University. 2021. Vol. 31, iss. 6. P. 1122–1130.
8. *Antonov O. Yu.* Identification of Additional Crimes Committed on Sexual Grounds Using the Internet // Discovery and Investigation of Crimes of Serial and Past Years: materials of the International scientific and practical conference (Moscow, March 16, 2017). M.: MA SK Russia, 2017. P. 53–56.
9. *Donchenko A. G., Tokareva A. A.* Responsibility for Cases Involving Sexual Exploitation and Sexual Abuse of Minors in Modern Legal Systems // Lex Russica. 2018. No. 6(139). P. 54–62.
10. *Mamediarov A. A.* Depraved Actions Using the Internet // Colloquium-journal. 2019. No. 8(32). P. 98–99.

И. А. Шувалова

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СУДАМИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ОБ ОТКАЗЕ В ПРИЕМЕ НА РАБОТУ, ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Введение: в настоящее время отдельные вопросы при рассмотрении индивидуальных трудовых споров об отказе в приеме на работу остаются неразрешенными, что порождает проблемы в теоретическом и практическом аспектах. **Цель** — на основе действующего законодательства и материалов судебной практики обозначить проблемы и предложить пути их решения. **Методологическая основа:** общие методы (анализ и синтез, индукция и дедукция и др.) и специальные методы научного познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и др.). **Результаты:** исследованы отдельные материалы судебной практики; внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства; выделены подгруппы исследуемой категории индивидуальных трудовых споров. **Выводы:** в целях устранения коллизий норм трудового права, защиты граждан в период трудоустройства предлагается ст. 393 ТК РФ дополнить ч. 2. Целесообразно установить альтернативную подсудность дел по искам об отказе в приеме на работу (заключении трудового договора).

Ключевые слова: индивидуальные трудовые споры, отказ в приеме на работу, заключение трудового договора, работодатель.

I. A. Shuvalova

PECULIARITIES OF CONSIDERATION AND RESOLUTION BY THE COURTS OF INDIVIDUAL LABOR DISPUTES CONCERNING REFUSAL TO HIRE AND CONCLUSION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT

Background: currently, certain issues in the consideration of individual labour disputes concerning refusal to hire remain unresolved, which gives rise to theoretical and practical problems. **Objective** — on the basis of the current legislation and materials of judicial practice, to identify problems and propose ways to solve them. **Methodology:** general methods (method of analysis and synthesis, induction and deduction, etc.) and special methods of scientific cognition (comparative legal, formal legal, systemic, etc.). **Results:** some materials of judicial practice were studied; proposals were made to improve the current legislation; subgroups of the category of individual labor disputes under study were singled out. **Conclusions:** in order to eliminate conflicts of labor law norms, to protect citizens during employment, it is proposed to add Article 393 of the Labor Code of the Russian Federation to Part 2. It is advisable to establish alternative jurisdiction of cases on claims for refusal of employment (conclusion of an employment contract).

Keywords: individual labor disputes, refusal of employment, conclusion of an employment contract, employer.

© Шувалова Ирина Александровна, 2024

Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин (Московский финансово-юридический университет (МФЮА)), соискатель (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: i9067013366@yandex.ru

© Shuvalova Irina Alexandrovna, 2024

Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines (Moscow University of Finance and Law (MFUA)), applicant degree (Saratov State Law Academy)

При нарушении трудового законодательства между работником и работодателем могут возникнуть разногласия. Отдельные нарушения связаны с отношениями, возникающими при приеме на работу (заключении трудового договора).

В последнее время, в период пандемии и введенных санкционных ограничений в отношении Российской Федерации, резко возросло количество обращений в суд лиц, устраивающихся на работу. Некоторые организации были ликвидированы, многие проводили процедуру сокращения штатов, в отдельных случаях работодатели понуждали работников уволиться по собственному желанию, в результате чего большое количество лиц осталось без работы. В связи с военной специальной операцией на Украине число граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации, заметно возросло. Безусловно, все это привело к увеличению огромной конкуренции на рынке труда. Работодатели стали более тщательно и выборочно проверять кандидатов на вакантную должность, что повлекло обращения граждан в суд о признании незаконным отказ в трудоустройстве (приеме на работу).

Отметим, что законодатель в ч. 2 ст. 381 ТК РФ спор, возникший между работодателем и гражданином, изъявившим желание заключить трудовой договор, признает индивидуальным трудовым спором¹. Очевидно, что при защите нарушенных прав в связи с отказом в приеме на работу следует руководствоваться положениями гл. 60 ТК РФ, а при рассмотрении этих дел в суде — нормами ГПК РФ.

Неоднозначным, по нашему мнению, остается вопрос об уплате государственной пошлины, взыскании судебных расходов, определении подсудности по искам об отказе в приеме на работу. Обратимся к положениям ТК РФ. В соответствии со ст. 393 работники освобождаются от уплаты госпошлины по спорам, вытекающим из трудовых отношений. В соответствии с ч. 1 ст. 98 ГПК РФ все понесенные расходы возлагаются на проигравшую сторону по делу². Обратим внимание, если решение было вынесено не в пользу работника, он все равно освобождается от судебных расходов.

Приведем пример из судебной практики. Суд отказал работнику в удовлетворении исковых требований. При рассмотрении дела работодатель понес судебные расходы на представителя, а также на проведение почерковедческой экспертизы. Нижестоящие инстанции удовлетворили требование работодателя. Верховный Суд РФ отменил вынесенные постановления, разъясняя, что в любом случае на работника не может быть возложена обязанность по оплате судебных расходов, понесенных работодателем, поскольку работники наделены дополнительными гарантиями при обращении в суд по защите нарушенных трудовых прав (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2020 г. № 67-КГ20-4³).

Рассмотрим другой пример. Гражданин обратился в Октябрьский районный суд с иском о защите трудовых прав. В удовлетворении исковых требований ему было отказано. Далее он подал заявление о взыскании судебных расходов на оплату экспертизы, проведенной в ходе рассмотрения дела. Первая, апелляционная и кассационная инстанции отказали заявителю, поскольку решение

¹ См.: Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2022. № 52, ст. 9375.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 16, ст. 2755.

³ См.: URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

было вынесено в пользу работодателя. Верховный Суд РФ встал на сторону работника, обосновывая это тем, что понесенные им расходы в ходе рассмотрения дела должны быть компенсированы, независимо от того, в чью пользу вынесено решение суда (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 мая 2021 г. № 41-КГ21-14-К4¹).

Обратим внимание, что при установлении факта трудовых отношений на работника не возлагается обязанность оплачивать судебные расходы, даже если он проиграл спор.

Так, работодатель обратился в суд с требованием о взыскании с гражданина судебных расходов, поскольку в ходе рассмотрения спора об установлении трудовых отношений понес расходы на проведение экспертизы. Суды первых двух инстанций поддержали работодателя и, руководствуясь ч. 1 ст. 98 ГПК РФ, решение вынесли в пользу работодателя — получить компенсацию за понесенные расходы. Верховный Суд РФ отменил ранее вынесенные решения по делу и отказал во взыскании с истца расходов на оплату экспертизы с разъяснениями, что на работника в любом случае не может быть возложена обязанность по оплате судебных расходов (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 декабря 2018 г. № 3-КГ18-15²). Верховный Суд РФ поддержал данную правовую позицию и включил указанное определение в свой Обзор судебной практики № 1 (2019)³.

Отметим, что согласно ч. 2 ст. 381 ТК РФ законодатель, с одной стороны, признает индивидуальным спор, возникший между работодателем и лицом, изъявившим заключить трудовой договор. Следовательно, к данной категории дел должны быть применимы все положения, касающиеся альтернативной подсудности, освобождения от уплаты государственной пошлины и судебных расходов. Подтверждением тому выступает ранее приведенный пример из судебной практики, где факт возникновения трудовых отношений не был установлен судом, но работник все равно был освобожден от судебных расходов. С другой стороны, в противоречие с судебной практикой вступают положения ст. 393 ТК РФ, где законодатель указывает только на те споры, которые вытекают из трудовых отношений.

В целях устранения коллизий норм трудового права, защиты граждан в период трудоустройства предлагаем ст. 393 ТК РФ дополнить ч. 2 и изложить в следующей редакции:

«2. При обращении в суд по искам лиц, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, лиц, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора указанные лица также освобождаются от уплаты пошлин и судебных расходов.».

Соответствующие изменения целесообразно внести в подп. 1 п. 1 ст. 333.36 НК РФ⁴ и п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»⁵.

¹ См.: URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

² См.: URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

⁴ См.: Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2023. № 18, ст. 3236.

⁵ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 24 ноября 2015 г.) // Российская газета. 2006. 31 декабря; 2015. 30 ноября.

В соответствии с ч. 6.3 ст. 29 ГПК РФ иски о восстановлении трудовых прав могут предъявляться также в суд по месту жительства истца.

Поскольку ч. 2 ст. 281 ТК РФ признает индивидуальным спор между работодателем и лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора, полагаем, гражданин вправе обратиться в суд и по своему месту жительства. Для устранения неоднозначности в данном аспекте следует постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» дополнить соответствующим содержанием.

Исходя из п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 работодатель вправе самостоятельно принимать решения в кадровых вопросах, а заключение трудового договора является его правом, а не обязанностью. Подтверждением тому выступает судебная практика.

Так, истец обратился в суд о защите трудовых прав. Судом было установлено, что истцу при личной беседе с директором Департамента управления делами были оглашены должностные обязанности вакансии «Заместитель директора Департамента управления делами», объем предстоящей работы. Ответчик пояснил истцу, что в случае принятия положительного решения он будет уведомлен официальным письменным приглашением. Истцу в письменной форме было направлено предложение о работе, после чего он подал заявление об увольнении с прежнего места работы. Спустя три дня истцу поступил письменный отказ в приеме на работу, в котором было указано, что финальное предпочтение было отдано другому кандидату.

Истец полагает, что приведенная аргументация является необоснованным ограничением в трудовых правах, поскольку на момент направления предложения деловые качества истца полностью соответствовали требованиям работодателя. Кроме того, работодатель принял другого сотрудника на данную должность только через два месяца. Суд вынес решение в пользу ответчика, указывая, что работодатель вправе самостоятельно принимать кадровые решения при приеме работников на работу¹.

Схожая правовая позиция содержится в других гражданских делах: Решение Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия от 24 февраля 2022 г. по делу № 2-10/2022², Решение Тверского районного суда г. Москвы от 25 мая 2022 г. по делу № 2-1978/2022³, Апелляционное определение Московского городского суда от 1 июля 2022 г. по делу № 33-20789⁴, Решение Тверского районного суда г. Москвы от 22 августа 2022 г. по делу № 2-4043/2022⁵ и т.п.

Как демонстрирует судебная практика, ведение переговоров, переписки, отправка резюме или других документов не обязывают работодателя заключать трудовой договор и данный отказ следует трактовать как обоснованный.

Приведем пример. Гражданину пришло приглашение пройти собеседование на вакантную должность. После успешного прохождения собеседования ему была направлена анкета. После повторного собеседования по телефону ему сообщили о положительном решении с просьбой проинформировать о дате выхода на работу

¹ См.: Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 28 февраля 2023 г. по делу № 02-0189/2023. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 24.03.2023).

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 24.03.2023).

⁵ См.: Там же.

для подписания трудового договора. Спустя пару дней ему поступил отказ в приеме на работу в связи с решением руководителя организации. Как было установлено судом, представленные истцом доказательства (переписка с ответчиком, скан-копии служебных документов и т.д.) подтверждают намерение ответчика вступить в трудовые отношения. Тем не менее суд отказал в удовлетворении исковых требований. Апелляционная инстанция данное решение оставила без изменения¹.

Аналогичная правовая позиция содержится в других гражданских делах: Апелляционное определение Московского городского суда от 27 июня 2022 г. по делу № 33-18144/2022 (дело № 2-4093/22 в суде первой инстанции: Кунцевский районный суд г. Москвы)², Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 28 марта 2022 г. по делу № 02-1587/2022³, Апелляционное определение Московского городского суда от 23 января 2023 г. по делу № 33-0801/2023 (дело № 2-968/22 в суде первой инстанции: Тверской районный суд г. Москвы)⁴, Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 28 февраля 2023 г. по делу № 02-0189/2023⁵ и др.

Необходимо отметить, что работодатель не обязан принимать работника на работу при подаче соответствующего заявления.

Так, при обращении в суд гражданка указала, что она оправила ответчику письменное заявление о приеме на работу. Работодатель ответил, что в настоящее время осуществляет подбор работников на данную должность. После повторной подачи заявления о приеме на работу он сообщил ей об отказе в связи с тем, что уже нет открытых вакансий по данной должности, так как предпочтение отдано другому работнику. Суд вынес решение в пользу работодателя, поясняя, что заключение трудового договора является правом, а не обязанностью работодателя. Само по себе обращение истца с заявлением о приеме на работу не влечет за собой безусловную обязанность ответчика по заключению трудового договора, поскольку работодатель вправе самостоятельно осуществлять подбор работников⁶.

Руководствуясь ст. 64 ТК РФ, обоснованным отказом в приеме на работу будет, если, например, работник не подходит по своим деловым качествам (решение Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия от 4 июня 2021 г. по делу № 2-70/2021⁷, решение Ярцевского городского суда Смоленской области от 24 марта 2021 г. по делу № 2-195/2021⁸ и др.).

Работодатель вправе отказать в приеме на работу, если гражданин не предоставил необходимые документы. Так, истец, являясь победителем конкурса на замещение вакантной должности для поступления на государственную гражданскую службу, не предоставил запрашиваемые ответчиком документы, уточняющие его доход. В связи с чем суд вынес решение в пользу работодателя⁹.

¹ См.: Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 20 февраля 2023 г. по делу № 02-1961/2023. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 28.03.2023).

² См.: URL: <https://www.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 28.03.2023).

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Решение Варненского районного суда Челябинской области от 23 сентября 2020 г. по делу № 2-560/2020. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.03.2023).

⁷ См.: URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.03.2023).

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 21 ноября 2022 г. по делу № 33-42787/2022 (дело № 2-0290/22 в суде 1 инстанции: Таганский районный суд г. Москвы). URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 28.03.2023).

Суды признают обоснованным отказ в приеме на работу в связи с отказом вакцинироваться против новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Гражданка обратилась в суд с иском к ДООУ № 18 «Мишутка» об обязанности заключить трудовой договор. В обоснование своих требований истец пояснила, что в адрес ответчика было направлено резюме в целях трудоустройства на должность «заместитель заведующего по АХР». После проведенного собеседования она получила положительный ответ о приеме на работу и направлении о прохождении медицинской комиссии. Пройдя медкомиссию и получив медицинскую книжку в СЭС, ей было отказано в трудоустройстве по мотиву того, что ею не сделана прививка от новой коронавирусной инфекции и это несмотря на представленную справку от врача о наличии противопоказаний к любым прививкам в связи с планированием беременности. Суд вынес решение в пользу работодателя, поскольку выданная истцу справка не является медицинским отводом от вакцинации, а носит рекомендательный характер. Кроме того, суд считает надлежащим отметить, что в Федеральном законе от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»¹ не закреплены какие-либо исключения для граждан по медицинскому отводу. Сам по себе медицинский отвод указывает на невозможность выполнения трудовых обязанностей в образовательной организации². Следует уточнить, что суд вынесет решение в пользу истца, если будет доказан факт дискриминации.

Так, при прохождении предварительного медицинского осмотра женщина узнала о своей беременности и сообщила об этом работодателю. После чего работодатель указал на невозможность ее трудоустроить и временно приостановил прием кандидатов в организацию. Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что работодатель не отказывал истцу в приеме на работу. В данной ситуации ответчик приостановил прием работников на вакантную должность. Апелляционная коллегия указала на дискриминацию по мотивам, связанным с беременностью, и признала отказ в приеме на работу необоснованным³.

Необходимо обозначить разные судебные решения при фактическом допуске работника к работе для установления трудовых отношений.

Так, гражданин обратился в суд с иском об установлении факта трудовых отношений. Решение суда было вынесено в пользу работодателя. Вышестоящие инстанции поддержали решение суда. Верховный Суд РФ отменил ранее вынесенные постановления, указывая, что судами не были в полной мере исследованы все доказательства, подтверждающие факт возникновения трудовых отношений. Кроме того, указал на то, что если работник приступил к исполнению своих обязанностей под контролем или управлением работодателя, то трудовой договор считается заключенным. А доказывать отсутствие трудовых отношений должен работодатель (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15)⁴.

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 38, ст. 4736; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5144.

² См.: Решение Дубненского городского суда Московской области от 29 сентября 2021 г. по делу № 2-893/2021. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

³ См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2022 г. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ См.: Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 декабря 2020 г. № 5-КГ20-99-К2, от 29 апреля 2019 г. № 73-КГ19-1, от 2 сентября 2019 г. № 41-КГ19-10,

Схожая правовая позиция содержится в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 декабря 2020 г. № 5-КГ20-99-К2, от 2 сентября 2019 г. № 41-КГ19-10, от 21 октября 2019 г. № 78-КГ19-30, от 21 октября 2019 г. № 78-КГ19-33, от 25 ноября 2019 г. № 20-КГ19-10¹.

Укажем, что при разрешении вопроса об установлении трудовых отношений суд должен принимать любые средства доказывания, предусмотренные ГПК РФ. Так, истец просил установить факт трудовых отношений. Суд вынес решение в пользу работодателя, указывая, что копии представленных истцом документов не являются допустимыми доказательствами, оригиналы не представлены, копии графиков дежурств не подписаны и не утверждены соответствующими лицами ответчика, не имеют печатей. Суд вышестоящей инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. Верховный Суд РФ отменил ранее вынесенные постановления по делу (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 ноября 2020 г. № 78-КГ20-27-КЗ²).

Схожая правовая позиция содержится в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. № 77-КГ19-4, от 30 сентября 2019 г. № 11-КГ19-13, от 20 августа 2018 г. № 127-КГ18-17³.

Итак, анализируя судебную практику по индивидуальным трудовым спорам, связанным с отказом в приеме на работу, выделим следующие их подкатегории:

споры, связанные с отказом в приеме на работу на начальном этапе (отклик на вакансию, переписка, отправка резюме и других документов). Как свидетельствуют материалы судебной практики, в данном случае решения выносятся в пользу работодателя;

споры, основанные на промежуточном этапе в период собеседования. Суды едины во мнении, что заключение трудового договора право, а не обязанность работодателя и он самостоятельно принимает кадровые решения. Если не было отказа по деловым качествам, дискриминационным мотивам, то суды выносят решения в пользу работодателя;

споры, основанные на процедуре, предшествующей оформлению трудового договора, когда было проведено собеседование и вынесено положительное решение в пользу лица, устраивающегося на работу, конкурс на замещение вакантной должности. В данном контексте рассматриваются ситуации, когда гражданин, например, не предоставил необходимые документы, выявились новые обстоятельства (беременность кандидата на вакантную должность) и др. В данном случае судебная практика неоднозначна, учитываются все обстоятельства, в первую очередь, наличие дискриминации;

споры, возникающие при фактическом допуске работника к работе. Суду необходимо установить факт возникновения трудовых отношений, особое внимание уделяется доказательствам. Если в большинстве случаев суды первой, апелляционной и кассационной инстанции отказывали работникам, представляющим копии, а также незаверенные работодателем отдельные документы, то Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на допустимость таких доказательств и бремя доказывания распределила на работодателя.

от 21 октября 2019 г. № 78-КГ19-30, от 21 октября 2019 г. № 78-КГ19-33, от 25 ноября 2019 г. № 20-КГ19-10. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

¹ См.: URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 01.04.2023).

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

А. А. Киселев

ИНДЕКС СЕЗОННОСТИ ПРИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Введение: в статье дается оценка потенциала использования такого показателя преступности, как индекс сезонности. Отмечаются недостатки применяемых методов сбора и анализа данных о состоянии преступности региона на основе статистического учета, а также использования их в соответствии с процессом цифровизации системы правоохранительных органов. Полагаем, что есть потребность и возможности для успешного математического моделирования криминальной активности населения на основании сезонного фактора. **Цель** — выявить основные подходы к определению сезонности отдельных видов преступности и оценить их перспективность, опираясь на официально опубликованные статистические данные о числе зарегистрированных краж на территории Саратова в 2021–2023 гг. **Методологическая основа:** системный и структурный подходы, социологический, статистические и формально-логический методы, сравнение двух подходов в определении сезонности преступности. **Результаты:** согласно научно обоснованной оценке основных подходов к определению сезонности отдельных видов преступности в условиях массовой цифровизации необходимо использовать качественные показатели преступности, в частности индекса сезонности. **Выводы:** индекс сезонности представляет собой эффективный инструмент, необходимый для прогнозирования динамики преступности определенного вида, который удобно использовать как в анализе информации по принципу Mass Data, или Big Data, так и в математическом моделировании.

Ключевые слова: показатели преступности, изучение преступности, индекс сезонности, моделирование преступности.

A. A. Kiselyov

SEASONALITY INDEX IN THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERIZATION OF THE REGION UNDER CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Background: the article assesses the potential of using such a crime indicator as the seasonality index. The shortcomings of the methods used to collect and analyze data on the state of crime in the region on the basis of statistical accounting, as well as their use, taking into account the process of digitalization of the law enforcement system, are noted. We believe that there is a need and opportunities for successful mathematical modeling of criminal activity of the population, taking into account the seasonal factor. **Objective** — to identify the main approaches to determining the seasonality of certain types of crime and assess their prospects, based on officially published statistical data on the number of registered thefts on the territory of Saratov

© Киселев Андрей Александрович, 2024

Аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия), заместитель начальника отдела уголовного розыска Управления МВД России по городу Саратову; e-mail: ander.kiselev@yandex.ru

© Kiselyov Andrey Alexandrovich, 2024

Postgraduate student of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy), Deputy Head of Department Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Saratov

in 2021-2023. **Methodology:** systematic and structural approaches; sociological, statistical and formal-logical methods, comparison of two approaches in determining the seasonality of crime. **Results:** according to the scientifically based assessment of the main approaches to determining the seasonality of certain types of crime in conditions of mass digitalization, it is necessary to use qualitative indicators of crime, in particular seasonality indexes. **Conclusions:** the seasonality index is an effective tool needed to predict the dynamics of crime of a certain type, which is convenient to use both in the analysis of information on the principle of Mass Data, or Big Data, and in mathematical modelling.

Keywords: crime indicators, crime study, seasonality index, crime modeling.

Календарная цикличность социальных явлений, включая преступность, относится к закономерностям, которыми можно управлять при корректном подходе. С позиции предупредительной функции криминологии полноценное изучение сезонных колебаний показателей преступности требуется для выявления цикличности воздействия криминогенных детерминант. Во-первых, полученные знания позволят более четко и обоснованно оценить значение того или иного фактора в качестве причины или условия преступности определенного вида. Во-вторых, информация о динамике усиления или ослабления криминогенных детерминант позволит уточнить имеющиеся прогностического характера сведения о преступности. В-третьих, в предупреждении и планировании мероприятий по предупреждению преступности указанные научно обоснованные данные позволят оптимально распределить ресурсы социума в деле противодействия преступности, что однозначно повысит его (противодействия) эффективность. Цифровизация, в том числе исследовательских процессов, открывает широчайшие возможности в анализе и прогнозировании преступности, но требует корректировки традиционных подходов к обороту цифровых данных, что можно увидеть на примере оценки сезонности преступности как малоизученного в криминологии показателя.

Сезонность преступности, которую мы обозначили как «показатель преступности, обусловленный динамическими циклами (колебаниями), состоящий из совокупности актуальных преступлений, совершенных в отдельно взятом регионе, имеющий максимум абсолютных показателей числа совершенных преступлений по частоте их повторений в течение календарного года» [1, с. 143], призвана обнаружить всплески и спады криминальной активности на определенной территории в течение календарного года.

Стандартный подход выявления критерия сезонности преступности на базе определения ее динамики по абсолютным числовым показателям относится к элементарным способам обобщения эмпирических данных и основывается на абсолютных числовых величинах.

Как известно, использование «буквальных» показателей не позволяет учитывать некоторые погрешности сбора данных, а также не исключает влияния на исходные сведения фоновых и незакономерных факторов. Снять сомнения относительно статистической достоверности полученных при исследовании результатов по поводу значения показателя сезонности в определенном виде преступности, создать информационно обоснованную базу для прогнозирования уровня сезонности поможет индекс. Конечно, использование метода экстраполяции в прогнозировании никто не умаляет, но исходные данные для

его эксплуатации значительно влияют на степень вероятности выносимого в итоге решения. Индексирование первичных сведений увеличивает шансы на точность прогноза.

Индекс сезонности — распространенная статистическая категория [2], максимально востребованная в экономике [3] и менеджменте [4], используется и в криминологии [5, с. 270]. Стандартные приемы вычисления указанного показателя сводятся к следующим вариантам: метод абсолютных разностей, метод относительных разностей, индексный метод [6, с. 35].

Метод абсолютных разностей заключается в расчете показателей преступности и последующем их сравнении по формуле:

$$\Delta_{\text{сез}} = y_t - y_c,$$

где y_t — постоянный среднемесячный показатель числа совершенных преступлений,

y_c — относительное среднемесячное значение этого показателя за все годы в интересующем исследователя периоде.

Сбор и анализ любых видов информации по принципу Mass Data, или Big Data [7], в контексте исследований социума рекомендовано начинать с минимального временного промежутка в три года. Следовательно, формула постоянного среднемесячного уровня показателя преступности будет иметь следующий вид в расчете на тридцать шесть месяцев:

$$y_c = \frac{\sum y_i}{36},$$

где y_i — значение уровня динамического ряда.

Метод относительных разностей является продолжением метода абсолютных разностей. В качестве показателя, характеризующего сезонную неравномерность, используется показатель относительного отклонения:

$$\Delta_{\text{отн}} = \frac{y_t - y_c}{y_c},$$

По величине и росту значений относительных отклонений можно судить о величине и силе влияния сезонного фактора.

Индекс сезонности рассчитывается по стандартной формуле:

$$I_{\text{сез}} = \frac{y_t}{y_c},$$

где y_t — средний уровень показателя за три и более года,

y_c — средний уровень значения показателя за все годы.

Рассчитанные значения индекса сезонности сравниваются со значением 100 % как условного усредненного показателя типичного уровня данного вида преступности. Если индекс сезонности превышает 100 % — это свидетельствует о влиянии сезонного фактора в сторону увеличения уровней динамического ряда. Полученные результаты по анализу динамических рядов можно проиллюстрировать, построив диаграмму соотношения числовых отклонений от средней (для данного вида преступности) величины. Инфографика динамики преступности существует не столько для визуализации выявленных тенденций, сколько для постоянного мониторинга ситуации при перманентном внесении актуальных сведений о числе фактов зафиксированных обращений граждан.

Таблица данных о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных на территории Саратова в 2021–2023 гг., с показателем постоянной средней¹

Период	2021	2022	2023	Итого	Средняя постоянная	Средняя постоянная за год
Январь	375	324	328	1027	343,3	390,9
Февраль	434	335	351	1120	373,3	
Март	470	444	366	1280	426,6	
Апрель	537	472	365	1374	458,0	
Май	219	277	329	852	275,0	
Июнь	381	420	390	1191	397,0	
Июль	418	424	502	1344	448,0	
Август	381	371	488	1240	413,3	
Сентябрь	447	388	490	1325	442,0	
Октябрь	342	493	481	1316	438,6	
Ноябрь	321	343	359	1023	341,0	
Декабрь	342	289	374	1005	335,0	

Таблица данных о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных на территории Саратова в 2021–2023 гг., с показателем переменной средней

Период	2021	2022	2023	Итого	Средняя переменная, %	%
Январь	375	324	328	1027	-0,12	100
Февраль	434	335	351	1120	-0,04	100
Март	470	444	366	1280	0,09	100
Апрель	537	472	365	1374	0,17	100
Май	219	277	329	852	-0,29	100
Июнь	381	420	390	1191	0,01	100
Июль	418	424	502	1344	0,14	100
Август	381	371	488	1240	0,05	100
Сентябрь	447	388	490	1325	0,13	100
Октябрь	342	493	481	1316	0,12	100
Ноябрь	321	343	359	1023	0,13	100
Декабрь	342	289	374	1005	-0,14	100

¹ См.: Прокуратура Саратовской области. Официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/activity/statistics/office/other?p_p_id=ru_voskhod_gparf_portal_feeds_main_page_portlet_FeedsSectionListViewPortlet_INSTANCE_WuyH0xAfn2J1&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&ru_voskhod_gparf_portal_feeds_main_page_portlet_FeedsSectionListViewPortlet_INSTANCE_WuyH0xAfn2J1_delta=15&ru_voskhod_gparf_portal_feeds_main_page_portlet_FeedsSectionListViewPortlet_INSTANCE_WuyH0xAfn2J1_resetCur=false&ru_voskhod_gparf_portal_feeds_main_page_portlet_FeedsSectionListViewPortlet_INSTANCE_WuyH0xAfn2J1_cur=1 (дата обращения: 17.03.2024).

Таблица результатов наличия сезонных колебаний для динамического ряда методом постоянной средней на примере данных о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных на территории Саратова в 2021–2023 гг.

Период	2021	2022	2023	yt	Δсез	Δотн, %	Исез, %
Январь	375	324	328	343,3	-47,6	-1,2	98,8
Февраль	434	335	351	373,3	-17,6	-0,4	99,6
Март	470	444	366	426,6	35,7	0,9	100,1
Апрель	537	472	365	458,0	67,1	1,7	101,7
Май	219	277	329	275,0	-115,9	-2,9	97,1
Июнь	381	420	390	397,0	6,1	0,1	99,9
Июль	418	424	502	448,0	57,1	1,4	101,4
Август	381	371	488	413,3	22,4	0,5	100,5
Сентябрь	447	388	490	442,0	51,1	1,3	101,3
Октябрь	342	493	481	438,6	47,7	1,2	101,2
Ноябрь	321	359	359	341,0	49,9	1,3	101,3
Декабрь	342	289	374	335,0	-55,9	1,4	101,4

Полученные результаты динамических показателей сезонности тех же самых преступлений, представленные абсолютными показателями числа совершенных деяний за отчетный период, также можно визуализировать и отметить сходные или отличающиеся тенденции.

Диаграмма наглядно демонстрирует среднемесячные отклонения от средней (типичной) для данного вида преступления годовой величины.

При сравнении двух графиков можно отметить сходство: тенденции увеличения и спада криминальной активности по месяцам (зимний спад и летний отпускной всплеск). Одновременно необходимо подчеркнуть и отличие в инфографике: диаграмма, отражающая индекс сезонности краж более четко обозначает начало и завершение тех временных промежутков, которые требуют усиления контроля со стороны правоохранительных органов.

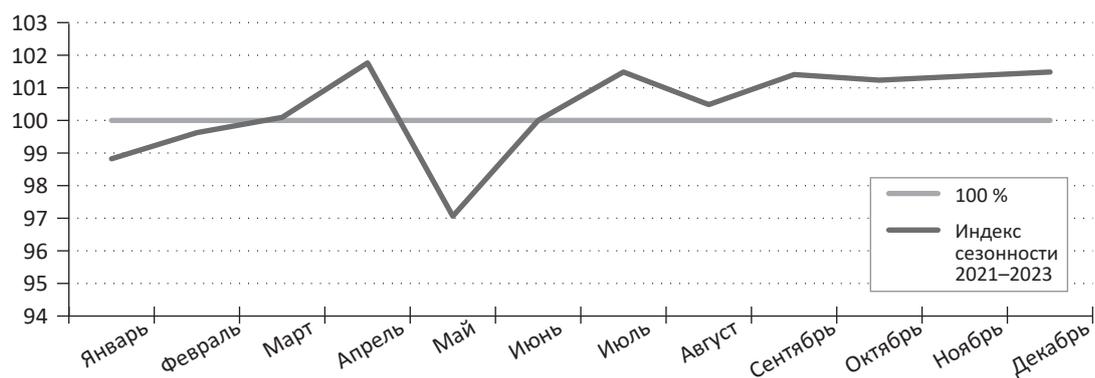

Диаграмма результатов наличия сезонных колебаний для динамического ряда методом постоянной средней на примере данных о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных на территории Саратова в 2021–2023 гг.

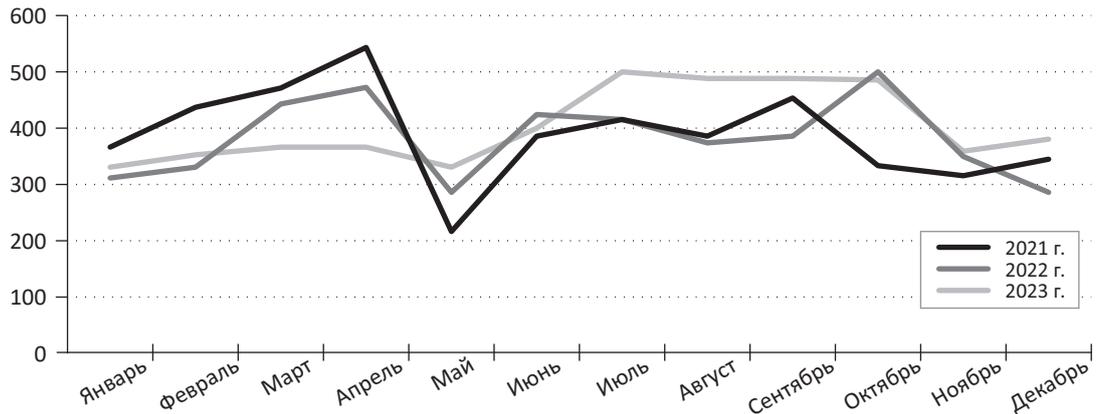

Диаграмма абсолютных данных о преступлениях, предусмотренных статьёй 158 УК РФ, совершенных на территории Саратова в 2021–2023 гг.

Индексирование данных о преступности представляет собой метод формирования, скорее, качественных, характерных показателей, нежели просто числовых данных. В дальнейшем на базе полученных величин можно проводить сравнительные исследования сезонности не только по хронологическим периодам, но и по регионам. Более того, в показателях уровня типа сведения о циклических явлениях предстают в более «чистом» виде, без учета ситуативных погрешностей (например, внесезонное увеличение числа карманных краж в ноябре, во время проведения в городе Универсиады или иного долгосрочного массового мероприятия).

К плюсам анализа преступности при помощи математических методов стоит отнести естественную возможность оперативного мониторинга сезонных (и иных) показателей в условиях глобальной цифровизации. Например, уже с конца 90-х гг. прошлого столетия успешно используется в рамках указанной цели система картографирования преступности [8, с. 65]. Несомненные плюсы указанного подхода заключаются в возможностях удобного сопоставления и последующего сравнения регионов, близких по криминальным показателям, в поисках путей оптимального противодействия криминальной активности населения. В свою очередь, можно использовать другой путь — найти сходные по базовым социальным критериям локации и сравнить показатели преступности в них, выделяя попутно криминогенные детерминанты. Геополитические условия определяют ритм жизни населения в обособленной местности (город, провинция, федеральный округ и др.), который зависит от бюджетной и экономической составляющих, градообразующих предприятий, эффективности местной и федеральной социальной политики, культурологических аспектов и др. Таким образом, в число критериев сезонности преступности должен включаться анализ региональных особенностей социума.

Инфографика как метод обобщения и передачи эмпирических качественных данных возник закономерно в связи с анализом проблемы уличной преступности [9, с. 135]. Выделение городских территорий, где происходило совершение преступлений (изначально на основе сопоставления телефонных звонков от населения с сообщениями о посягательствах), позволило выявить наиболее криминальные районы городов. А нанесение этой информации на карту города аккумулировало

детальное исследование вероятностных сценариев появления очагов криминальной активности с учетом потенциальных ситуационных и общесоциальных криминогенных детерминант.

Поэтому тема нашего исследования включает в себя не только характеристику преступности как отдельного показателя сезонности, но и предполагает анализ указанного негативного явления с позиции регионоведения.

Современный уровень развития компьютерных технологий позволяет не только трансформировать статистическую информацию о преступлении по показателям преступности в образы и иллюстрации для наглядности, но служит инструментом глубокого анализа полученных фактов, дает возможность получить обобщенные данные о территориях криминальной активности как в целом, так и по определенным видам преступлений. Стандартная практика системы обеспечения безопасности дорожного движения служит убедительным примером того, как фиксация регулярности совершения транспортных правонарушений в одной и той же «точке пространства» заставляет анализировать причины подобных закономерностей и с учетом времени года корректировать условия на местности, например устанавливая или меняя знаки дорожного движения, светофоры, камеры видеонаблюдения или посты, для снижения уровня опасности.

Аналогичный механизм оценки криминальной активности можно и нужно задействовать в мегаполисе. Обнаружение территории городской среды, в пределах которой частота совершения преступлений определенного вида стабильно высокая либо имеет тенденцию к увеличению, сигнализирует о необходимости исследования на предмет выявления причин, вызвавших тенденции к появлению криминогенных ситуаций. Например, изменение плотности населения благодаря вводу в эксплуатацию нового жилого массива или появление в микрорайоне нового объекта инфраструктуры, массово «притягивающего» отдельные группы населения (торговый центр, стадион, школа, крупная остановка общественного транспорта и т.п.), оказывает влияние на уклад жизни и вероятность возникновения конфликтных ситуаций. Изменения схем транспортных развязок, графика работы магазинов или предприятий, корректировка порядка патрулирования территории сотрудниками органов внутренних дел, образование в пределах местности неохранных объектов застройки — все это, а также оставленные «за скобками» события, способно повлиять на уровень криминогенности городской среды.

Таким образом, геокриминогенный потенциал местности следует рассматривать с позиции криминогенного комплекса. Важно подчеркнуть, что на данный момент в науке предлагаются криминологические типологизации регионов Российской Федерации в зависимости от коэффициента преступности и удельного веса на территории, где криминальную ситуацию существенно определяет организованная преступность [10, с. 174].

Динамика показателей регистрируемых уголовно-наказуемых деяний и административных правонарушений, естественно, будет обнаруживать и сезонные изменения в преступности. Сочетание в одной только картографической модели элементарного уровня сведений о месте совершения преступления, его уголовно-правовых характеристиках (конкретные статьи УК РФ), о динамике такого вида посягательств — уже отличный индикатор, отражающий криминальную

ситуацию. В частности, прием «картирование плотности ядра»¹ демонстрирует степень интенсивности криминальной активности в течение заданного временного периода. А возможность наложения таких карт друг на друга, сформированных на базе разных критериев (сочетание сезонов; статей УК РФ, запрещающих данный вид посягательства; число лиц, проживающих на данной территории; число лиц, находящихся под административным наблюдением, проживающих на данной территории; выявленные локальные криминогенные детерминанты; интенсивность мероприятий по предупреждению правонарушений или преступлений и др.), дает неограниченное мониторинговое и прогностическое преимущество при планировании мероприятий по предупреждению негативных социальных явлений в районе.

На данный момент система регистрации и учета выявленных преступлений и правонарушений в МВД выстроена по принципу фиксации абсолютных показателей в формах № 1-ЕГС, 2-ЕГС, 3-ЕГС, 4-ЕГС, которые подвергаются изучению для внутреннего пользования отделами аналитики правоохранительных органов в целях общего мониторинга и экстраполяции выявленных обобщенных тенденций. Инфографика, в том числе картографирование, используется для формирования отчетов по результатам деятельности правоохранительных органов и обнародования части этих отчетов в публичном пространстве (например, на информационно-аналитическом портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Пожалуй, это весьма скромный результат при современных возможностях цифровизации. Тем более, если расширить круг источников сбора первичной информации за счет использования нейросетей и иных механизмов Big Date, синхронизации системы сбора первичной информации с городскими камерами видеонаблюдения.

Вариантов моделирования уровня криминогенности территории или календарной цикличности преступности используемые системы не задействуют. Между тем картографирование, как мы выяснили, удобный и информативный прием работы с числовыми данными. Применение пространственно-временных оценок криминогенности ситуации при помощи, в том числе, индекса сезонности отдельных видов преступности — перспективное направление в деле изучения особенностей региональной преступности, а также для ее моделирования как важнейшей предпосылки эффективной подготовки к предупреждению правонарушений разного уровня общественной опасности.

На основании сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Индекс сезонности преступности как математический показатель данного вида социально-негативного явления вместе со сведениями в рамках линейной динамики помогает выявить базовый тренд относительно циклических среднегодовых колебаний, но без учета ситуативных факторов.

2. Выявление индекса сезонности позволяет ответить на вопрос о том, есть ли внутригодовая закономерность роста в пределах определенного вида преступности и насколько она существенна с позиции организации дополнительных предупредительных мероприятий.

¹ См.: Касл Ю. А., Ковач Дж. М. Выявление сезонных пространственных закономерностей преступности в небольшом северном городе. Криминология 10, 25 (2021). URL: <https://doi.org/10.1186/s40163-021-00161-w> (дата обращения: 12.12.2022).

3. Индекс сезонности представляет собой эффективный инструмент, необходимый для прогнозирования динамики преступности определенного вида, корректирующий погрешности экстраполяции, основанной на абсолютных числовых показателях, что позволяет успешно проводить сравнительные исследования разных регионов.

4. Указанный показатель может удобно использоваться как в анализе информации по принципу Mass Data, или Big Data, так и в математическом моделировании преступности, например картографии.

Библиографический список

1. Киселев А. А. Сезонность преступности как объект криминологического изучения // Правовая культура. 2020. № 2(41). С. 139–150.
2. Афанасьев В. Н., Юзбашев М. М. Анализ временных рядов и прогнозирование: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Статистика». М.: Финансы и статистика, 2001. 226 с.
3. Соловьев И. В. Инвестиционные циклы и их регулирование: автореф. дис. ... канд. экон. наук: СПб., 2012. 17 с.
4. Силкин А. В., Лупанов А. П. К вопросу о значимости стратегического планирования на предприятиях с сезонным характером производства // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. 2017. № 1. С. 192–202.
5. Красикова Е. М. Статистическое изучение уровня преступности в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 16(150). С. 269–272.
6. Фомин С. А. Применение математико-статистических методов в изучении сезонных (внутригодовых) колебаний отдельных видов преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 2(64). С. 34–39.
7. Комлев Ю. Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 97–104.
8. Сикач К. Ю. Картографирование преступности как один из инструментов борьбы с ней: мировой и российский опыт // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2016. Т. 2(12), № 2. С. 63–72.
9. Олейник А. С., Болтачев Э. Ф. Анализ использования программных средств визуализации на основе геоинформационных систем в правоохранительных органах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2014. Вып. 1. С. 134–147.
10. Криминология — XX век / В. Н. Бурлаков, В. В. Вандышев, Б. В. Волженкин, Я. И. Гилинский и др.; под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 554 с.

Reference

1. Kiselev A. A. Seasonality of Crime as an Object of Criminological Study // Legal Culture. 2020. No. 2(41). P. 139–150.
2. Afanasyev V. N., Yuzbashev M. M. Time Series Analysis and Forecasting: textbook for university students studying in the field and specialty “Statistics”. M.: Finance and Statistics, 2001. 226 p.
3. Solovyov I. V. Investment Cycles and Their Regulation: extended abstract diss. ...cand. of Economic Sciences: SPb., 2012. 17 p.
4. Silkin A. V., Lupanov A. P. On the Importance of Strategic Planning in Enterprises with a Seasonal Nature of Production // Proceedings of Tula State University. Earth Sciences. 2017. No. 1. P. 192–202.

5. *Krasikova E. M.* Statistical Study of the Crime Rate in the Russian Federation // *Young Scientist*. 2017. No. 16(150). P. 269–272.
6. *Fomin C. A.* Application of Mathematical and Statistical Methods in the Study of Seasonal (intra-annual) Fluctuations of Certain Types of Crimes // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 2(64). P. 34–39.
7. *Komlev Yu. Yu.* Integration of Criminological Knowledge, Extended Methodological Triangulation and “Big Data” in the Sociological Study of Crime // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2019. No. 3. P. 97–104.
8. *Sikach K. Yu.* Mapping Crime as One of the Tools to Combat It: World and Russian Experience // *Geopolitics and ecogeodynamics of Regions*. 2016. Vol. 2(12), No. 2. P. 63–72.
9. *Oleinik A. S., Boltachev E. F.* Analysis of the Use of Visualization Software Based on Geoinformation Systems in Law Enforcement Agencies // *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. Krasnodar, 2014. Issue 1. P. 134–147.
10. *Criminology — the XX Century / Burlakov V. N., Vandyshov V. V., Volzhenkin B. V., Gilinsky Ya. I. et al.; ed. by: V. N. Burlakova, V. P. Salnikova.* SPb.: Legal Center Press. 2000. 554 p.

Ю. М. Соболев

**ПРИРОДА ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ
СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЛИ ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП?**

Введение: для объективной квалификации некоторых международно-правовых конфликтов необходимо не только рассматривать принцип самоопределения народов в его современном значении, но и уделять внимание истории его становления, в том числе особенностям его природы до закрепления его в Уставе ООН. **Цель** — охарактеризовать природу принципа самоопределения народов в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. **Методологическая основа:** анализ, синтез, *ad absurdum*, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** определено содержание «ядра» принципа самоопределения народов, проанализированы ключевые международно-правовые источники изучаемого периода на предмет наличия в них «ядра» принципа. **Вывод:** основные аргументы, используемые для обоснования наличия правовой природы принципа самоопределения народов в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, нельзя считать в достаточной степени убедительными. Содержанием «ядра» данного принципа выступает обязанность придать существенную значимость воле народа для определения его судьбы. Утверждение о правовой природе данного принципа предполагает установление наличия соответствующего международно-правового обязательства. Как показало обращение к ст. 22 Версальского договора 1919 г. и к Докладу Комиссии с учетом определения «ядра» рассматриваемого принципа, такого обязательства не существовало в рамках режима созданной по окончании Первой мировой войны первой в истории человечества международной организации общей компетенции.

Ключевые слова: принцип самоопределения народов, Лига Наций, Версальский договор 1919 г., народы, нации, колониализм, международное право.

Yu. M. Sobolev

**THE NATURE OF THE PRINCIPLE OF SELF-DETERMINATION OF PEOPLES
DURING THE FORMATION OF THE VERSAILLES-WASHINGTON SYSTEM
OF INTERNATIONAL RELATIONS:
POLITICAL CONCEPT OR LEGAL PRINCIPLE?**

Background: in order to objectively qualify certain international legal conflicts, it is necessary not only to consider the principle of self-determination of peoples in its contemporary meaning, but also to pay attention to the history of its formation, including the peculiarities of its nature before it was enshrined in the UN Charter. **Objective** — to characterize the nature of the principle of self-determination of peoples in the period of formation of the Versailles-Washington system of international relations. **Methodology:** methods of analysis, synthesis, *ad absurdum*, formal-legal,

and comparative-legal methods. Results: the content of the 'core' of the principle of self-determination of peoples was determined, the key international legal sources of the period under study were analyzed for the presence of the 'core' of the principle in them. Conclusions: the main arguments used to justify the existence of the legal nature of the principle of self-determination of peoples during the formation of the Versailles-Washington system of international relations cannot be considered sufficiently convincing. The content of the 'core' of this principle is the obligation to give substantial weight to the will of the people in determining their destiny. The assertion of the legal nature of this principle presupposes the establishment of the existence of a corresponding international legal obligation. As has been shown by reference to Article 22 of the Treaty of Versailles of 1919 and to the Report of the Commission, taking into account the definition of the 'core' of the principle in question, such an obligation did not exist within the regime of the first international organization of general competence created at the end of the First World War.

Keywords: *the principle of self-determination of peoples, League of Nations, Treaty of Versailles 1919, peoples, nations, colonialism, international law.*

Принцип равноправия и самоопределения народов является одним из основных принципов современного международного права и играет в нем чрезвычайно важную роль. Одни исследователи характеризуют его как «ящик Пандоры» [1], другие же, наоборот, отмечают его положительное влияние на сложившуюся к настоящему времени систему международных отношений [2]. Идеи, лежащие в основе принципа самоопределения народов, закрепленного в ст. 1 и ст. 55 Устава ООН, с одной стороны, выступают опорой современных гарантий мирного сосуществования большинства народов, а с другой — именно с ними прямо или косвенно связаны истоки множества международных противостояний — от Американской войны за независимость до Арабо-израильского конфликта.

Для объективной правовой квалификации таких международных конфликтов необходимо не только рассматривать принцип самоопределения народов в его современном значении, но и уделять внимание истории его становления, в том числе особенностям его природы до закрепления его в Уставе ООН. Так, для международно-правовой оценки Арабо-израильского конфликта некоторые исследователи придают важное значение возникшим до создания ООН правам народов, проживавших на территории современного Израиля [3].

Сегодня содержание права народов на самоопределение предполагает «способность народов свободно пользоваться ценностями жизни, процветания и, следовательно, определять свою судьбу» [4, с. 155]. Есть веские основания считать, что в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений право на самоопределение народов не несло в себе такого смысла, так как сама практика колониализма и существование мандатной системы Лиги Наций несовместимы с правом на самоопределение народов в его современном значении.

Несмотря на это, проблемы определения природы принципа самоопределения в указанный период являются актуальными и вызывают дискуссии, так как основным вопросом выступает не то, существовал ли данный принцип в современном его значении, а то, имел ли он место в каком-либо ином, соответствующем этому периоду, понимании.

Право закономерно развивается [5, с. 440]: изменяются нормы, формы и смыслы. Принцип самоопределения народов, закрепленный в 1945 г. в Уставе ООН,

не является исключением. Так, очевидным прогрессивным шагом в его развитии стало принятие в 1960 г. Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой «подчинение народов иностранному игу и господству» было признано противоречащим Уставу ООН. В связи с этим важным представляется обращение в необходимых случаях к признанному в международно-правовой доктрине [6] и в практике¹ принципу интертемпоральности, в силу которого любое действие или факт необходимо рассматривать в ретроспективном контексте в соответствии с действующими на тот момент международно-правовыми нормами.

Так как точные начала происхождения принципа самоопределения народов остаются неясными [7, р. 15], необходимо искать существование в соответствующий исторический период некоего правила (или гарантии), которое можно было бы считать «исторической» версией принципа самоопределения народов для рассматриваемого «критического» периода. Для этого необходимо в первую очередь определить, каким могло бы быть содержание правила, способного претендовать на эту роль.

Представляется, что таким правилом могло бы выступать «ядро» принципа самоопределения народов. Условно его содержание можно определить как обязанность придать существенную значимость воле народа для определения его судьбы. Учитывая, что правовые концепции не появляются из «ниоткуда» и, как правило, становятся результатом эволюции философских, политических теорий и концепций, высказанный тезис о содержании «ядра» рассматриваемого принципа следует из смысла политической концепции самоопределения, сложившейся в рассматриваемый период и последовательно изучаемого в качестве бесспорной основы одноименного правового принципа. Такой подход подтверждается следующими аргументами.

Многие исследователи связывают первые проявления принципа самоопределения с Американской войной за независимость 1775–1783 гг. и с Великой французской революцией 1789–1799 г. [2, р. 13]. Потребность народов реализовать свою волю и определять свою дальнейшую судьбу являются важными причинами этих событий. Так, революция во Франции заложила основы принципа самоопределения народов, а Декларация независимости США закрепила концепцию, по которой власть исходит не от государства, а от управляемого им народа [8, р. 205, 206].

Значительную роль в становлении идеи самоопределения народов сыграли некоторые политико-правовые учения. В частности, в своих трудах Дж. Локк популяризировал идею революции как массового сопротивления народа, при котором сам народ получает право действовать как самостоятельная верховная власть и в дальнейшем передать эту власть в новые руки, как сочтет лучшим [9, с. 155]. Локк наделял народ субъектностью, и этот подход совпадает с современным пониманием, который также предоставляет право на демократическую смену правительства в рамках своего государства [2, р. 15], соответственно, придает значимость воле народа и позволяет ему самому определять свою дальнейшую судьбу.

¹ См.: ICJ. The *Minquiers and Ecrelzos Case*. Judgment of 17 November 1953. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/17/017-19531117-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).

И. Кант обосновывает необходимость отказа индивида от любых форм внешней морали, призывая действовать самостоятельно, в соответствии с процессом самоопределения, при котором человек должен следовать внутреннему, исходящему из него самому закону [2, р. 15]. Так же как и Локк, Кант рассматривал народ в качестве субъектной единицы. Например, труды философа устанавливают необходимость суда присяжных, поскольку через присяжных народ хотя и опосредованно, но сам творит правосудие [9, с. 201], что говорит о значимости народной воли в философских концепциях И. Канта.

В начале XX в. в Декрете о мире В. И. Ленин обращал внимание на необходимость предоставления народам права свободного голосования по вопросу о форме государственного существования [10, с. 63]. Основные соответствующие тезисы В. И. Ленина заключались в следующем: право на самоопределение не является самоцелью, не предопределяет обязательное возникновение суверенного государства, признается как за большими, так и за малыми нациями независимо от уровня их развития [10, с. 63]. Важно обратить внимание на то, что В. И. Ленин допускал насильственный способ реализации принципа самоопределения в той мере, в которой это необходимо для «диктатуры пролетариата» [11, р. 156]. Однако не следует абсолютизировать значение принципа самоопределения в марксистско-ленинской теории. В. И. Ленин писал, что интересы социализма стоят выше, чем интересы народов на самоопределение [12, с. 388]. Если рассматривать этот тезис *ad absurdum*, следует, что право наций на самоопределение должно объективно соблюдаться только в капиталистических государствах, а социалистическая власть, если посчитает его нарушающим «интересы социализма», может это право не соблюдать.

Данная позиция В. И. Ленина нашла отражение во множестве декретов советской власти: были признаны права на самоопределения народов Белоруссии, Украины, Эстонии, Литвы и Латвии, а Финляндия и Польша были признаны независимыми государствами [13, с. 25]. Более того, Советом народных комиссаров РСФСР был принят Декрет, в котором поддерживалось право свободного самоопределения для армян [13, с. 25]. А преамбула Московского договора РСФСР и Турции содержала прямое упоминание принципа самоопределения народов¹.

Ответом на Декрет о мире стали широко известные 14 пунктов американского Президента В. Вильсона [14, р. 125–129]. Риторика 28-го Президента США включала призыв к признанию равенства наций и к созданию нового мирового порядка, основанного на равенстве государств; признание поддержки народа как фактора легитимности власти государства²; самоопределение как императивный принцип, который любые государственные деятели могут игнорировать только «на свой страх и риск»³. Он раскрывал право народов на самоопределение в первую очередь в контексте внутреннего самоопределения, осуществляемого посредством демократии и самоуправления, рассматривая, таким образом, понятия «самоопределение» и «самоуправление» в качестве синонимов [15, р. 1].

¹ См.: Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией от 16 марта 1921 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/183679-dogovor-o-druzhbe-i-bratstve-mezhdu-rsfsr-i-turtsiye-16-marta-1921-g-izvlechenie#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 05.12.2023).

² См.: President W. Wilson's Fourteen Points. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson2.asp (дата обращения: 05.12.2023).

³ См.: Там же.

Изложенное очевидно свидетельствует о различиях в подходах к пониманию концепции самоопределения. Если В. И. Ленин преимущественно продвигал именно идею внешнего самоопределения, осуществляемого путем создания нацией собственной государственности или автономии в составе государства, то В. Вильсон рассматривал право народа на самоопределение сквозь призму демократических институтов народовластия. В то же время общим в их идеях, а равно в идеях ранее упомянутых мыслителей, было признание необходимости придавать существенную значимость воле народа при определении его дальнейшей судьбы (хотя и в разных формах), что следует считать «ядром» политической концепции самоопределения и что может претендовать на роль «ядра» соответствующего правового принципа.

Есть ли достаточные свидетельства существования соответствующего правового принципа в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений? В науке международного права нет единого и устойчивого мнения на этот счет.

Так, профессор М. Наваз утверждал, что принцип самоопределения уже имел юридическую значимость после Первой мировой войны, а ст. 22 Версальского договора 1919 г. частично признавала принцип самоопределения [16]. Авторитетный российский ученый В. Л. Толстых считает, что «[в] современное международное право [рассматриваемый] принцип вошел после Первой мировой войны», существенно повлияв, в частности, на установление системы мандатов и на разрешение в рамках Лиги Наций дела Аландских островов [17, с. 65].

А. К. Каграманов, с одной стороны, отмечает, что «западный политический истеблишмент длительное время создавал *некую иллюзию*, что принцип самоопределения наций представляет скорее этическую, нежели правовую категорию» (курсив наш. — Ю. С.) [10, с. 63–64], а с другой, подчеркивает влияние принципа самоопределения на установление системы мандатов в международном праве, ссылаясь на заключение Международной комиссии юристов в споре об Аландских островах [10, с. 64]. Специалист по истории международного права А. Бейкер Лорка, рассматривая влияние принципа самоопределения на мандатную систему Лиги Наций и спор об Аландских островах, пришел к выводу о том, что до принятия Устава ООН право народов на самоопределение представляло собой исключительно политический принцип [18, р. 498]. Такого же мнения придерживается и С. Р. Алексанян [13, с. 25].

В связи с тем, что основные аргументы о существовании международно-правового принципа самоопределения до принятия Устава ООН строятся главным образом на основе ст. 22 Версальского договора 1919 г. и Доклада Международной комиссии юристов по делу об Аландских островах, для достижения цели настоящей статьи целесообразно проанализировать эти источники на предмет отражения в них «ядра» принципа самоопределения народов.

28 июня 1919 г. в Версале (Франция) был подписан мирный договор, который завершил Первую мировую войну и стал основанием учреждения Лиги Наций. В ст. 22 данного договора устанавливалась мандатная система, закрепляя принципы управления колониями и территориями, населенными народами, «еще не способными самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира». По мнению А. К. Каграманова, это устройство, по сути, узаконило колониальную систему [10, с. 64].

Важно обратить внимание на то, что в данном положении содержалась обязанность «принять в соображение» пожелания соответствующих наиболее развитых народов при выборе Мандатария, а само мандатное управление должно было осуществляться до того момента, «когда они окажутся способными сами руководить собой».

Несмотря на это, представляется, что в ст. 22 Версальского договора 1919 г. отсутствует «ядро» международно-правового принципа самоопределения народов, так как необходимость принять во внимание указанные ранее «пожелания» не достигает уровня существенной значимости воли народа для определения его судьбы. Во-первых, у соответствующих народов отсутствовало право отказаться от Мандатария как такового; во-вторых, пожелание народа должно быть лишь «принято в соображение»; а в-третьих, соответствующая гарантия устанавливалась только для одной из категорий подмандатных территорий.

В 1920 г. Советом Лиги Наций была образована Международная комиссия юристов (далее — Комиссия) для рассмотрения спора о проведении для жителей Аландских островов плебисцита относительно их нахождения под суверенитетом Финляндии или вхождения в состав Королевства Швеции.

В Докладе¹ Комиссия указала на возможность использования принципа самоопределения народов как критерия при урегулировании территориальных споров, а также на то, что принцип, признающий право народов определять свою политическую судьбу, может применяться различными способами; наиболее важными из них являются, с одной стороны, образование независимого государства, а с другой — право выбора между двумя существующими государствами.

Вместе с тем в Докладе Комиссия подчеркнула, что хотя принцип самоопределения народов играет важную роль в современной политической мысли, особенно после Великой войны, в Статуте Лиги Наций он не упоминается и что признание этого принципа в ряде международных договоров не может рассматриваться как достаточное для того, чтобы поставить его на один уровень с позитивным правилом права народов. Более того, Комиссия обращает особое внимание на то, что после признания независимости Финляндии со стороны советского правительства она не отвечала некоторым существенным условиям существования государства, что политическая и социальная жизнь в ней была дезорганизована и что ее власти были недостаточно сильными для утверждения самих себя в качестве таковых. В значительной степени именно эти суждения Комиссии предопределили заявленные в резолютивной части ее Доклада выводы о том, что рассматриваемый спор не относится к категории вопросов, оставленных международным правом в сфере внутригосударственной юрисдикции Финляндии (п. 3 резолютивной части Доклада), и о том, что Совет Лиги Наций обладает необходимой компетенцией сделать в отношении данного дела рекомендации, которые он сочтет справедливыми и надлежащими (п. 4 резолютивной части Доклада).

Фактически Комиссия признала существование некоего принципа самоопределения народов. Но являлся ли этот принцип международно-правовым? Анализ ее Доклада не позволяет положительно ответить на данный вопрос. Даже если

¹ См.: Report of the International Committee of Jurists entrusted by the Council of the League of Nations with the task of giving an advisory opinion upon the legal aspects of the Aaland Islands question // League of Nations Official Journal. 1920. October. No. 3.

Комиссия признала существование принципа, в ее представлении он скорее имел политический характер и использовался для организации поствоенного международного порядка [18, р. 498].

Таким образом, основные аргументы, используемые для обоснования наличия правовой природы принципа самоопределения народов в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, нельзя считать в достаточной степени убедительными. Содержанием «ядра» данного принципа выступает обязанность придать существенную значимость воле народа для определения его судьбы. Потенциальное утверждение о правовой природе данного принципа предполагает установление наличия соответствующего международно-правового обязательства в рассматриваемый «критический» период. Как показало обращение к ст. 22 Версальского договора 1919 г. и к Докладу Комиссии с учетом определения «ядра» рассматриваемого принципа, в рамках режима Лиги Наций такого обязательства не существовало, а принцип самоопределения народов в этот период имел скорее политический, а не правовой характер.

Библиографический список

1. *Гарцль Б.* Открытие ящика Пандоры, или Как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косово) // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 5. С. 92–116.
2. *Cassese A.* Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 375 p.
3. *Суворов Г. А.* Международно-правовой статус города Иерусалима: основная юридическая проблема арабо-израильского конфликта // Международное правосудие. 2023. № 1(45). С. 120–153.
4. *Каграманов А. К.* Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 154–163.
5. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное: в 6 т. / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. Т. 4. 752 с.
6. *Elias T. O.* The Doctrine of Intertemporal Law // American Journal of International Law. 1980. Vol. 74, no 2. P. 295–307.
7. *Senaratne K.* A History of Internal Self-determination // Internal Self-Determination in International Law: History, Theory, and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 12–50.
8. *Rodriguez-Santiago E.* The Evolution of Self-Determination of Peoples in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 240 p.
9. *Козлихин И. Ю., Тимошина Е. В.* История политических и правовых учений. Курс лекций: учеб. пособие. М.: Проспект, 2022. 287 с.
10. *Каграманов А. К.* Происхождение, становление и развитие идеи самоопределения народов // Международное право и международные организации. 2021. № 1. С. 60–73.
11. *Lenin V. I.* The Socialism Revolution and the Right of Nations to Self-Determination on Institute of Marxism-Leninism. М.: Progress Publishers, 1968. 945 p.
12. *Ленин В. И.* Избранные произведения. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1982. 826 с.
13. *Алексамян С. Р.* Принцип равноправия и самоопределение народов в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 228 с.
14. *Hannigan R.* The Great War and American Foreign Policy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 368 p.
15. *Pomerance M.* Self-Determination in Law and Practice. Leiden: Brill, 1982. 138 p.
16. *Nawaz M. K.* The Meaning and Range of the Principle of Self-Determination // Duke Law Journal. 1965. No. 1. P. 82–101.

17. Толстых В. Л. Три идеи самоопределения // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 65–72.
18. Becker Lorca A. Petitioning the International: A 'Pre-history' of Self-determination // The European Journal of International Law. 2014. No. 2. P. 497–523.

References

1. Garzi B. Opening Pandora's Box, or How the Right to Self-Determination Incites Deceptive Passions (some international legal aspects of Kosovo's independence) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 5. P. 92–116.
2. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 375 p.
3. Suvorov G. A. International Legal Status of the City of Jerusalem: the Main Legal Problem of the Arab-Israeli Conflict // International justice. 2023. No. 1(45). P. 120–153.
4. Kagramanov A. K. The Right to Self-Determination of Peoples and the Emerging World Order // Current Problems of Russian Law. 2023. No. 4. P. 154–163.
5. Shershenevich G. F. Selected works: in 6 vol. Vol. 4 / Intro. word, comp.: P. V. Krasheninikov. M.: Statute, 2016. 752 p.
6. Elias T. O. The Doctrine of Intertemporal Law // American Journal of International Law. 1980. Vol. 74, No. 2. P. 295–307.
7. Senaratne K. A History of Internal Self-Determination // Internal Self-Determination in International Law: History, Theory, and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 12–50.
8. Rodriguez-Santiago E. The Evolution of Self-Determination of Peoples in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 240 p.
9. Kozlikhin I. Yu., Timoshina E. V. History of Political and Legal Doctrines. Course of lectures: textbook. M.: Prospekt, 2022. 287 p.
10. Kagramanov A. K. Origin, Formation and Development of the Idea of Self-Determination of Peoples // International Law and International Organizations. 2021. No. 1. P. 60–73.
11. Lenin V. I. The Socialism Revolution and the Right of Nations to Self-Determination on Institute of Marxism-Leninism. M.: Progress Publishers, 1968. 945 p.
12. Lenin V. I. Selected works. Vol. 2. M.: Publishing House of Political Literature, 1982. 826 p.
13. Aleksanyan S. R. The principle of Equality and Self-Determination of Peoples in Modern International Law: diss. ... cand. of Law. M., 2018. 228 p.
14. Hannigan R. The Great War and American Foreign Policy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016. 368 p.
15. Pomerance M. Self-Determination in Law and Practice. Leiden: Brill, 1982. 138 p.
16. Nawaz M. K. The Meaning and Range of the Principle of Self-Determination // Duke Law Journal. 1965. No. 1. P. 82–101.
17. Tolstykh V. L. Three Ideas of Self-Determination // Eurasian Legal Journal. 2014. No. 9. P. 65–72.
18. Becker Lorca A. Petitioning the International: A 'Pre-History' of Self-determination // The European Journal of International Law. 2014. No. 2. P. 497–523.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.24412/2227-7315-2024-2-303-308
УДК 659

П. А. Якушев

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК ПОНКИНА И. В., ЛАПТЕВОЙ А. И.
МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИТИКИ: УЧЕБНИК. 4-Е ИЗД.,
ДОП. И ПЕРЕРАБ.: В 2 Т. МОСКВА: БУКИ ВЕДИ, 2023.

P. A. Yakushev

REVIEW OF THE TEXTBOOK BY PONKIN I. V., LAPTEVA A. I.
METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH AND APPLIED ANALYTICS:
TEXTBOOK. 4TH IZD., SUPPLEMENT AND REVISION:
IN 2 VOL. MOSCOW: BUKI VEDI, 2023.

Три года назад в свет вышло первое издание учебника доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук, доцента А. И. Редькиной (Лаптевой) [1], посвященного методологии создания прикладных и теоретических аналитических исследований, в том числе диссертаций, научных монографий, докладов, статей, тезисов.

Первые три издания учебника получили положительные отзывы и рецензии ряда ученых [2–7]. В четвертом издании учебник в значительной степени переупорядочен, в него включены новые разделы, иллюстрации и авторские схемы. Если объем первого издания учебника составлял 365 страниц, то четвертое издание представлено двумя томами, первый из которых «Прикладная аналитика» объемом 500 страниц, второй «Научные исследования» — 640 страниц. Существенно возросло и количество цитирований: с 935 в первом издании до 2 703 в четвертом. Тем самым учебник выступает своеобразным «ссылочным хабом» — объемным библиотечным каталогом, используя который, читатель сможет найти библиографию по всем аспектам организации научной и аналитической работы.

© Якушев Павел Алексеевич, 2024

Доктор юридических наук, доцент, председатель первого судебного состава по рассмотрению гражданских дел в апелляционном порядке (Владимирский областной суд)

© Yakushev Pavel Alekseevich, 2024

Doctor of Law, Associate Professor, Chairman of the first judicial composition for the consideration of civil cases on appeal (Vladimir Regional Court)

Помимо принципиально новых тезисов и суждений в учебник вошли идеи, содержащиеся в ранее опубликованных научных работах авторов по вопросам методологии науки и прикладной аналитики [8–18].

Учебник формирует знания, умения и навыки в области методологии науки; обучает правилам выявления закономерностей и построения выводов, погружения в природу исследуемых явлений и предметов, учит обнаруживать связи и закономерности, продуцировать новые знания, а также систематизировать и достраивать существующие знания.

В учебнике содержатся ответы на вопросы о том, что такое прикладная аналитика и каковы ее инструменты, критерии и параметры, как готовить аналитиков и проводить аналитическую работу, как выстроить стратегию и тактику научного исследования, выбрать релевантные методы исследования и применить их, учитывая характер и сложность исследовательской проблемы, работать с эмпирикой, строить поисковые запросы, эвристические поисковые модели, производить оценку степени предшествующей исследованности предметно-объектной области.

Первый том «Прикладная аналитика», автором которого является И. В. Понкин, состоит из семи глав.

В первой главе «Понятие, онтология и общая теория прикладной аналитики» дается понятие прикладной аналитики, объясняется, кто такой аналитик, раскрывается онтология общей теории прикладной аналитики, рассматриваются вопросы соотношения прикладной аналитики и других, смежных исследовательских методологических подходов и технологий, в том числе фактографии и нормографии, рассматривается концепт и история «фабрик аналитики».

Вторая глава «Инструментально-функциональные сегменты и предметно-объектные области прикладной аналитики» начинается с исследования инструментально-функциональных сегментов (направлений) прикладной аналитики: предиктивная, прескриптивная, дескриптивная. Затем раскрываются предметно-объектные области прикладной аналитики: интеллектуальная, прагматическая, военная, правовая, инженерная, разведывательная, контрразведывательная.

В третьей главе «Подготовка и квалификация практиков-аналитиков» обосновывается необходимость обучения ремеслу, мастерству и искусству прикладной аналитики, рассматриваются задачи и особенности подготовки практиков-аналитиков. Затрагивается проблема отсутствия учебников и учебных программ по прикладной аналитике. Обобщаются и описываются подходы к подготовке практиков-аналитиков разной специализации. Приводятся некоторые методики подготовки в прикладной аналитике. Исследуется опыт, подходы и инструментарию подготовки аналитиков в зарубежных спецслужбах. Особое внимание уделяется формированию способностей критического мышления у практиков-аналитиков, а также методике постановки вопросов в деятельности практика-аналитика. Практическое значение имеет сформированный авторский формализованный перечень надлежащих знаний, умений, навыков, компетентностей и способностей практика-аналитика.

Глава четвертая «Критерии и параметры прикладной аналитики» посвящена дистинктивным (сущностным) и дескриптивным (описательным) параметрам прикладной аналитики. Описываются и объясняются отдельные параметры

процесса прикладной аналитики и прикладного аналитического продукта: аналитическая точность, аналитическая сложность, аналитическая беглость, аналитическая гибкость, аналитическая пронизательность, краткость, простота и системность, метакогнитивная дистанционность, оценочная и интерпретационная определенность, аналитическая системность и аналитическая зрелость.

В пятой главе «Технология и логистика прикладных аналитических работ» раскрывается логика выстраивания прикладного аналитического процесса, начиная с поиска данных и заканчивая аналитическим отчетом. Дополнительно в главе приводится авторский концепт онтологии как инструмента прикладной аналитики.

Шестая глава «Некоторые специальные методы прикладной аналитики» содержит подробный анализ методов прикладной аналитики, их природы, сферы и пределов их релевантной применимости. В частности, анализируются следующие аналитические методы: фреймирование, свертывание, развертывание, контраст, эксплицитно-структурированное, имплицитно-структурированное и дескриптивно-структурированное теоретизирование, упрощение, сценарное моделирование, SWOT-анализ, особое мнение в группе, обратное движение с конца, перенос, усложнение задачи, «рыбий скелет», древо текущей реальности, цветокодирование, карт ассоциации, тегирование, построение причинно-следственной матрицы, древо отказов, аналитическое аудирование, библиометрическая аналитика, аналитическая пирамида, опорные точки, оперирование конкурирующими гипотезами, аналитическое оперирование стержневыми факторами, мозговой штурм и синектика, ситуационно-логическая аналитика, морфологический анализ.

Глава седьмая «Девиантология прикладной аналитики» посвящена исследованию дефектов прикладной аналитики и ее девиантологии. Особое внимание уделяется когнитивным предубеждениям как источнику дефектов прикладных аналитических продуктов. Рассматриваются источники дефектов аналитического мышления и соответствующих когнитивных уязвимостей: харкинг, дефект логики, эвристическая ловушка выбора лучшего, эвристическая ловушка доступности, эвристическая ловушка репрезентативности и др.

Второй том «Научные исследования», написанный А. И. Лаптевой в соавторстве с И. В. Понкиным, включает восемь глав.

В первой главе «Понятие и онтология научных исследований» анализируются понятия «наука», «экспертиза», «объяснение», «научный концепт», «научное обсуждение», «научная аргументация», «идея». Авторами разработаны критерии, которым должны соответствовать экспертное исследование и экспертное заключение как результат такого исследования. Рассматриваются особенности проведения экспертизы в правотворческой деятельности. Практический и дидактический интерес представляет проведенное в главе исследование «значения учеников для состоявшегося в науке ученого и его мотивации заниматься ими», а также наставничества в науке и прикладной аналитике.

Вторая глава «Цитирование, ссылка, упоминание» имеет большое научное значение, поскольку цитирование — неотъемлемый элемент любого научного исследования и продукта, которому в науковедении уделяется повышенное внимание, учитывая, что наука движется вперед только в том случае, если исследования опираются на другие работы. В главе рассматриваются вопросы значения цитирования для науки, функционально-целевой нагрузки цитирования, использования упоминаний и ссылок, добросовестности цитирования, метода

массированного цитатного наполнения концептуальной матрицы. Представлены референтные юридические аспекты цитирования, в том числе понятие, содержание, природа и гарантии права на цитирование. Бесспорный интерес читателя вызовут положения главы об оригинальности научного текста и дефектности современных программных оболочек систем «Антиплагиат», о самоцитировании, а также о републикации автором своего ранее опубликованного произведения и о ретрагировании научной публикации.

В третьей главе «Дизайн, трассировка и конфигурация исследовательских работ» рассматриваются многообразные аспекты замысла, подготовки проекта произведения, обработки и презентации знаний, порядка внутренней логической организации текста произведения.

Дидактическую ценность имеет рассмотренный авторами в указанной главе комплекс вопросов о том, с чего начать исследование, и об «отправных точках исследования». Авторы также приводят рекомендации относительно построения разделов «Введение» и «Заключение» в исследовании.

Четвертая глава «Язык науки и прикладной аналитики» посвящена научному языку, который рассматривается авторами как специализированный язык, сформировавшийся под нужды науки и прикладной аналитики. Проанализированы и проиллюстрированы стили и техники научного письма, сформулированы авторские объяснения тому, в каких случаях в рамках правовой науки целесообразно (а в каких — нет) применение сложных конструкций научных формулировок и лексических конструкций.

Пятая глава «Параметры исследования и исследовательского продукта» посвящена раскрытию параметров содержательной глубины исследования, в том числе концептам теоретического насыщения, основательной теории, операциональности научной концепции. Анализируются параметры ясности, сложности, научной ценности и полезности, значимости, новизны, полноты, целостности, завершенности работы. Весьма полезными для исследователей и аналитиков (как начинающих, так и состоявшихся) станут разработанные и приведенные в пятой главе прикладные способы достраивания исследовательского продукта, повышающие его «наукоемкость», а также объяснение сущности вклада в науку и приращения научного знания.

В шестой главе «Элементы и форматы» рассматриваются сущность, роль и значение неотъемлемых элементов процесса создания аналитического продукта: черновики, конспекты, аннотаций и рецензий. Объясняются особенности планов-конспектов, автоконспектов, развернутых, кратких, а также смешанных конспектов.

В главе седьмой «Методы научных исследований» подробно раскрывается онтология, пределы и условия применения, а также виды научных методов, таких как анализ, синтез, абстрагирование, дедукция, индукция, классификация, моделирование, абдукция и др.

Глава восьмая «Некоторые частнонаучные правоведческие методы» посвящена отдельным специальным научно-юридическим исследовательским методам, таким как формально-юридический, юридико-телеологический, сравнительно-правовой, конкретно-исторический правоведческий.

Четвертое издание учебника содержит большое количество цитат из работ зарубежных авторов по вопросам методологии науки и прикладной аналитики. Многие сложные вопросы и аспекты рассматриваемых предметов и явлений весь-

ма удачно раскрыты на примерах, а также проиллюстрированы, что позволяет наглядно понять авторский замысел.

Учебник рассчитан как на аспирантов и докторантов, так и на научных руководителей и научных консультантов, а также всех, кто считает необходимым пополнить свои знания о методологии и аналитике.

Материалы учебника окажут существенную помощь при анализе судебной практики, подготовки тематических обзоров по делам различных категорий, рассматриваемых судами. В частности, учебник использован автором настоящей рецензии в аналитической работе во Владимирском областном суде.

Кроме того, учебник имеет значительный мотивирующий характер и потенциал.

Можно констатировать, что в российской науке появилось актуальное и востребованное фундаментальное исследование, направляющее на верный гносеологический путь и предоставляющее необходимый для эффективной и качественной научной и аналитической работы методологический инструментарий.

Библиографический список

1. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. М.: Буки Веди, 2020. 365 с.
2. Аристов Е. В., Кузнецов М. Н. Каждый ученый обязан своими достижениями своему учителю и своим учебникам // Современное общество и право. 2020. Т. 6, № 1. С. 90–94.
3. Баранова М. В., Блинкова Е. В. Качество научных исследований по юриспруденции и эффективность руководства ими: рецензия на 2-е издание учебника И. В. Понкина и А. И. Лаптевой «Методология научных исследований и прикладной аналитики» (М.: Консорциум «Аналитика. Право. Цифра», Буки Веди, 2021. 567 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1(57). С. 285–288.
4. Догадайло Е. Ю. Как научить исследователя исследовать? // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6. С. 34–36.
5. Камышанский В. П. Рецензия на учебник Понкина И. В., Редькиной А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики // Власть Закона. 2020. № 2. С. 216–221.
6. Мельков А. С. Рецензия на учебник «Методология научных исследований и прикладной аналитики» // Studia Humanitatis. 2020. № 3.
7. Морева С. Л., Соловьев А. Ю. Научение науке молодых ученых: по каким учебникам и методикам? Рецензия на второе издание учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики», авторы – И. В. Понкин и А. И. Лаптева (Редькина) // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5(197). С. 31–34.
8. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология науки: абдукция; гипотеза // Копирайт. 2019. № 3. С. 32–58.
9. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология науки: аксиоматический метод научного исследования // Копирайт. 2019. № 4. С. 61–78.
10. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология науки: инженерный стиль научного письма (короткие формулировки в научном исследовании) // Право и образование. 2019. № 8. С. 17–22.
11. Понкин И. В. Методология науки: дизайн научного произведения (продукта) // Вопросы культурологии. 2019. № 11. С. 64–71.
12. Понкин И. В. Понятие «аналитика» // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Vol. 7, no. 10. С. 80–90.
13. Понкин И. В. Методология науки: начало исследовательского пути // Право и образование. 2020. № 1. С. 4–14.
14. Понкин И. В. О роли и значении конспекта в научных и прикладных аналитических исследованиях // Администратор образования. 2021. № 1. С. 38–39.

15. *Понкин И. В.* Методология науки и прикладной аналитики: фактография и прикладная аналитика // *Право и образование*. 2021. № 8. С. 4–12.
16. *Понкин И. В., Лантева А. И.* Методология науки и прикладной аналитики: аналитические инструменты оценки научного вклада // *Право и образование*. 2022. № 3. С. 4–16.
17. *Понкин И. В.* Короткие простые формы в прикладном аналитическом продукте // *Вопросы культурологии*. 2023. № 2. С. 132–141.
18. *Понкин И. В.* Школа прикладной аналитики: прикладное аналитическое письмо // *Вопросы культурологии*. 2023. № 5. С. 384–393.

References

1. *Ponkin I. V., Redkina A. I.* *Methodology of Scientific Research and Applied Analytics: textbook*. Moscow: Buki Vedi, 2020. 365 p.
2. *Aristov E. V., Kuznetsov M. N.* Every Scientist Owes His Achievements to His Teacher and His Textbooks // *Modern society and law*. 2020. Vol. 6, no. 1. P. 90–94.
3. *Baranova M. V., Blinkova E. V.* The Quality of Scientific Research in Jurisprudence and the Effectiveness of Their Management. Review of the 2nd edition of the textbook by I. V. Ponkin and A. I. Lapteva “Methodology of Scientific Research and Applied Analytics” (Moscow: Consortium “Analytics. Law. Digit”, Buki Vedi, 2021. 567 p.) // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 1(57). P. 285–288.
4. *Guessailo E. Y.* How to Teach a Researcher to Explore? // *Law and the State: Theory and Practice*. 2020. No. 6. P. 34–36.
5. *Kamyshansky V. P.* Review of the textbook by *Ponkin I. V., Redkina A. I.* “Methodology of Scientific Research and Applied Analytics” // *Power of Law*. 2020. No. 2. P. 216–221.
6. *Melkov A. S.* Review of the textbook “Methodology of Scientific Research and Applied Analytics” // *Studia Humanitatis*. 2020. No. 3.
7. *Moreva S. L., Solovyov A. Yu.* Teaching Science to Young Scientists: According to Which Textbooks and Methods? Review of the second edition of the textbook “Methodology of Scientific Research and Applied Analytics”, authors – I. V. Ponkin and A. I. Lapteva (Redkina) // *Law and the State: Theory and Practice*. 2021. No. 5(197). P. 31–34.
8. *Ponkin I. V., Redkina A. I.* *Methodology of Science: Abduction; Hypothesis* // *Copyright* 2019. No. 3. P. 32–58.
9. *Ponkin I. V., Redkina A. I.* *Methodology of Science: Axiomatic Method of Scientific Research* // *Copyright* 2019. No. 4. P. 61–78.
10. *Ponkin I. V., Redkina A. I.* *Methodology of Science: Engineering Style of Scientific Writing (short formulations in scientific research)* // *Law and Education*. 2019. No. 8. P. 17–22.
11. *Ponkin I. V.* *Methodology of Science: Design of a Scientific Work (product)* // *Questions of Cultural Studies*. 2019. No. 11. P. 64–71.
12. *Ponkin I. V.* The Concept of “Analytics” // *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. Vol. 7, No. 10. P. 80–90.
13. *Ponkin I. V.* *Methodology of Science: Beginning of the Research Path* // *Law and Education*. 2020. No. 1. P. 4–14.
14. *Ponkin I. V.* On the Role and Significance of the Abstract in Scientific and Applied Analytical Research // *Administrator of Education*. 2021. No. 1. P. 38–39.
15. *Ponkin I. V.* *Methodology of Science and Applied Analytics: Factography and Applied Analytics* // *Law and Education*. 2021. No. 8. P. 4–12.
16. *Ponkin I. V., Lapteva A. I.* *Methodology of Science and Applied Analytics: Analytical Tools for Evaluating Scientific Contribution* // *Law and Education*. 2022. No. 3. P. 4–16.
17. *Ponkin I. V.* Short Simple Forms in an Applied Analytical Product // *Questions of Cultural Studies*. 2023. No. 2. P. 132–141.
18. *Ponkin I. V.* *School of Applied Analytics: Applied Analytical Writing* // *Questions of Cultural Studies*. 2023. No. 5. P. 384–393.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В феврале – апреле 2024 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

21 марта — Плотниковой Инной Николаевной на тему «Экономическая свобода личности в России: конституционно-правовое исследование».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Т. В. Заметина.

5 апреля — Потапенко Евгением Георгиевичем на тему «Специализация и унификация цивилистического процессуального права».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный консультант — доктор юридических наук, профессор С. Ф. Афанасьев.

26 апреля — Газизуллиным Ришатом Ильнуровичем на тему «Правовая концепция социальной ответственности бизнеса».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Ф. И. Хамидуллина.

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

28 февраля — Хохловой Еленой Васильевной на тему «Незаконные действия с персональными данными: уголовно-правовое исследование».

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент М. Н. Урда.

29 февраля — Сафоновым Андреем Юрьевичем на тему «Финансово-правовое регулирование налоговых расходов в Российской Федерации».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор М. Б. Разгильдиева.

29 февраля — Швецовою Ириной Васильевной на тему «Бюджетное кредитование как самостоятельное направление финансовой деятельности публично-правовых образований в Российской Федерации».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Е. В. Покачалова.

1 марта — Илюшниковым Дмитрием Сергеевичем на тему «Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент А. В. Чекмарева.

1 марта — Юдиным Игорем Васильевичем на тему «Заключение о результатах экспертизы как средство доказывания в гражданском судопроизводстве».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент Т. В. Соловьева.

1 марта — Дубровиной Юлией Яковлевной на тему «Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Т. В. Заметина.

18 апреля — Увайдовым Максимом Иосифовичем на тему «Государственный контроль (надзор) в агропромышленном комплексе».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А. Ю. Соколов.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1. Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц — внизу по центру; поля — все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее количество страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.). Ссылки на нормативные правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору сохраняются. Файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М. И._статья»).

1.2. Каждая статья или другие материалы должна начинаться: а) индексом УДК; б) сведениями об авторе(ах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны); в) названием; г) аннотацией (введение, цель, методологическая основа, результаты, выводы) объемом 100–150 слов (не должна повторять название и основное содержание текста); д) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

2. Оформление рисунков и таблиц: таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над таблицей с выравниваем по центру (для рисунков – под рисунком с выравниванием по центру). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

3. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

4. Рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с опубликованием рукописей, принимаются по тел. (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. В частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, им. Н. Г. Чернышевского ул., зд. 104, стр. 3

Тел.: (8452) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>